

КИРИМИЗЕ ЖАНЭ

**АУЛ
ШАПСОҒ
УЛЫБАЕТСЯ**

НОВИНКИ-СОВРЕМЕННОИКА

Киримизе Жанэ

Аул Шапсуг
улыбаётся

Рассказы

Авторизованный перевод
с адыгейского

Л. Плескачевского

«Современник»
Москва
1979

Жанэ К.

Ж32 Аул Шапсуг улыбается: Рассказы./Авториз.
пер. с адыг. Л. Плескачевского. — М.: Современ-
ник, 1979. — 303 с. (Новинки «Современника»). —
В вып. дан. авт.: Киримизе Хаджемусович Жанэ.

Киримизе Жанэ — поэт, он живет и работает в Адыгейской ав-
тономной области, где редко хмурится голубое небо, мчатся полно-
водная Кубань и радуют глаз щедрые черноземные поля.
Как и знакомые русскому читателю стихи, свою первую про-
заическую книгу автор посвятил отчужденному краю. В ней он рассказы-
вает о своих земляках, гордится добрыми делами хлеборобов и
землепашцев, не боится звать едким словом туземцев и стяжа-
телей.

Ж 70303—059 БЗ-86-12-78 4702050000 С (Кав)
М106(03)—79

Небо
над Эльбрусом

Вместо
предисловия

Когда я увлекался одной лишь поэзией, отношения
мой с земляками напоминали небо над Эльбрусом в яс-
ный солнечный день.

Ты видел когда-нибудь это небо, читатель? Если
нет, приезжай в аул Ходзь, поднимись на верхнюю тер-
расу, где в позапрошлом году бригада Аскерби Берзе-
гова разбила памятный сад, стань поудобней и посмо-
три на юго-запад. Там ты увидишь небо над Эльбрусом.
Оно нежно-голубое, но не просто голубое, а самое что
ни на есть бледно-голубое. Будь это небо еще чуток
голубее, оно совсем потеряло бы цвет, стало прозрач-
ным. Как вода в речушке Ходзь.

И эту вот почти невероятную голубизну поддержи-
вает Эльбрус своей ослепительно белой вершиной. Она
похожа на обнаженную голову старого великана. Но
если мысленно представить эту голову в папахе из се-
рого каракуля, то, конечно, небо под ней будет совсем
иного цвета. Поэтому повторяю: до той поры, пока я
увлекался одной лишь поэзией, отношения моя с зем-
ляками напоминали небо над Эльбрусом в ясный сол-
нечный день.

Вижу: мой самый внимательный и придирчивый чи-
татель, сын соседа Аледжука Алий, сдавший экзамены
за восьмой класс на «отлично» и на этом основании
считающий себя умнее многих, уже готов задать мне
каверзный вопросик:

— Послушай, Киримизе, а зачем тебе ехать в Ходзь?
В Нальчике небо над Эльбрусом ничуть не хуже.

В ответ я мог бы так осадить этого акселерата, что
он вовек закаялся бы задавать старшим ехидные во-

просы. Но я сдерживаюсь. Зелен он еще, Алий, пусть порезвится. В сущности Алий очень добрый малый; однажды он здорово выручил меня, по своему простодушию раскрыв глаза на некоторые обстоятельства. Если придется к слову, я расскажу об этом. Имея в виду все вышесказанное, я лишь слегка потрелал Алия по его смоляным волосам и сказал:

— Большое, мой друг Алий, видится на расстоянии.

Вернусь, впрочем, к предмету нашего первоначального разговора: когда я увлекался одной лишь поэзией, аульчане поддерживали со мной самые добрые отношения. Проявлялось это по-разному. Завидит меня возле колхозного клуба кто-нибудь из старых знакомых, издали рукой машет:

— Киримизе, салам!

Мы идем навстречу друг другу, шагов за десять он начинает широко улыбаться, в пяти шагах разворачивает руки, как любят выражаться инструкторы физкультуры, на уровне плеч, а затем ускоряет шаг и, налетев на меня, заключает в мощные объятия. Похлопав по спине что есть силы, словно я подавился рыбьей костью, он слегка отталкивает меня и начинает:

Может дед не есть, не пить,
Но не может не курить,
Только встанет — трубку в рот,
И сосет ее, сосет...

Пока он читает стихи из моей детской книжки, вокруг нас собирается изрядная толпа. Я чувствую себя в ней, как арбуз, выросший вдруг среди амброзии. Все мне улыбаются, жмут руки, каждый находит какое-нибудь слово, чтобы подбодрить меня. Раздаются вопросы вроде: «Ну, как дела, стихоплет?» или «Покажи, Киримизе, что ты там еще накалякал».

Эта идиллия кончилась в день публикации первого моего рассказа. Ничего особенного я не написал. Более того, ни слова не выдумал, только заменил имя героя. Рассказал историю, приключившуюся с одним нашим общим знакомым, которого одолела алчность, Ибрагим, так я его назвал, скупил у аульских хозяек яйца, чтобы перепродать их в городе на базаре. А когда привез их на городской рынок, оказалось, что во всех магазинах полно яиц. Да каких — крупных, прозрачных, с овальными оранжевыми печатями с отчетливой датой — когда именно курица их снесла. Эти печати доконали

Ибрагима: он вообразил, будто у городских кур появился в густе специальный штампик. Женщины подняли его на смех.

— Что выдумал — полтора рубля за десяток! — кричали они.

— Мы за рубль двадцать покупаем, да еще с печатями.

Ибрагим вынужден был пустить яйца по ценам, которые на мировом рынке называются демпинговыми, то есть продал их ниже себестоимости. Так рассказ и назывался: «Как Ибрагим до демпинга дошел».

Я едва дождался вечера. Принарядившись, отправился к клубу. «Вот, думаю, встречу друзья устроят...»

Но тут-то я и узнал впервые, что земляки, которые радовались каждому моему стихотворению, почему-то недолгобывают прозу. В этот вечер меня никто не заключал в объятия, не хлопал по спине, не называл стихоплетом. Меня встретило настроенное молчание. Лишь один Алий, как обычно вертевшийся среди взрослых, поглядывал на меня сочувственно.

— Что случилось, друзья? — спросил наконец я у тех, кто стоял поближе.

И тут посыпались реплики:

— Еще и спрашивает... Оpozорил наш аул так, что дальше некуда, и еще спрашивает...

— О чем ты думал, дорогой, когда сочинял свой поклеп?

А старый Махмуд, стукнув палкой о землю, прогудел:

— Воспитали-таки на свою беду... Выкормили, взлелеяли. А он...

Я не знал, куда глаза девать. Неужели уйти с позором? Неужели никто слова не скажет в мою защиту? И вдруг оно прозвучало, это слово.

— Что вы на него напали, как волки на барана? — крикнул вдруг председатель сельпо, человек ранее в общем-то довольно равнодушно относившийся к моим литературным делам. — Разве вы еще не поняли, что ему все одно — у него глаза на затылке?

Все заулыбались, и я вздохнул свободней: теперь можно было с честью покинуть поле боя. Схватив Алия за руку, я громко сказал:

— Ну, сорванец, пошли, мама твоя уже, наверное, беспокоится.

Алий безропотно ползл за мной. И лишь у своей калитки мальчишка шепнул:

— Послушай, Киримизе, зачем тебе писать про плохое? Тхамат¹ сказал, что стыдно сор из избы выносить.

Я задумался. Что же, может, устами именно этого рослого младенца, глаголет истина. В конце концов он ведь пересказывает то, что слышал от взрослых. Выходит, надо писать только о хорошем, и все будут довольны.

И спорить трудно — в нашем ауле хоть отбавляй материала для положительных рассказов.

И тут я сразу вспомнил о комбайнере Аскере. Вспомнил — и обрадовался. Обрадовался и написал. Конечно, кое-что пришлось заменить. В жизни Аскер, например, почти после каждой фразы любил добавлять: «Вот такая хреновина, парень». И он это делал всегда, с кем бы ни разговаривал. Оставил как-то возле его комбайна свой «газик» председатель райисполкома, спрашивает:

— Сколько ты сегодня намолотил, Аскер?

Аскер высунул голову из-под комбайна и крикнул:

— Четырнадцать бункеров, вот такая хреновина, парень.

Председатель поморщился и задал новый вопрос:

— А сейчас чего ты стоишь?

— Некуда зерно осыпать, вот такая хреновина.

Председатель буркнул еще что-то и полез в свой «газик», но его остановил голос Аскера:

— Тхаматэ, погоди... Может, хочешь холодненькой водички? С газом?

Председатель, тучный человек, снова вылез из машины, лицо его оживилось.

— Давай, — сказал он. — Жара такая, что дышать нечем, я еще пока доберусь до Адамия...

Аскер вдруг стал грустным.

— Я тоже не против водички холодной попить... с газком... — сообщил он. — Вот такая хреновина.

— Ну, давай скорей. Где она у тебя?

— Кто?

— Да вода же! С газком...

Аскер почему-то прищурился.

¹ Т х а м а т — председатель.

— С газком? — переспросил он. — А мне и без газка еще воду не привозили. Во рту как в духовке — можно картошку печь, а если не по вкусу — варить яйца, вот такая хреновина, парень.

Председатель, говорят, очень обиделся. Он молча полез в машину и уже оттуда помахал кулаком:

— Я те покажу хреновину, чертов сын, ты у меня еще попляшешь!

Докладывая об этом друзьям, Аскер добавлял, ухмыляясь в усы: «Ровно через двадцать минут ко мне стали подходить самосвалы за зерном, а через час шофер тхаматэ привез корзину, набитую льдом, из которого торчали горлышки бутылок с лимонадом. Вот такая хреновина».

В рассказе вместо не очень литературного слова «хреновина» я написал «штукovina». Вот и все, что я заменил в образе комбайнера, остальное описал точно так, как оно происходило в жизни.

Должен признаться, что мне лично мое сочинение очень понравилось, похвалил меня и редактор. В первое же воскресенье я снова оказался в родном ауле. Дома меня встретили необычно ласково. Надо заметить, что сентиментальность чужда адыгейским традициям, и я чувствовал себя немного неловко. «Вот что значит одна сильная вещь», — думал я, улетаая все, что стояло на столе.

Во время еды я заметил, что родные то и дело бросают тревожные взгляды в окна, выходящие на улицу. Повернувшись к окну, понял, в чем дело. На улице, неподалеку от нашего дома, собралась толпа. Я с трудом сдержал самодовольную улыбку: пришла наконец, отыскала меня эта плутовка — слава. Никогда не ожидал таких эмоций от своих в высшей степени невозмутимых землячков. Наскоро допив кофе, стал собираться.

— Уж не на улицу ли ты? — забеспокоилась мать.

— Пора, — стараясь казаться спокойным, подтвердил я. — Давно с земляками не толковал.

Брат вздохнул:

— Лучше посидел бы с нами.

Я вообразил, будто они пекутся о моей скромности, не хотят, чтобы выглядел зазнайкой. Но такая опасность, на мой взгляд, мне не угрожала, и я вышел на улицу. Как всегда, за мной тотчас увязался Алий.

Но, увы, встретили меня еще хуже, чем после первого рассказа. Люди поглядывали на меня не просто настороженно, а с нескрываемой подозрительностью. В ответ на мое приветствие один старый знакомый сердито спросил:

— Киримизе, ты что же, твердо решил обесславить наш аул?

Пока я подыскивал подходящий ответ, послышалась другая реплика:

— Он, видно, такая птица, которая делает свой дед, не вылетая из гнезда. Теперь весь свет узнает, как неуважительно мы относимся к старшим.

Тут мои мысли совсем смешались — я не мог понять, чем так разбидел земляков. Надо было уходить, но как же уйти, не сказав ни слова. К счастью, меня снова выручил председатель сельпо.

— Вы опять на него нападаете, как аист на лягушку? Забыли, что я вам говорил: ему все одно — что спереди, что сзади.

Это подействовало. Все заулыбались, а я, подхватив Алия, пошел к дому. Вот тут-то этот шалопаи и оказал мне услугу, за которую я ему и по сей день благодарен. Он спросил:

— Послушай, Киримизе, а ты знаешь, кто одинаково видит спереди и сзади?

— Нет, — пробормотал я. Вопрос этого юного джигита здорово озадачил меня. Я действительно не знал, кто одинаково видит спереди и сзади.

— А ты знаешь?

Алий хмыкнул: еще бы!

— Ну?

— А ты драться не будешь?

— Вот уж...

— Ну, смотри, ты сам так захотел... — На всякий случай Алий сделал два шага к своему дому. — Наш учитель говорит, что одинаково видит спереди и сзади слепая лошадь.

Войдя в дом, я долго пил ледяную колодезную воду. И тут услышал материнские слова:

— И в твоём положении, Киримизе, есть выход.

— Какой же? О плохом — нельзя, о хорошем тоже нельзя.

— Пиши, Киримизе, о плохом, о хорошем, о чем и о ком хочешь, — сказала мать. — И даже фамилии называй,

являй, имена, люди все поймут. Но не упоминай название аула. Наши любят свой аул, вот в чем дело. Они не пощадят туеядца, могут посмеяться и над добрым товарищем, но над аулом смеяться никому не позволят.

И тогда я придумал своему аулу псевдоним: аул Шапсуг. В третьем рассказе действие происходило именно в этом ауле. Один мой земляк тракторист Амирзан выиграл по лотерее крупную сумму. Было у него три дочери: пяти, трех лет и годовалая Гошнаг. И решил Амирзан: выигрыш поровну разделить между дочерьми, пусть у них будет приданое. Потом стал Амирзан развивать эту идею. Дескать, положу деньги на книжку, а там, глядишь, вещи подорожают. Худо. Или спрячу в комод, а там, глядишь, денежная реформа, совсем плохо. Вот так он рассуждал, Амирзан, и пришел к выводу, что лучше всего, так сказать, «отоварить» приданое. Сказано — сделано. Пошел Амирзан в сельмаг и купил три одинаковых шифоньера, три комода и три буфета. Уже и продавцы стали отговаривать Амирзана от этой затеи. Но то был не человек, а сопряженный железобетон: уж если что втемяшится, зубилом не выбьешь. Привез Амирзан три комплекта мебели, а того и не учел, что разместить ее в квартире негде. Поставил в сарай. Ничего, думает, с ней не случится, не деньги...

Я забыл сказать — старшенькую дочь Амирзана звали Чебохан. Так вот не успела еще Чебохан в школу пойти, как мебель расклеилась и рассыпалась...

После этого рассказа я недели две не рисковал появляться в ауле — историю амирзановского приданого знал каждый ребенок, да и сам Амирзан еще был не стар, а дочери его все еще ходили в школу. И хотя я переселил его в аул Шапсуг, надеяться на амнистию не мог. Но, говорят, сколько ни уваливай, ответ держать придется. И вот я в ауле. Не успел с автобуса сойти, как меня окружили земляки.

— Салам! Салам, Киримизе!

И — приветливые улыбки.

— Ну и молодец же ты, — сказал один. — Ну и разделал же ты этот чертов Шапсуг. Будут помнить, тихони...

— Сколько же, брат, в тебе желчи, — с удовольствием заметил другой. — Счастье, что ты переключился на общие темы.

Тут на мотоцикле подскочил Амирзан.

— Здорово! — крикнул он и от удовольствия хлопнул машину по бензобаку так, что с него слетела крышка. — Вот порадовал, друг. Живут же в этом Шапсуге олухи. Садись, Киримизе, подвезу. Послушай! — вдруг встрепенулся он. — Давай прямо ко мне, я сегодня ба-рана резал.

И теперь, хотя я и продолжаю увлекаться прозой, отношения мои с аульчанами постоянно улучшаются и порой даже напоминают небо над Эльбрусом в ясный солнечный день.

Так появилась эта книжка рассказов о моем ауле и моих земляках. Ее отдаю на твой суд, читатель.

Чем пахнет земля

Детство оставило мне много ярких воспоминаний. Одно из них — о Джегунае.

Джегуна вспоминал я в педагогическом училище, когда приходилось встречаться с расхлябанностью, нерадивым отношением к занятиям.

«Нет на тебя Джегуна, — иной раз про себя, а когда и вслух говаривал я. — Сразу бы перестроился...»

Джегуна вспоминал и в институте, и в военном училище, и, как это ни горько признавать, даже на фронте: и там попадались люди, на которых хотелось напустить Джегуна.

В ауле проживало немало людей, которыми мы, мальчишки, откровенно восхищались. Один в праздничные дни появлялся в гимнастерке с орденом Боевого Красного Знамени. Другому посчастливилось увидеть Ленина. Третий первым оседлал трактор, был на совещании в Кремле и слушал больших руководителей. Все эти люди возбуждали у нас жгучую зависть, неистовое восхищение, переходящее в обожание. Встречаясь с кем-либо из них, мы, затаив дыхание, громко здоровались, а потом долго глядели вслед. Какие только мысли не роились в такой момент в ребячьем воображении.

О наших героях мы знали буквально все: как они одеваются, как относятся к тому или иному человеку, какое у кого любимое словцо.

И вот однажды мое детское воображение было потрясено новостью: оказывается, в ауле есть еще одна

знаменитость. Ее боятся даже те, кто не боятся самого тхаматэ — грозного председателя. Узнал я об этом случайно — нечаянно стал свидетелем разговора между двумя колхозниками. Было это на току, во время уборки кукурузы. Один собрался прихватить с собой кошелку кукурузы. Другой, заметив это, сказал:

— Не советую... Говорят, Джегун где-то тут ходит. Первый тотчас опорожнил кошелку.

— Спасибо, — сказал он. — Вот бы влопался. Он же, говорят, в первой бригаде был?

— Был там, теперь тут. За ним не угонишься.

Они разошлись, а я стоял и думал: какого это Джегуна так боятся? В ауле Джегунов было не так уж много. Джегун — учитель математики. Того из школы клещами не вытащишь. Конечно, не о нем речь. Другой — скотник, он и вовсе в поле не бывает, день и ночь на ферме или пастбище. Третий — дед Джегун. Невысокий, прямой, опрятный старик. Рядовой колхозник. И характер у него покладистый, и должность его не давала никаких прав. Выходит, в ауле имелся еще один Джегун. Вечером спросил об этом отца. Оказалось, что побаивались именно рядового Джегуна, деда Джегуна. Одного его слова достаточно для того, чтобы человек опомнился. И, как я сам убедился, даже предположения о том, что Джегун может сделать замечание, иным вполне хватало.

— А почему с ним так считаются? — спросил еще я. Отец бросил на меня недоуменный взгляд.

— Да ведь это же Джегун, — произнес он таким тоном, будто одно его имя все разъясняло.

Слова отца подтверждали незыблемость авторитета Джегуна, но суть дела не разъясняли. И я по свойственной каждому мальчишке любознательности решил лично приглядеться к Джегуну. Сделать это было не трудно — времени свободного в те годы у меня имелось вдоволь. Как-то увидел его на сенокосе. Невысокий, ладный, он шел первым и размеренно махал косой. Ровные, широкие строчки оставались за ним. Другие заметно притомились, от них валило паром, а Джегун все шел и шел, будто перелистывал страницы книги. Дошел до края луга и, не оглядываясь, стал не спеша крутить сигарку. Он успел выкурить ее, пока остальные добрались до него. Вот и все, что я увидел. Тогда я так и не понял, что в этом была вся суть, что ему в труде не было равного,

и именно это придавало неоспоримый, непрерываемый вес его словам. Сам все делал хорошо и того требовал от других.

Однажды я стал свидетелем разговора Джегуна с трактористом. Он остановил машину, вызвал из кабины водителя и, глядя на борозду, стал ему разъяснять, что так пахать нельзя.

— Аллах тебя накажет, — кричал Джегун. — Тебе доверили такую землю... такую землю... А тыковыряешь ее, как в твою пустую голову взбредет.

Он нагнулся, взял ком земли, понюхал, лицо его расплылось в улыбку.

— Чувствуешь, как она пахнет?

Повторяю, в те годы я так и не понял, почему слово Джегуна столь веско. Но в том, что оно — закон для каждого, убеждался еще много раз. Потом уехал учиться. Потом воевал. Потом работал в городе, а в родной аул наезжал как гость. С Джегуном мне не раз приходилось встречаться на собраниях, в сельсовете, просто на улице. Он был все таким же — прямым, аккуратным, собранным. Говорил редко, но зорко ко всему присматривался.

В то время, когда у нас часто менялись председатели колхоза, Джегун был особенно активен. Потом дела пошли в гору, и старик, казалось, поостыл. В последние годы он совсем редко появлялся в поле, да и то больше для собственного удовольствия.

И вдруг узнаю: минувшим летом Джегун снова взялся за свое. В колхозе на уборку пшеницы прибыли грузовики из Краснодара. Они перевозили зерно от комбайнов к токам. Пересекая дорогу, Джегун увидел почку золотистых зерен. Забыв о том, куда направлялся, старик двинулся по следу. Так он дошел до тока. Здесь машин было много, и Джегун остановился в нерешительности. Среди школьников, работавших на току, был и мой сосед Алий. Он-то все это видел и слышал.

Постояв с минуту у ворот, Джегун направился к грузовикам, которые ждали обедавших водителей. Легко взобравшись в кузов первой машины, старик внимательно осмотрел ее и полез во вторую, а затем в третью.

За ним неотрывно следили обедавшие шоферы.

— Что этому старику нужно? — заносчиво спросил один из них.

— Это Джегун, — ответил один из колхозников.

— Ну и что? Пусть хоть сам Магомет, какое ему дело до наших машин?

Ответ на этот вопрос дал сам Джегун. Став во весь рост в третьей машине, он крикнул:

— Эй, рулевой этой машины, иди-ка сюда...

— «Рулевой»... — расхохотался шофер. — Ну, я, чего тебе, дед?

— Иди сюда, — прозвучал на весь ток неожиданно властный голос Джегуна.

— Победаю и приду, — уже недоуменно ответил шофер. — А ты слезай с машины. Тоже мне, «рулевой».

— Такого, как ты, мы кормить не будем. Говорю тебе — иди сюда...

Шофер, видно решив, что в его машину забрался какой-то пожилой начальник, нехотя положил вилку.

— Ну что?

— Лезь сюда. Это что? Не видишь? Щель, вот что это, раззява. От комбайна и до тока хлебный след за тобой тянется.

— И это все? Из-за этого ты отнимаешь у меня дорогое время? Поесть не даешь?

Но Джегун не обращал на него внимания.

— Кимчерий, — обратился он к заведующему током. — Пока этот разгильдяй не починит свою машину, не допускай его ни к работе, ни к еде.

Сказав это, Джегун слез с машины и направился к воротам.

— Хлопцы, что же это такое? — шофер стал оглядываться, ища поддержки. Но все молчали, даже его приятели. Лишь один Алий, расхрабрившись, крикнул:

— А ты как думал? Смотри, Джегун за такие потери еще привлечет тебя...

Вздыхнув, шофер полез за инструментом.

А совсем недавно мне посчастливилось присутствовать при приеме в колхоз выпускников школы. Когда начальство закончило свои речи, слово предоставили Джегуну. Старик не пошел на трибуну. Напротив, взяв со стола накрытое полотенцем блюдо, он стал посреди зала и поманил ребят к себе.

— Что это? — спросил, когда вокруг него собралась толпа.

Джегун сдернул с блюда полотенце, и все увидели землю.

— Верно, земля, — подтвердил он. — Но не просто земля, дорогие мои, а наша земля. Та земля, которая нас поит и кормит. Та земля, которая кормила наших предков и будет кормить наших правнуков. Пригляди-тесь к ней: такого чернозема нет нигде. Не думайте, буд-то я преувеличиваю, это действительно так. В войну, когда наша область была временно оккупирована, гит-леровцы вывозили отсюда наш скот, угоняли в неволю людей. А один фашистский генерал решил украсть на-шу землю. Он пригнал сюда колонну грузовиков и за-ставил солдат снимать и грузить в машины полуметро-вый слой чернозема. Целый состав земли угнал он в свое имение. Будь он проклят. Раньше, когда я наклон-ялся к земле, я чувствовал дыхание весны, хлеба и думал: наверно, так щедра наша земля потому, что про-питалась потом многих поколений хлеборобов. А в годы войны еще кое-что узнал. Это и есть самое главное: не только потом, но и кровью полита она. Много ее было пролито, чтобы лежала она на своем месте. И оттого стала эта земля еще дороже нам, еще роднее.

Стояла мертвая тишина. Слышно было биение юных сердец и неровное дыхание старика.

Джегун держал в обеих руках блюдо. К нему без толкотни, в какой-то торжественной медлительности подходили парни и девушки. Склонившись над блюдом, они вдыхали запах родной земли и отходили.

Последним подошел я...

Да, мне надо было прожить долгую, трудную жизнь, чтобы понять, почему слово Джегуна — закон для всех.

Татлюстен и воздушные ямы

Татлюстен Натхо уже был стариком, когда я еще только начинал ходить в школу. Но, несмотря на воз-раст, он время от времени, как говорили его сверстники, «что-то выкидывал» или «отбивался от отары». Старики соберутся, чтобы поговорить об аллахе, о Мекке, о мул-ле, а он достает из бокового кармана черкески газету «Социалистическэ Адыгей» и вдруг спрашивает:

— А вы знаете, где поджигатели войны собираются высадить войска?

Меджид, один из самых глубоких стариков аула, очень богомольный старик, фыркает.

— Спрячь свою газету, неверный, — кричит он. — Что нам до того, где высадятся поджигатели войны, будь они трижды прокляты! Я говорю, у нас теперь нет ни одного хаджи¹. До чего дошло — вместо того, чтобы ид-ти в Мекку, наши старики слушают радио, а молодые ездят на курорты, где ничего путного нет. А кто вино-ват? Ты! Кто стучал палкой по столу председателя, что-бы радио провели? Ну, кто?

Татлюстен не особенно отбивался от обвинений:

— Э, вспомнил, когда это было! Сто лет назад. Те-перь ты сам чуть не избил внука за то, что он не во-время отвез приемник в ремонт.

— Ладно, — сдавался Меджид, — пусть радио! А за-чем тебе этот телевизор?

Татлюстен только хмыкает. Действительно, телеви-зор он приобрел первым в ауле. Сперва привез ящик с экраном, а потом инженера из Краснодара. Тот устано-вил телевизор и приспособил к крыше длинный крест. И в доме загорелся голубоватый огонек, поглядеть на который в первый же вечер явился весь Шапсуг. Кто сам уже не мог ходить, того принесли... Тогда Меджид и сказал в сердцах Татлюстену:

— Тебе осталось жить два-три года, а ты купил та-кую дорогую вещь. Лучше бы подарил эти деньги кому-нибудь. Или хотя бы в больницу лег, там бы мозги под-лечили.

— В больницу мне ни к чему, а вот съездить на ку-рорт не мешает, — ответил Татлюстен. — Слава алла-ху, я еще работаю и зарабатываю не меньше молодых. И путевку мне тхаматэ предлагал. Но одно не мешает другому. Ведь интересно сидеть у себя дома, на кошме, и видеть, что делается в Майкопе, в Москве или даже на другой стороне Земли. Я сижу, пью чай и вижу, как проходит демонстрация в Лондоне. Или сбивают аме-риканский самолет во Вьетнаме. Разве плохо?

Дом Татлюстена превратился в клуб. Всегда у него собирались не только люди средних лет, но и те самые старики, которые корили его в том, что он «отбивается от отары». По словам Меджида, они это делали, чтобы

¹ Хаджи — верующий мусульманин, совершивший путешествие пеш-ком к святым местам в Мекку. В знак этого он имел право носить белую чалму.

человек окончательно не забылся и, хотя бы перед смертью, покался в своих грехах.

А однажды по телевизору показали почему-то ташкентский аэропорт. Шла посадка на самолет, отправляющийся в рейс по маршруту Ташкент — Москва. Среди пассажиров был аксакал с огромной белой бородой. Диктор сказал:

— Несмотря на свои сто три года, Камил Джураев в пятый раз летит в Москву, он участник и дипломат. Выставки достижений народного хозяйства.

Татлюстен сказал тогда:

— Вот это — да! — А потом долго ходил какой-то задумчивый, тихий.

И вот однажды мой друг Алий встретил меня новым сообщением.

— Ты знаешь? — сказал он с восторгом. — Татлюстен над аулом на самолете летал!

— Да ну? — удивился я.

— Пойдем к нему, он сам все расскажет, он никому не отказывает, даже школьникам. А тебе повторит все с самого начала.

Татлюстена мы нашли возле нашего универсама. Кто-то прикатил туда когда-то трехметровую колоду, и самые почтенные люди аула собирались там в свободное время. Старики сидели, а люди помоложе, семидесятилетние примерно, стояли вокруг и слушали умные речи. Еще дальше толпились все остальные любители послушать что-нибудь интересное.

Ответив на мое приветствие, Татлюстен расспросил меня, как водится, о делах в международном масштабе, в Москве, Краснодаре, Майконе, районном центре, у соседей, о моих творческих планах, о здоровье моем, моих сыновей и остальных членов моей семьи, а также и о здоровье моего друга, одного русского писателя, с которым я как-то приезжал в аул. Получив на все самые обстоятельные ответы, Татлюстен поднял вверх палочку, которую почти непрерывно обстругивал старым перочинным ножом, и сказал:

— И у нас, слава аллаху, все в порядке. — Хитро прищурился и умолк.

Тогда я спросил:

— Татлюстен, правду ли говорят люди, что ты поднимался в небо?

Старик равнодушно пожал плечами.

— Э, пустяки. В Ташкенте столетние летают, а мне восемьдесят восемь. Мальчишка. Да и летать-то мне не особенно хотелось. Просто решил проверить брехню молодых людей. Говорят: ямы в воздухе, ухабы, трясет, болтает. Слушал их, и совестно становилось. Подумай, Киримизе, сам — какие могут быть ямы там, где ничего нет? Тоже придумают: ямы. Но как ты поспоришь с лугоном, если сам не испытал? В район съездил, самолет нашел, который у нашего аула над полями летать будет — сады опрыскивать. Химия, понимаешь? Вот точно, как наша Саннет себя одеколоном опрыскивает.

Сидевший рядом с ним Меджид буркнул:

— Вот-вот... Что требовать от этого человека, если он даже в собственном доме порядок навести не может.

Татлюстен не обратил внимания на этот выпад.

— Подошел я к летчику, говорю ему: друг, проката над аулом, самым дорогим гостем в моем доме будешь.

— Да ведь летчик тебя, старый мерин, на смех поднял, — опять вмешался Меджид. — Что, не так?

— Летчик с большим уважением выслушал меня и спросил, зачем мне это, — не втягиваясь в спор, продолжал Татлюстен. — Я ему и пояснил, что в Ташкенте столетние летают. А чем Адыгея хуже? У нас что, старый режим? Тогда летчик вдруг подошел к самолету, открыл дверцу и сказал: «Садись, отец». И я пошел, стал на лестницу и влез в кабину.

— Влез, — перебил его Меджид. — Колени тряслись, как кастрюли в мешке. Он не видел, куда лезет...

— Потом, — продолжал Татлюстен, никак не отвечая на очередной выпад своего оппонента, — летчик привязал меня к сиденью какими-то поясами с бляхами. Я полез за кисетом, чтобы закурить, но летчик не разрешил. В нашем самолете, говорит, не курят, это в большом можно, там кури сколько вздумается.

— Э, — перебил его снова Меджид, — у него не хватает смелости правду сказать. Да ведь он снял шапку от страха, а потом надел ее задом наперед. Сидел, как гусак в корзине, которого волокут на базар.

— Самолет побежал по полю, а я глядел в окно, — переждав Меджид, продолжал Татлюстен. — Вдруг стало все по-другому: тихо как-то идем, ровно. Посмотрел в окошко, а земля ускользает вниз. Ниже, ниже... Значит, мы в воздухе. Выходит ко мне другой летчик, — там их двое было, — и спрашивает, как я себя чувств-

вую. Чувствую, говорю, как дома, только вот все боюсь, что этот старый болтун Меджид не поверит, что я летал, да старуха моя не из доверчивых. Пусть, говорю, самолет снизится над площадью, а там рядом мой дом. Если можно, я сброшу над своим двором кiset; старуха моя сразу узнает свое изделие.

— В этот момент его окончательно покарал аллах, — торжественно объявил Меджид. — Отнял у него остатки разума. Надо же! Заставил летчика пролететь над своим двором и прямо на голову своей несчастной старухе швырнул кiset. Слава аллаху, что она не скончалась на месте от страха и не окончательно рехнулась. Она, бедная, не знала, что и подумать: ушел ее сумасшедший старик утром в сад, а теперь его кiset летит ей с неба на голову. Решила, что с этим полоумным беда приключилась.

Татлюстен чуть-чуть прищурился и продолжал свое:

— Все знают теперь, что я летал в самолете. А садоводческая бригада, когда я прилетел, встретила меня, все начали хлопать в ладоши. А я говорю им: что вы мне хлопаете, я не балерина.

— И ты ему веришь, Киримизе? — обратился уже прямо ко мне Меджид. — Вот так и сказал? Да у него зуб на зуб от страха не попадал, а губы тряслись, как листья на ветру. Хочешь знать, что он сказал? Ч-чу-чу-че-чу-га-гу-ге-ге-бе-ме...

Все собравшиеся рассмеялись, улыбнулся и Татлюстен. На этот раз он снизошел до ответа.

— Ты-то ведь там не был, старый враль. Его, Киримизе, трясет уже от одного слова «самолет». А я вышел, и все опросили меня, есть ли ямы в воздухе. И я сказал: никаких ям нет на небе, все это выдумали люди, чтобы пугать нас. Летайте сколько хотите, никакого вреда от этого человеку не происходит. Ну, а теперь я должен с тобой попрощаться, скоро начнут показывать концерт кавказских джигитов. Поднимайся, старый черт, — обратился он к Меджиду, — так ведь я опоздать можно.

И он повернул налево, к своему дому.

— Ты куда? — остановил его Меджид. — Из ума выжил, хвастунишка. Или это у тебя от возраста? Сегодня очередь у меня передачу смотреть. Пошли, старуха шаламэ¹ уже, наверное, жарить начала. Или опять от отары отбиваться хочешь?

¹ Ш а л а м э — кукурузные лепешки.

Грива коныя

Я уже не раз сетовал на то, что писать о человеке, которого в ауле хорошо знают, все равно что взбираться на отвесную скалу: не в самом начале, так в середине или даже когда до вершины будет рукой подать, сорвешься. Потому ведь и придумал свой аул Шапсуг. И всех это устраивало. Всех, кроме одного человека — колхозного сторожа Османа Ереджибоко. Встречая меня, старый Осман, шутливо помахивая пальцем у своего носа, говаривал:

— Ну и ловкач ты, Киримизе. Говорил я когда-то твоему отцу Хаджемусу: мальчишка себе на уме, будь с ним поостроже. А он только ухмылялся. А теперь пожалуйста — всем аулом приходится расклебывать твои фокусы.

А однажды, после того как в газете появился рассказ о том, как к Тлехузану вернулся слух, он остановил меня возле клуба и, прижав спиной к афише, сказал:

— Послушай, Киримизе, ты можешь мне кое-что объяснить? Честное слово, никому не разболтаю того, что услышу от тебя.

Я пообещал, что сделаю все, что в моих силах, чтобы удовлетворить любопытство старшего.

— Тогда скажи, как это у тебя так получается? По твоему выходит, что в Адыгее есть два аула, в которых живут совершенно одинаковые люди.

Вертевшийся возле нас Алий сочувственно поглядел на меня, а я промолчал.

— По-твоему, — продолжал старик, — в ауле Шапсуг живет точь-в-точь такой же тракторист, как в ауле Афиписип. И дочери у них одинаковые, и жены, и даже облигации с одинаковыми номерами. Так?

— Номер облигации я не указывал, — ухватился я за единственную возможность оправдаться.

— Верно, не указывал, но ты написал, какую мекбель купил шапсугский тракторист. А ведь я помогал Амирзану грузить это добро на подводу. Выходит, он купил все то же, что и его шапсугский двойник Амирзан.

Я молчал.

— Если слушать тебя, — ехидно продолжал Ос-

ман, — то в этом забытом аллахом Шапсуте есть и та- кой сторож, как у нас. И зовут его Осман Ереджибоко.

— А что тут удивительного? — набравшись духу, возразил я. — Очень может быть. Сторожа вообще во всех аулах одинаковые.

— Чем же они похожи? — уже потише осведомился Осман. — Ты много ездил, расскажи.

Я почувствовал, что наступил мой час. Приняв более свободную позу, стал перечислять:

— Прежде всего, они не совсем молоды. Каждому, если не ошибаюсь, уже под восемьдесят.

— Ну, дальше, — попросил Осман.

— Все они больше ни на что не способны. Днем спят дома, а ночью похрапывают на посту.

— Ну, еще? — совсем тихо спросил старик.

Я вспомнил, что Осман — не большой любитель хо- дить на колхозные собрания, и добавил:

— Все они постепенно отходят от колхозных дел, становятся равнодушными к тому, что их раньше волно- вало. При этом им все кажется, будто дела без них идут не так, как надо, а подсказать, что нужно сделать, не хотят. «Когда надо будет, сами придут к опытным лю- дям на поклон», — говорят они.

— Так вот именно и говорят? — заволновался старик.

— Так точно, Осман, чтоб я с этого места не сошел.

Сказав это, я потянул за рукав присмирившего Алия и, попрощавшись, двинулся к парку, начинавше- муся сразу же за клубом.

— Послушай, Киримизе, — заметил Алий, когда мы прошли шагов тридцать. — Ты сейчас редко бываешь в ауле и не знаешь последних новостей. А мой отец недавно говорил, что Осман выступал на колхоз- ном собрании. Он сказал там кое-что важное. Его пред- ложение всем понравилось.

Меня это заинтересовало. Увидев старшего брата Алия, электрика Казбека, я подозвал его и расспросил о том, что было на собрании. Оказывается, обсуждался вопрос о перспективах развития колхоза. Особенно мно- го спорили о том, где заложить молодой сад по типу итальянской пальметты. И тогда слова попросил Ос- ман. Он сказал, что сад надо разбить на участке, ко- торый называется «Подкова».

— Так далеко от аула? — перебил его кто-то.

— Да, — подтвердил Осман, — далеко от аула. Но зато близко от города. Рабочий человек получит от нас свежие, с ветки, яблоки. Разве это будет плохо? Земля там самая подходящая — ведь рядом в лесу наши дети рвут дикие яблоки и груши. А откуда они? Когда-то и там был чудесный сад. Рядом река, можно наладить полив. Тогда урожай будет такой, какого никто и не ви- дел еще. Надо только все с умом делать да сил не жа- леть.

Казбек еще сказал, что агроном поддержал стари- ка и предложил создать садоводческое звено, которое бы всем этим и занималось. Теперь все пришло в дви- жение, уже и звеньевого назначили.

— Кого же? — заинтересовался я. — Уж не Осма- на ли?

— Ну, что ты, — обиделся Казбек, — мы стариков жалеем. Не хватало еще, чтобы о нашем ауле говори- ли, будто здесь выезжают на столетних. Звеньевым стал Аюб Гаптов.

Гаптова я хорошо знал. Он долго жил в городе, сель- ское хозяйство откровенно недолюбливал. В городе об- ретался в руководящих сферах. Последняя его долж- ность — директор бани. Там у него что-то с холодной или горячей водой вышло или, вернее, не вышло, и его сняли с этой высокой должности. Слоняясь без дела, он снизошел до того, что согласился занять какой-либо приличный пост в колхозе.

На следующий день я решил посмотреть, как дей- ствует на своем новом посту неунывающий Аюб. К «Под- кове» направился по берегу Афиписа. Не успел пройти и сотни шагов, как меня догнал Алий. При нем, разу- меемся, были удочки.

— На «Подкове» речная излучина, — сказал он, — там и лещи попадаются. А карасей — хоть ведром вы- гребай.

Насчет ведра он, конечно, перехватил, но место для ловли там действительно было замечательное. Добира- лись мы туда часа полтора. Хорошо было не спеша ша- гать по тропинке, вьющейся среди прибрежных лоз. Кое- где к берегу подступал молодой дубняк, в его листве весело играло июльское солнце.

Незаметно оказались мы на возвышенности, тянув- шейся вдоль берега и действительно напоминающей по своей форме подкову. Было тут больше двадцати гекта-

ров заброшенной, поросшей лозняком и осиной, изрезанной вешними потоками земли.

Аюба и членов его звена на территории будущего сада обнаружить не удалось.

— Они дальше, на берегу, — заметил Алий. И пояснял: — Там самое рыбное место.

Когда мы спускались к берегу, до нас донеслись какие-то крики, ругань. Не успели сделать и сотни шагов, как увидели Османа Ереджибоко. Старик был явно не в своей тарелке. Сухо ответив на приветствие, сказал:

— Передай этому лежебоке и болтуну, что я больше терпеть не буду. Шайка-лейка какая-то, а не звено. Пусть возвращается в свою баню.

Спустившись вниз, мы увидели в зарослях весьма живописное зрелище. Развалившись на траве, шестеро здоровенных, по-пляжному одетых мужчин играли в карты.

— А, писатель! — приветствовал меня Аюб. — Родной мой, присаживайся. Через пять минут закончится обеденный перерыв, и мы снова возьмемся за ударный труд. Как писал товарищ Маяковский? «Я знаю, саду цвести!» Но ради такого гостя мы можем сдать еще по одной карте. Рискинешь?

Я отказался.

— Проклятый старик, — болтал, собирая карты, Аюб. — Как у нас перерыв; так он тут как тут. «Чего в карты режетесь, лодыри?» А у нас это культурный отдых. Пора уже кончать с этими феодально-княжескими пережитками, прошло то время, когда каждый старик мог ходить и указывать! Я это так не оставлю. Послушай, Киримизе, почему б тебе не устроить головомойку старому бездельяку? Напиши что-нибудь такое, ну, сам знаешь, можешь начать с этого, с мельницы. На чью мельницу он льет воду, мешая нам культурно отдыхать? Какая статья получится, — ахал он, пряча замусоленные карты в карман.

— Надо подумать, — уклонился я от ответа — с этим банщиком мне не хотелось сегодня связываться. Да и проймешь ли его словами?

Звено Аюба направилось на участок, а мы с Алием отошли подальше, забросили удочки и стали терпеливо ожидать, пока клонет. Но поплавки мирно дремали на ровной речной глади.

— Не клюет, — вздохнул я.

— Да, — подтвердил Алий. — Сюда надо приходиться на рассвете или вечером. На рассвете карасей хоть ведром выгребай...

Мы побродили немного по берегу и отправились домой. Когда проходили по аулу, меня окликнул знакомый голос:

— Киримизе, подожди-ка...

Из-за плетня выглядывала жена старого Османа, Куако, старушка, очень гордившаяся тем, что все ее пять дочерей вышли замуж за механизаторов.

— Послушай, Киримизе, — попросила она. — Мой выживший из ума старик как-то хорошо о тебе отзывался. Может, он тебя послушает? Поговори с ним, убедит, не то он сделает глупость.

— Да что случилось у вас? Я ведь ничего не знаю.

— С ума старик сходит. Говорит, что ему надоело сторожить амбары. Просится в садоводческое звено. Это с его-то болезнями.

— М-да... — пробормотал я. — И давно это у него?

— Да с тех пор, как на собрании выступил. Все было хорошо, пока слушал меня. «Пусть там говорят о чем угодно, тебе что за дело? — говорила я ему. — Понадобится твой совет, — найдут, знают, где живешь». И он слушал. А теперь как с цепи сорвался. Сейчас только вернулся из сада, долго ругался и вдруг пошел в контору. А там как раз идет заседание правления. Того и гляди, уговорит их, и отправят его на эту проклятую «Подкову».

— Куако, — говорю я ей, — а может быть, ему лучше будет в саду? Может, он не хочет ждать, когда к нему явятся за советом? Может, у него на этот счет свое мнение?

— Ничего ты не понимаешь, Киримизе, — улыбнулась Куако. — Он когда-то в молодости все мечтал сад вырастить. Любил это дело. Да вот земли у нас было очень мало. Не до сада. Потом, когда стал колхоз, его на кукурузу посадили. Так, говорят, надо. Потом (это уж ты сам помнить должен) его бригадиром сделали, полеводством занимался. А после болезни в сторожа перевели. И тогда он старое вспомнил — сад, сад... А разве не ясно — упустил гриву коня, за хвост не удержишься. Пойди, Киримизе, в контору, может, еще не поздно.

Приведи его, пожалуйста, домой, аллах не забудет тебя.

Я, конечно, тотчас направился к колхозной конторе. Шел и все пережевывал символическую фразу Куако: «Упустил гриву коня, за хвост не удержишься». И представлю себе Османа молодым человеком, мечтающим о большом саде. Это была та грива, за которую он хотел ухватиться. Но скакун — угловатая, необъезженная жизнь — сбросила его на полном ходу... И вот теперь он как будто стал приходить в себя...

Сообщить Осману мнение мудрой Куако мне не удалось: когда я пришел, как раз рассматривался вопрос о работе садоводческого звена. Вызванный с «Подковы» Аюб сидел понурившись. Речь держал агроном.

— Эту ошибку надо исправить, — услышал я. — Звеньевой из Аюба не получился, тут спорить не о чем: — Заметив меня, агроном решил съязвить. — Кирилизе, вам директор в вашем издательстве не нужен? У нас имеется подходящая кандидатура.

Когда веселье, вызванное этой остротой, улеглось, агроном продолжал:

— Теперь надо решить вопрос о новом звеньевом. Такой человек есть, но согласится ли он? Он хочет работать в садоводческом звене, но не желает занять пост звеньевого. Я говорю о нашем уважаемом Османе Ереджибоко. Пусть он сам скажет.

— Говори, Осман, — подтвердил председатель колхоза. — Чего ты там отнекиваешься? Сам кашу заварил, а теперь в кусты... Есть предложение утвердить Османа, лучшего мы и за Лабой не найдем.

— Возраст у меня такой, — сказал, поднявшись, Осман, — что мне лучше в рядовых. Старики не должны закрывать дорогу молодым. Это одно. А второе — боюсь, что обо мне худо подумают. Я вот уже сколько дней кричу о плохой работе Аюба, а теперь вдруг соглашусь его пост занять. Могут сказать, что я его выжид. А в-третьих, и это самое главное, я не пойду в звеньевые потому, что правление смотрит на сад несерьезно. Мне нужен тяжелый трактор, плантажный плуг, нужны насосы и трубы, нужна парижская зелень...

— В общем, подумай, что тебе нужно, — сказал председатель, — составь список и принеси через полчаса. А завтра с утра принимай звено. Товарищи, а когда же мы утвердим на освободившееся место? Кто заменит Османа? Без сторожа не обойтись пока.

— У нас сейчас только один свободный человек, — заметил парторг, — Аюб.

— Что ты скажешь? — повернулся председатель к Аюбу.

— В Советской стране, — сказал, приосаясь, Аюб, — любой труд почетен. Согласен, буду сторожем.

Вот, пожалуй, и вся история с конской гривой и сторожем Османом. Теперь уже бывшим сторожем. Я вспомнил о ней, когда сад на «Подкове» начал давать урожай. Вспомнил и написал. И только когда рассказ был напечатан, подумал: не обидится ли старый Осман? Ведь Куако мне поведала о его мечте явно не для печати. Чтобы как-то сгладить свою вину, по пути в аул завернул на «Подкову». Как раз шел сбор яблок. Розовоцветные девушки укладывали в ящик такие же розовоцветные, как они сами, яблоки джонатан. Крупные, тяжелые плоды выглядывали из ящичков, на них трепетали солнечные блики.

Завидев меня, Осман по обыкновению помахал пальцем у носа и проговорил:

— Ну, сынок, наконец-то ты попался. Могу поверить, что в каждом адыгейском ауле сколько угодно стариков, которые не усидели под амбарами и стали сажать яблоки. Пусть будет так. Пусть даже всех их зовут Османми. Пусть, но...

У меня отлегло от сердца: очень уж мне не хотелось портить отношения с садоводом.

— Пусть, — продолжал он. — Но если ты станешь меня уверять, что в каждом ауле есть такой Аюб — сорокалетний сторож, которого не поборот ни один нарт¹, вот тогда я скажу тебе в глаза: заврался ты, сынок. А теперь сними шляпу, наши красавицы угостят тебя яблоками.

Я шел в аул, хрустя сладкими сочными плодами, и думал, что на этот раз старик, к сожалению, ошибся. Конечно, таких, как он, много. Но хватает еще и аюбов, которые даже и не пытаются ухватить своего коня за гриву, хотя всю жизнь проехать в чужой арбе. А добросердечные хозяева арбы будто и не замечают, что тащат на себе балласт.

Таковы, будь они неладны, законы нашей вежливости.

¹ Нарт — богатырь из адыгейских преданий.

Старики дают интервью

Мой товарищ-москвич попал в нашу область впервые. Случилось это жарким-жарким летом, когда даже в тени трудно было дышать.

— Я пишу книгу о достопримечательностях нашей страны и хотел бы поглядеть на памятные места в аулах, побеседовать с адыгейскими старожилками, — сказал он.

— Тогда тебе повезло, — ответил я. — Как раз собираюсь в свой родной аул. А где, как не в родном ауле, самые мудрые старики и самые замечательные реликвии.

Вскоре мы оказались в Шапсуге. Гостя, как водится, для начала ознакомили с адыгейской национальной кухней. Ею он остался доволен.

— Если бы в каком-либо ресторане подавали такие блюда, — заявил он, — там определенно собирались бы гурманы со всего света.

Осмотрели аул, обошли живописные окрестности, полюбовались не особенно шумным в такое время Афином. Вечер провели в клубе, на репетиции танцевально-хорового ансамбля. Парни с серебряными кинжалами носились вокруг юных горянок в платьях до пят, исподтишка косившихся на гостя. Экзотика...

Все это время я прикидывал, с кем бы из наших могикан познакомиться москвича. Знающих, рассудительных, проживших по-настоящему большую жизнь стариков в ауле имелось предостаточно: каждый был по-своему интересен, ни один не походил на другого. Но мне думалось, что глубина рассуждений человека, их меткость и значимость не могут не зависеть от пути, который он прошел, от его личного опыта. И я перебирал наших могикан с этих позиций.

На следующий день мы поднялись рано. Еще из садовой беседки, где мы завтракали, я увидел своего приятеля Алия. Он с нескрываемым любопытством разглядывал моего гостя.

— Алий, — спросил я, предварительно ответив на его приветствие. — Ты не знаешь, где сейчас можно найти лесника Османа?

— Знаю, — обрадовался он.

— Расскажи, пожалуйста.

— Объяснить очень трудно, — схитрил мальчишка. — Я так могу показать.

Алий повел нас огородами, вывел на какую-то неизвестную мне тропинку, которая вилась меж кустов терновника, уже выбросившего черно-синие плоды. И только когда мы оказались у заболоченной излучины реки, я понял: Алий ведет нас к старому колодезю. И вспомнил: люди говорили, что с тех пор как Осман ушел на пенсию, он большую часть своего времени проводит у старого колодезца.

Постепенно тропинка начала расширяться. Вскоре она влилась в давно заброшенную дорогу, которая тянулась к черневшему вдаль лесу. Дорога шла ровно, но вдруг, где-то на половине пути, резко сворачивала и упиралась в странное сооружение. Не сразу можно было догадаться, что это всего лишь колодезь. Основание сооружения было выложено из крупных, плохо отделанных кусков гранита.

Подойдя совсем близко, увидели на гранитной ограде ведро с водой.

— Пьем? — спросил Алий.

Вылив воду из ведра, он ловко приспособил его к журавлю, закрепил и опустил в колодезь. Не сразу доносился до нас всплеск. Перебирая руками шест, Алий ухватил ведро за ручку и, поставив его на край сруба, отвязал. Вода в ведре дымилась, казалось, будто в ней плавают льдинки.

— Пожалуйста, — предложил воду гостю Алий.

Тот приложился к краю ведра, пригнул его, сделал несколько глотков. Откинувшись, улыбнулся и стал снова пить.

— Хороший человек, видно, вырыл этот колодезь, — сказал мой гость, уступая мне место у ведра. — Такой вкусной воды я никогда не пил. Это настоящая живая вода из сказки.

Алий наслаждался последним. Он был очень доволен, что вода так понравилась москвичу, но я чувствовал, что его что-то тревожит.

— Осман должен быть здесь, — сказал он. — Его надо подождать. А если скоро не появится, пойдем в лес. Я знаю, где он ходит.

Но идти в лес не пришлось — мы увидели на опушке старика в поношенной черной черкеске и большой зло-

тистой папахе. За его спиной виднелось ружье. Большая белая борода так не вязалась со всем его видом, что казалась приклеенной. Москвич жадно разглядывал старика, от всей фигуры которого веяло здоровьем и силой.

— Такие люди, — шепнул он, — как старые дубы: чем больше им лет, тем шире они раздаются в плечах, тем большей крепостью наливаются. Стоит его добрить, и не отличишь от молодого.

Обменялись приветствиями, и старик тоже приложился к ведру. Пил медленно, долго. Потом присел на камень под развесистым вязом.

— Осман, — обратился я к нему, — это наш гость из Москвы. Он хотел бы задать тебе несколько вопросов. Ты разрешишь?

Старик кивнул, борода его коснулась ремня двустолки.

— Отец, — обратился к нему гость, — не скажете ли вы, откуда и когда появился здесь этот колодец? И почему люди забросили эту дорогу?

Старик, отказавшись от предложенной гостем папиросы, достал кисет, набил трубку, закурил, несколько раз глубоко затянулся.

— Когда-то, — начал он, — здесь проходила бойкая дорога. В то время единственным хозяином в ауле был князь. Он позволял себе все. Бедные люди, встречаясь с надменным князем, забывали о гордости предков, о своей собственной гордости. Так было, дети мои.

На окраине нашего аула жил бедный пастух. Женился он на такой же, как он, бедной девушке. В любви они сошлись, и казалось им, будто солнце стало светить только им. Но недолго они были счастливы. Уже через год, во время родов, его любимая умерла. А дочь пастух сумел вырастить. Он назвал ее Загирет. Она была красавица. По ее плечам извивались черные косы, глаза светились покоем и добротой. Шаги ее были такими легкими, что, казалось, случись ей наступить на лежащее на дороге голубиное яйцо, и оно останется невредимым. Ни одна девушка в ауле не была такой гибкой и нежной, такой быстрой в танцах. На любую свадьбу первой приглашали Загирет. И хотя была она бедной, самые видные аульские парни заглядывались на нее, пытались обратить на себя внимание. Но очень немногие знали, что особенно радостными и быстрыми

были ее шаги, когда плясунья шла к реке за водой, там обычно ее встречал пастух из соседнего аула. Звали его, скажем, Ахмед. Они подолгу смотрели в глаза друг другу, и взгляды их сияли любовью и радостью. Не знаю, что нашла Загирет в Ахмеду, но в одном ему не откажешь — в любых состязаниях он выходил победителем.

О чем говорили молодые люди, слышала только быстрая речка да конь Ахмеда. У них было условлено: осенью, после сбора урожая, они поженятся. Ахмед работал день и ночь, чтобы накопить денег для достойной свадьбы.

Но зарились на Загирет многие, и среди них был сын местного князя Селим. Он посватался к Загирет и получил отказ. Тогда Селим собрал своих друзей и среди ночи нагрянул в дом пастуха. Беднягу связали, а его единственную дочь увезли.

Старик помолчал, погладил по голове, обнял пристроившегося рядом с ним Алию и продолжал:

— Загирет не вынесла позора. В ту же ночь она перерезала себе вены.

«Я должен увековечить память любимой и отомстить за ее позор», — сказал себе тогда Ахмед. На деньги, собранные для свадьбы, он построил вот этот колодец у дороги и назвал его именем Загирет. Чтобы путники, утолив жажду, вспомнили Загирет добрым словом.

Мой товарищ, давно уже забывший о своем блокноте, спросил:

— А как Ахмед отомстил за смерть невесты? Удалось ему это?

— Не сразу, — ответил старик. — Он напал на обидчика, но подросла стража. Его схватили и отправили в тюрьму. Там он твердо решил, что, выйдя на волю, станет лихим абреком. Я вижу, — перебил себя старик, — что наш дорогой гость ждет рассказа о славных делах абрека. Но так не было, дети мои. В тюрьме Ахмед познакомился с хорошими людьми, которые объяснили ему, что в одиночку князьям не отомстишь. Там он обрел верных друзей. Вскоре произошла Октябрьская революция, и перед Ахмедом раскрылись двери на волю. Он возвратился в аул, но не один, а вместе с красным отрядом. Они мстили все вместе. Так было, дети мои.

Мы распрощались.

По пути в аул гость был задумчив. Когда мы снова оказались на узкой тропке среди терновника, он вдруг остановился.

— Постой, Киримизе, — воскликнул он. — Я так и не спросил, откуда он знает эту историю.

Взглянув на меня, он кое о чем догадался. Тихо произнес:

— Да, так и думал... Представляю, как тоскливо ему там одному.

— Скоро он будет не один, — неожиданно вставил Алий.

— Что же случится? — удивился я.

— Агроном в школу приходил, — оживился Алий. — Сказал, что земля у колодца Загирет очень-очень хороша. Пусть, говорит, ваша школьная бригада вырубит кустарники, очистит участок от хвороста, камней. А мы, говорит, пришлем тяжелый трактор, плантажный плуг, поднимем землю и отдадим ее вам. Хозяйничайте. От колодца трубы проложим для полива, и зацветет все вокруг...

Алий смутился и замолчал.

— А старик знает об этом? — спросил гость.

— Что вы! — возмутился Алий. — Разве об этом говорят. С будущего понедельника начнем, он сам все поймет.

Солнце садилось, когда мы подошли к своей калитке. Прощаясь, Алий шепотом спросил:

— Киримизе, а куда вы завтра пойдете?

— Думаю, к старику Рау.

— Можно и я с вами?

— Ну давай.

У гостя оставался в запасе еще один день, и я решил познакомить его с человеком, который славился в ауле своей рассудительностью.

Старика Рау мы нашли возле его дома, на скамеечке. Казалось, будто он собрался в гости — на нем был новый бешмет, из-под которого сверкала пуговицами черная косоворотка. Осанистые войлочные сапоги спиты были лучшим мастером. Но он никуда не спешил. Рау, если он не был на работе, всегда так одевался. Узнав, что московский гость хотел бы задать ему несколько вопросов, старик пригласил нас в дом.

— Что же вам хотелось бы услышать от меня? — спросил он, когда мы поговорили, как положено, о том,

что делается в Москве и в Бейруте, где недавно побывал гость, выпили чаю и перекусили.

— Что-нибудь поучительное. Ну, хотя бы, что такое счастье?

Рау помолчал, постучал суставом среднего пальца о стол и начал:

— Расскажу маленькую притчу. Когда-то давно в ауле жил один вдовец. Он растил единственного сына, очень жалел его и все делал для него. Однажды вдовец заболел, совсем беспомощным стал. Настала очередь сына поухаживать за отцом. Но оказалось, что он ничего не умеет. Ни воды набрать из колодца, ни очаг истопить, ни пищу сварить... И тогда отец понял, как он здорово промахнулся: вместо добра причинил своему любимому сыну один лишь вред. Выздоровев, он решил исправить эту ошибку. «Сынок, ты уже большой, — сказал он ему. — Пора тебе почувствовать прелесть труда. Пойди поищи себе работу».

Сыну очень не хотелось работать, он привык шататься без дела. Но перечить отцу, разумеется, не стал. Выйдя на улицу, подумал: «А зачем мне зарабатывать? У меня есть дядьки. Пойду к одному из них и попрошу пять рублей». Так и сделал. Погостив у дядьки весь день, он к вечеру вернулся домой. Отец взял у сына деньги и тут же разорвал их на части. Сын только плечами пожал и ушел спать.

Очень расстроился отец. На другое утро он снова разбудил сына и отправил на заработки. Сын пошел ко второму дядьке, погостил у него, попросил пять рублей и принес их отцу. Отец на глазах у сына снова разорвал их. Сын только улыбнулся и подумал: «Чудак-человек».

На третий день сыну просить денег было не у кого. Он вынужден был найти себе работу. Но так как делать он ничего не умел, то за весь день заработал всего три рубля. Пришел домой усталый, голодный, вынул из кармана деньги и отдал отцу. Тот только было намерился порвать их, как делал это раньше, но сын схватил его за руку и закричал: «Что ты делаешь? Разве можно?»

Тогда отец облегченно вздохнул:

— Вижу, что эти деньги достались тебе трудом. Поэтому ты знаешь им цену...

Рау помолчал.

— А теперь вернемся к вашему вопросу, дети мои, — сказал Рау. — Что же такое счастье? Счастье — это великая вещь. Когда счастье видишь — смелее вперед идешь. Но не отдавая горького, не познаешь и сладкого. Мне думается, что счастье — это когда своим трудом заслужишь среди друзей почет и уважение, когда люди нуждаются в тебе, ценят плоды твоего маленького или большого труда!

— А что, по-вашему, самое дорогое на свете? — задал вопрос гость.

— Самое дорогое на свете — дружба. Где дружба, там лад, а где лад, там клад. Дружба нас всегда и везде выручает. У нас — все за одного и один за всех. Так жить — счастье.

— Скажите еще отец, какая радость самая большая для человека?

На это Рау заметил:

— Большая радость для человека, если он, будучи слепым, вдруг прозрел и увидел солнце, небо, землю, птиц, реки, леса... Не бывает на свете радости выше этого. Но чтобы почувствовать большую радость, не обязательно слепнуть, — улыбнулся он. — Радость, когда у тебя рождается сын или дочь, когда в семье все дружно живут, честно работают... Эта радость и сейчас во мне. И поэтому мне не страшна старость.

Мы сидели не один час, говорили о многом. Но записали лишь то, что выделил он сам.

Потом, по дороге в Майкоп, гость сказал:

— Кем бы мы, Киримизе, стали, если бы вообразили себя самыми умными? Если бы у нас не было таких крепких корней?

Удивительно: именно об этом как раз думал и я.

И мы понимающе засмеялись.

Точка опоры

Есть истории, которые как бы лежат перед глазами, а рассказать о них почему-то очень трудно. Берешься за перо, и чужая боль становится своей. Так получилось и с этим рассказом — о моей землячке Гулез. С сыном Гулез мы были хорошо знакомы, — Хасанбий всего на год или два младше меня.

Впрочем, Гулез — не то имя. Сколько помню себя, все ее звали Нандах. Буквальный перевод — красивая дан, то есть красивая мама. В ауле привыкли к этому, и все так и звали ее — Нандах, а многие и вовсе не знали ее настоящего имени. А называть ее первым так стал Хасанбий. Говорят, прибежал как-то из школы, взглянул на мать и выпалил:

— Нандах!

Гулез рассмеялась — быть может, впервые после трагической гибели мужа: этот малыш всегда что-нибудь придумает, с ним не соскучишься...

Но с того дня Хасанбий стал называть мать только этим, им самим придуманным именем. Дома, на улице, в школе, в магазине — всюду, где бы они ни бывали вместе. Его звонкое и меткое Нандах пришлось всем по душе. Совсем немного времени прошло, и в ауле уже ни одна душа не обращалась к Гулез по-старому.

Все дети любят своих матерей. Но особые отношения между ними складываются в семьях, где нет отца. Тут случаются крайности. Причин — тысячи. Из-за какого-нибудь пустяка или мелкого недоразумения может вспыхнуть ненависть, эгоистическое желание видеть возле матери только себя порой порождает нетерпимое отношение к ее друзьям. И напротив, любовь приобретает формы обожания, поклонения. Хасанбий гордился матерью вполне сознательно. Самая красивая, самая знающая, самая добрая, самая понимающая, самая, самая...

Рассказывали мне, что перед войной он собрался было жениться. Матери невеста понравилась, и это укрепило его решение. Свадьба была назначена на начало июля, а в конце июня призвали Хасанбия к исполнению гражданского долга.

У нее сохранилась пачка писем. Как тяжело ни приходилось Хасанбию, — он участвовал в боях под Ростовом, отступал к Сталинграду, — всегда выкраивал минутку, чтобы хоть несколько слов черкнуть матери. Жив, мол, здоров, не беспокойся обо мне, дорогая Нандах, скоро встретимся.

Нандах трудилась на ферме за двоих, домой приходила поспать, приготовить пищу. Письма тогда старый Бетмиз, которому оторвало ногу еще на первой мировой войне, приносил в конторку заведующего фермой. Чаще всего получала весточки с фронта Нандах. Она читала

их не сразу. Спрятав письмо, заканчивала работу, явоч- дила порядок в корпусе, шла домой, готовила ужин. Лишь усевшись за столом, медленно, осторожно разво- рачивала бесценный треугольник. Глаза ее ловили при- вычную фразу «Дорогая моя Нандах!», и слезы закры- вали тусклый свет лампы. Она ела и плакала радост- ными, счастливыми слезами. И вдруг все это как-то мгновенно обрывалось. Бросив ложку, Нандах снова складывала письмо треугольником и старалась разо- брать дату на почтовом штемпеле, носящем номер поле- вой почты.

«Прошло десять дней, — подсчитывала она, — десять долгих дней войны. Что там с ним?»

Она включала радио, чтобы не пропустить очеред- ную сводку Советского информбюро. Вслушивалась в каждое слово: где идут бои, кто отличился. Не раз в сообщениях упоминались фамилии. К ним Нандах при- слушивалась, затаив дыхание: не услышит ли что о сво- ем Хасанбие?

Прослушав сводку, принималась читать письмо. Чи- тая, ухитрялась представить, где писал его сын, в каких условиях. Были письма, которые он сочинял, сидя за столом, это сразу было видно. Ровные строчки, гладко сформулированные фразы, призванные успокоить мате- ринское сердце. Были письма, написанные на колене, они состояли из нескольких фраз. Огромные корявые буквы, «Дорогая Нандах, жив, привет Зейнаб, твой сын Хасанбий». Получив такое письмо, Нандах не могла унять тревоги. Бессонные ночи, дни ожиданий. Пони- мала: те слова были написаны в бою, в минутной пере- дышке. И вскоре приходило новое письмо. Она чувство- вала этот момент. В два часа дня, когда Бетмиз появ- лялся у конторки, выбегала из корпуса. Он утверди- тельно кивал головой, и она, словно на крыльях, пере- летала пространство между корпусом и конторкой. Взглянув на адрес, увидев почерк сына, прятала тре- угольник и шла работать.

А весной заболела повариха в тракторной бригаде, и готовить пищу механизаторам попросили Нандах. Здесь все сбилось. Бетмиз со своей культяпкой в такие даль- ние прогулки пускаться не решался, письма Нандах он заносил, когда та, в сумерках, накормив механизаторов, возвращалась домой. Спешить старику было уже не- куда, он с удовольствием принимал приглашение вы-

звать чаю. Разговор шел всегда об одном — о похо- ронках.

— Лучше бы мне, Нандах, самому умереть, чем та- кие вести разносить. Уж сколько раз просился на дру- гую работу, не переводят. Отдашь письмо и убегаешь и знаешь, что сейчас тебя проклинают на чем свет сто- ит. Слова эти бьют в спину, в голову...

Слушала его Нандах и шептала про себя обрывки слышанной в далеком детстве молитвы: о, аллах, будь милостив к моему сыну Хасанбию, ты ведь сам знаешь, что таких сыновей не так уж много...

А однажды она услышала у своего плетня шаги Бет- миза, — их не трудно было отличить от любых других шагов. Особенно в дожди, когда дорога раскисала. Ост- рие костыля вонзалось в разбухшую дорогу со свистом, а выскакивало из нее с каким-то унылым урчанием. Как всегда, она бросилась ему навстречу. Но старик, задержавшись на минутку у ее калитки, прошел дальше.

— Дядя Бетмиз, — крикнула Нандах. — Дядя Бет- миз, что же ты... Зайди хоть чайку попить...

Но Бетмиза словно в спину толкнули — он припу- стился еще быстрее. Хлюп, хлюп — урчал костыль.

Нандах вошла в дом. И вдруг что-то бросило ее в дверям. Босая, не разбирая дороги, пустилась за поч- тальоном. Догнав, крикнула:

— Давай, злой вестник, давай. Бей...

Старик остановился и как-то странно вздохнул. Нан- дах показалось, будто он всхлипывает. Он протянул ей белый пакет и взял за руку.

— Домой доведу, — пробормотал Бетмиз. — Прости ты меня, не мог.

Она вырвала свою руку, приткнулась к плетню и за- рыдала.

Сколько так стояла, не помнит. Придя домой, зажгла коптилку, надорвала конверт, дрожащими пальцами из- влекла сложенный вдвое листок. Развернула, скользнула по нему взглядом. И вдруг впилась в него глазами. Что это? О, аллах, ее Хасанбий не убит, он пропал без вести. Не убит! Пропал без вести! Пропал, значит, оты- щется. Ну, конечно, отыщется. Ведь это ее Хасанбий. Как только он отыщется, то сразу же напишет ей. Зна- чит, надо ждать. Как она могла — начала было опла- кивать живого! И обругала ни в чем не повинного ста-

рика, который с таким сочувствием к ней относится. Сейчас же надо извиниться перед ним.

Нандах всунула ноги в резиновые сапоги, набросила платок и пошла к почтальону. Еще с порога крикнула:

— Извини ты меня, дуру, жив он, жив!

Старик и его жена усадили Нандах, попросили прочитать извещение, а затем стали наперебой рассказывать истории о пропавших без вести. Один не в свой лазарет был доставлен, другой в плен попал и вскоре бежал оттуда, третий даже ранен не был — просто в ходе боя приблизился к другой части. Ровно через пять дней после получения известия о том, что он пропал без вести, его родители получили письмецо от него самого.

Вот так они беседовали. И Нандах стала ждать писем от сына — чем она хуже других счастливиц?

Но прошло пять, а потом и десять, а потом и десять по десять дней, а писем от Хасанбиа не было. Горько было думать, что ее сын попал в плен, но Нандах именно это вбила себе в голову. Война есть война, самого храброго джигита могут ранить. А раненый что может сделать?

Теперь, — сказала она себе, — надо молить аллаха, чтобы наши скорее покончили с фашистскими бандитами, освободили всех, кто попал к ним в рабство. И тогда ее Хасанбий возвратится домой. Пусть без руки или без ноги, пусть с одним глазом, но живой. Живой!

На недолгое время был захвачен врагом и их аул. При его освобождении погибло немало советских бойцов многих национальностей. Жители аула похоронили их на центральной площади, у здания сельсовета. На деревянном постаменте, временно установленном на братской могиле, были начертаны имена всех, кто отдал свою жизнь за освобождение неведомого им аула. Потом, через несколько лет после победы, на могиле поставили большой памятник, а имена павших героев высекли на гранитной плите.

Аульчане любовно ухаживали за братской могилкой. Много времени отдавала этому и Нандах. Она разводила вокруг памятника цветы, убирала опавшие листья, поддерживала вокруг чистоту и порядок. И — ждала сына.

Как-то в сельсовет пришло письмо из Москвы. Писала мать солдата, похороненного в братской могиле. Она сообщила, что вскоре сможет осуществить свою давнюю мечту — побывать там, где сложил голову ее сын, поклониться дорогой могиле, поблагодарить людей, которые за ней ухаживают.

Председатель сельсовета показал письмо Нандах и попросил ее ответить москвичке — матери, потерявшие своих детей на войне, сумеют найти общий язык, поймут друг друга.

Неспроста сделал это председатель — он видел, что у Нандах с годами иссякает надежда на возвращение Хасанбиа, а ведь это была единственная ниточка, связывавшая ее с жизнью. Знакомство с женщиной, испытавшей сполна горечь материнской утраты, думалось ему, поможет Нандах найти новую точку опоры.

Долго сидела Нандах над письмом, а написала всего три строчки.

«Дорогая Мария Петровна!

Приезжайте в любое удобное для вас время и заезжайте сразу ко мне, это будет ваш дом в ауле». И подписалась: Нандах. Подумав, добавила: Гулез.

Вскоре прибыла телеграмма — Мария Петровна пустилась в дорогу. В Майкопе ее встречали Нандах и председатель сельсовета. Но он старался держаться в сторонке. Москвичка оказалась старой ткачихой с «Трехгорки». Высокая, полная женщина, несмотря на седину, выглядела значительно моложе своих лет и являла полный контраст с худенькой Нандах, которую можно было принять за глубокую старуху.

Мария Петровна положила цветы к подножию памятника и долго читала надписи на мраморной плите. По глазам ее текли слезы. Чуть в сторонке плакала Нандах.

Потом они везде появлялись вместе. Очень удивилась гостья, узнав, что Нандах все еще работает на ферме. И тут выяснилось, что адыгейская мать еще сравнительно молода, но сжигает ее горе. Мария Петровна записала фамилию и имя сына Нандах и пообещала узнать о нем все, что возможно. Отсюда же, из аула, отправила она несколько писем с запросами.

Была осень, желтая и сухая. Сопровождая гостью, Нандах несколько раз побывала в клубе, была на встрече со школьниками. Комсомольцы аула попросили у нее

письма сына с фронта и поместили их на специальном стенде рядом с письмами и другими реликвиями, сохранившимися у фронтовиков и их родственников. Ей это было очень приятно. И провожала Марию Петровну уже не такая глубокая старуха — общение с хорошими людьми разгладило некоторые морщины, вернуло глазам Нандах их прежний блеск.

Письма из Москвы приходили часто. Мария Петровна с помощью пионеров нашла бывшего фронтовика, который сражался в одной части с Хасанбием. Он сообщил, что молодой адыг был тяжело ранен в бою под Сталинградом, попал в плен вместе с ним, но умер от ран в тот же день. Где похоронен Хасанбий, он, понятное дело, знать не мог, да и вряд ли это возможно было выяснить, но факт его смерти подтверждал полностью. Обо всем этом Мария Петровна очень тактично, но без утайки написала Нандах. А закончила свое письмо словами:

«Плачь, дорогая Нандах, плачь, теперь судьба твоего сына известна: он погиб за счастье и свободу советского народа, за счастье всех людей земли. В этом — твое и мое утешение».

А вскоре после этого письма вдруг прибыла срочная телеграмма. Мария Петровна сообщила, что в Москве, у самой кремлевской стены, будет торжественно похоронен прах Неизвестного солдата. Очень может быть, что это твой сын, Нандах, поэтому срочно приезжай на похороны, — писала она.

С этой телеграммой Нандах и прибежала в сельсовет.

— Надо ехать, — решили там. — Через несколько дней в Москву отправляется группа наших лучших пионеров, поедешь с ними. А там Мария Петровна тебя встретит.

...Траурные марши рвут сердце на части. Утешать здесь друг друга некому — рыдания сотрясают старых и молодых, мужчин и женщин. Каждый уверен: здесь, у кремлевской стены, покоится отныне его сын или брат, или отец, или другой самый близкий, самый незаменимый. Тот, о ком долгие годы ничего не было известно, кроме одного: он умер героем.

Медленно двигались они в бесконечной толпе к гранитному постаменту, в нише которого вспыхнул Вечный огонь. Они не торопили идущих впереди, и следующие

за ними не торопили их. И наконец остановились. И обе почувствовали жаркое дыхание пламени, которое ветер доносил с Его могилы. И обе медленно, словно вырубая эти слова в камне, прочитали:

«Имя твое неизвестно,

Подвиг твой бессмертен!»

Люди проходили, а они все стояли и стояли. И казалось Нандах, будто в отблесках Вечного огня возникает родной облик Хасанбия, будто ветер доносит до нее мальчишеский голосок:

— Нандах, моя самая красивая мама...

Люди проходили, а они, две солдатские матери, все стояли и стояли в почетном карауле у могилы Неизвестного, но хорошо известного им солдата.

Квашеная капуста

С тетушкой Гошевной у нас старая дружба. Старший ее сын Схатбий получил квартиру в том же доме, что и я. И хотя у него была машина, Схатбий не жаловал аул визитами. Обычно, накануне выходного, когда я по обыкновению собирался навестить земляков, к нам заходил Схатбий со свертком или пакетом, а то и с ящиком в руках.

— Послушай, Киримизе, — говорил он, — ты едешь в аул?

— Да, — отвечал я. — А ты?

— Ты же знаешь, какая у меня проклятая работа, — вздыхал он. — Это из-за нее у меня понизилась кислотность. Теперь надо каждый день уколы делать.

— М-да... — вздыхал я.

— В будущее воскресенье обязательно поеду и привезу тебя. В моем «Москвиче» тебе забронировано постоянное место. А сейчас прошу — прихвати кое-что для моей мамы.

Этот разговор повторялся почти каждую неделю. И почти каждую неделю я заходил со свертком, пакетом или ящиком к тетушке Гошевной, передавал ей приветы от сына и отвечал на ее многочисленные вопросы. Тетушка Гошевной не оставалась в долгу перед сыном. Она передавала со мной свертки, пакеты, а то и ящики. Содержимое их зависело от времени года. Осенью я

ящиках были яблоки, зимой — картошка, весной — редиска и моченые арбузы, летом — персики и черешня и еще другое: мать Схатбия была не из тех, кто сидит сложа руки.

Однажды, получив у нее для сына небольшой сорокакилограммовый бочонок квашеной капусты, я рискнул заметить, что в овощных магазинах города сколько угодно этого добра. Тетушка Гошевной, выслушав меня, кротко улыбнулась и сказала:

— Ну, подумай, Киримизе, что ты говоришь? Разве эти бракоделы с овощных баз умеют квасить капусту? Силос на нашей ферме и тот лучше их изделий. А ведь у Схатбия пониженная кислотность, он не сядет за стол, если на нем не будет капусты...

Медицинская терминология в лексиконе тетушки Гошевной занимала прочное место с тех пор, как она стала выписывать журнал «Здоровье». Взвалив бочонок на плечи, я заверил ее, что не допущу, чтобы ее славный Схатбий страдал от недостатка кислотности.

И вдруг накануне какого-то праздника Схатбий ввалился ко мне с пустыми руками.

«Уж не случилось ли чего с тетужкой Гошевной?» — не на шутку испугался я. Но Схатбий тотчас рассеял мрачные подозрения.

— Собирайся! — выкрикнул он. — Еду в аул. Все! Уговорил старушку жить со мной. Хватит ей в глупинке прозябать, пора к городской культуре приобщаться.

— А как же работа, справки? — спросил я, еще не веря своему освобождению от почетной обязанности связного-носильщика.

— Ты еще не знаешь? Меня перевели. Вот так! Пошел на повышение.

По пути в аул Схатбий рассказал, как его заметило начальство и почему выдвинуло. Возле дома моих родителей он лихо развернул машину, просигналил и, прощаясь, предупредил:

— Извини, Киримизе, назад прихватить не смогу. Знаешь, сколько у мамы баракла...

Но меня это огорчить не могло — я поверил, что и мне выпадет счастье путешествовать без свертков и ящиков, бочонков и мешков с арбузами и луком.

Теперь я с тетужкой Гошевной изредка встречался на местнице.

— Ну как, нравится в городе? — обычно спрашивал я ее.

Отвечала она как-то неопределенно: «Еще не осмотрелась...» Или: «Знаешь, город — это тебе не аул...»

А в последний раз заметила:

— Петухов-то тут нет...

— Обходимся, тетужка Гошевной, — легкомысленно брякнул я, вовсе не подозревая, что намек насчет петухов будет иметь весьма неприятные последствия.

Вскоре после этого разговора я отправился в командировку недели на две, а когда вернулся, стал по обыкновению накануне выходного собираться в аул. Уложив в портфель бумаги, спянинг, приобретенный для соседского мальчика Алия, разную мелочь, стал натягивать плащ. Вдруг в дверях появился Схатбий.

— Ты знаешь, Киримизе, — занял он, — какая у меня проклятая работа. У всех выходной, а ты готовь справку для края...

В руках у него была коробка из прессованного картона. Поставив ее на стул, Схатбий сделал глубокий вдох, потом выдох и продолжал:

— В будущее воскресенье обязательно поеду и прихватю тебя. В моей «Волге» тебе забронировано постоянное место. А сейчас прошу прихватить кое-что для моей мамы.

— Да ведь она живет у тебя, — чуть-чуть громче, чем полагается по этикету, выпалил я.

— Э, старик, отстал от жизни. Вернулась в аул...

Оставив коробку, он шмыгнул за дверь.

И вот я снова плетусь по знакомой дороге с грузом на плече. Добрая улыбка Гошевной немного смягчает мое раздражение.

— Что же тебе не понравилось в городе? — отдышавшись, спрашиваю ее.

— Э, Киримизе, — улыбнулась она так, как улыбаются люди, которым неловко за бестактность других. — Разве мужчине это понять? Ну, садись, слушай... В первые дни мне было интересно в городе. Выйдешь на улицу — большие дома, витрины, магазины. И на рынке интересно потолкаться. Спросишь у женщины, почему курица или индейка... Или, например, узнаешь, почему веник. Даже смешно — за пучок сорго рубль просят. И люди дают... Зайдешь в булочную, а там чего только нет, не то что в нашем аульском магазине. А потом,

Киримизе; стало меня что-то беспокоить. В ауле утρεком проснешься и знаешь — сейчас закричит петух. И как только он прокричит, сразу чувствуешь себя отдохнувшей, бодрой, веселой. А тут лежишь-лежишь, измашешься, а никаких петухов не слышно. Начинает болеть голова. Выйдешь на улицу и замечаешь: люди не ходят, как у нас в ауле, степенно, спокойно, а носятся, как будто опаздывают на катер. Я все не могла сообразить, как они лбами друг с другом не сталкиваются.

Помолчав, тетушка Гошевной добавила:

— И еще, Киримизе, не нравятся мне в городе двор. Везде камень, асфальт, нигде ни травинки. Правда, стоят скамейки, хорошие, красивые скамейки, а ведь я в траве привыкла. Ну, а если тебе надо перейти улицу, тут дело совсем плохо. Так и смотри, как бы тебя не сшибла машина. И — ни одной подводы. Стоишь перед этим потоком машин, а слезы сами из глаз катятся — ведь в ауле тоже машин хватает, но там и лошади есть, и волы.

— Тетушка Гошевной, — заметил я, воспользовавшись паузой в ее сетованиях. — Зато у нас в городе собак еще больше, чем в ауле.

На лице ее появилось брезгливое выражение.

— Уж этого добра, верно, хватает. Не успеешь выйти из дому, как тебя облает какая-нибудь шавка, и цыкнуть на нее нельзя — еще и хозяйка укусит... Вся лестница в собачьем дерьме. Ты разве не замечал, Киримизе?

Дома, конечно, в городе лучше. Большие, высокие, в квартире вода, даже кипяток из крана идет. Но люди в этих домах не знают друг друга, как и их собаки. Я спросила Схатбия, кто его соседи, так он почти ничего ответить не мог. А в ауле? Да что тебе, Киримизе, рассказывать, тут каждый знает друг друга и собаки притом гадят там, где положено.

А еще плохо, что крыши этих больших домов похожи на кладбище: на каждой несколько десятков крестов. Я понимаю, что это мачты телевизоров, но получается некрасиво.

Слушая тетушку Гошевной, я все еще подбирал в уме подходящие доводы, чтобы как-либо переубедить ее. У меня все же теплилась надежда, что хорошее в городе одержит верх. В конце концов, рассуждал я, пусть не задирает вверх голову и не смотрит на антен-

ны, это в ее власти. А аульские псы нисколько не образованней городских:

А Гошевной продолжала выкладывать наболелшее.

— Страдала я и оттого, что не могла найти себе собеседника. Ты ведь знаешь, Киримизе, что молчание вредно. Но, слава аллаху, познакомилась во дворе с одной старушкой. Сухонькая такая бабушка, откуда-то с Украины приехала. Она говорила по-украински, а я по-адыгейски, но мы как-то понимали друг друга. Я показывала на дом и говорила: «Карош». Она улыбалась, качала головой и говорила: «Добре». И я улыбалась. Потом я стала учить ее по-адыгейски: «Ваши соус из курицы, нашему четлибж». «Четлиб», — сказала она. Тогда я ее пригласила к себе и угостила четлибжем. Ей понравилось. Даже адыгейский перец по вкусу пришелся. Так мы с ней подружились, что и расставаться не хотелось.

— А газ? — напомнил я.

— Да, газ — хорошо, — согласилась она. — Даже мужчины умеют им пользоваться. Никакой тебе копоти, все блестит, быстро варится...

— Чего же ты уехала? — не сдержался я. — Надо было еще немного пожить, и ты бы привыкла. Подумаешь, собаки. Плюнула б на них.

— Я тоже так думала, Киримизе. И вдруг у нас кончилась квашеная капуста. А ты ведь знаешь, у Схатбия пониженная кислотность. Бросилась я в овощной магазин, попробовала капусту — о аллах, я даже не знаю, что с ней сделали, окаянные! Впрочем, какая в магазинах капуста, я знала и раньше. Пошла на базар. У одной женщины попробовала капусту, у другой — беда, да и только! Так что прошу уж тебя, дорогой Киримизе, прихвати с собой для Схатбия этот небольшой бочонок. Мой мальчик так будет рад. А этот мешочек — для Горпины, ну, моей знакомой. Я научила ее готовить пасту из кукурузной муки, а разве настоящую кукурузную муку в городе купишь? Ну, скажи сам?

Что я мог ответить?

...Хочу уточнить: капуста (нетто) весила двадцать килограммов, бочонок (тара) — семь с половиной, а мешочек чуть меньше. Итого брутто?

Этот чудаковатый Мишаост

Рассказ о Мишаосте я писал в два приема. Дело было так. Когда я принес редактору газеты свое очередное сочинение, он, бегло пройдясь взглядом по страницам, вдруг задал вопрос:

— Послушайте, коллега, у вас в ауле прописаны только ангелы?

— Как-то не интересовался правилами прописки, — попробовал я уклониться от ответа.

Но редактор не отстал.

— Мне показалось, — пояснил он, — что намек, который я тебе сделал в одной из бесед, должен до тебя дойти. Скажи прямо — у вас в ауле есть плохие люди?

О той беседе я хорошо помнил и как-нибудь расскажу о ней.

— Очень плохие? — решил уточнить я.

— Ну, хотя бы плоховатые.

— А в чем эта плоховатость должна заключаться?

— Аллах свидетель, — вскочил с кресла редактор, — что ты издеваешься надо мной. Что, у вас нет людей, которые ночью наведываются в колхозный сад или превращают с помощью водки будни в праздники? Или вообще каких-нибудь чудаков?

При последней фразе я сразу же вспомнил о Мишаосте. Очень многие аульчане так и называют его — «этот чудаковатый Мишаост».

— Все ясно, — сказал я. — Есть у нас один чудаковатый я напишу о нем.

Добившись своего, редактор подобрел. Он усадил меня на старый диван, в котором злобно, словно змея в мешке, урчали освобожденные от пут пружины, и прозвнес:

— Послушай, Киримизе, в нашей жизни добро и зло всегда идут рядом. Таковы законы диалектики. Кто может их отменить? То-то!.. Так и в ауле. Есть там хорошее, есть, конечно, и плохое. А ты освещаешь только хорошее. У читателя может создаться впечатление, будто бы приукрашиваешь действительность. Понимаешь? Тебе недостает объективности, тебя гложет квасной патристизм.

— Кто не верит тому, что я пишу, — вставил я, — может съездить в аул и лично убедиться, что в моих рассказах одна только правда.

— Э, простота, — рассмеялся редактор. — Кто же станет из-за этого ездить в аул. Ну, пораскинь мозгами? Прочитают и скажут: «Брехун этот Киримизе, так не бывает». А теперь ты выбьешь козырь из рук. Все, мол, у нас имеется. Были положительные, а вот вам, пожалуйста, и отрицательный тип. Есть и такие.

— А кто тебе сказал, что Мишаост — отрицательный? — удивился я.

— Ну, чудаковатый, разница невелика. Валяй, пиши об этом Мишаосте, дадим в воскресенье на четвертой полосе.

Приехав в аул, я порылся в своих старых блокнотах, там были зарегистрированы некоторые отклонения от нормы в поведении Мишаоста. Сразу же наткнулся на такое. Как-то в аул приехали болгарские гости. Правление колхоза, как принято, приготовило в их честь обед. Но сперва гостям, как водится, показали наше хозяйство. Побывали они и в звене Мишаоста — оно заняло первое место в соревновании кукурузоводов. Когда разговор о кукурузе подходил к концу, Мишаост вдруг сказал:

— Дорогие гости, мы с женой очень рады вашему приезду. Вы посмотрели, как мы работаем. А теперь наша семья просит вас посмотреть, как мы живем. Вот чайка, садитесь, я подвезу вас к себе.

— Сперва пообедаем, — вмешался встревоженный председатель колхоза: чувствовал, что в предложении Мишаоста скрыт какой-то подвох.

Но Мишаоста не так-то легко сбить с ног.

— Ты полагаешь, тхаматэ, — обиделся он, — что в моем доме не найдется, чем угостить дорогих товарищей?

Гости, разумеется, изъявили желание заехать перед обедом к Мишаосту. Повел он их в кунацкую, а там уже все стояло на столе. Оказывается, этот чудаковатый еще на рассвете зарезал барана. Остальное для его Софийт было уже лишь делом техники, как принято говорить теперь, и времени — мало кто в ауле стряпал лучше ее.

Много разговоров было после этого.

— Этот чудаковатый Мишаост, — смеялись люди, — перехитрил самого председателя.

Когда подводили итоги года, Мишаосту, как и многим другим звеньевым, вручили крупную денежную премию. После торжественного вечера он попросил всех членов звена собраться у него дома вечером следующего дня. Сам же на рассвете отправился в город.

Вечером все собрались, а хозяина нет. Подождали немного и решили, что Мишаост подшутил над товарищами. Намеревались уже разойтись по домам, как вдруг он вошел, весь увешанный свертками.

— Извините, дорогие, автобус по дороге сломался, чуть не опоздал, — сказал он. — А теперь разбирайте. Нас десять человек, и тут десять свертков. Пусть каждый берет, что ему понравится, а то, что останется, будет мне.

Все быстро разобрали свертки и стали их разворачивать. У одного оказался отрез, у другого — красивая рубашка, у третьего — обувь, два свертка были с настольными часами. Самому же Мишаосту достался сверток с долгоиграющими пластинками.

— Я очень рад, что мне выпали эти песни, — заулыбался он.

В ауле опять смеялись: чего только не выкинет этот чудаковатый Мишаост.

А незадолго до моего разговора с редактором Мишаост в составе делегации побывал в богатейшем кубанском колхозе «Россия». Отчитывалась делегация на колхозном собрании. Все говорили о том, что их удивило, — один о новинках в механизации, другой — о животноводстве, третий — о премиях. А Мишаост опять начудил — о детском саде разговор завел. У них, мол, в садике и то есть, и это, и мебель особенная, и игрушки, и картины на стенах. А у нас как?

Председатель, который до сих пор не мог простить ему шутку с обедом, крикнул:

— Мебель этим сорванцам! Да они же все раскөлшат. Если у тебя имеются лишние деньги, бросай их на ветер, а колхозное добро не трогай. Ты, верно, забыл, что у нас еще телятник не готов?

Денег, конечно, у Мишаоста не было, и он, расстрепанный, молча сел на место.

Через несколько дней Мишаост заглянул вечером в клуб. Прошелся, посмотрел, кто чем занят. Одни играли в шахматы, другие «забивали козла», некоторые слушали радио или читали журналы, а иные просто точили

лясы. В одном углу было особенно оживленно — здесь проверяли по таблице выигрышей лотерейные билеты. Мишаост собрался было пройти в другую комнату, к телевизору, но вдруг вспомнил, что и ему когда-то вместо сдачи дали в магазине несколько лотерейных билетов.

— А ну-ка, ребята, проверьте и мои, — попросил он и пошутил: — Ведь и слепой свинье иногда желудь падается.

— Меньше, чем на машину, не соглашайся, Мишаост, — посоветовал один из местных остряков, беря у него билеты.

— Марки «Зингер», — добавил другой.

Вдруг паренек, проверявший билеты, оторопело выкрикнул:

— Выиграл! Вот черт! Мишаост, смотри сам!

— Что? Дирижабль? — подхватили остряки. Они решили, что продолжается розыгрыш Мишаоста. Но паренек протянул Мишаосту газету.

— Проверь сам, — повторил он. — Номер и серия сходятся, а возле номера звездочка. Теперь дальше — видишь? Что написано? Автомашина «Москвич».

Несколько человек по очереди проверили таблицу и подтвердили: Мишаост выиграл автомобиль.

Все стали его поздравлять; а он стоял бледный, не мог выговорить ни слова. Наконец вышел и побрел домой. По дороге подумал: «Надо жене сказать об этом осторожно, а то еще от радости свихнется».

Софият была во дворе. Не заметив ее, Мишаост, как в молодости, перепрыгнул через плетень.

— Теперь знаю, отчего ты, дурень, на поясницу жалуешься, — засмеялась она, но Мишаост не обиделся.

Он вошел в дом и стал искать трубку. Софият помогла ему. Обшарили весь дом, а трубки не было.

— Послушай, старик, — повернулась к нему жена. — Ты, наверно, оставил ее где-нибудь в клубе.

И вдруг стала хохотать, схватившись за бока, — увидела, что трубка в зубах Мишаоста.

— Фу-ты, — ужаснулся Мишаост. — Все забывать стал...

Он сел за стол и вместо ложки попытался есть суп вилкой. Софият стало не до смеха, она не знала, что и подумать.

— Послушай, — встревожилась жена. — Уж не заболел ли ты горячкой? У нас на ферме от запарника не так несет жаром, как от тебя.

— Э, пустое, — отмахнулся Мишаост и взял ложку. — Мне не болеть, а летать хочется.

— С чего бы это?

— Радуюсь за нашего соседа Кадырбеча: он выиграл автомобиль «Москвич».

Жена снова развеселилась.

— Зачем скупердяю Кадырбечу «Москвич»? Пусть лучше попросит мясорубку, старая-то у них давно сломалась.

— Скажешь, — добродушно улыбнулся Мишаост. — «Москвич» очень дорогой, говорят, тысяч пять стоит. Он сможет тысячу мясорубок купить.

Софият рассмеялась еще веселей:

— Как будто у Кадырбеча и без того денег нет... Просто он их тратить не желает, копит. Все у них старое, ветхое, все износилось, отжило свой век, а он складывает бумажечку к бумажечке. Я бы от такого мужа давно ушла, а Цуц все терпит.

Эти слова понравились Мишаосту, и он решил больше не дурачить жену — признался, что крупный выигрыш выпал на его билет. Жепщина побледнела, покраснела, потом снова стала бледной и вдруг забегала по комнате.

— Ага, проняло, — обрадовался Мишаост. — Завертелась как молодайка. Еще раз замуж захотелось? За кого бы это? Может, за Муслима Магомаева? Оказываются, не одного Кадырбеча деньги беспокоят.

— Что же ты думаешь делать с такими деньгами? — наконец спросила Софият.

— Сперва хотел было новый дом построить. Но во время вспомнил, что дом нам уже построил колхоз. Зачем нам два дома? Можно было бы их оставить наследникам, но аллах дал нам только одну дочь, да и ту Советская власть выучила и обеспечила так, что она сама нам деньги посылает. Еще можно взять себе машину и ездить, да вот с глазами у меня стало неладно — вдруг на соседа наедешь.

— Ну, вот, — покосилась Софият, — теперь он начинает притворяться, будто ни в чем не нуждается. А ты съезди в город, посмотри, что в магазинах есть. Может быть, тебе захочется подарить что-нибудь близким.

— Знаешь что, — вдруг объявил Мишаост, — наши шутники говорят, что один ум хорошо, а полтора — лучше. Поэтому поедешь в город со мной. Вместе будем смотреть, может, что и надумаем хорошее.

В те дни, когда я писал рассказ о чудачествах звеньевского, его счастливый билет был отправлен в Москву на проверку. Рассказ получился как бы без конца, и я решил подождать, чем эта история окончится. Недельки через три я снова навестил аул, и мне сообщили, что «этот чудаковатый Мишаост» окончательно всех уморил. Когда прибыло сообщение о том, что он может получить в Майкопе выигрыш, Мишаост попросил у председателя грузовик. И хотя председатель недолюбливал Мишаоста за излишнюю, как ему казалось, прямоту, машину он дал сразу и даже предложил свою «Волгу».

— Мне нужен грузовик, — упрямо повторил Мишаост.

— Бери, если нужен, — сказал председатель. — И пусть по пути случится такая авария, при которой тебе прищемило язык, а руки и ноги остались целыми.

Мишаост не обратил на это никакого внимания. Усадил Софият в кабину к шоферу, полез в кузов, и машина тронулась.

Возвратились под вечер. Машина остановилась возле детского сада: Мишаост подозвал прохожих, они помогли выгрузить и занести в детский сад большой телевизор, несколько маленьких двухколесных велосипедов и еще какие-то дорогие вещи. Потом машина подошла к дому Мишаоста, и те парни сняли еще один телевизор и несколько чемоданов с вещами. Набравшим соседям жена Мишаоста стала показывать, что купила дочери, зятю, внукам, а что себе. Каждой она что-нибудь подарила. А когда вошла жена Кадырбеча, протянула ей электрическую мясорубку.

— Бери, бери, — сказала Софият, — ты ведь лучше всех в ауле готовишь котлеты.

В тот же вечер пошло по аулу:

— Ну и чудачки эти Мишаост и Софият! Белый свет таких не выдывал.

Дописав эту концовку, я, очень довольный тем, что мне не пришлось пускать в ход фантазию, отнес рассказ редактору. Прочитав его, он нахмурился.

— Я думал, Кирымизе, что мы тогда поняли друг друга. А ты опять за свое. Послушай, неужели никто в

ауле не высмеял щедрость этого Мишаоста, не назвал его дурнем, бараном?

— Был такой случай! — обрадовался я. — Кадырбеч Мазанок сказал...

— Знаю, что сказал твой отрицательный Кадырбеч. Он сказал, наверное, что осуждает Мишаоста: при таком выигрыше Мишаост должен был еще купить для физического кабинета школы атомный реактор. Верно?

— Да нет же, он сказал: «Дуракам — счастье». И еще сказал, что уж он, Кадырбеч, знал бы, что делать с такими деньгами.

— Значит, — торжественно закончил редактор, — есть у вас и такие. Почему же ты о них умалчиваешь? Пиши о нем, и мы оба рассказа дадим одновременно.

И хотя Кадырбеч жил всего в двух дворах от меня, пришлось взяться за перо. Такова уж писательская судьба — сказавши «а», говори «б».

Необыкновенный дождь

Нелестные отзывы Кадырбеча Мазанока о щедрости Мишаоста я слышал своими ушами. Было это днем. Я сидел в нашей беседке с Алием и его друзьями. Они готовились в поход и выясняли, что брали с собой в подобной ситуации мы, когда были пионерами.

Я сказал:

— Картошку.

Алий записал.

— Еще что?

— Котелок.

Алий записал.

— Ну, что еще?

— Кукурузной муки немного и соли, — добавил я.

Алий записал.

— Ну, а транзистор? — подсказал веснушчатый друг Алия.

— Сказал! — оборвало его несколько голосов. — Были тогда транзисторы, как же.

— Компас! — припомнил я наконец.

— Компас у нас у каждого, — сообщил Алий и не стал записывать.

— Палатки-то брали? — напомнил кто-то.

— Нет, не было палаток.

— А как же ночью? Если дождь?

— А так. Кому холодно, того не брали. Поход так поход, а не курорт.

— Значит, картошка, мука и компас? — уточнил Алий.

— Значит.

— А мы вот, смотри, список составили. Думали, что мало, и пришли к тебе посоветоваться.

Я посмотрел список и сказал:

— Тут кое-чего недостает. Упустили вы, ребята.

Давно уже все понявший Алий засопел носом, а его веснушчатый друг спросил, чего именно.

— Перины запишите, — посоветовал я. — Из ресторана «Казбек» пригласите повара и еще закажите санитарную машину. Пусть следует за вами. Как на автотралли. Видели?

В этот момент как раз и вошел во двор Мазанок. Увидев его, мои несколько обескураженные собеседники заулыбались: вид Кадырбеча всегда вызывал улыбку, но, увы, не всегда добродушную. Сколько помнят его люди, он носил одну и ту же старую истрепанную одежду. Штаны его были похожи на географическую карту — на них было столько разноцветных заплат, сколько стран на земном шаре с учетом деколонизации Африки. Зимой носил он ушанку, из которой торчали хлопья ваты, а летом войлочную шляпу, от которой уже давно и моль отказалась.

— Кадырбеч, — спросят у него, — почему ты не купишь себе приличную одежду?

— Э, дорогой, — разведет он руками. — Я с этой не могу расстаться, очень к ней привык. А деньги всегда пригодятся на что-нибудь другое, более полезное. А вдруг со мной или с женой что-нибудь случится? А? Вот тогда-то и понадобятся сбережения.

Председатель колхоза дал строгий наказ: ни с какими поручениями Кадырбеча ни в город, ни в районный центр, ни даже в другие аулы не отправлять. Но однажды этого не удалось избежать: на районное совещание вызвали лучших овощеводов, а Кадырбеч как раз собрал большой урожай помидоров. Снаряжали его всей бригадой — кто дал шапку, кто пиджак. А вот ботинки Кадырбечу, к великому сожалению, пришлось купить

самому — у него оказался сорок пятый размер, а в бригаде никто не носил такой большой обуви.

Было бы понятно, если бы Кадырбеч мало получал. Но работы он не боялся, даже другим пример показывал. Не заедала и семья. Жена его была дояркой и зарабатывала не меньше мужа, а единственный сын после службы в армии остался где-то в Вахшской долине, строил там гидроэлектростанцию и писал родителям очень редко, чаще всего на переводах. Всеми деньгами в семье распорядился Кадырбеч. Все складывал «на чёрный день». В общем, он был из тех, о ком адыги говорят: «За копейку даст зуб выдернуть». Каждый знал, что ему легче расстаться с жизнью, чем с деньгами. Сбережения свои Кадырбеч сберкассе не доверял — хранил их где-то в доме.

Войдя во двор, Кадырбеч сразу же направился к нашей беседке — на голоса.

— Послушай, Киримизе, — выпалил он, — вот уж правдивая поговорка: дуракам — счастье! Этот придурковатый Мишаост действительно выиграл автомашину. Вместо того чтобы продать счастливый билет грузинам за две стоимости машины, он — подумай только! — сдал его в сберкассе! А потом? Пустил по ветру все до копейки. Телевизор этим писюнам приволок, идиот! Уж я бы знал, что делать с такими деньгами!

— Что? — очень заинтересовался я. — Скажи, пожалуйста, что бы ты с ними сделал?

— Что? — Кадырбеч ошалело глянул на меня и поднялся. — Ладно, хорошо, что ты дома. Хочу попросить у тебя на денек ножовку — моя где-то затерялась. Взяв ножовку, он поблагодарил и ушел.

— Знаешь что, Киримизе, — сообщил Алий после ухода Кадырбеча. — Мы решили пересмотреть список. За счет упрощения.

— Это будет правильно, мне думается, — высказался я. — Но транзистор не помешает. Мы бы тоже брали его, да ведь тогда о таких аппаратах и не мечтали.

Как сообщается в сводках милиции, вечер прошел спокойно, ничто не предвещало резкой перемены погоды. Даже старики не почувствовали ничего подозрительного. Но ночью хлынул ливень. Он продолжался почти до рассвета. Ливень был такой, что, как у нас говорят, по его струям можно было взобраться на небо, как по тросам. Утром снова засверкало солнышко. Да такое

жаркое, будто никакого ливня и не было. И вдруг на аул налетел вихрь. Он завертел, закрутил все, что плохо лежало.

Я как раз вышел во двор умываться и вдруг услышал доносившиеся с улицы крики. Выглянул за калитку. Здесь творилось нечто невообразимое. Мальчишки бегали, что-то хватали с земли, ловили в воздухе. К ним присоединились некоторые взрослые. Тут я к великому своему удивлению заметил, что ветер разносил по аулу... деньги. Неподдалеку от меня упала десятирублевая купюра, и я невольно поднял ее. Банкноты самого различного достоинства — от пяти до двадцати пяти рублей — летели по улице, над огородами, висели на деревьях, падали в колодцы.

Что за чудо — выпал денежный дождь?

Прошло немало времени, прежде чем все пришло в обычную норму.

И тогда выяснилось: Кадырбеч слег с сердечным приступом. А вечером, когда ему стало чуток легче, его жена рассказала жене Мишаоста и другим приятельницам, что же, собственно, произошло.

Кадырбеч накопил много денег и постоянно тревожился об их сохранности. Прятал их обычно без свидетелей — когда жена была на ферме. Но она всегда догадывалась, где деньги, так как Кадырбеч по несколько раз на день навещался к своему сокровищу. Одно время они лежали в яме, которую он вырыл под кроватью. Потом перенес их в сад — зарыл у старой груши с дуплом. Но после этого потерял сон. Как только во дворе залает собака, Кадырбеч схватывается с постели и бежит к дереву. Вскоре он перепрыгнул деньги под камышовой крышей сарая. Каждый вечер он влезал на лестницу, изучал что-то там и, облегченно вздыхая, шел ужинать. Приходя с работы на обед, первым делом бежал к своему хранилищу.

А вчера вечером, когда пошел сильный дождь, крыша дала течь. Утречком Кадырбеч стремглав полез за свертком: не промокли ли деньги?

Сверток промок насквозь. Не стесняясь жены, он заплакал и стал осторожно разбирать раскисающие купюры. Вдруг, что-то сообразив, отправился в огород, к парникам.

Тут он немного приободрился — дело пошло на лад. Мокрые деньги он раскладывал на стекле парниковых

рам. Некоторые сразу же приклеивались к стеклу, но, подсыхая, сами отклеивались.

Когда раскладка была закончена, Кадырбеч совсем было воспрянул духом.

— Посмотри, — сказал он жене, которая пришла к нему на огород. — Мы самые богатые люди в ауле! Ни у кого нет столько денег! Ну, скажи — что тебе купить? Больше не буду прятать их — еще один такой дождь, и мы останемся нищими.

Жена, растерявшись, и ответить не успела — как раз в этот момент и налетел вихрь. Он поднял бумажки в воздух и понес над аулом.

Кадырбеч сперва словно бы окаменел, только в страхе ворочал головой в своей древней войлочной шляпе. Потом сорвался с места, стал хватать, подпрыгивая, деньги в воздухе. И тут он наступил на гвоздь, торчавший на одной из досок парника. С воем упал на землю и сразу же вскочил снова. Но куда там. Ветер размотал уже почти все, что было с такой любовью разложено на парниках. Идущие в школу ребята как раз и попали под этот необыкновенный дождь.

Через несколько дней я решил проведать Кадырбеча. Ему уже стало легче, врач разрешил выходить во двор. Он сидел под ореховым деревом, и я поначалу даже не узнал его. На нем была новая шляпа, новая рубашка, и брюки со складкой, каких он не носил даже тогда, когда был женихом. Заметив мое удивление, сказал:

— Послушай, Киримизе, я рассказывал тебе, что этот идиот Мишаост выиграл автомашину? Вот уж — дуракам счастье. Уж я бы знал, что делать с деньгами. — Сказав это, расхохотался от всей души.

— Что же ты сделал бы с ними? — не утерпел я.

Кадырбеч на мгновение умолк, потом снова расхохотался.

— Стыдно признаться... — проговорил наконец.

— Наверное, то же самое. Очень завидую этому чулаку Мишаосту.

Цацу
и Уцаца

Одно и то же событие в разных населенных пунктах воспринимается по-разному. В этой нехитрой истине мне лично не раз приходилось убеждаться. Вот самый

последний пример. Недавно довелось побывать в Москве. В московском аэропорту никто даже не повернулся в мою сторону. Всем решительно было все равно, приехал я или нет. Ходил по московским улицам, стоял на троллейбусных остановках — впечатление точно такое же, как и в аэропорту: как будто меня тут и не было.

Ровно через день после возвращения в Майкоп я решил заглянуть в свой аул. И что же? Не успел войти в автобус, как с сиденья вскочил какой-то длинноволосый паренек и крикнул мне:

— Дядя Киримизе, садись.

Я, разумеется, сел и стал припоминать, по какой линии он мне племянник. Вспомнить этого и до сих пор не могу.

Не успел выйти из автобуса, как меня окружило не менее десятка знакомых. А вечером многие бросили свои обычные занятия, чтобы повидаться со мной, потолковать о том, о сем.

Упомянул я об этом лишь для того, чтобы читатель ясно представил себе, какой переполох в ауле вызвал приезд Уцацы, которая не была здесь ровно четыре года. В ауле все только об этом и судачили.

Цацу и Уцаца — родные сестры, близнецы. Чтобы определить это, не нужно знать их родословную, для этого достаточно лишь взглянуть на них. И глаза, и волосы, и овал лица, и улыбка — все у них одинаковое. Даже походка и голос. Только Цацу немного выше ростом, а у Уцацы на щеках веснушки.

Уцаца не жила в ауле по причине весьма уважительной — лет десять назад вышла замуж за шахтера, а в нашем ауле, как известно, шахт нет. Уехала она со своей семьей в Заполярье.

Все в ауле здорово удивлялись — как это адыгейская девушка может выдерживать северные морозы. Ходили даже слухи, будто там день продолжается три месяца и столько же ночь. Лучшим доказательством того, что Уцаце за Полярным кругом живется так же хорошо, как в ауле, были фотографии ее семьи. Ее сын Буб выглядел точно так, будто не ходил постоянно в шубе и пимах, а бегал босиком по аулу.

Уцаца приезжала четыре года назад, когда умерла мать. Погоревала, поплакала с Цацу на дорогой могиле и уехала.

Цацу много раз просила сестру погостить, но все как-то не получалось — отпуск она проводила с мужем и сыном неподалеку от дома, в семейном санатории.

А в этом году Цацу стала посылать сестре письмо за письмом с просьбой приехать хоть с одним Бубом — ведь у него каникулы. Писала, что ее семья перебралась в новый дом, купила мебель, о которой Цацу давно мечтала.

«Конечно, мой муж — не шахтер, но тоже умеет деньги зарабатывать, — писала она, — и принять вас мы сможем, как вы того заслуживаете».

После этого письма Уцаца и приехала — она решила, что Цацу думает, будто она не едет в аул из-за того, что считает себя выше. Взяла отпуск за свой счет и прилетела с Бубом. Цацу со своим мужем Нурбием встретили сестру в майкопском аэропорту. Гостей посадили в такси, и вскоре машина остановилась у нового кирпичного дома, окруженного штaketником. Пунцовая жестяная крыша дома сверкала, словно лакированная.

— Ну, как? — спросила Цацу, когда они вошли во двор.

— Хорошо, — заулыбалась Уцаца.

— Не хуже, чем у людей, — заметила Цацу и распахнула широкие двери. — Входите.

В передней гостей посадили на табуретки — переобуваться. Уцаца и Буб получили тапочки.

— У меня всюду ковры, — пояснила сестра. — Их выбивать — легче дом перевернуть.

Нурбий, с криканием переобувавшийся стоя, как бы шутя пожаловался:

— Вот, Уцаца, каково нам приходится. Ни одному человеку не дозволено входить в этот дом в своей обуви. Как в мечеть.

Цацу сурово глянула на мужа, но промолчала.

В первой комнате, гостиной, пол был покрыт прозрачным лаком, в нем все отражалось, словно в зеркале.

— Польский лак, — мимоходом обронила Цацу.

Ужинали в кухне. Готовить Цацу умела и подавала одно блюдо за другим. После ужина Буба уложили спать, Нурбий занялся в сарае каким-то своим делом, а сестры вспоминали молодость.

— Помнишь, Цацу, — вздохнула Уцаца, — как мы жили когда-то. Как мы плакали, когда с фронта пришел тот пакет... Хлеба не было, мама заставляла нас

вертеть жернова ручной мельницы, что в сарае стояла, из кукурузы муку сами делали. А потом и ее не стало...

— А полы какие в старом доме были, — подхватила Цацу. — Волосы дыбом становятся от одного воспоминания. Как мы могли так жить?

Утром поднялись поздно. Нурбий уже ушел на работу, а Цацу стала показывать сестре свои владения.

— Вот этот гарнитур, — указала она на мебель в гостиной, — венгерский. В серванте — чехословацкое стекло и гэдэровский сервиз. Хрусталь — французский. Смотри, какие вазы. Я их достала по случаю. Вот посмотри. Такая только у старшего зоотехника есть.

Цацу достала какую-то белую тряпку, с ее помощью отодвинула стеклянную дверцу и пальцем показала на вазу.

— А что ты сейчас делала с тряпкой? — удивилась Уцаца.

— А... это я, чтобы на дверце не остались следы пальцев. Так и мужа приучила. У нас порядок. Вещь-то дорогая, беречь надо.

Уцаца пошутила:

— Ты для гостей специальные перчатки заведи... — Потом всерьез добавила: — Неужели дверца испортится, если ее рукой открыть?

Цацу эта реплика не понравилась, но она промолчала: с гостем не спорят. Вдруг вбежавший в комнату Буб с разбегу наскочил на маленький одноногий столик и опрокинул его на пол. На прозрачной лакированной поверхности пола появилась царапина.

Цацу подбежала к растерявшемуся от своей неловкости мальчику и вlepила ему крепкий подзатыльник.

— Посмотри, что наделал этот разбойник, — закричала она. — Посмотри только! Опарал такой пол.

— Нехорошо, конечно, получилось, — откликнулась Уцаца. — Да ведь он не нарочно. Стоит ли из-за мелочи так себя расстраивать? Давай лак, я сейчас заделаю царапину... А ты, Буб, иди, во дворе бегай.

День прошел сравнительно спокойно. Вечером, после ужина, все чинно уселись в гостиной перед телевизором. Нямаявшийся за день Нурбий прилег на диване.

— Ты что! — ужаснулась Цацу. — В старой одежде на новый диван? Где твоя пижама, зачем я тебе ее покупала? Если уж тебе обязательно надо валяться, шел бы в коридор — там старый диван стоит.

Нурбий покраснел и поднялся.

— Я сказал, что эту дурацкую пижаму надевать не буду, — едва сдерживаясь, проговорил он. — И вообще давно хотел тебе сказать — надо все, что есть в этом доме, собрать и сжечь. Разве для того мы так дорого платили за вещи, чтобы любоваться ими? Разве для того я вкалываю день и ночь, чтобы ходить дома на цыпочках? Вещами надо пользоваться...

Он исчез в дверях. За ним выбежал Буб.

Уцаце стало душно, она подошла к окну, намереваясь открыть форточку.

— Нельзя! Нельзя! — насмерть перепугалась Цацу. — Открывать форточку нельзя!

— Почему?

— Также мне хозяйка, такой мелочи не знает. Пыль на вещи садится, они портятся.

Узнал я обо всем этом от Нурбия. Встретил его возле «Голубого Дуная». Судя по курсу, которого он в тот момент придерживался, принципиально непылющий Нурбий собирался навестить это злачное место.

— У тебя, говорят, гости, — поздравил я его.

— Были, — уныло возразил Нурбий.

— Как это — были? Уцаца, говорят, только позавчера приехала.

— А сегодня уехала.

Поведав о том, что произошло, Нурбий взял меня под руку.

— Пойдем, Киримизе, пропустим. Подходящий повод.

— И это все, на что ты способен? — удивился я. — Командуешь двадцатью здоровенными мужчинами, вывел бригаду на первое место в районе, а тут...

— Что же мне делать, Киримизе? — взмолился он. — Характер у нее такой. Сам шайтан давно убежал бы от нее, а я терплю. А ведь в первые годы после женитьбы...

Пришлось напомнить Нурбию, что я не мулла.

— А если бы ты был муллой?

— Велел бы тебе носить одежду жены, а ей — твою и пускал бы ее вместо тебя в мечеть.

Нурбий долго разглядывал меня, словно вдруг вместо его старого знакомого тут оказался папа римский. Потом рассмеялся.

— Надеюсь, до этого не дойдет, — пообещал он, поворачивая к своему дому. — Да, Киримизе, не дойдет, — решительно закончил он.

Лаукан и Лашин

Об этих людях мне хотелось рассказать давно, да все что-то мешало. То командировки, то сверхсрочная работа, то мысль о том, что тематика события будто бы устарела. В самом деле, время идет вперед, крестьянский труд преобразуется неузнаваемо и вроде как-то неудобно писать о каких-то тляках и звеньях, выростивших кукурузу вручную. Ну что могут значить те двадцать гектаров, которые взялось возделывать звено Лаукана? Теперь это одному механизатору, как говорится, на один зуб.

Каждый раз, встречая Лаукана и Лашин, я чувствовал себя их должником. Точнее, не их, а вообще должником. «Вот вернусь и напишу», — говорил себе, но снова что-то отдаляло именно эту работу.

А совсем недавно, походив по аулу, вдруг почувствовал, что мне чего-то не хватает. Здоровуюсь с земляками, перебрасываюсь дежурными репликами, а сам все оглядываюсь по сторонам. И вдруг спрашиваю стоящего рядом:

— Что это Лаукана не видно?

— А ты не знаешь? — отвечают мне вопросом на вопрос.

По доброму и улыбающемуся лицу собеседника принимаю, что у Лаукана дела хороши.

— Лаукан со своей милой старушкой Лашин торжественно отдыхают и лечатся в новом колхозном санатории, что на берегу Черного моря... Им, как победителям соревнования, выдали бесплатные путевки. Все отказывались они брать путевки, но всем аулом их угорили...

Радостно стало на душе. Я про себя запел песню, о которой мне однажды подробно рассказал Лаукан.

Хочется побыть одному. Иду к реке. Ветер шумит в лозняке. Кустарник резко обрывается, открывая извилистую ленту Афиписа. Где-то неподалеку отсюда несколько раз повстречал я Лаукана, когда он стал звеньевым. Позабыв про дочку, старик со смехом рассказывал, как ловко «разыграла» его жена в тот знаменательный для него день. Как обычно, они, сидя за чаем, слушали передачи областного радио. Пела молодая певи-

на, окончившая столичную консерваторию. Пела так, что у Лашин показались слезы на глазах. Лаукан из вежливости отвернулся.

— Год назад, — тихо проговорила Лашин, — эта девочка приезжала к нам в аул с другими молодыми артистами. Красавица, умница, дай ей аллах, хорошего мужа.

После концерта начали передавать вести из аулов. Диктор сообщил, что пенсионеры из Пшизова, организованные в минувшем году в звено, готовятся к сезону кукурузы. Они делают все, чтобы получить с каждого гектара по шестьдесят центнеров зерна.

Эта информация заинтересовала Лашин.

— Вот так пенсионеры! — воскликнула она. — Да ведь это настоящие джигиты. Вместо того чтобы слоняться из угла в угол дома или толочь воду в ступе на площади, они занялись делом.

Лаукан, второй год отдохавший «по возрасту», пропустил реплику мимо ушей: ему и в голову не могло прийти, что старуха намекает на собственного мужа. Жили они дружно, весь век честно трудились, в любви к труду воспитали и детей. Дочери выходили замуж, сыновья тоже обзавелись своими семьями, изредка навещали их. Лашин ушла на пенсию года четыре назад. Пока Лаукан работал, она чувствовала себя хорошо. С утра наготовит всякой снеди, укомплектует корзиночку, и в поле. Тут она незаметно присоединялась к работающим. Слово бы невзначай сделает то одно, то другое. Все к этому привыкли, и когда Лашин однажды, заболев, не пришла на работу, звеньевой встревожилась:

— Что же это получается, Лаукан, подводит нас твоя половина. Я ей на сегодня специальную работенку припас.

— Ты, Хамзет, наверное, забыл, что Лашин — пенсионерка, ходит просто так, — напомнила одна из колхозниц.

— Честное слово, забыл, — рассмеялся звеньевой. — Ходит каждый день, как все, я и забыл.

А с тех пор как на пенсию вышел Лаукан, Лашин ратосковала. Ткнулась было к детям, но оказалось, что там никакого дела нет. «Отдыхай, нан, намаялась за свою жизнь, пока нас вырастила. Сиди, сами все делаем». Приготовит что-нибудь вкусное, выбирая наиболее

более трудоемкое, снова пыль сотрет, еще раз пол вымоет, опять радио послушает. С соседкой поболтает часок. Что еще? Вот почему сообщение о звене пенсионеров из Пшизова так заинтересовало ее. Не дождавшись ответа на свою реплику, Лашин добавила:

— Выходит, и старики разные бывают. Одни сидят перед своими старухами и позевывают, а другие рекорды ставят, людям пользу приносят.

— Можно подумать, — отозвался Лаукан, — что они делают что-то особенное. Подумаешь, кукурузу выращивают. Мы это делали всю жизнь.

— Вы делали, а они делают, в том и разница. Или ты думаешь, что той кукурузой, которую ты вырастил три года назад, можно сегодня кормить скот? Ничего не скажу, может быть, в здоровье наши старики и не уступят тем джигитам, но тогда еще обидней за них.

— Думаю, — возразил Лаукан, — что наших стариков не следует обижать, они ни в чем не уступят своим сверстникам. Лично я, — неосторожно добавил он, — мог бы получить не шестьдесят центнеров с гектара, как они, а все семьдесят пять. Вот так. На каждый свой год по центнеру, — добавил он.

— На словах у нас героев тысячи, — засмеялась Лашин, — а когда доходит до дела, все начинают кричать, охать, кашлять; хвататься за поясницу — тут болит, там болит. Сиди уж, джигит, со мной, смотри, как я у печки вожусь. Не тебе соперничать с настоящими ребятами.

Лаукан никогда не кричал, не охал и не кашлял. Но за поясницу хватался, что было, то было. Радикулит, бывало, прихватит так, что сил не хватало терпеть боль. Теперь он понял, что старуха высмеивает и его.

— Это еще неизвестно, могу я соперничать с кем-нибудь или нет, — крикнул Лаукан и, набросив бешмет, выбежал из дому.

Если бы он оглянулся, то увидел бы добрую усмешку своей Лашин, которая радовалась, что сумела все же таки зажечь уже начавшего поддаваться ленивой одуре мужа. Теперь она знала — Лаукан не отступится, пока не обгонит звено из Пшизова. А это значит, что хватит дела и ей. Но как раз на этом пункте она и ошиблась. Звену пенсионеров, которое организовал Лаукан, выделили отдаленный участок, неподалеку от полевого стана. Их возили на работу на колхозной машине и ве-

чером доставляли домой. Дважды в день — утром и днем — кухарка с полевого стана доставляла всем горячую пищу, свежую ключевую воду, почти ежедневно к ним навевывалась походная автолавка. Лаукан даже ухитрился как-то привезти ей с поля очень красивый и скромный шерстяной платок. Довольный ходом дел, он не обращал внимания на настроение Лашии. А оно у нее с каждым днем становилось все хуже.

Замысел Лашии был прост. Втравить старика в работу, поднять в нем боевой дух и, как это было раньше, незаметно подключиться к делу. Но сейчас подключиться никак нельзя было. Звено уезжало рано, когда еду дома надо готовить. Готовить-то она готовила, а везти ее старику незачем было, раз так здорово наладили общественное питание. Не откальваться же звеньевому от массы, чтобы ублажить жену. Вот так нехорошо все получилось. Теперь стало еще хуже, чем раньше — со стариком дома все же веселей, чем одной.

Несколько раз она с попутными машинами добиралась до участка Лаукана. Всходы кукурузы были крепкими, чистыми, почти не требовали прорывки. Но зарядили обильные дожди. Это значило, что сорняки попрут с бешеной силой. Так оно и получилось. В самые трудные дни она помогала пропальвать посеvy. Думала незаметно закрепиться, но Лаукан попросил ее больше к ним не приезжать.

— Это почему же? — всерьез обиделась Лашии.

— Видишь ли, — пояснил старик, — у пшизовского звена должны быть равные условия с нами, иначе это не соревнование. У них в звене — десять человек. И у нас — десять. А ты — одиннадцатая. Не говори, что ты просто гость, все знают, как ты работаешь — за четыре часа сделаешь столько, сколько другой за день не работает. Так что эти прогулки ты оставь.

...Здесь, у реки, я живо представил себе добрую Лашию, не сумевшую поставить на своем в таком простом деле. Она тосковала оттого, что ей не разрешили работать вместе с мужем. Разумеется, примириться с этим она не могла и не собиралась. Осенью, когда Лаукан и его друзья сдали по семьдесят семь центнеров зерна кукурузы с гектара, она устроила старику пышное угощение.

— Это хорошо, — сказала за ужином. — Вы обогнали джигитов из Пшизова и справедливо награждены

грамотами. Но учти — в будущем году вам придется иметь дело с более серьезным соперником. Так что, дорогие, набирайтесь сил.

— С кем же это нам так трудно будет тягаться? — насторожился Лаукан.

— Со мной, старик, с твоей старухой. Решила взять гектар и получить с него по девятисто центнеров зерна.

Мне приходилось бывать на участке Лашии. Сейчас, когда основные работы на возделывании кукурузы полностью механизированы, когда с сорняками борются с помощью гербицидов, когда калиброванное зерно высевается по заказу, даже трудно представить, сколько труда вкладывали колхозники в каждую сотку своего участка. Говорили, что Лашии иной раз и ночевала в поле — когда шла прорывка. В каждом гнезде у нее было по два растения, а вокруг — ни стебелька чужого. Набравшийся за несколько лет птичий помет пошел в дело. Достала тележку, бочку, вносила этот помет по всем правилам. С агрономом советовалась, спорила, регулярно слушала радио...

О соревновании супругов-пенсионеров мы передали небольшой репортаж, о нем даже сообщила центральная газета. Я сказал себе: осенью, когда соберут урожай, обязательно расскажу о Лаукане и Лашии, о людях, которые не мыслят себя без дела. Дела разные бывают, очень разные. Встречаются еще здоровенные парни и девушки, занятые на своих парниках. Тоже дело. А эти старики не мыслят свое существование без общественно полезного дела. И не нужно им признание, не нужна слава, не гонят они и за большими деньгами. Подумать только: эти люди начинали свою жизнь припаризме, в зрелом возрасте встретили коллективизацию. Лаукан вступил в колхоз одним из последних в ауле, а потом еще не один год ходил на то место, где раньше размещалась его земля. Казалось, не вытравить из его души частнособственнических корней. Но как только по аулу пронеслась весть о войне, сразу же ушел добровольцем. А Лашию первой впряглась в плуг, когда аул был очищен от немецко-фашистской погани, — лошадей-то не было...

Недолго побыли они на заслуженном отдыхе. Оба — на колхозной ниве. И оба — рекордсмены. Лашию удалось обогнать стариков, и те страшно огорчились.

Уже засел тогда за рассказ, но что-то снова отвратило. Но чуть позже я его все же закончил и послал прямо на курорт Лаукану и Лашин с дарственной надписью: «Это о Вас, за Вашу чистую и правильную жизнь».

Мистер Джексон в Шапсуге

— Послушай, Кирымизе, — прошептал Алий, когда я с чемоданом в руке проходил мимо его калитки. — К нам приезжал мистер Джексон. Ты его знаешь?

Алий был уверен, что я лично знаком со всеми выдающимися представителями человечества, но только скрываю это. Мистера Джексона я, разумеется, не знал, но, говоря откровенно, не чувствовал из-за этого себя несчастным.

— Мы с ним разговаривали по-английски, — еще более таинственно сообщил Алий.

— И ты? — удивился я.

— А я что, хуже других, — обиделся Алий. Он не выносил, когда ему делали какие-либо скидки на возраст или сомневались в его возможностях. — В нашем классе многие хорошо знают английский.

Тут я вспомнил, что в местной средней школе английский язык вел Кадырбеч, проработавший несколько лет в одной из арабских стран. Ежегодно его питомцы пробивались сквозь плотный строй конкурентов в лучшие лингвистические вузы Москвы и Ленинграда.

«Видимо, — подумал я, — постановкой преподавания английского языка в нашем ауле заинтересовались английские педагоги».

— О чем же ты говорил с мистером Джексонем?

— Я ему читал американский журнал, — небрежно заметил Алий так, словно это являлось его обыденным занятием.

— А он что?

— Он был какой-то странный, — подумав, ответил Алий. — А когда Нафисет спела ему английскую песенку, он начал пожимать Кадырбечу руку. Тряс так, что Кадырбеч головой мотать начал.

После обеда я решил навестить Кадырбеча, чтобы узнать подробности первых контактов нашего аула с капиталистическим миром.

Кадырбеч просматривал тетради, но тотчас отложил работу и повел меня в беседку, увитую виноградной лозой. Сквозь густую листву едва-едва пробивались скудные лучи солнца. Блики света играли на смуглом лице Кадырбеча, и казалось, будто он все время улыбается. На самом деле он улыбался редко и очень скупно. Я знал: во время одного из уроков русского языка, которому он обучал арабских ребят, начался воздушный налет. Израильская бомба попала в школу. Рухнувшая стена придавила четырех девочек, спасти их не удалось. Кадырбеч в дни Великой Отечественной войны был маленьким мальчиком, не помнил ее ужасов, и это дикое варварство оставило в его сердце незаживающую рану. Он как-то признался мне, что не может никак забыть убитых и изувеченных осколками арабских девочек.

После обычного обмена новостями я попросил Кадырбеча рассказать о визите мистера Джексона.

— Кстати, какая организация его направила сюда?

— Никакая, он ездил сам по себе, как турист, — ответил Кадырбеч. — А встретились мы случайно, в кассе аэропорта. Он прогуливался, видимо кого-то поджидая, и услышал, что я заказал билет на Майкоп. Подошел, извинился, представился и сказал на ломаном русском языке, что тоже летит в Майкоп и рад будет иметь попутчиком адыга. И еще он сказал то, что более всего меня заинтересовало: будто бы неподалеку от Лос-Анджелеса, рядом с его фермой, проживает старик-адыгеец из аула Шапсуг. Старик этот оказался за океаном давно, был туда привезен мальчиком. «Если удастся, — попросил тот старик, — посмотри, как там живут мои односельчане. Своими глазами».

Кадырбеч, конечно, тут же сообщил американцу, что живет именно в этом ауле и будет рад показать все, что интересует мистера Джексона и его знакомого старика. Он добавил, что в ауле много хорошего, но по выражению лица мистера Джексона понял, что это не особенно обрадовало гостя. И он тут же перешел в атаку.

— Может быть, — добавил Кадырбеч, не скрывая иронии, — вас больше интересует плохое? Тогда, мистер Джексон, вам тем более надо побыстрее к нам ехать.

— Почему? — оживился американец.

— Плохое у нас тоже есть, — ответил Кадырбеч. — Но с каждым годом его становится все меньше. Вот, на-

пример, как раз в эти дни в ауле должны пустить водопровод. Если вы успеете побывать до его пуска, то в блокнот можно будет занести фразу о том, что темные адыги до сих пор пользуются колодцами. Через две недели это уже будет не так, шанс будет упущен.

Мистер Джексон сухо заметил, что он человек беспристрастный — что увидит, о том и расскажет. А главное — у него есть с чем сравнить: старик рассказал ему, что аул собой представлял раньше.

В самолете их места оказались в разных концах салона, Кадырбеч сидел ближе к выходу. Не прошло и часа после вылета из Москвы, как реактивный лайнер коснулся адыгейской земли. Кадырбеч пригласил иностранца тут же отправиться с ним в аул, благо, машина ждала. Но мистер Джексон отказался.

— У меня дела в Майкопе, — сказал он. — Я там пробуду несколько дней. А остановлюсь в ауле у знакомых старика, если они живы, у Абреджей. Так он просил.

— Абреджи живы, я их хорошо знаю, — сказал Кадырбеч. — Внуки старого Джантемира Абреджа учатся в нашей школе. Если хотите, я их предупрежу, они за вами заедут — у младшего сына Джантемира своя «Волга».

Но мистер Джексон отказался и от этого. Он даже очень просил ничего никому о его приезде не говорить — вдруг он не выкроит времени и люди будут зря потревожены.

На том и расстался.

— А через неделю вдруг узнаю, — продолжал Кадырбеч, — что мистер Джексон уже в ауле. Школьники, внимательно наблюдавшие за ним, сообщили: фотографирует самые ветхие дома, заснял незасыпанную водопроводную траншею, инвалида с деревяшкой вместо протеза, старого Кадыра с его единственным в ауле облезшим ишаком, на котором он перевозил кукурузу с приусадебного участка, и многое другое.

Когда у Кадырбеча оказалось свободное время, он решил навестить гостя — так велит обычай. Но дома мистера Джексона не оказалось. Джантемир Абредж сказал:

— Он привез мне от моего приятеля из Америки плитку шоколада — в целый килограмм. Я решил ответить на подарок подарком. Поскольку я во время вой-

ны был в гвардейском корпусе, решил подчеркнуть это. Смотри, хватит?

Оказывается, старик закупил для американского родича ящик шоколада «Гвардейский».

— Джексон сейчас на берегу Афиуса, — добавил старик, — можешь его там найти. Правда, он любит бродить в одиночестве...

Джексон, сидя на камне, глядел на реку и покуривал. Настроение у него было, по-видимому, хорошее, а Кадырбеча он встретил как доброго знакомого. После обмена любезностями Кадырбеч спросил:

— Собираетесь ли вы, мистер Джексон, навестить нашу школу? Уверен, что вашему старику интересно будет послушать, как тут учатся. Ведь когда он уезжал, в Адыгее было девяносто восемь процентов неграмотных, а в нашем ауле даже школы не было.

— А сейчас? — спросил мистер Джексон.

— Сейчас у нас несколько малограмотных осталось только среди стариков, которые постыдились посещать курсы ликбеза — не захотели сидеть рядом с женщинами.

— Я бы, конечно, хотел поговорить со школьниками. Если, конечно, мне разрешат, — сказал мистер Джексон, — завтра я приду в школу.

— Для этого не требуется разрешения, — ответил Кадырбеч. — У нас там секретное оружие не производят.

Вечером Кадырбеч покопался в литературе, которую недавно привез с собой из Москвы, а утром предупредил шестиклассников, что сегодня к ним пожалует заморский гость. Напомнил, что интересуется он только плохим, и раздал ребятам несколько американских журналов, в которых кое-что рассказано о жизни в Америке.

— Это я для того, — пояснил мне Кадырбеч, — чтобы хитрый иностранец не имел преимущества, которое дает внезапность нападения. На равных — пожалуйста.

Когда он вошел в класс, все встало.

— Как будем беседовать? — спросил мистер Джексон. — Вы не знаете английского, а я — адыгейского. А как насчет русского?

Один школьник ответил по-английски:

— Русский мы знаем хорошо, но давайте попробуем по-английски. Кадырбеч Ахмедович нас хорошо учит, и мы немного разговариваем.

Этого мистер Джексон никак не ожидал. Он очень удивился. Потом собрался с духом и радушно произнес:

— Тогда еще лучше. Скажите, дети, вы знаете, как живут американские дети?

— Немного знаем, — поднялась рыженькая Нафисет. — Как во всех капиталистических странах. Богатые — хорошо, а бедные — плохо.

— А вы живете еще хуже наших бедных, — двинулся напрямик в атаку гость. — Разве так можно жить? В ауле на большинстве улиц нет даже асфальта. А газ у вас на кухнях есть? Я был в ваших магазинах — там даже холодильника не купишь без очереди.

— А у нас есть холодильник, — вмешался вдруг Алий. — Нам дядя привез. И газ в баллонах имеем. А в будущем году большой газ придет в аул, по трубам...

— Что же вы в холодильнике держите? — полюбопытствовал мистер Джексон.

— Папа там держит коньяк. Для дяди. А продукты мы сохраняем в погребе, там просторней.

— М-ге, — промычал мистер Джексон, — видимо, он вспомнил погреб Абреджей, набитый самыми разнообразными продуктами.

— Тут люди привыкли к иным масштабам, — пояснил Кадырбеч. — Зарезали овцу или теленка или десяток кур — разве это в холодильник влезет.

— У вас, — решил продолжить наступление гость, — ни в одном доме нет кондиционера.

— А зато у нас бесплатное обучение. А у вас за это деньги платят, — ответил Казбек. — И еще у нас лечение бесплатное, а у вас обдираловка.

Казбек так и сказал: «флис»... И это жаргонное словечко вдруг рассмешило Джексона.

— Все же, — заметил он уже более миролюбиво, — американские мальчишки и девчонки живут веселее вас — они слушают популярную музыку.

— Не все, — поднялся Алий.

— А ты откуда знаешь? — ухмыльнулся гость. — Ты ведь у нас не был.

— Не был. Но я читал ваш журнал «Политика аффера». Вот что я тут прочитал: «Америка для богатых рай, а для бедных ад. Около десяти миллионов бедняков голодают. Половина детей бедняков из-за недоедания и плохого питания сделались больными...»

Из-за этого они становятся умственно отсталыми, учеба им не дается...»

Мистер Джексон подошел к Алию, взял у него журнал, повертел, прочитал несколько строк, отдал, потом повернулся к Абдулу — внуку Джантемира.

— А ты, Абдул, говоришь по-английски? — спросил он.

— Иес, ай ду э дитл.

— Почему же ты мне раньше не сказал?

— А вы не спрашивали.

Кадырбеч не без намека глянул на часы.

— Ребята, — помолчав, сказал мистер Джексон, — вы мне все очень понравились. До свидания. Спасибо за урок.

Ученики встали, и он ушел.

После занятий Кадырбеч решил снова навестить гостя — хотелось узнать, не обиделся ли он. Конечно, мистер Джексон фотографировал облезшего ишака, намекаясь, видимо, объявить его основной тягловой силой Адыгеи, но все же это был гость. Дома его не оказалось — Джантемир сказал, что он опять пошел на реку. Кадырбеч направился к тому месту, где накануне видел иностранца. Мистер Джексон занимался каким-то странным делом: наклонялся, что-то собирал и складывал в полиэтиленовый мешочек. Подойдя, Кадырбеч увидел — он собирает камешки, обыкновенные голыши: потом взрыл перочинным ножом землю и прямо руками стал насыпать ее в мешочек.

Заметив Кадырбеча, выпрямился.

— Мне неудобно, — вдруг сказал он как-то уж слишком тихо, — а вас попрошу: передайте, пожалуйста, старику, чтобы не посылал своему другу в Америку шоколад. Старик не до шоколада. Ему недостает вот этого...

Он потряс мешочком и закончил:

— Родной земли!

Бунтовщица

Уж не знаю, поймет ли меня на этот раз читатель. Надеюсь все же, что не только примет, но и порадуетя вместе со мной. Ибо видеть за малым большое может, мне думается, лишь душевный, отзывчивый человек. Но, скорее всего, единодушный в оценке этого рассказа не

будет. Найдутся читатели, которые скажут: «Нашел, о чем писать. Да еще в разгар уборки овощей».

У каждого народа есть свои обычаи, которые по тем или иным причинам не соответствуют духу нашего времени. И о них немало пишут. Большинство из них прямо или косвенно направлено на то, чтобы как-то затормозить раскрепощение женщины. Калым, то есть купля жены, не лучше умыкания невесты. И о том, и о другом сейчас говорят в полный голос. Но имеются у адыгов и свои, присущие только нам обычаи, которые ставят женщину в приниженное положение по сравнению с мужчиной. Когда и где женщина садится за стол? В такие тонкости вмешиваться еще не принято. Собрались приятели в кунацкой, отмечают какое-либо событие, быть может, даже «обмывают» премию, полученную женой хозяина за высокие привесы телят. Но где же виновница торжества? За столом ее нет. Она лишь изредка появляется в комнате, где идет пир, словно тень — ставит на стол очередное блюдо и исчезает. Таков обычай.

Но сегодня у меня разговор не об этом. Побывав недавно в ауле, я услышал новость. Асиет — «собачница»...

— Ты знаешь, Киримизе, — обратился ко мне один из сверстников, допустим, Индрис, — дочь старого Схатбия, кавалера трех орденов Славы, завела себе собаку.

Я, разумеется, улыбнулся. У адыгов как-то не принято, чтобы женщины или девицы на выданье возлились с собаками, это — удел мужчины. Впрочем, понятие «не принято» не полностью отображает действительное положение. Как не положено женщине присутствовать, к примеру, на похоронах, так и не положено ей и прикасаться к собаке. Это один из запретов, священных запретов, которым еще подчиняется у нас женщина. И до сих пор о конфликтах, связанных с нарушением, так сказать, «собачьего» запрета, мне слышать не приходилось. Все дело, видимо, в том, что у женщины и без того хватает хлопот. Сообщение Индриса меня не особенно разволновало. Подумаешь, Асиет завела себе собаку. Ну и пусть возится с ней. Один мой знакомый в Майкопе держал в ванной водяных крыс, и никто не высмеивал это странное «хобби». Лишь расставшись с Индрисом, я понял, что между причудой моего знакомого майкопчанина и поступком Асиет — огромная разница. И все же не придал бы ему, как говорят, «должного значе-

ния», если бы следующий же встречный, допустим, Керим, не начал разговор все с той же новости.

— Ты знаешь, Киримизе, — произнес он довольно озабоченно, — дочь старого Схатбия, заслуженного человека, завела себе собаку!

Индрис был механизатором, Керим — учителем. Индрис даже десятилетки не осилил, Керим окончил университет.

Казалось бы, они обязаны были смотреть на притихнуть Асиет по-разному. Но со мной как будто разговаривал один человек. И я спросил:

— Ну и что? Что ты видишь плохого в том, что Асиет завела себе собаку? Собака — друг человека, это давно известно.

— Человека — да, — хихикнул Керим. — Но Асиет — женщина. Она невеста!

Вот оно что!

— Ты чего-то недоговариваешь, — заметил я. — Кто же ее жених?

— Мой сын! — бухнул Керим.

Я промолчал.

— Через месяц Сафер заканчивает Тимирязевку, — возмущенно продолжал Керим. — Собираемся сыграть пышную свадьбу. Сам подумай — двое фронтовиков хотят породниться, разве это плохо? А тут эта страшная новость — Асиет завела себе какую-то суку.

— Знаешь, Керим, — попытался я успокоить старого товарища, — мне кажется, ты преувеличиваешь трагедийность ситуации. Может быть ведь и так — Асиет, учтивая охотничья наклонности своего жениха, решила подготовить ему подарок особого рода. И Сафер обрадуется этому.

Керим достал из кармана пиджака очки, протер стекла носовым платком, не спеша водрузил их на нос и посмотрел на меня каким-то испытующим, с примесью осуждения взглядом. Потом сказал:

— Хотел бы я сейчас быть на твоём месте. Хотел бы тебе рассказать кое-что насчет сознательности и послушания, что ты будешь бормотать мне в ответ. Ибо спрашивается: кому нужна бунтовщица?

Закончив эту реплику, он приложил два пальца правой руки к тулье шляпы и пошел своей дорогой.

А я стоял на месте, словно пригвожденный к земле. Бунтовщица! Не больше и не меньше.

Последний раз я видел Асиет года два назад, когда проводывал ее отца Схатбия — моего односельчанина. Невысокая, худощавая, черноволосая, с длинными плотными косами, она казалась семиклассницей, хотя именно в том году окончила школу и пошла на ферму. Принесла что-то отцу, бросила исполненный любознательности и робости взгляд на меня, едва слышно поздоровалась и скрылась. Ничто в ее облике тогда не выдавало, что в душе ее прорастают зерна бунтарства.

Решил снова провести Схатбия.

Едва отворил калитку, как под ноги мне со щенячьим подвизгиванием бросилась собачонка какой-то неопределенной масти — сероватая, с рыжими подпалинами на боках, с черной звездочкой на крутом лбу. И тотчас раздался спокойный девичий голос:

— Дядя Киримизе, не бойтесь, Нарт не кусается, просто он решил познакомиться с вами. Нарт, ко мне! Нарт! Здравствуйте!

— Папа! — крикнула она. — Дядя Киримизе у нас! Собачонка, виляя хвостом, бросилась к хозяйке.

За эти годы Асиет сильно изменилась — подросток превратился в привлекательную девушку. Те же косы, но если раньше они подчеркивали ее робость, так сказать, «молодили», то теперь они же придавали ей вид солидный и немного лукавый. Складки углуб подчеркивали характер. Не упрямство, а именно характер, целеустремленность, надежность. И все же ничего «бунтарского» при всем желании обнаружить в ее облике не удалось.

— Почему ты ее назвала Нартом? — заинтересовался я. — Она совсем не похожа на богатыря.

— Я ведь подобрала эту собачку, когда она была совсем маленькой. Вышла как-то утром во двор, а у крыльца жметя щенок. Глаза его молят о помощи. Присмотрелась — передняя лапка кровоточит. Что делать? Внесла в дом, выкупала, перевязала лапку, накормила. Назвала Нартом.

— Я ей не раз говорил, что собаками должны заниматься мужчины, — проговорил подошедший к нам Схатбий. — Да разве ей что-нибудь втолкуешь? Жалко и жалко, и весь разговор. А потом привыкли друг к другу.

— Неужели Схатбий оправдывался? Похоже было на то. Стало неловко за него, и я сказал:

— Стоит ли, Схатбий, нам вмешиваться в такие пу-
стыки?

Схатбий невесело улыбнулся.

— Ты-то знаешь, как я сам отношусь к собакам. Собака-санитар вытащила меня с поля боя, когда я, раненный в живот, валялся без сознания. Вытащила на нарты и привезла на перевязочный пункт. И мне вообще чихать на все и всяческие пережитки. Но приходил Керим...

Он умолк, но и без того все было ясно.

— Смешно, дядя Киримизе? — вздохнула Асиет. И вдруг жарко рассуждала: — Не верю, не верю, что Сафер может рассуждать так же, как наши старики и кумушки. Не верю! Приглашаю на свадьбу, дядя Киримизе.

— Спасибо, Асиет, — поблагодарил я. — Обязательно приеду. — Ты телеграмму дай или позвони.

Случилось так, что я надолго отлучился из Майкопа. Длительная командировка, отпуск, еще одна дальняя поездка. Я не раз вспоминал «бунтовщицу» и жалел, что не сумел побывать на ее свадьбе. Собраться в аул, прихватил подарок для молодоженов. Но вручить его мне не довелось. Еще в автобусе кто-то из земляков сообщил мне, что сватовство Сафера и Асиет разлаживается, свадьба отложена на неопределенное время.

Вечером я решил провести Схатбия. Во дворе меня встретил добродушный веселый пес.

— Как живешь, Нарт? — осведомился я, потрепав его по крепкой холке.

Пес вильнул хвостом и залаял. Сразу же появилась его хозяйка. За два-три месяца она изменилась еще больше, чем за предыдущие два года. Похудела, осунулась, стала еще стройнее. Глаза запали, на лице лежала печать отчуждения, разочарования, боли.

— Поторопилась я, дядя Киримизе, с приглашением на свадьбу, — проговорила она и тотчас сжала губы, чтобы не заплакать.

Молчать было неудобно, и я проговорил, не подумав:

— Обойдется еще, Асиет, повод-то уж слишком несерьезный.

Она вздохнула.

— Повод и верно. — несерьезный, дядя Киримизе. Да разве дело в собаке? Если жених кричит на весь аул

«Или я, или этот паршивый пес», то что можно ждать от нашей совместной жизни в будущем?

Я прошел к Схатбию. Он лежал в постели, на стуле у кровати размещались склянки, бутылочки и коробочки с порошками.

— Хорошо, что ты пришел, — обрадовался Схатбий. — Меня эта история скоро доконает. Нам обоим довелось в танке гореть, так скажу откровенно — лучше бы мне второй раз из огня выкарабкиваться, чем из этой истории. Уговори ты Асиет, пусть отведет свою собаку к тетке в Адамий, та будет смотреть за ней, как за лучшим другом.

— В такие дела постороннему лучше не вмешиваться, — осторожно возразил я. — Да и тебе стоит ли ломать характер дочери?

— Пойми, Киримизе, умру я скоро. А с ней что будет? Хочу видеть ее устроенной, в хорошей семье, счастливой. А где ей будет лучше, чем у Керима? Уж где-где, а там ее не обидят.

Правильно поняв мое молчание, он неуверенно попросил при случае поговорить с Керимом и Сафером.

— Объясни им, дорогой, что пора уже по-другому относиться к этим идиотским пережиткам.

Это я пообещал.

Случай поговорить с Сафером представился на следующее же утро. Председатель колхоза пригласил меня осмотреть новый молочный комплекс. Буквально за несколько минут до поездки его вызвали в район на совещание. Он извинился и предложил в качестве гида молодого специалиста, выпускника Тимирязевской академии Сафера. Я, конечно, согласился.

Сын Керима был высок, широкоплеч, узкобедер, под короткими рукавами цветастой импортной сорочки играли голубые бицепсы. Он был самоуверен и очень доволен собой, но старался это скрыть в моем присутствии. Таков этикет: при старших держись поскромнее. «Газик» вел сам. С ходу взяв высшую скорость, сразу же стал называть цифры: стоимость комплекса, сроки возведения, организацию труда, систему доения и многое прочее.

Исчерпав тему, добавил:

— Это в общих чертах. На все ваши вопросы, Киримизе Хаджемусович, я отвечу с удовольствием.

Но вопросов у меня не оказалось: таких сооружений я уже повидал не мало.

Подогнав «газик» к широким металлическим воротам комплекса, Сафер подал тревожный сигнал. Ворота тотчас распахнулись, и машина ринулась во двор, едва не сбив сторожа. Поставив ее на специально отведенное место, он пригласил меня пройти по недавно сданным в эксплуатацию корпусам. Но едва он отошел от «газика», под ноги ему со злобным лаем ринулся какой-то пес.

— П-шел, — рассердился Сафер. — Пшел, паршивый...

И вдруг я понял, что это Нарт.

— Нарт! — позвал я собаку. — Нарт, ко мне!

Пес оставил в покое Сафера и подошел, виляя хвостом, ко мне.

— Ты как сюда попал? — удивился я.

Нарт, подняв свою звездчатую морду, почему-то облизывался. Ответил за него Сафер.

— Все назло мне, Киримизе Хаджемусович. Да, назло или, как говорят в станице Дондуковской, в пику мне.

— Ну уж, — усомнился я. — Это не в ее характере.

— Не в ее? — едва сдерживаясь, произнес Сафер. — Плохо вы ее знаете. Что я сказал? То, что сказал бы на моем месте каждый знающий себе цену мужчина. Я сказал: или я, или этот паршивый барбос. Если ты меня любишь, ты быстро решишь эту проблему. Что же она сделала? Раньше этого пса со двора не выпускала, а теперь стала брать его с собой на работу.

Он напрягся, бицепсы на руках заиграли, словно их подсвечивали.

— Может быть, Сафер, — выбирая слова, заметил я, — ты слишком категорично поставил вопрос?

— Какой вопрос? О собаке?

Он приосанился, рубанул по воздуху рукой.

— Ладно, невест хватает. Пойдемте, делом займемся.

Мы двинулись, он стал что-то рассказывать. Ни одно слово его до меня не долетало. Я думал о новой бунтовщице, об Асиет, о девушке, которую уже никто и никогда, ни при каких обстоятельствах не сможет превратить в послушную рабу обычаев. Что ж, каждое время рождает своих героев. Одни совершают подвиги на виду, другие делают это как бы между прочим: просто котят жить, как им подсказывает совесть. Чего бы это ни стоило.

Поездка в автобусе для человека общительного — не такое уж пустое времяпрепровождение. Но куда приятней прибыть в родное гнездо на служебной «Волге». Подчеркиваю: не на собственной, а именно на служебной. Некоторые мои земляки усматривают в этом весьма существенную разницу. Система их рассуждений предельно проста. Приобрести машину, говорят они, сейчас может каждый, а вот занять служебную — удел избранных. Исходя из этой предпосылки, они считают, что езда в таком транспорте — это целая наука.

Минут за десять до появления на горизонте аула следует начать упражнения, кое в чем напоминающие гимнастику йогов. Позиция первая: сосредоточиться; позиция вторая: усесться на сиденье ровно, словно ты во время завтрака вместе с шашлыком проглотил и шампур; позиция третья: чуть прикрыть глаза, голову держать прямо и сквозь приспущенные веки хмуро глядеть в одну точку. Все это придает твоему облику некую особую значительность, такое начальственное выражение. Могут даже подумать, будто ты — кандидат наук или ведущий базой.

А что? Казаться начальником не так просто. Держи себя так, чтобы последнему тупице стало предельно ясно, что должность у тебя такая, при которой положена персональная, соображаате, пер-со-наль-ная машина, и не плюгавая малолитражка, а «Волга», последнего выпуска.

Особенно важно уметь держаться на аульской улице. Запомни: ни в коем случае нельзя вертеть головой и скалить зубы первому встречному. Приспущенные веки как раз и засвидетельствуют, что в машине сидит человек, переутомившийся от непрерывного руководства многочисленным штатом подчиненных.

И еще один момент следует учесть. Машина по аулу должна идти не очень быстро. Но, вместе с тем, и не слишком медленно. Тут нельзя полагаться на шофера, эти ребята по большей части ничего не соображают. Иной включит газ и мчится, как на автостраде Москва — Воронеж. Любой встречный только плюнет вслед и, чихнув от пыли, повертит, указывая на машину, паль-

цем у виска. А что означает этот жест, мне кажется, ясно и без переводчика.

Поэтому скорость должна быть умеренной, как раз такой, чтобы все встречные успели узнать человека, сидящего рядом с водителем, имели время кивнуть, но не увидели — ответило им начальство или нет. Это обескураживает, заставляет задуматься: уж не обиделось ли оно, не приведи аллах.

Если же среди встречных окажется очень нужный человек, все равно не суетись, не меняй позы. Нужно лишь чуть-чуть, самую малость приподнять веки и вяло махнуть рукой. Взмах этот лучше заранее отработать дома перед зеркалом. Руку следует лишь слегка приподнять и один раз тряхнуть кистью перед ветровым стеклом. Не больше. Повтори. Вот так.

К чему, может спросить нетерпеливый читатель, весь этот разговор? Уж если кто получит машину, то и сам сообразит, как вести себя в таком случае. И вообще, пусть ведет себя, как ему вздумается. Именно эти рассуждения и вспомнились мне, когда мой попутчик по автобусу спросил, не знаю ли я Натаука Ахметеча. В нашем ауле народ в высшей степени общительный — не только все знают всех, но осведомлены обо всем. И не из желания почесать языки, а просто так — все живут нараспашку, стараясь поддерживать со всеми добрые отношения. Поделиться, как ныне говорят, передовым опытом.

Однажды, когда я приехал в аул на «Волге», этот самый Натаук Ахметеч отозвал меня в сторонку и сочувственно сказал:

— Ты, Киримизе, не создан для «Волги». Завидишь какого-нибудь сопливого папана и улыбаешься ему во весь рот. Тоже мне, начальник! Вот я скоро свою «Волгу» займею, назначат меня директором школы, и тогда посмотришь, как надо въезжать в аул. А пока слушай внимательно, мотай на ус и делай соответствующие выводы.

И он изложил мне все то, что я рассказал выше. Вот почему, когда попутчик, немолодой человек, спросил меня о Натауке Ахметече, я невольно улыбнулся.

— Натаук в нашем ауле — личность известная, — ответил я. — Высокий, плотный, на лице несколько шрамов.

Попутчик тут же назвал свое имя: Руслан.

— Я рад, — добавил он, — что ты хорошо знаешь Натаука, это мой фронтовой друг. В одной роте были. Но, позволь, друг, ты не путаешь его ни с кем? Ведь он — счастливчик, одан только раз ранен был, да и то легко — осколок по лбу чиркнул. Других шрамов у него при демобилизации не было. Отправился домой как огурчик.

— Он их в аварии получил, — пояснил я.

— Смотри... И в мирной жизни, как на фронте, — не избегает опасностей, — покосился на меня Руслан. — Да разве у него работа связана с разъездами? Ведь он — учитель...

Мне по некоторым дипломатическим причинам не хотелось вдаваться в подробности, я постарался уклониться от прямого ответа, а потому стал расспрашивать Руслана о его жизни. После демобилизации он немного поработал на комбайне, потом открылась рана. Долго лежал в госпитале. Вернулся, стал бригадиром, завел семью, завертелся в колхозных и семейных делах... А теперь вот вдруг отпуск попросил — закателось с фронтовым другом повидаться.

— Выяснить кое-что надо, — добавил он. — Наше, дружеское, личное.

Когда показался аул, Руслан вдруг заволновался.

— Где его в такое время искать? Наверное, где-нибудь с учениками в поле?

Но я его успокоил:

— Натаук скорее всего сейчас у себя на огороде, так что найдем его быстро.

Сказал это и пожалел: лицо Руслана еще более потемнело, насупилось. Молча повел гостя к дому Натаука. Подошли к высокому забору, ограждающему его усадьбу; подпрыгнув, увидел его мощную фигуру, скрывающуюся над парником.

— Эй, Натаук, — крикнул я. — Гостя принимай!

Натаук бросился к калитке. Увидел Руслана и просыпал:

— Друг! Какой сюрприз! Вот радости! И тебя, Клиримзе, не отпущу, ты ведь тоже фронтовик. Заходи, не обижай.

Друзья обнялись, потом долго оглядывали друг друга. Натаук нашел, что Руслан здорово сдал — поседел, осунулся. А Руслан, напротив, нашел, что Натаук поздоровел, раздался в плечак.

Потом Руслан огляделся по сторонам.

— Позволь, — сказал он. — Ты писал, что подцепил самую красивую девушку в ауле. Где же она?

— Э, брат, — вздохнул Натаук, — придется самому похозяйничать. Жена на целую неделю уехала.

— Ну? — раскрыл глаза Руслан. — На экскурсию, что ли? Она у тебя туристка?

Натаук покраснел.

— Понимаешь, парники у меня, помидоры ранние зреют, вот и повезла их северянам.

— А в Майкопе уже не покупают помидоры?

— Что ты, сам не знаешь? — нахмурился Натаук. — Чем дальше повезешь, тем дороже продашь. Посидите, я возьму кое-что из холодильника...

Скоро стол был накрыт, а сам Натаук сменил спецовку, в которой копался на огороде, на новый серый дорожной костюм. Горделиво оглядев многочисленные закуски, вина, коньяки, самодовольно улыбнулся. Перед каждым стоял хрустальный бокал. Наполнив их коньяком, хозяин поднял тост:

— За дорогих гостей! Пусть живут они сто сорок четыре года и два месяца.

Руслан спросил:

— А где же это ты шрамы себе нажил?

Натаук уже, верно, пожалел, что зазвал меня в гости: при мне ведь не соврешь. Бросив в мою сторону косяй взгляд, он крикнул:

— Ну, что это за дело — сидеть с пустыми рюмками?

Он снова наполнил бокалы. Выпили. Мы с Русланом — понемногу, а хозяин осушил бокал до дна.

— Значит, тебя шрамы интересуют? А ведь верно — сколько раз в атаку ходили, и только одна царапина. А тут, брат, на ровном месте... Это в прошлом году меня угораздило. Такая вольница получилась. Решил повезти помидоры в далекий город. Пока машину нашел, пока сторговался (знаешь, как эти «леваки» шкуру дерут!), пока уговорил товарища мои уроки взять на себя, пока все упаковал в ящики, пока погрузили — так устал, будто сутки на марше был. Вот в машине сон меня и сморил. Заснул. А по пути шофер набрал еще каких-то баб с ящиками, глупые бабы рассовали их как попало, вот один и свалился на меня. Чуть глаз не потерял. Да ладно, обошлось. Зато знаешь, сколько выручил тогда?

Увидев, как изменилось лицо Руслана, я попытался исправить положение.

— Натаук о своей машине мечтает, — пояснил я. — «Волга» ему снится...

— А тот далекий город как называется? — совсем тихо спросил Руслан.

Тон этот насторожил и захмелевшего хозяина.

— Какая разница? — хмыкнул он. — Ну, город Шахты, если интересуешься.

— Так и думал, — воскликнул Руслан.

Он вышел из-за стола, подошел ко мне:

— Знаешь, какой это парень был? Сам не съест — другому отдаст. Под пули первым шел! Ивана Твердохлебова грудью своей пытался прикрыть. Сколькo потом таскал его, раненого, рубаху свою на бинты изоврал...

— Брось! — крикнул Натаук. — Был... был... Я и теперь в огонь первым пойду. И ребят своих тому учу.

— Нет, теперь, вижу, в огонь не пойдешь, Натаук. — перебил его Руслан. — И ребята тебе не очень верят: видят, каким стал... Чем же провинился перед тобой северяне или шахтеры, что ты с них три шкуры дерешь? А я не верил Ивану Твердохлебову. Не верил... Э... И сейчас, — вижу, слышу, а сердце верить не хочет...

— Где ты Ивана видел? — схватился со стула Натаук. — Где он живет?

— В Шахтах живет, вот где. Встретил он тебя на базаре. С помидорами сидел ты. Помнишь, может, покупателя на деревянной ноге? С костью? Не торгуясь, двадцатку за кило выложил. Помнишь? Или ты не смотришь на тех, с кого шкуру дерешь?

— Чего же он не сказал? — чуть не заплакал Натаук.

— От стыда за тебя у него язык отнялся. Мне написал, а я не поверил, — вздохнул Руслан. — Дожил: рядом с почетным шрамом спекулянтские отметины...

Подошел по комнате, потом спросил у меня:

— Когда автобус в город отправляется, не знаешь?

— Через пятнадцать минут.

— Пока! — коротко сказал Руслан и бросился к двери.

— Руслан! — Натаук побежал за ним. — Друг, послушай...

Когда я вышел из дому, Натаук одиноко жался к калитке. Взгляд его был устремлен на белевшее вдали здание школы. Пальцы бессознательно массируют шрам на лбу. Тот, фронтовой...

Разговор с редактором о разнообразии

Когда я принес редактору газеты уже знакомый читателю рассказ о Цацу и Уцаце, он ознакомился с ним и отложил в левый угол стола: там, как мне было хорошо известно, отлеживались всякие сомнительные материалы.

— Тебе что-то не понравилось? — осторожно осведомился я.

— Говорить прямо? — редактор даже встал с кресла при этом вопросе.

— Да уж говори, — согласился я. — Иначе ведь мы ни до чего не договоримся.

— Верно, — обрадовался он. — С тобой всегда можно найти общий язык, вот за это больше всего и люблю тебя.

Он достал рассказ из левого угла и помахал им перед собой, словно веером, хотя в кабинете стояла вполне умеренная температура.

— Что тут происходит? Приезжает сестра к сестре, видит неладное и — что? Уезжает. Понял? А ведь она, наверное, старшая?

— Нет, они — близнецы.

— Тем более, — обрадовался редактор. — Даже близнецы. А как бы поступила настоящая сестра, воспитанная в общественном духе? Осталась бы и начала постепенно воздействовать на психологию оступившейся молодой женщины. Понял теперь?

— Понял, — подтвердил я.

Это мое признание очень обрадовало редактора. Он вышел из-за стола, подошел к шкафчику, достал сифон с газированной водой и два стакана, поставил сифон и стаканы на стол. Налив себе воды, отхлебнул немного и сказал:

— А теперь постарайся, Киримизе, ухватить следующую мою мысль. Ну, следи. Уцаца уехала. Верно? Аллах, допустим, с ней, уехала так уехала. Но ведь это не

единственный случай. А что? Система, дорогой. Твоя, твоя система, дорогой. Линия. Руслан ведь поступает так же точно. Фронтовой друг в беде, его засасывает в болоте стяжательства. Учителя! Сам! Возит! Помидоры! Продает! Втридорога!.. Друг! Узнает! Убеждается! Оставляет! Друга! На! Произвол! Мелкобуржуазной! Стихий!..

Я сидел, подавленный убедительностью доводов, а особенно тона. Восклицательные знаки с висящими на них словами вонзались в мои виски, как булавки с ножами дивизий в карту полководца. Окружение завершилось полным разгромом. Я не находил слов для возражений.

Одержав столь блистательную победу, редактор, очень добрый человек, пришел в хорошее настроение. Он сел рядом со мной, и при этом несколько не пострадала его прямолинейность.

— Послушай, Киримизе, — участливо спросил он, — неужели в таком большом ауле не было случая, чтобы такого стяжателя все же перевоспитали? Чтобы победо одержал коллектив. Добро победило зло.

Я вспомнил историю, которая произошла в доме Гучехан Тлюстанбиевой, и подтвердил, что, разумеется, бывает и так.

— А ну-ка расскажи мне сразу же, что там было, и прикинем, подходит она или нет. А то у тебя, от нечеткости мышления, выводы не совпадают с моими. Давай факты.

Я стал рассказывать. Сперва обрисовал обстановку, так сказать. Дом Гучехан — особо уважаемый в ауле. Муж ее погиб при штурме Берлина; на самом видном месте в кунацкой она выставила в красной коробочке его орден Отечественной войны. Сама Гучехан отлично шьет, все новости заискивают перед ней. Кроме того, очень вкусно готовит. Когда в аул приезжают гости, стол для них собирает только Гучехан.

Единственный сын Гучехан, Лахушук — отличный адыгейский джигит, очень удачно женился. Правда, жена его, Саламет, — из другого аула, но зато из очень хорошей семьи. Ее отец — известный в области комбайнер. Сам Лахушук в армии получил специальность механизатора и мог управляться с любой машиной, но и на скачках брал первые призы.

Все было бы хорошо, если бы Лахушук не подхватил

гулявшую среди аульских мещан идейку: «Не хуже, чем у людей». Он дал себе слово, что и у него будет «не хуже, чем у людей». Самый быстрый путь к этому — помидоры. Лахушук устроил на приусадебном участке теплицы и уделял им почти все время. Зимой в мастерских еще как-то обходились без него, а к весне бригадир механизаторов Юсуф стал наседать: давай на работу. И тогда этот богатырь достал где-то в райцентре справку, что он болен и ему вредна тяжелая физическая работа. Самого страшного не побоялся — смеха; а это уже было совсем плохо.

Главные события развернулись, когда созрели помидоры. Однажды Гучехан пришла из школы, где готовила обед для строителей нового школьного здания, и застала невестку в слезах.

— Что случилось? — всполошилась Гучехан. — Разве ты не знаешь, что в твоём положении плакать нельзя? Саламет едва выговорила, что знает, и заплакала еще пуще.

— Расскажи мне, что случилось? — стала настаивать Гучехан.

Невестка недолго упиралась.

— Вот уже три часа, как обед на столе, а Лахушук не идет. Крикну на огород: «Лахушук, иди обедать!» — а он даже не отвечает. Пошла звать его, он закричал «Отстань, не видишь — занят!» И так все последнее время. Он ничего не видит, кроме своих проклятых помидоров.

— Успокойся, — сказала свекровь. — Сейчас мы все уладим. Лахушук! — крикнула она в окно. — Лахушук! Иди домой, ты мне нужен.

Через несколько минут Лахушук вошел в комнату. Но в каком виде! Рубаха нараспашку, небритый, на сапогах комья грязи.

— Что ты меня от работы отрываешь, — раздраженно крикнул он матери. — Я на два часа ночи машину нанял, повезу помидоры в Ворошиловград, ящики только на неделю дали.

— Помидоры, помидоры... — рассердилась мать. — Садись обедать, потом я с тобой поговорю.

Лахушук еще более нахмурился, но все же сел за стол и насек поел.

— Посиди, — сказала мать, когда Лахушук собрался было выйти из-за стола. — Я давно уже собиралась

поговорить с тобой, но все надеялась, что ты своим умом до сути дойдешь. Но дело оборачивается так, что мне надо вмешаться. Если б твой отец был жив, он бы сказал тебе то же самое, но вовремя и более внушительно. Твоя голова была там, где у тебя сейчас колени, когда ты остался без отца. Колхоз помог мне поставить тебя на ноги, страна дала тебе специальность. Кирпичный дом построили, обставили мебелью на честные деньги, без твоих помидор. Чего только у нас нет: вот тебе телевизор, а рядом приемник стоит, теперь помидорные ковры на стенах висят. Хочешь — спи на мягком диване, хочешь — сиди в кресле глубоко — тоже помидорном. Слава аллаху, и еды вдоволь, — индюков и кур хватает. Серебряные часы поменял на золотые. Но тебе всего этого не хватает. Не спишь, не ешь вовремя, все думаешь о деньгах. Деньги тебя съели, ты совсем извелся из-за них.

Лахушук поднялся, зло сказал:

— Будто ты сама не знаешь: деньги есть — все есть, все тебя уважают. Заработаю побольше и пойду в бригаду.

— Неужели ты совсем ослеп? — возмутилась Гучехан. — Если каждый будет думать только о себе, кто же подумает о тех, кто сделал для тебя легковую машину, которую ты зимой купил. Кто будет обеспечивать бойца-пограничника, сына нашего соседа Асланбека? Не связывайся, сын, с теми проходимцами, у которых на уме только деньги. Деньги не обогащают. Жажда денег обедняет душу. Посмотри на себя: ты даже с молодой женой не находишь времени поговорить, у тебя один собеседник — помидор.

— Не хочу все это слушать, — сказал Лахушук и решительно направился к двери. — Я уже взрослый.

Саламет, слушавшая этот разговор из смежной комнаты, вдруг завозилась с вещами. Вконец расстроенная Гучехан не сразу обратила на это внимание. Когда же прошла в ту комнату, то увидела, что невестка укладывает вещи в чемодан.

— Саламет, пожалей мои седые волосы, — взмолилась Гучехан. — Уж такого позора я не вынесу.

— Что же, ради вашего доброго имени, — жестко, но справедливо ответила невестка, — я должна буду всю жизнь жить с человеком, для которого копейка выше всего. Нет, уж лучше исправить ошибку вначале.

Жадность, как пьянство. Тут нужно рубить, пока не поздно.

— Справедливые слова, — ответила Гучехан. — Не буду тебя удерживать. Но давай сделаем последнюю попытку. Вот послушай меня...

Женщины пошептались, пришли к согласию и занялись каждая своим делом.

В два часа ночи к дому Тлюстанбиевых подошла машина. Шофер засигналил, и Лахушук, прикорнувший в одежде на диване, включил свет. Вдруг он увидел направляющуюся к выходу Саламет. В руках у нее был чемодан.

— Ты куда? — обратился к ней Лахушук.

— Домой, — спокойно ответила жена. — И добавила: — Пусти.

— Куда домой? — вытаращил глаза Лахушук. — А здесь что?

— Здесь я никому не нужна, — пояснила Саламет. — Разве тебе это не известно? Ты разговариваешь только с помидорами. Посмотри на себя в зеркало, кому интересно иметь такого мужа?

Лахушук невольно сделал шаг к зеркалу, он увидел там чужую, небритую физиономию и отшатнулся. В это время снова раздался сигнал — шофер напоминал о делах, которые не терпели отлагательства.

— Саламет! — закричал Лахушук. — У нас ведь будет ребенок. Пожалей сына. Ему нужен отец.

— Я его и одна воспитаю. Впрочем, о чем ты беспокоишься, у тебя и для сына не найдется ни минуты. И зачем ему отец-стяжатель? Пусти, я выйду. Ведь эта машина пройдет мимо нашего аула. Будь кавалером, подвези меня к дому отца.

— Саламет, — уже другим тоном попросил Лахушук. — Прошу тебя, съезжу в этот раз — и все. Честное слово. Ведь договорился с шофером, неудобно человека подводить.

— Нет, — решительно ответила жена. — Это у тебя, как у пьяницы последняя рюмка. Поедешь ты, и я поеду.

Лахушук подошел к выключателю, и в комнате стало темно. С улицы донесся протяжный сигнал автомобильной сирены.

— Нан, — крикнул Лахушук матери. — Ты не спишь? Выйди, скажи, пожалуйста, шоферу, что я не поеду. Скажи, что заболел...

Выслушав эту историю, редактор воскликнул:

— Как раз то, о чем я мечтал. Готовый рассказ с положительным концом. Садись, пиши.

— Не могу, дорогой, — грустно заметил я. — Об этом писать не имею права.

— Это почему же?

— Дал слово Гучехан. На днях пришла к нам, попросила, чтоб я не писал о ее сыне. Говорит, с одной стороны, не хочет, чтобы вся Адыгея узнала об этом, а с другой — боится, как бы это не задело мужское самолюбие сына. Знаете, говорит, сами, какие мужчины, они не любят, чтобы люди говорили, будто они попали под башмак жены.

— М-да, — глубокомысленно протянул редактор. — В этом есть смысл. Мужчины, они такие, это она верно подметила. С их самолюбием следует считаться. Ладно, пиши что-нибудь другое. Только чтобы концовка была безусловно положительной.

Так мы договорились. Тут я и вспомнил о тетушке Зазу.

Тетушка Зазу и шариат

Пережитки прошлого...

О них много и охотно говорят, еще больше пишут. В статьях и очерках, рассказах и повестях с большинством пережитков, кроме разве что пьянства, все обстоит в высшей степени благополучно. Прочитаешь иное произведение и с облегчением вздохнешь: всюду тишь и благодать, новое победило, старое показывает пятки, трусливо жметя к подворотням отживших свой век стариков и старух.

В повседневной жизни же с этими пережитками куда сложнее и драматичней. Особенно если дело касается привычек, укоренившихся веками, ставших неписаными, а порой и писаными законами жизни. Есть у мусульман и такие. Часть их определена Кораном, а основные нормы поведения предусмотрены шариатом. Шариат и есть свод мусульманских религиозных, юридических и бытовых правил, основанных на положениях Корана. В шариате предусмотрено буквально все. Это можно, а это нельзя. Недаром же муллы, предающиеся пьянству, обжорству, разврату, говорят своей пастве: «Правоверные,

делайте так, как я говорю, а не делайте так, как я делаю».

Со своих особых позиций рассматривает шариат вопросы морали и нравственности, семьи и брака. Если правоверный решает жениться, дело обходится без лишних формальностей. Направляясь к будущей жене, он должен воздеть руки к небу и проинформировать аллаха о своих намерениях: «О, аллах, я женюсь». Столь же упрощена и процедура развода. Воздев руки, правоверный выкрикивает: «О, аллах, я развожусь». И, как говорится, концы в воду. В брачном деле шариат упирает не на количество, говоря современным языком, а на качество. Количество жен определяется положением правоверного. К примеру, королю Саудовской Аравии разрешено иметь тысячу жен, обычному правоверному — до семи. Важно, кого брать в жены. Правоверный не может вступать в брак с женщиной другого вероисповедания, брать жен из другого рода и племени. Отступление от этого считалось смертным грехом, каждый случай его нарушения становился известным во всех аулах, отступник предавался остракизму, исчезал с горизонта.

Пусть простит меня читатель за это длинное вступление, но, мне кажется, без него суть рассказа не дойдет, борьба, происходившая в душе тетушки Зазу, не будет понята и оценена правильно.

С тетушкой Зазу мы знакомы много лет. Пятеро сыновей было у нее, когда началась война, старшему — десять. Аслана, ее мужа, не хотели брать в армию, но он ушел на фронт добровольцем. Почти четыре года хранила его судьба, а под Берлином подорвался на mine — сапером был Аслан. Зазу не роптала, не жаловалась аллаху, не просила у него помощи, — все, что можно было в то трудное время сделать, делал для сыновей герой колхоз. А что можно было? То кукурузы мешок выпнут, то мяса немного подкинут. Впрочем, вскоре и в этом отпала нужда — подрастая, чуть окрепнув, сыновья Зазу бросали школу и шли в колхозные бригады, на фермы, учились на курсах механизаторов, находили свой путь в жизни.

В ту пору как раз и произошло в ауле событие, всколыхнувшее старых и малых. Мурат, сын Айтеча, оставленный после войны в кадрах армии, прибыл в аул с молодой женой. Фотографию сына Айтеча не раз показы-

вал всем своим знакомым и даже незнакомым. Это был рослый майор с пышной черной шевелюрой и большим количеством орденов и медалей на груди. Айтеш не просто гордился сыном — он его боготворил. За неделю до его приезда весь аул был приглашен на семейное празднество. Но... оно не состоялось. Дело в том, что Айтеш был человеком не просто верующим, а религиозным фанатиком. Коран знал почти наизусть, осуждал религиозных отступников. Это, правда, не мешало ему хорошо трудиться в колхозе, он был одним из лучших чабанов района. Как передовику, ему по случаю приезда сына выделили для встречи грузовик. Но Мурат спередил события: за день до назначенного срока прибыл в аул на собственном автомобиле, трофейном «оппель-капитане». И прибыл не один, а с женой. И не с какой-нибудь, а с украинкой.

Уж не знаю, почему Мурат так поступил, в то время меня в ауле не было, и многие подробности ускользнули. Думаю, что, зная слабость своего отца к мусульманским догматам, он решил взять эту крепость штурмом, с налету. — Вот, мол, какая у меня жена, нравится не нравится, а принимай. Тем более что по адыгейским обычаям свекру встречаться со снохой категорически возбраняется. А может быть, он, пройдя войну от звонка до звонка, попросту позабыл о фанатизме старика, не мог представить, на что способен одурманенный религией человек.

Так или иначе, а «оппель-капитан» подкатил к плетню Айтеша. Бравый майор, посигналив во всю мочь, вышел из машины, расправил плечи и бросился навстречу выбежавшей на улицу матери. Пока он обнимал ее при прохожих, нарушая принятый этикет, в калитке показался отец. Из глаз старика брызнули слезы радости. Да и то — после такой войны сын не только остался жив, но и вышел в большие начальники, работает в каком-то штабе. Но при всем волнении Айтеш этикета не нарушил. Он не стал обнимать сына или тискать его. Остановившись в двух шагах, счастливо улыбнулся и произнес традиционное «кебляг», то есть добро пожаловать или милости просим.

— А я не один, — возвестил Мурат. — Прошу любить и жаловать мою жену. Одарка, выходи знакомиться с родителями.

К тому времени у плетня Айтеша успел собраться на-

род. В основном, конечно, ребятня, но были и пожилые женщины, несколько стариков. И они во все глаза смотрели, как поведет себя правоверный Айтеш в столь сложной обстановке.

Старик повел себя так, как должен был повести себя истинный мусульманин. Он воскликнул что-то, обращенное к аллаху, повернулся и пошел к калитке. Уже со двора, стоя спиной к сыну и снохе, крикнул:

— Пока ты не женишься на правоверной, у меня нет сына...

Калитка с грохотом захлопнулась.

Мать Мурата, поцеловав сына, поплелась вслед за Айтешем.

Вот такая история произошла через несколько лет после окончания войны. Она произвела впечатление. Зазу, мать пятерых сыновей, с ужасом думала о том, что будет, если ее сыновья начнут привозить себе жен из тех мест, где учатся или бывают в командировках. Но до поры все обходилось. Старший женился на соседской дочери, построил себе дом и стал жить самостоятельно. То же сделали и двое других сыновей.

А тем временем жизнь в ауле менялась. Айтеш давно умер, Мурат не раз приезжал домой с женой и детьми. Появились в ауле русские, украинки, татарки, осетинки, абхазки. Один парень, служивший в армии в Прибалтике, привез жену эстонку. К этому в ауле постепенно привыкали. Разволновалась Зазу, когда четвертый сын женился на кабардинке. Но вскоре успокоилась — кабардинский схож с адыгейским, и они быстро нашли общий язык. Впрочем, четвертый сын вскоре переехал в город.

Оставался младший, Сафер. Хранитель очага. Толковый механизатор, он не собирался, да и не мог оставить отчий дом: мать-то на его попечении. Прирос он к аулу, не мыслил себе иной жизни. Зазу все ждала, кого же из местных красавиц приведет он ей в помощь, — девочки вокруг цвели, как пионы, да и ее Сафер слыл завидным женихом.

А Сафер не торопился с женитьбой, — то на курсы по повышению квалификации уедет, а то вдруг стал заочником института механизации, — до семьи ли? Каждый год несколько месяцев в городе живет, и не рядом, не в Майкопе, а в Краснодаре.

Зазу, изучившая сына, как это может лишь любящая одинокая мать, как-то заметила перемену в его поведении. Возвратившись из Краснодара, он уединился в своей комнате. Войдя к нему, Зазу поняла: пишет письмо.

Плохо ей стало. «Неужели привезет невестку из города?» — подумала.

С тех пор стала плохо спать, — все чудилось Зазу, что везет Сафер русскую жену, что весь аул будет над ней смеяться, что в доме появится человек, с которым и слова-то не выговоришь, — Зазу за всю свою долгую жизнь ни разу не выезжала из аула и не знала почти ни одного слова по-русски. А точнее, знала она два слова: «спасибо» и «хлеб».

Предчувствие не обмануло ее. Как-то, уезжая на очередную сессию, Сафер сказал:

— Мама, я возвращюсь из города с женой. Ее зовут Татьяна, Таня, она не мусульманка, русская, по-адыгейски знает два слова — «нан» и «тхаматэ» — «мама» и «председатель». Она хорошая, добрая, любит меня, я ее люблю. Сделай так, чтобы все было, будто она адыгейка.

— Неужели же в нашем ауле... — начала было Зазу, но Сафер перебил ее.

— В нашем ауле много чудесных девушек. Но хватает и приезжих. И еще неизвестно, в каких семьях больше порядка. У меня дело решенное, все будет зависеть от тебя, нан.

— А как же шариат? — выдвинула Зазу свой самый веский довод. — Ведь шариат запрещает жениться на неверных?

— Мама, — усмехнулся Сафер. — Ты познакомишься с Таней и сама увидишь, что шариат здорово промахнулся в семейных делах. Не то время, мама, чтобы решать свои личные дела по книжке, которую кто-то составил тысячу лет назад.

«Да простит его аллах за такие слова, — прошептала про себя Зазу. — Может, еще все обойдется...»

Через две недели Сафер приехал с женой. Татьяна очень понравилась старушке, — ласковая, веселая, трудолюбивая. И очень любознательная. «Но как мы будем общаться, когда останемся вдвоем?» — волновалась Зазу. И сказала об этом сыну.

— Все очень просто, мама, — ответил Сафер. — Ты

учи ее адыгейскому языку, а она будет учить тебя русскому.

Когда на следующий день Сафер ушел на работу, Зазу показала на воду и спросила:

— Какой руска?

Татьяна поняла вопрос.

— Вода, — ответила она.

Зазу повторила несколько раз и назвала это слово по-адыгейски: кисэт. Новое для себя слово повторила Татьяна. Так слово за словом они осваивали русский и адыгейский. Это было похоже на игру, но делалось все всерьез. Разумеется, Татьяна быстрее запоминала адыгейские слова, чем свекровь, но и Зазу кое-что усвоила. Кроме слова «вода», она уже говорила «садись», «давай», «хорошо», «ваша», «молоко», «кушай».

Женитьба Сафера на русской девушке, разумеется, попала на язык сплетникам. Они интересовались: как же Зазу живет с «неверной»? Интересовались по-разному. Одни — проявляли обычное любопытство, другие злорадно ожидали скандальной развязки, третьи сочувствовали Зазу, полагая, что русская невестка сядет ей на шею, четвертые бубнили что-то насчет шариата: дескать, не кончится все это добром. Встречая на улице Зазу, подружки ее спрашивали о жизни. Зазу только плечами пожимала:

— Живу, как все, — говорила она.

— А как ты ладишь с невесткой? — не выдерживали подружки.

— Невестка не хуже других, — отвечала Зазу. — А может, и лучше.

— А как вы разговариваете? — ехидно спрашивала ее.

— На двух языках, — не моргнув глазом, выпалила Зазу.

И тогда к Зазу стали заглядывать соседки. Приход гостя служил как бы сигналом к демонстрации новых отношений. Едва старушка усядется, как Зазу обращается к Татьяне:

— Нысэ, псы кисэт.

Татьяна знает, что это означает «невестка, дай воды». Улыбаясь, она подает свекрови воду и угощает гостью. Соседка в изумлении спрашивает:

— Откуда она знает по-адыгейски?

— Выучилась здесь, — словно бы само собой разу-

меющееся сообщает Зазу. — За несколько дней все узнала...

— О-у-а... — только и выговаривает соседка.

Теперь вступает в дело Татьяна.

— Ваша молоко хочет? — обращается она к Зазу.

— Спасибо, — улыбается свекровь, — молоко надо.

— Зазу, послушай, ты ведь раньше не знала ни слова по-русски, — еще больше удивляется соседка. — Когда ты успела научиться так хорошо разговаривать на чужом языке?

— Татьяна очень хорошо учит, — самодовольно замечает Зазу. — А посмотрели бы вы, как она готовит...

По аулу пошла молва: невестка Зазу Дауровой научилась говорить по-адыгейски, а старушка за это время освоила русский язык.

Не скажу, чтобы это нравилось абсолютно всем, были и такие, которым добрые отношения в этой семье, как и в других разнородных по национальному составу семьях, пришлись не по душе. И одна из таких подружек Зазу, встретив ее в магазине, спросила:

— Зазу, вот ты, говорят, сдружилась с русской невесткой. А как же шариат?

— Мне кажется, — раздумчиво ответила Зазу, — что шариат здорово промахнулся в семейных делах. Если бы тот, кто его писал, жил сейчас, он бы внес туда значительные исправления. Да ты куда, спешишь, что ли? — скрывая улыбку, бросает она вдогонку убегающей подружке. — Ты заходи к нам, увидишь, что я говорю сущую правду.

Очки

Бирама Бата

Есть на свете немало сомнительных занятий. Но наиболее, как мне ранее казалось, безнадежное дело — учить мальчишек вежливости. Тут оказываются бессильными самые испытанные методы. Ровно ничего не дает и применение их в различных обнадеживающих комбинациях. Бессилен даже незаменимый в отношениях между взрослыми союз кнута и пряника.

Лично я не раз подтверждал эту истину на многочисленных опытах с моим соседом Алием. Еще совсем

недавно мне казалось, будто я кое-чего в этом достиг. Но вот сегодня сидим мы за завтраком, как вдруг дверь распахивается настежь. Влетает Алий. Глаза горят, красный галстук где-то возле левого уха, пуговицы на рубашке расстегнуты.

Автоматически подсчитываю, сколькими моими советами пренебрег этот сорванец в один миг:

а) Не оглядел себя перед выходом из дому;

б) Не шел степенно, как полагается воспитанному мальчику;

в) Вошел в чужой дом без стука;

г) Войдя, не поздоровался со старшими.

Пока мой мозг лихорадочно отмечал все это, Алий в своих нарушениях успел добраться почти до последней буквы алфавита. Не обращая внимания на старших, не поздоровавшись ни с кем, в том числе и со мной, человеком приедем, он в два прыжка оказался возле меня и выпалил:

— Послушай, Киримизе...

Не смутили его ни мой укоризненный взгляд, ни красноречивый, с моей точки зрения, жест, который должен был означать что-то вроде «опомнись, друг» или «как ты можешь?». Алий попросту не обратил на все это никакого внимания.

— Послушай, Киримизе, — сказал он как ни в чем не бывало, — здорово, что ты сейчас приехал. У нас в школе будет выступать Бирам Бат. Пошли...

Складывалась обстановка, чреватая нежелательными последствиями. Все взрослые, сидевшие со мной за столом, на миг онемели от этого неслыханного нарушения этикета. Вот-вот они придут в себя, и разразится небывалый скандал.

— Беги, догоню, — крикнул я и довольно решительно подтолкнул Алию к двери.

Он скрылся так быстро, будто его вытолкнуло взрывной волной. Бабушка, недоуменно оглядевшая всех по очереди, решила, что это ей примерещилось.

Допивая кофе, я все ждал соответствующих реплик. Но никто не произнес ни звука. Лишь когда я поставил чашку на блюдце, мать, пряча в краешках губ улыбку, спросила:

— Тебе налить еще?

— Нет, спасибо.

— Ну, тогда иди. Ты ведь сидишь, будто на иголках.

Алий поджидал меня у калитки. И, о, чудо! Пуговицы на рубашке были застегнуты, ботинки блестели. Он не прыгал, не обрывал ветки с дерева, росшего совсем рядом, не дразнил вертевшегося тут же дворового пса. Алий смиренно стоял. Он не шелохнулся с места даже тогда, когда я подошел к нему.

— Пошли, — сказал я.

— Подождем, — попросил он. — Бат пройдет, а мы пойдем за ним. Тебе когда-нибудь его приходилось слушать?

Еще бы. Уж мне-то особенно повезло. Я был дружен с внуком Бирама Бата и однажды собственными глазами видел, как старик приводил в порядок свои вещи. Тогда ему было немногим более шестидесяти. Он сидел, склонившись над шкатулкой, и, доставая то позолоченный кинжал, то газыри из настоящей слоновой кости, то трещотки, потемневшие от возраста, все внимательно разглядывал, обтирал от пыли, которой не было, и укладывал на прежнее место.

Всем нам хотелось подержать в руках кинжал и газыри, и мы очень удивлялись, что старый Бирам обращается с этими предметами без особого почтения. Но еще более дивились тому, что особым уважением старика пользовались обыкновенные очки.

Футляр с очками был обернут черной бархаткой, а бархатка, в свою очередь, обвязана шнурком. Развязав шнурок, он осторожно разматывал бархатку и извлекал из нее черный старомодный футляр.

Затем Бирам долго держал футляр в руке, словне определяя его вес, и взгляд его был устремлен куда-то далеко, далеко...

Мы уже знали: подержит Бирам футляр в руках, вздыхает, подумает, а потом нажмет на кнопку. И крышка со щелканьем раскроется. Достанет Бирам откуда очки и начнет их, глубоко задумавшись, изучать... Разглядываем их потихоньку и мы. Разглядываем и удивляемся: эка невидаль, самые обыкновенные очки. И чего их так прятать?

А однажды, когда мы уже были чуток взрослее, надоумили его любимую внучку Софиет спросить старика, почему он так бережет эти очки.

— Ну, слушайте, если вам интересно, — сказал Бирам. — Только учтите, это длинная история. У кого мало терпения, пусть уходит. — Выждав немного, он про-

должал: — Когда эти очки попали в мои руки, вас еще на свете не было. С тех пор очень много воды утекло в Афилах. Вы бегаєте в красных галстуках, а тогда еще их никто не носил.

Как-то раз дошло до нас, что сам Ленин решил собрать бедняков всех национальностей на большой сход. В Москву съезжались русские и украинцы, грузины и чеченцы, адыгейцы и кабардинцы, казахи и узбеки. Жители нашего аула выбрали меня. Я, конечно, очень хотел поехать в Москву, но в то время я только-только вернулся с гражданской войны, не совсем оправился после ранения и, что меня больше всего и останавливало, неважно видел. Но земляки все же решили, чтобы ехать я. Так я отправился в Москву.

И вот я в большом-большом зале. Люди так же, как я, в своих национальных одеждах, их много-много, и все кричат только одно слово: «Ленин!» А когда Ленин подошел к столу на сцене, все стали по-своему его приветствовать, и я тоже закричал: «Ленин! Прими салам от адыгейского народа! Живи долгие, долгие годы!»

Ленин помахал нам рукой, позвонил в колокольчик и, когда мы утихли, начал свою речь. Я и тогда неплохо по-русски понимал и многое запомнил. Он сказал, что взять власть — это еще не все. Можно взять власть и потерять ее: кругом враги. Поэтому надо хорошо хозяйствовать, экономить, беречь народное добро и не давать пощады всяким расхитителям. И еще говорил, что все должны учиться, чтобы нас не задушили капиталисты в мирном соперничестве. А потом говорил о детях — как сделать, чтобы они были счастливыми и любили труд, Родину, свой народ.

Я сидел не очень далеко от сцены и все хорошо слышал и запомнил. Но мне хотелось запомнить и рассказать землякам не только то, что говорил Ленин, но и то, как он выглядил, а видел я плохо. И я поэтому очень волновался. Вернусь в аул, люди спросят: какой Ленин из себя? А что я им скажу? И больно мне было, что не могу запечатлеть в сердце дорогие черты.

Когда Ленин закончил свою речь и сел, на трибуну пошел другой товарищ. А я воспользовался этим моментом, встал со своего места и решил сесть поближе к сцене. Так я дошел до первого ряда. Но там не оказалось свободных мест. Вдруг какой-то молодой делегат поднялся и уступил мне свое место. Я сел и начал внима-

триваться в президиум, чтобы получше разглядеть Ленина, но все равно видел все плохо. Подумал, что мне свет мешает, заслонился от него рукой, но и это не помогло. Тогда я совсем расстроился.

Ленин, по-видимому, обратил внимание на старого человека в черкеске, с этими самыми газырями, кинжалом и поясом. Во время перерыва ко мне подошла девушка. Она спросила, кто я, откуда приехал, в чем нуждаюсь. Я сказал ей, что мои глаза плохо видят, а я хочу получше разглядеть Ленина и всех, кто с ним рядом сидит.

Девушка ушла и очень быстро возвратилась снова.

— Товарищ Бат, — сказала она, — быстренько собирайтесь, машина уже нас ждет.

И вот приехали мы с ней в больницу. Там проверили мои глаза. Заставляли меня смотреть через разные стеклышки, показывали буквы на стене, что-то записали и отпустили. Девушка привезла меня обратно, в зал, и я снова уселся в первом ряду. И думал: что все это может значить? Конечно, надо было спросить у девушки, но я постеснялся.

А на другой день, уже перед самым перерывом, подходит ко мне та самая девушка и подает этот футляр.

— Это вам, товарищ Бат, — говорит она, — от товарища Ленина очки.

Я надел очки, и на душе сразу стало весело: здорово угадали врачи, по мне они оказались. Стал я все видеть отчетливо, как до ранения. Даже еще лучше, как в молодости. И, конечно, первым делом начал смотреть на Ленина. Очень он мне понравился. Вдруг заметил меня в очках и, даю вам честное слово, улыбнулся. И я ему улыбнулся и помахал рукой. И потом помахал очками и кивнул головой: «Спасибо большущее!» И так мне стало хорошо, что на глазах появились слезы... Но поскольку я был в очках, то считал, что слез никто не увидит.

С тех пор, хотя зрение у меня полностью восстановилось, я берегу эти очки, как самую большую драгоценность. На вид они, конечно, обыкновенные. Но ведь это подарок самого Ленина. Подумайте, какое тогда время было, какая тяжесть лежала на ленинских плечах. И все же он находил время для всего, был внимателен к таким простым людям, как я. Узнал о моей беде и распорядился, чтобы мне подобрали очки.

Рассказ Бирама Бата об этом необыкновенном подарке мы тогда же пересказали вожатому, и он пригласил старика на пионерский сбор. С тех пор каждый раз в день рождения Ильича в школу приглашался Бирам Бат. Каждое довоенное поколение пионеров слушало его рассказ. Я рад был, что эта традиция сохранилась.

— Да, мне приходилось слушать Бирама, — ответил я Алию. — Но и сегодня послушаю его с огромным удовольствием.

Алий выглянул из калитки и вдруг застыл на месте.

— Идет, — почему-то шепотом, каким-то вдруг окрипшим голосом сообщил он.

Мы вышли на улицу и стали в сторонке. Столетний Бирам шел не спеша, на его черкеске золотом играл до блеска начищенный кинжал. Старик был в очках. Шел он, не озираясь по сторонам. Чуть приотстав от него, шагали директор школы и пионервожатая.

Когда между нами и этой процессией оставалось три-четыре шага, Алий вдруг вышел на середину тротуара.

— Здравствуйте! — крикнул он и сделал рукой знак «Всегда готов!».

На лице старика появилась улыбка. Он остановился и, придерживая дужку очков, четко ответил:

— Здравствуй, джигит, здравствуй!

И двинулся дальше.

А мы с Алием пошли вслед за директором и пионервожатой. И всю дорогу повторялось одно и то же: к Бираму Бату подсакивали мальчишки и девчонки, здоровались и поднимали руку в пионерском приветствии. А старик каждому отвечал: «Здравствуйте, джигиты, здравствуйте!» Девчонкам же отвечал по-другому: «Здравствуйте, красавицы, здравствуйте!»

И все они присоединялись к нам, все чинно и строго следовали к школе.

Тут-то мне и подумалось, что учить мальчишек вежливости, может быть, не такое уж безнадежное занятие.

Зулейка

Когда мой юный сосед Алий сообщил мне, что школьная производственная бригада получила трактор, правда списанный, но вполне пригодный для обучения, я с некоторой иронией осведомился:

— И школьниц к штурвалу допускаете?

Алий с нескрываемой обидой пожал плечами: он полагал, что тема исчерпана. Но я продолжал уточнять:

— И много среди них желающих?

— Все до единой! — воскликнул Алий, торжествующе улыбаясь.

Тогда-то и дошел я до сути дела.

— Может быть, ты скажешь, что все родители с нами согласны?

Улыбка, так украшавшая моего юного друга, растаяла. Помявшись немного, он решил было уклониться от прямого ответа.

— А собственно, почему тебя интересуют такие мелочи?

— Хороши мелочи, — вздохнул я. — Неужели ты до сих пор не заметил, что наш знаменитый во всех отношениях аул славится и самым печальным рекордом — в нем нет ни одной женщины-механизатора.

В отличие от многих взрослых, Алий никогда не упорствовал в своих заблуждениях. Вот и сейчас, немного поразмыслив, он признался:

— На всех родителей наговаривать не буду, но некоторые матери пытались учинить скандал нашему дорогому Аслану. Это было.

Постепенно удалось установить подробности школьной «битвы за механизацию». Сложность положения заключалась в том, что все старшеклассницы действительно стремились получить права трактористок. Понятно, далеко не каждая мечтала после окончания десятилетки стать механизатором, но документ лестно было иметь. Соображения, которыми они руководствовались, были сугубо индивидуальны, но сути это не меняло — все единодушно потребовали, чтобы их обучали вождению наряду с парнями.

Главными противниками были матери. В этом отношении подавляющее число наших женщин ничем не отличается от своих сограждан из сел, станц, кишлаков, сумонов, поселков городского типа и городов. Нет, думаю, такой матери, которая бы не представляла будущее своей дочери в несколько, скажем мягко, возвышенных тонах. Самое меньшее — врач, но, конечно, в клинике большого города. Врач, имя которого благословляют молодые и старые. А уж если почему-либо из этого ничего не получится, тогда можно стать учительницей

или библиотекарем. А что? Выдавать книги — дело непрыльное. Самый крайний случай — выход замуж за человека, который не допустит, чтобы его жена окопачивалась где-то на работе. И пусть сидит дома, детей тоже кто-то должен воспитывать. Даю честное слово, что ни разу в жизни мне не приходилось встречать женщины, которая бы мечтала о том, чтобы ее дочь стала механизатором. И вовсе не потому, что профессия эта недостаточно уважаема. Совсем нет. Ведь даже жены механизаторов, гордящиеся тем, что их мужья «по-мужски пахнут керосином», не могут представить себе дочерей на отцовской работе. В ауле установилось, устоялось и отстоялось, став аксиомой, суждение о том, что «трактор — дело не женское». Мужчины, узнав, что в соседних аулах девушки уже давно оседлали технику, с сомнением покачивали головой, а шапсугские парни предрекали: «Останутся в девках. Кому нужна жена, пропадающая сутками в поле, от которой несет мазутом и керосином?»

Сделал это отступление, чтобы читатель понял: решение школьниц получить права трактористок вызвало смятение прежде всего в их семьях. В первые годы революции дело ограничилось бы строгим внушением — материнское слово для дочери было священным законом: иерархическая лестница действовала безотказно. Но с тех пор много воды утекло. Матери понимали, что если хоть несколько девушек начнут изучать трактор, то за ними потянутся остальные, и остановить этот вал уже никто не сможет.

Вот почему женщины и предприняли атаки на Аслана Заремука — директора школы. Шли они к нему, разумеется, врозь — наедине выскажешь я то, что на людях повиснет на губах.

Но Аслан в споры не втягивался. Выслушав очередную посетительницу, он что-то записывал в толстую общую тетрадь, поднимался и говорил:

— Спасибо, Нуриет, за участие в воспитании подрастающего поколения. Ты подняла сложный вопрос. Мы его обдумаем, обсудим и сделаем все, чтобы ты была довольна.

Нуриет или Асият или Зейнаб поднималась вслед за директором. Ясно ей было одно — что собеседование окончено. Уже в дверях она обычно приходила в себя и спрашивала:

— Значит, можно сказать моей девочке, чтобы она на эти занятия не ходила?

— Не торопись с этим, Зейнаб, надо поддерживать авторитет родителей. Давай условимся так: пусть мнение родителей и педагогического совета будет согласовано. Тогда в один день скажем детям что-то одно. Пока.

Этот «один день» наконец наступил: было созвано родительское собрание, посвященное планам работы школьной производственной бригады. Краткая речь директора сводилась к тому, что нынче на селе каждый, независимо от пола и возраста, должен владеть техникой. Всей техникой. О тракторе и разговора нет, им, по его мнению, могут управлять даже семиклассники. Он подтвердил это следующей фразой:

— Не буду приводить фамилии, но всем известно, что многие наши механизаторы берут своих сыновей в поле с шестого класса, учат их вождению и даже доверяют штурвал. И не только сыновей, но и дочерей учат. Лично я наблюдал, как одна из наших выпускниц этого года вела пахоту на машине своего отца. Мы с ее отцом стояли в сторонке и следили. И что же? Если бы я своими глазами не видел в кабине машины девушку, я бы сказал, что пахоту ведет очень опытный механизатор.

Затем он добавил, что не школа будет решать, кем станет в будущем, это решит каждый сам за себя. Но школа не станет мешать своим питомцам овладевать техникой только на том основании, что они девушки.

Он добавил еще, что у некоторых родителей есть на этот счет возражения. Но можно ли их принимать в расчет при планировании работы ученической бригады? Разве плохо, если там будет полная взаимозаменяемость? Лучше всего, как известно, работают звенья, в которых все умеют все. Пусть будущий наш выпускник станет агрономом или врачом, учителем или овощеводом, министром или портным, но никогда не помещает ему знания техники, приобретенное в школе.

Прения вышли слабыми. Ни одна мать не рискнула выставить свою дочь в некрасивом свете. Большинство отцов, в душе полностью согласные с мнением директора, не стали вмешиваться в спор, резонно полагая, что после собрания бои будут перенесены на домашние

площадки, а там у каждого своя тактика. После тщетных призывов «высказаться», поднялся механизатор широкого профиля Чатиб Хасазешев.

— Я еще не видел на своем веку, — сказал Чатиб, — чтобы кому-либо был убыток от знания. Начал я, помнится, с комбайнера. Через три года окончил курсы трактористов. Заработок сразу потяжелел. Тогда решил поучиться на курсах усовершенствования. Изучил все навесные орудия: а заодно и специальные комбайны — силосные, кукурузные, свекловичные. Девчонка моя, Зулейка, бывало, вечером принесет мне поесть и попросит: «Папа, покажи, как трактор работает...» Меня, думаю, от этого не убудет, отчего не порадовать ребенка. Вижу, понимает, буквально на лету схватывает. Так день за днем и шло. А потом она и говорит: «Разреши, я хоть метр проведу машину. Ты рядом сиди». Сажу, она ведет. А что? В кабине у меня чисто, рычаги хорошо отрегулированы, переключать их легко, сама машина в полном порядке, как будто с конвейера. Пусть ведет. Жена видит нашу Зулейку врачом, ей снится, как ее дочь больных лечит. А разве я возражаю? Пусть будет врачом, если ей это нравится. Потому что работа должна нравиться не только родителям, но и тому, кто ее выполняет. Иначе все полетит прахом. Поэтому я не настаиваю ни на чем. А то, что в школе теперь всех детей будут учить тракторному делу, очень хорошо. Сколько случаев, когда парень или девушка по знаниям не подходит к институту, а профессии никакой не имеют. И болтаются без дела, ждут очередных экзаменов, сидя на шее отца или матери. А от безделья много плохого получается...

Вот такую речь произнес Чатиб. В это время его жена Чаба сидела опустив глаза. Но женщины знали, какие страсти бушуют в ее душе. Чаба на каждом перекрестке заявляла, что уже все давно решила — дочь будет доктором. На старости лет ни ей, ни мужу не придется маяться по поликлиникам. Свой врач дома — чем плохо? Иная соседка спросит, бывало, как же будет, если Зулейка замуж выйдет? Вопрос этот не мог сбить Чабу с позиции. Дочь, отвечала она, есть дочь, где бы она ни жила. Особенно такая послушная, как Зулейка.

И вот теперь на собрании все женщины аула с надеждой поглядывали на Чабу — может, она что-нибудь

скажет? Разве не ясно, куда гнул Чатиб? Но Чаба сидела тихо. Она даже глаз не поднимала. После Чатиба выступило еще несколько отцов — они приветствовали новое направление в школьных делах и обещали помочь бригаде, если, конечно, их слабые знания еще кому-либо нужны.

Расходясь, женщины не придали большого значения словам Чатиба. Ну и пусть его Зулейка пашет, если ей так уж захотелось. Осенью она окажется в институте, и школа вместо плюса получит минус. Очень легко будет доказать каждой глушышке, что механизаторское дело для девушки — одно баловство. Вот, например, Зулейка. Научилась пахать не хуже отца, а куда потянуло? А?

Об этом я и сказал напрямик Алию, когда он изложил суть взаимоотношений дочерей со своими родителями.

— Выходит, что пример Зулейки будет истолкован совсем не так, как мы хотели бы? — поразился он. — Учитесь, мол, там, в бригаде, балуйтесь. Чем бы дитя ни тешилось, а мы добьемся своего. Пусть уж лучше провалится на экзамене, эта Зулейка, — совсем рассердился Алий. Но тут же сообразил, что его заклинание вряд ли подействует. — Да вот не провалится, окончила с золотой медалью, один экзамен сдавать...

Глубокой осенью мне снова удалось вырваться в аул. Поздним вечером раздался стук в дверь — неожиданным гостем оказался Алий. Поздоровавшись, он присел. Несколько секунд посидел солидно, чинно, потом вдруг хихикнул и выпалил:

— Ты знаешь, что она выкинула?

— Кто? — сразу не понял я.

— Да Зулейка же, — засмеялся Алий. — Доктор Зулейка. Она пошла в сельхозинститут, Киримизе, на заочный. На факультет механизации. А сама с отцом работает. А в эти дни Сафербий заболел, так она взяла его машину. По двадцать часов работают, зубь заканчивают.

— А что же Чаба? — поинтересовался я. — Как пережила?

Алий пожал плечами: в этом ли дело?

Когда он ушел, я решил отправиться в поле — давно не приходилось видеть ночную пахоту. Думается, на это и намекал Алий. Но тащить парня на ночь глядя

в степь не хотелось — и других забот хватает у бригадира школьной бригады. Узнав у родных, где сейчас могут находиться трактора, потихоньку отправился в путь.

Видимо, мне повезло. Резвый ветер разогнал тучи, висевшие над аулом с полудня. Дорога к полевому стану, обсаженная с двух сторон тополями, была, словно ковром, покрыта желтыми листьями. Они приятно шуршали под ногами. Когда я останавливался, они продолжали шуметь, словно жалуясь на свою судьбу, — это ветер пытался отогнать их от деревьев подальше в поле.

Внезапно сзади, за поворотом, раздался шум мотоцикла. Отойдя в сторонку, я собрался было пропустить ночного путешественника, но машина, резко затормозив, остановилась рядом со мной.

— Добрый вечер, Киримизе, — раздался голос парторга Гаруна. — Если ты на пахоту, подсаживайся, я тоже туда.

Вскочив в седло, я вцепился в обитый дерматином ободок, предназначенный для этой цели.

— Побереги шляпу, — крикнул, обернувшись, Гарун и включил газ. Мотоцикл с места взял крутой разгон, листья под передним колесом запенились, будто поток. Взрыленные желтые пласты откатывались назад волнами, такими точно, какие взлетают на песок под ударами прибой.

— Рекорд будет! — крикнул Гарун, слегка обернувшись. — А тебе кто подсказал?

— Чутье журналистское, — ответил я.

Минут через пять-шесть мы оказались у кромки поля, на котором и шла пахота. В нескольких местах сверкали фары тракторов.

— По-новому работают, — заметил Гарун. — Определит? Не каждый на своей загонке, как раньше, а следом. Видишь? Звено тяжелых тракторов. Лучшие механизаторы.

— А Зулейка? — напомнил я.

— И Зулейка среди них. Я ведь же сказал, что работают самые старые механизаторы, сказал, что лучшие, а это не имеет отношения к стажу. Среди механизаторов, как среди писателей или поэтов, главное — талант. Вот Зулейка и оказалась вроде Лермонтова — с первого шага зрелую работу показывает. Она призналась, что

несколько лет с отцом практиковалась и теорию по учебникам изучала. Только Чатиб скрывал. Думаю, она у нас станет адыгейской Пашей Ангелиной.

— Паша прославилась не только личными рекордами, — напомнил я, — но и тем, что организовала женскую тракторную бригаду.

— Вот-вот, — подхватил Гарун. — Липнут к ней наши девушки. Особенно десятиклассницы. Думаю, что будущим летом бригада оформится. Мы с председателем решили предвосхитить события, кое-что закупаем на этот случай. Оборудуем полевой стан так, чтобы могли девчатки приезжать на работу с иглолки и уезжать в таком же виде. Все же невесты.

К дороге подошел первый агрегат. Его вел Чатиб.

— Часа через два уйдем с этого поля, — крикнул он, приглушив мотор. — На этом с зябью будет покончено.

— В вашей бригаде, дорогой Чатиб, — напомнил Гарун. — Утром отправитесь к соседям, там вам тоже будет выделено отдельное поле.

Через несколько минут подошел агрегат Зулейки. Гарун помахал ей рукой, приглашая выйти. Притормозив машину, Зулейка крикнула:

— Дядя Гарун, извините, каждая минута дорога.

— Ладно, давай, — улыбнулся Гарун. — А то от бабки отстанешь.

— Мы не на скорость, дядя Гарун, мы на качество нажимаем. Проверь глубину — на всей площади — как по заказу.

Лишь когда машина скрылась в пыльном облаке, Гарун осведомился:

— Как ты думаешь, Киримизе, отчего она не захотела остановиться?

— М... ммм, — произнес я.

— А точнее? — с нескрываемой иронией переспросил Гарун. — Что твое журналистское чутье подскажет на этот раз?

И тут меня словно осенило.

— У нее в кабине кто-то сидел. Разумеется, девушка. Одна из кандидатов в бригаду.

— Киримизе, — подозрительно поглядел на меня Гарун. — Ты действительно только сейчас дошел до этого?

— С твоей помощью, — заметил я не без гордости,

— Тогда уж скажи — кто бы это там мог быть? Прикинь...

Я отказался, пояснив, что плохо знаком с нынешними школьниками. Но Гарун снова подал наводящий вопрос:

— Эту ты хорошо знаешь, не раз приходилось, бывая у одного друга в гостях, отвечать на ее глупые вопросы.

Мы рассмеялись. Конечно, назвать глупыми Гарун за глаза мог только вопросы своей родной дочери Асиет. Пристанет она ко мне, а отец, больше из чувства гордости, чем всерьез, притворно сердится: «Не приставай к писателю со своими глупыми вопросами». А самому приятно, что девчонка вызывает немолодого литератора на серьезный разговор, заставляет его попотеть над ответами:

— И давно это у Аси?

— Не столь давно, но боюсь, что основательно.

— А как же музыка и литература?

— Литература — не волк, — отпарировал Гарун. — Какая может быть литература без знания жизни.

— Выходит, она на тебя не надеется, — поддел я товарища. — А то бы не очень-то пряталась.

Гарун покашлял, словно раздумывая, сказать мне что-то такое важное или нет. К счастью, я не вышел из его доверия.

— Понимаешь, Киримизе, сейчас в ауле все смешалось — старое, новое, плохое, хорошее. В головах у некоторых полный ералаш. Ну, скажи, разве плохо, если мать желает видеть своих детей образованными, полезными людьми? Совсем не плохо. Но некоторые хотят при этом искусственно оградить сына или дочь от трудностей, растить их в тепличных условиях, навязать свой вкус и мечты, далекие от планов детей. А в этих условиях бойца не вырастишь. Скорее мещанин получится. Но вот появляются такие, как Зулейка. Они вносят смятение не только в сердца своих подруг, но и будоражат устоявшийся мир взрослых. Родителям становится ясно, что прошлые понятия нуждаются в пересмотре, что излишний нажим может оказаться вредным. При этом многие пристально следят за поведением людей, занимающих в ауле какие-то посты. В том числе и за моим. Уяснил?

— Наполовину, — признался я. — Одно не ясно —

почему бы тебе не сказать Асе: «Я все знаю, не возражаю, даже одобряю, действуй смело, открыто».

— Кирымизе, эти рассуждения верны. Но руководствоваться ими в данной обстановке нельзя. Что скажут соседи? Они окажут: «Ася — дочь парторга. Отец подговорил ее, вот она и показывает пример». Не так ли? Но ведь Ася действует вполне самостоятельно, как она считает, даже в обход родителей. И это всем известно. И так оно в самом деле. Мы с женой до последних дней ни о чем не догадывались. Разве я виноват, что Зулейка на уважения ко мне пооткровенничала... Вот все и ожидают, как поступит парторг, когда узнает, что его дочь вместо консерватории или литфака попадет в тракторную бригаду. При таких условиях невольно проявляешь терпимость к собственным дочерям. Если дети ответственных такое вытворяют, то чего уж нам ждать. Неплохое утешение, а?

— А не получится ли что-то вроде спектакля? — усомнился я. — И удобно ли твоей жене разыгрывать комедию перед соседями?

— Комедия не получится. Тут есть одна тонкость, из-за нее-то я и прошу тебя помолчать, пока все не решится. Тайна дочери известна только мне. Жена в полной уверенности, что Ася у подруги играет на скрипке. Упражняется перед экзаменами. Жена уже комнату для нее в городе сняла — боится, что потом не будет, когда понаедут абитуриенты с родителями. Так что скорее может выйти трагедия... Впрочем, у меня в запасе — неплохой козырь: пример Чабы. Знаешь, что теперь говорят соседкам Чаба, мать Зулейки? Что такой дочерью она еще больше гордится, чем если бы она стала врачом. И добавляет: хлеб — всему голова.

— Но валерьянку на всякий случай припас, нам обоим хватит; — закончил Гарун.

Сальмен
высказывается...

В последнее время я стал замечать, что некоторые наши старики изменили отношение к своему ровеснику Сальмену Шеваекову. До выхода на пенсию Сальмен был бригадиром. На эту должность попасть у нас совсем не просто. Человек, знающий, но не пользующийся

особым доверием и уважением погубовно всех, об этом и мечтать не может. Соберутся на заседание правления колхоза люди, с чьим мнением считается председатель, вообще решают. Актив наложит вето, и дело кончено. Сальмена же, хотя он и требовал весьма круто, поддерживали даже люди, склонные к бузотерству и демагогии. Знали: справедлив Сальмен и неподкупен. Что же могло произойти теперь, когда он практически ни с кем не сталкивался, не влиял ни на чье положение?

Как-то вечером мы с Алием собрались на прогулку. Вечер был тихий, мягкий, безветренный. Над аулом проплывали мелкие перистые облака. Этот факт как раз и стал темой нашего с Алием разговора.

— На небе ветер, — заметил он, — а на земле тихо. А бывает и так, что на земле ветер, а облака стоят неподвижно. Выходит, там нет ветра.

Пришлось мне потрянуть стариной и пуститься в рассуждения на естественно-научные темы. Так мы дошли до образного представления обстановки на планете и в ее окрестностях, ввели термин о мирном сосуществовании различных горизонтов в атмосфере. Заговорившись, позабыли свернуть в переулок и пошли через центр аула. Возле магазина остановились — я направился к группе стариков, стоявших там, чтобы поздороваться. Завязался традиционный разговор. Обычные вопросы, шуточные ответы...

Тут как раз и подошел Сальмен. Кое-кто поздоровался с ним как обычно, но некоторые, и их оказалось немало, демонстративно отвернулись. Это, как я понял, были «левые» и «правые». Имелось и «болото» — несколько стариков в замешательстве заерзали на месте. Они вроде бы и поздоровались, но вместе с тем вроде бы и выразили что-то протестующее на лице. Потом, когда их попробует упрекнуть та или иная сторона, у них найдется для каждой оправдание.

Это-то было мне ясно, наблюдать такие прослойки приходилось не раз. Но в чем суть дела? Что натворил Сальмен? Из разговора не узнать — он шел на отвлеченные темы.

Пришлось обратиться за справками к Алию. Вездесущий мальчишка обрадовался.

— Ага, ты заметил... — проговорил он. — Этот плешистый Аскер скоро потеряет выдержку. Отвернулся! Демонстрации устраивает...

— Да что случилось?

— Женился сын Сальмена, Умар, ты его знаешь, о нем передавали по радио — это он усовершенствовал соломкопнитель. Ну, тот, что заочно техникум окончил, помнишь? Его посылали на учебу, а он сказал, что может это делать работая.

— Помню Умара, — прервал я Алия. — Какое все это имеет отношение к нашим старикам?

— Говорят, что Сальмен появляется в доме в присутствии невестки.

— Не может быть, — вырвалось у меня.

Вот это новости! Я уже вам рассказывал, что в своде мусульманских законов, предусматривающих почти все на свете, имеется специальное указание насчет свекра, которому не положено ни под каким видом встречаться со своей снохой. Они не должны друг друга видеть. Никогда. Это — великий грех. Привел сын в дом жену, и начинаются мытарства для стариков. Уж к каким только ухищрениям не прибегают они, чтобы не нарушить это освященное временами правило. Подвергать его сомнению или, не приведя аллах, нарушить никто не решается. Если кто-то заметит, что старик разговаривал со своей невесткой, с ним перестанут здороваться.

Многие религиозные обычаи постепенно вытеснялись, о них и вспоминать переставали со временем, а этот оказался на редкость живучим. Люди, сражавшиеся на фронтах гражданской войны, доказывавшие, что никакого бога нет, вводившие в жизнь новую этику и мораль, отступали перед этим диким обычаем. Так же, как многие не могли преодолеть привитое с молоком матери отвращение к свинине. Знает человек, что свинья ничем не хуже коровы или курицы, а есть свинину не может. Это еще как-то можно понять. То, что принято у одного народа, не принято у другого, и ничего в этом страшного нет. Говорят, о вкусах не спорят, все это дело представлений, традиций, привычек, результат каких-то исторических и экономических факторов. Никому это не мешает. Одному нравится рагу из баранины, другому — лягушачье филе в сметане, третьему — отварной рябчик, четвертый обожает свиную отбивную или поросятину под хреном. Ну и пусть, абы тихо, как приговаривал один мой знакомый.

Но мусульманский обычай ни под каким видом не встречается с невесткой в собственном доме, с невесткой,

с которой ты будешь жить под одной крышей долгие годы, не просто нелепо, но создает в семье ненормальные отношения, обстановку напряженности, неудобства. Если старику хочется, к примеру, посмотреть «Голубой огонек», то этого удовольствия будет лишена сноха. Подавать пищу нужно отдельно каждому — сколько лишних хлопот. Все это — не такие уж мелочи. Поэтому мужчины едят в комнате, а женщины — в кухне. Очень часто этот обычай приводит к трагическим ситуациям. Ведь нередко случается, что свекровь покидает этот мир раньше мужа. Он, заболев, остается, по сути, без присмотра. Целыми днями словом не с кем перемолвиться. Если в доме какое-то время никого нет, кроме невестки, — погибай от жажды или от того, что вовремя не будет подано лекарство.

В общем, не простой это обычай, а вредный, вроде уразы — многодневного религиозного поста. Но с уразой многие покончили, а с этим не решились.

Прошу у читателя извинения за затянувшееся отступление, — но без него не будет ясен поступок, или, как его расценили старики, проступок Сальмена, то есть глубинная суть конфликта. В конце концов, жизнь есть жизнь. Очень многие старики фактически встречались со своими невестками, разговаривали с ними: кое-кто, занавесив окна, и у телевизора мог посидеть рядом с женой сына, — не покупать же в конце концов второй. Но делали все это скрытно, так, чтобы не знали соседи. Сальмен, как я понимал, нарушил не столько обычай, сколько этикет, правило, согласно которому не следует афишировать свои «дурные» поступки. Выходит, он имел в виду не только свои или семейные удобства. Отступлением от религиозных правил он бросал открытый вызов ханжам и трусам. Вот почему, дорогой читатель, я и ахнул от удивления.

А теперь можно перейти к делу. Узнав о вызове, который Сальмен бросил старикам, я стал ежевечерне являться к месту их сбора. Думалось, что постепенно все более накаляющаяся обстановка завершится взрывом.

Так оно и случилось, причем даже раньше, чем я предполагал.

Произошло это в пятницу, в день, когда верующие мусульмане отдыхают от трудов праведных. В этот вечер на бревнах собралось особенно много стариков, мож-

но сказать, весь цвет аула. Составленные вместе строчки из их биографий могли бы явиться зеркалом многих событий. Тут были буденовцы, соратники прославленного героя гражданской войны Хатита Махмуда, были и люди, брошенные в то смутное время судьбой на другой берег. Были организаторы колхоза, а рядом с ними сидели те, кто упорно цеплялся за свой клочок земли. Некоторые из них в молодости враждовали между собой, хотя теперь порой уже и не помнят, отчего именно. Их примирила спокойная старость. Каждого страна обеспечила всем необходимым, разумеется считаясь с заслугами, но простив старые прегрешения. И вот в эту однородную по виду, но отнюдь не по существу, массу упала бомба. Я имею в виду приход Сальмена.

Лидер «правых», которого мой друг Алий весьма неучтиво называл «этот плешивый Аскер», словно бы не заметил появления Сальмена. Он продолжал свой рассказ о строительстве какой-то заполярной фабрики, на которое попал за неуважительное отношение к общественному животноводству — путал колхозных овец со своими. До прихода Сальмена его слушали очень внимательно, но теперь обстановка изменилась. Поздоровавшись, Сальмен присоединился к слушателям. Но слушал не как принято у стариков — молча, с подчеркнутым вниманием, — а так, как поступают люди, желающие вызвать противника на спор. По ходу рассказа он недоверчиво ухмыльнулся, тихо охнул, потом, когда «этот плешивый Аскер» стал рассказывать о том, что ему якобы поручили взорвать скалу, спросил:

— И ты взялся?

— А ты не веришь? — ответил Аскер вопросом на вопрос, и в тоне его голоса было столько желчи и спрессованной ярости, что люди даже расступились. Таким образом, противники оказались лицом к лицу.

— Нет, — принял вызов Сальмен.

— Почему? Ты считаешь, что я не способен на смелый шаг?

— Считаю! — еще внушительней проговорил Сальмен. И добавил: — Если бы ты взялся произвести взрыв, мы бы тебя здесь сейчас не видели и не слышали. Ты считаешь себя смелым на том основании, что не боялся в ночной темноте таскать колхозных овец. А мне на фронте твой дружок говорил, что ты на суде... Сказать при всех, что с тобой случилось на суде от страха?

Разговор принял небывалый оборот. В таких тонах старики разговаривали крайне редко — лишь когда дело касалось самых главных вопросов. Выходит, Сальмен решил, что пора вынести его «проступок» на суд общест-венности, стариков. Иначе он не позволил бы себе этого.

Аскер с минуту молчал, потом ответил:

— Выдумать сейчас можно все, мой друг убит. А вот что делает один человек, находящийся среди нас сейчас, все это, я думаю, более позорно. Да!

— Что же он делает? — заинтересовался Сальмен.

— Он под видом поддержки молодежи нарушает наши незыблемые обычаи. И все это знают. Да!

Это свое «да» Аскер произносил так, словно вбивал гвозди. Но Сальмена этим не проймешь. Он так же ве-село спросил:

— Кто же этот один человек? Укажи на него.

— Это, — тут Аскер сделал шаг назад и откинул рывком свою голову в сторону, — это ты! Да!

— Вот как! — удивился Сальмен, но по его лицу можно было понять, что он рад подобному повороту в разговоре. — Какой же обычай я нарушил? Валялся пьяным, или воровал овец, или брал магарыч со своих подчиненных, или утаивал хищения? Говори.

— Ты не притворяйся, Сальмен, — сорвался на крик Аскер. — Что ты сделал, когда твой сын женился?

— Я велел привести к себе невестку, — ответил Сальмен. — Я познакомился с ней и обрадовался, что у моего сына достойная спутница жизни. Я ем с ней за одним столом, я не заставляю ее и других женщин есть мои объедки. Я уважаю ее за учтивость, за трудолюбие, за ее любовь к моему сыну, за ее ум и знания — ведь она вместе с сыном учится в институте, ни в чем ему не уступает.

— Но ведь ты по отношению к ней пши... — воскликнул Аскер. — Пши не должен унижаться до встреч с невесткой, так ведется издавна, это не мы придумали. Ты подрываешь устой семьи! Да!

— Пши... — тихо, с горькой иронией повторил Сальмен. — Терпеть не могу этого слова. Пши — свекор. Но пши — и князь. Отсюда и обычай. Отец сына по отношению к невестке — князь. Она по отношению к нему — раба, скотина, ничто. Нет, у нас так не будет. Я сказал ей, что мне бы не хотелось, чтобы меня называли пши, в печенках у народа эти пши сидели. Если хочет, пусть

называет отцом, как и сын. Мы живем в полном согласии, и оно — результат взаимного уважения. Пора, старики, сбросить с себя власть проклятого прошлого. Последуйте моему примеру, и вы увидите, как изменится все в вашей семье. Может быть, молодежь не так глупа, как кажется Аскеру и еще кое-кому. Как изменилась жизнь за последние полвека, а вы все «пши», «пши»... Пора уже посмотреть правде в глаза.

Аскер молчал. Не решались вступить в спор ни «правые», ни «левые». Да оно и понятно — слова Сальмена следовало хорошенько обмозговать, в них было слишком много наболевшей правды.

— Ладно, пойду, — нарушил молчание Сальмен. — Сегодня хорошая передача. Когда я шел сюда, невестка напомнила мне, что идет третья серия эпопеи «Освобождение». Может, кого из фронтовых братьев увижу. Уж они-то меня поймут правильно...

Он ушел. Отправился домой и я. Только подошел к калитке, как меня догнал Алий.

— Знаешь, что я тебе хотел сказать, Киримизе? — спросил он. — Только не подумай, будто я сплетничаю — это очень важно. Однажды поздно ночью я проходил мимо дома плешивого Аскера. Заглянул нечаянно в окно. Оно было закрыто занавеской. Но ветер в тот раз с небес перенесся на землю. Занавеска приоткрылась. Аскеру подавала на стол его младшая невестка. Честное слово.

До сих пор не знаю, приврал Алий или нет. Все же думаю, что сказал правду. Большинство обычаев признается на людях, для людей. Они — как парадный мундир. В кругу семьи в нем неудобно, можно обойтись пижамой.

Поправка на время

Отец Алия Аледжук был человеком во многом примечательным. Участник Великой Отечественной войны, офицер, принимавший участие в штурме рейхстага, он никогда не кичился своими заслугами. И даже наоборот — когда речь заходила о войне, он ступенывался, хмурился. Слушать воспоминания фронтовиков любил, а сам вообще никогда о войне не заговаривал. Так вот и получилось, что, кроме его близких друзей, никто и не

догадывался о его ратных делах. Не напоминала об этом и специальность Аледжука. После войны он окончил бухгалтерские курсы и тихо сидел в колхозной конторе.

Не подозревал о героическом поведении на фронте Аледжука и его сын Алий. Об этом я узнал случайно. Как-то перед праздником Победы он обратился ко мне, как он сказал, с «официальной просьбой», которая исходила от учеников его класса.

— Киримизе, — сказал он и шутливо протянул руки по швам. — Класс поручил мне официально пригласить тебя на утренник, посвященный Победе. Ты ведь был танкистом. Расскажешь ребятам о боях за Родину. Как в танке горел, — добавил он, потупившись.

Среди родителей твоих одноклассников есть очень заслуженные люди, — возразил я. — Почему бы вам не собрать своих отцов — пусть они расскажут. Я, конечно, могу пойти — мне хочется, чтобы вы узнали, как стал Героем Советского Союза мой друг юности, наш поэт Хусен Андрухаев. Он погиб, когда ему было двадцать лет.

— А кто же из наших отцов воевал? — спросил Алий. Голос его дрогнул, мальчик снова опустил глаза. Тут-то я и подумал о том, что скромность иногда бывает излишней.

— Хотя бы твой, — спокойно заметил я. — У Аледжука очень много боевых наград.

Алий глядел на меня и слушал, затаив дыхание.

— Ты... ты... — он умолк.

— Что «ты»? — заинтересовался я, словно не поняв причины его волнения.

— Мой отец воевал? Этого быть не может, — прошептал Алий. — Он никогда об этом не говорил.

— От него дождешься, — улыбнулся я. — Молчун твой отец. И очень скромный. В этом он обошел даже наших предков, которые относили скромность к двум первым достоинствам человека. Твой отец был разведчиком, несколько раз лежал в госпиталях — вражеские пули его не щадили. Но после каждого ранения он возвращался в строй. И в конце войны на рейхстаге штыком расписался.

— Разведчик? — глаза Алия загорелись. — То-то он и молчит — ведь разведчиком нельзя рассказывать о своих делах, это большая тайна.

— Нет, Алий, это не так. Твой отец был не агентурным разведчиком, которых показывают в кино, а войсковым. Охотником за «языками». В каждом полку имелись такие разведчики. Они выясняли, что делается у противника, так сказать, напротив и в ближайшем тылу, охотились за «языками», совершали налеты на штабы противника. А главное — обеспечивали наступление своей части, делали так, чтобы оно велось с минимальными потерями, предупреждали о появлении у врага подкреплений. Твой отец, как мне известно, однажды захватил в плен фашистского полковника с очень важными документами, приволок его живехоньким. Да ты поговори с ним сам.

Вечером того же дня ко мне явился Алий. На мальчишку тяжело было смотреть — он имел какой-то жалкий вид.

— Что с тобой?

— Киримизе, — тихо спросил он, — ты не выдумал насчет отца?

По моему взгляду понял, что обижает меня этим вопросом.

— Он мне сказал: «Отстань».

— Это все его сверхскромность... Я как-нибудь поговорю с ним, — пообещал я.

Днем следующего дня Алий проник в наш двор из своего, использовав щель в заборе.

Подойдя, приложил палец к губам и едва слышно прошептал:

— Подглядел сегодня за отцом... Ордена из сундука вытаскивал... чистил... их штук десять, честное слово, и медалей тоже много...

— Надо было в этот момент подойти и поговорить.

— Подошел... А он как крикнет: «Тебе чего? Марш отсюда!» И прикрыл награды рукой.

— Ладно, — успокоил я своего юного друга. — Завтра поговорю с ним по душам.

А на следующий день ко мне снова явился Алий... с синяком под глазом.

— Как ты мог опуститься до драки? — возмутился я. — Сколько я тебя учил — все споры улаживать мирным путем. Что вы там не поделили?

— Мы спорили об отцах.

— И это повод для драки?

— Я сказал, что мой отец расписался штыком на рейхстаге, имеет много орденов. Они смеяться начали. Я и врезал одному. А они все на меня навалились... А я не отступил — ведь я прав. А когда мы додрались, Сафер сказал: «Если твой отец действительно воевал, чего же он никогда не наденет свои награды? Люди ими гордятся, Девятого мая фронтовики с орденами на собраниях являются, а твой с голой грудью приходит...» Тогда я еще раз врезал, и драка пошла снова.

Я подыскивал слова, чтобы как-то успокоить Алия, как вдруг, подняв глаза, увидел Аледжука. Он стоял у своего плетня и, по-видимому, слышал наш разговор.

— Что ты скажешь на это? — обратился Аледжук ко мне.

— Можно при нем? — я кивнул на Алия.

— Конечно, — Аледжук подошел поближе. — При нем можно вести самые серьезные разговоры.

— Тогда скажу, что ты здорово перехватил в своей скромности.

— Но разве наши отцы хвастались когда-нибудь своими наградами? Настоящий адыг никогда не сделает этого. Мой отец имел два Георгиевских креста, а узнал я об этом, когда разбирал его вещи после того, как он покинул нас навсегда. Зачем же нарушать такую хорошую традицию? Пусть мой сын учится у меня скромности, а не хвастовству.

— Знаешь что, Алий, — сказал я. — Ступай-ка отсюда, а то мы не договоримся.

Аледжук улыбнулся.

— Оставляйся! — Отец тронул сына за плечо. — Если я в чем-то не прав, пусть он и об этом знает. Достоинства следует скрывать, пусть сын сам узнает о них. А насчет ошибок — тут дело иное. Лучше будет, если он станет учиться на моих, а не на своих ошибках.

— Тогда пойми, что он не может каждый день драться со всем классом, защищая твою честь. Во всем следует соблюдать разумную норму. Хватишь лишнюю рюмку, и станешь посмешищем. Перестарайся в экономии, и превратишься в скрягу. Говорят же: заставь дурака богу молиться, он лоб расшибет... Извини, к слову пришлось. Не надо кичиться своими наградами, но в праздник Победы не грех, надев мундир или тот же пиджак, пройтись по аулу с сыном. Он захочет и в этом походить

на тебя, быть таким же смелым, так же верно служить Родине.

— Ладно, — вздохнул Аледжук. — Раньше, когда приходилось стрелять из винтовки, я брал поправки на ветер, на складки местности, на состояние погоды. В своем поведении сделаю поправку на время. Пошли, во-первых, обсудим подробности дома.

Лицо Алия просияло. Но только на один лишь миг. Он сумел упрятать свою радость и степенно двинулся за отцом. Как и полагается настоящему адыгу.

Тунгусский метеорит

Есть в ауле такой особый час — предвечерний. Солнце вот-вот зайдет, но еще не достигло горизонта. Дневная жара уже спала, а вечерняя прохлада не наступила. Что-то среднее, навевающее дрему. Люди уже возвратились с работы и ужинают или обедают — кому как нравится. На улицах — ни души. Тишина, располагающая к раздумьям на отвлеченные темы.

В такой предвечерний час, расположившись в саду, я размышлял о Тунгусском метеорите.

— Почему именно о нем? — может усмехнуться иной читатель. — У тебя нет, что ли, более близких дел на земле? Все остальные проблемы решил?

— Есть, дорогой читатель, у меня свои проблемы на земле, есть, и даже не мало. Конечно, чем тратить драгоценное время на этот злополучный метеорит, я мог бы написать в издательство заявку на издание этих рассказов. Дело более нужное. Или сделать подстрочник своих последних стихов. Или хотя бы записать рассказ, услышанный вчера в автобусе: весьма любопытная историчка.

Но мысли о Тунгусском метеорите вытеснили мои личные дела самостоятельно, без какого-либо нажима. Я думал о том, что ведь это мог быть и не метеорит, а космический корабль, звездолет. Если правы писатели-фантасты, которые поддерживают эту теорию, то какая трагедия разыгралась на сибирской земле в начале века! Наверное, не сработали тормозные установки.

А если бы сработали?

Что было бы, если бы к нам на самом деле пожаловали пришельцы из космоса?

Обмозговать этот вопрос обстоятельно я не успел. Почувствовав чей-то пристальный взгляд, оглянулся и увидел Алию. Паренек стоял у плетня, иронически поглядывая на меня.

— Чао, Киримизе, — проговорил он. Тогда все мальчишки находились под влиянием итальянских неореалистов.

В моем воображении все еще мелькали кадры из кинофильма «Аэлита», и я молча, как-то обреченно кивнул Алию.

— Я думал, ты спишь, — сказал Алий.

— А если бы я и спал, что в этом дурного? — парировал я.

Этой фразы было достаточно, чтобы попасть в сети, расставленные хитрецом Алием.

— В такое время спят только глубокие старцы и древние старухи. А ты еще стараешься выглядеть молодым.

— Повторяю, Алий, — строго заметил я, — я не спал. Я думал. Может, ты еще не знаешь, что это такое — думать?

— О чем же? — спросил Алий, великодушно пропустив мой намек.

Я решил сразить его одним ударом и сказал правду:

— О Тунгусском метеорите.

Алий хмыкнул, снисходительно улыбнулся и спросил на полном серьезе:

— А зачем он тебе? У нас тут свой «Тунгусский метеорит» объявился, почище того...

Мое продолжительное знакомство с Алием показывало, что мальчишка слов на ветер не бросает. Что же он подразумевал под термином свой «Тунгусский метеорит»? Не найдя разгадки, спросил:

— А мне ты его покажешь?

— Хотя сейчас, — оживился Алий. — Даже лучше всего сейчас. Зрелище общедоступное, занятное и бесплатное.

— Послушай, Алий, ты не разыгрываешь меня? — осторожно осведомился я. Мальчишка вообще-то был не лишен фантазии, типичный акселерат.

Алий бросил в мою сторону укоризненный взгляд и насупился.

— Ладно, ладно, не обижайся. Где же твой метеорит?

— Пошли, покажу...

Выйдя на улицу, я повернул было к полям, но Алий потянул меня за рукав.

— Не там, — улыбнулся он. — Наш метеорит в самом центре аула.

Неподалеку от здания, которое тогда было приспособлено под клуб, под кронами четырех дубов, стояло несколько скамеек. Обычно в такой час они пустовали. Но сегодня я еще издали заметил, что одна из скамеек занята. Подойдя поближе, разглядел полного человека, одетого не по сезону — он был в темном пиджаке и темных брюках. Из-под пиджака выглядывали нейлоновая цветная рубашка, огромный галстук и черный жилет. Картину дополняли массивные, в северном исполнении, черные ботинки. Сидел этот человек нахохлившись, словно филин, почувывая опасность. С трудом узнал его.

— Неужели это ты, Инал?

Инал Тлегоруков, прищурившись, разглядывал меня, видимо не узнавая.

— Киримизе? — неуверенно спросил он и поднялся, чтобы поздороваться. — Сдал же ты, браток, крепко сдал. Просто не узнать. Ты что, еще работаешь? Я слышал, в писатели выскочил?

— Да, пишу...

— А они что, не могут тебя обеспечить приличной пенсией? Ты ведь фронтовик.

— Да зачем мне пенсия? — удивился я. — И возраст у меня еще далеко не пенсионный, и сил хватает, и желанья...

— Э... — перебил меня Тлегоруков. — Знаем мы таких энтузиастов, видели. Дал ты промашку, Киримизе. Надо было со мной на заработки податься. На шахту... Двадцать лет отбарабанил, а теперь — пенсионер. Заслуженный человек! Государство на таких, как я, опирается.

Инал, как я вспомнил, был моим ровесником, но каким-то образом не попал на фронт. После войны стал бригадиром в колхозе. Вдруг исчез в буквальном смысле. Лишившись помощи сына, старики, его родители, жили очень бедно. Но более всего страдали от неизвестности. Особенно убивалась мать. Она призналась соседкам, что знала о том, что сын собирается завербоваться

в Сибирь, но думала, что все будет по-людски. А он просто сбежал и не пишет даже.

Первое письмо от Инала пришло, когда матери уже не было в живых. Он писал, что очень хорошо зарабатывает, что просит стариков маленько подождать — побольше денег соберет и нагрянет. Посылать пока ничего не будет, чтобы не распылять сбережения, а все даст им потом, как сам писал, «сучкой».

Иналовой «сучки» не дождался и отец — умер в нужде. Колхоз помогал старику, чем мог, да уж больно трудными были послевоенные годы.

И вот Инал дома — розовощекий, упитанный, крутопячий. Юный пенсионер Инал. Свалился на аул, словно снег в уборочную страду.

«Действительно, ничего не скажешь, — подумал я. — Здорово придумал Алий — чем не Тунгусский метеорит!»

— Ты надолго, Киримизе? — спросил Инал. — На два дня? Ладно, приходи сюда, вспомним молодость. Я здесь всегда, местечко очень хорошее. Хоть утром, хоть днем — всегда застанешь. Потолкуем о жизни, может, и поумнеешь.

Отчего-то стало мне грустно, и по пути домой я не проронил ни звука. Молчал и Алий. У моей калитки он сказал:

— Завтра субботник по строительству нового клуба. Пойдешь?

Я убедительно кивнул.

— Тогда зайди за тобой.

За ужином узнал подробности возвращения Инала. Он прибыл в аул с женой-сибирячкой, совсем молодой женщиной. В то время в его доме жили какие-то дальние родственники отца. Они не только держали в порядке постройки, сад, огород, но и пристроили к дому еще две комнаты. В тот же день Инал выставил из дома родию, сказав, что в одной берлоге две медведицы не уживутся. Привез из города гарнитуры мебели, мощный насос для полива огорода и сада и занялся с женой благоустройством. Старый плетень выбросил, обнес участок высоким забором. Верхушка ограды, словно юбка модницы кружевами, была оторочена колючей проволокой. Огромные столбы сам поднимал и переносил, ворочал каменные глыбы. В свободное время, а его у него становилось все больше, так как основную рабо-

ту на участке он переложил на плечи жены. Инал любил просиживать там, где я его встретил. В первое время к нему подсаживались, расспрашивали, пытались завязать разговор. Но Инал был надут спесью и желчью, ко всем относился свысока. Он все время говорил о своих заслугах перед страной и народом.

— Думаете, — выпитив нижнюю губу, спрашивал он, — мне такую пенсию даром платят? Как бы не так. Вот тебе, например, сколько пенсии положено?

Простепенно он полностью лишился собеседников, аульчане стали обходить «тунгусский метеорит», как окрестил Инала находчивый Алий.

Глубокой ночью я вдруг проснулся от какого-то крика. Прислушавшись, понял: не крик это, а пьяная песня. «Уж не Инал ли так развлекается?» — подумалось. Утром спросил об этом родных.

— Не узнал? — засмеялся брат. — Нет, Инал не пьет, этого за ним не водится. Концерты дает наш солист Шеож. Ахматечев Шеож.

— Неужели?

— Пьет все сильнее. Дети работают, а он пьет. Раньше все больше дома пил, семья скрывала это. Не выйдет на работу — болен, и все. А теперь его на улицу тянет, в забегаловки. Ищет собеседников. С утра начинает и завершает там, где свалится. Бывает, и в канавах отсыпается. Однажды по пьянке свалился в яму, из которой глину брали. Дело после дождя было, скользко, выбраться сам не мог. Возле ямы собралась толпа. Хотели было помочь пьянице выбраться, а один шутник предложил: «Давайте устроим так, что он сам вылезет. Подождите...» Ушел и вернулся с бутылкой из-под водки. «Водой наполнил», — сообщил он друзьям и поставил бутылку на край ямы.

И чудо произошло. Уж каким образом — не понять, но Шеож самостоятельно выбрался из ямы, схватил бутылку и отхлебнул. Поняв, что его высмеивают, не растерялся, сказал:

— Чудесная холодная вода... Спасибо...

В окошко заглянул Алий, и мы отправились на субботник. На площади собрались все здоровые жители аула. На своем постоянном месте оказался и Инал Тлегоруков. Председатель сельсовета выделил бригадиров, сказал, что какой бригаде делать. Все стали расходиться по местам, один Инал не поднялся со скамьи.

— А ты что же? — спросили его.

— Я уже свой долг Родине отдал, — презрительно ответил Тлегоруков. — Думаете, мне такую пенсию платят даром? Как бы не так.

— Думаешь, Родина обидится на тебя, если ты что-то бесплатно сделаешь? Клуб-то для всех. И для тебя, и для твоей семьи.

— Сам туда ходить не собираюсь и жену не пушу. А кому нужен клуб, тот пусть и строит его.

— Толстокожий же ты, Тлегоруков, — вздохнул председатель сельсовета. — Чем тебя прошибить? Ведь тебе по возрасту и здоровью ближе к пионерам, чем к пенсионерам.

— Если вы думаете, — огрызнулся Инал, — что мне даром пенсию дают, напишите на шахту и вам ответят, что Тлегоруков свой долг перед народом выполнил. Полностью. Понял? И нечего приставать.

— Он непробиваемый, — крикнул Алий. — Это же «Тунгусский метеорит» на наш аул овалился.

Все засмеялись и разошлись по своим рабочим местам. Инал остался на скамье. Разумеется, один.

И вдруг, — это произошло часа через два, — я заметил, что на скамье уже двое.

— К нему подсел Шеож Ахматечев, — пояснил Алий, проследивший за моим взглядом. — Шеож вообразил, что после субботника будет выпивка, и ждет.

Видимо, они нашли общий язык, лодырь и пьяница. Все что-то делали, а они болтали, смеялись.

После субботника я подошел к той злополучной скамье: интересно было узнать, осталась ли у этих людей хоть капля совести. Но Шеож не дал мне и рта раскрыть.

— Почему люди расходятся? — набросился он на меня. — А где выпивать будут?

— Каждый у себя дома, — ответил я, поняв, что мои вопросы или наиздания — пустая трата времени.

— Вот что, — вдруг проговорил Инал, доставая из кармана пятерку. — Шеож сбегает за водкой и колбасой, и мы тут вдвоем раздавим пол-литра. Идет? Я угощаю.

— На меня не рассчитывай, — предупредил я.

— Шеож, зажавший деньги в кулак, засмеялся.

— Тем лучше, нам больше останется. Видишь, Инал, и от непьющих некоторая польза есть.

Инал бросился к магазину.

Как-то так случилось, что после этой поездки я не был в ауле около трех месяцев. А приехав, сразу вспомнил о «тунгусском метеорите». Не надоело ли ему в гордом одиночестве созерцать кипение жизни? Честно говоря, думалось, что отойдет Инал, сблизится с людьми. Ведь свой же, наш, не в Южной Африке воспитывался...

Ошибся я. Впрочем, не совсем. Произошло нечто невероятное: он сблизился лишь с одним человеком — Шеожем Ахматчевым. С утра и до обеда они болтали, перед обедом Инал давал дружку деньги, Шеож принимал водку. Потом Инал уходил обедать, а Шеож направлялся в магазин. Становился в угол, ждал, пока кто-нибудь купит водку. Увязавшись за покупателем, кем бы он ни был, он нахально вваливался в дом и садился за стол. Выгнать его никто не решался — очень уважали его детей, да и о нем в свое время судили не плохо.

Четверо сыновей и дочь Шеожа давно стали на ноги, добросовестно работали и тяжело переживали поведение отца.

Если же в магазине был выходной, Шеож шел в буфет, так же нахально навязывался в какую-нибудь компанию.

А к вечеру он снова был на скамье, на которой восседал «Тунгусский метеорит».

Говорили, что Инал, давая Шеожу деньги взаймы, очень редко получал их обратно. Но терпел и продолжал понть его: ведь Шеож был единственным человеком в ауле, который признавал право Инала на безделье и даже лебезил перед ним.

В тот вечер мне довелось стать свидетелем примечательной сцены. К нам зашел старший сын Шеожа, Ахмед. Извинившись, увел меня в сад.

— Киримизе, — сказал Ахмед. — Мы, дети Шеожа, просим тебя побывать сегодня у нас. Хотим поговорить с отцом серьезно. Нам кажется, что твое присутствие поможет нам договориться с ним, ведь вы когда-то в одном классе учились, он очень считается с твоим мнением.

— А не получится ли наоборот? — усомнился. — Боюсь, что мое присутствие может сделать его еще более строптивым. Одно дело, если мы наедине поговорим, а другое — при детях.

— Да другого выхода мы не видим, Киримизе. Ты ведь не живешь в ауле, вот он, может, и постесняется тебя.

— И я пошел.

Тяжело было слушать сыновей Ахматчева, видеть слезы его дочери. Парни просили отца бросить пить, не позорить себя и семью. Шеож огрызнулся вяло, будто отмахивался от мух. То и дело он апеллировал ко мне.

— Скажи этим соплякам, Киримизе, что рано им меня учить.

— Мы вынуждены будем не давать тебе денег, отец, — в сердцах заявил Ахмед, его старший сын.

— Плевал я на ваши деньги. Рано вам еще учить меня, — добавил раздраженно. — А деньги мне всегда даст Инал. Шахтер! Он понимает человеческую душу.

И тогда заговорила любимица Шеожа, дочь Мариет.

— Папа, — сказала она. — Мы тебя очень любим и уважаем. А ты нас — нет! Ты не желаешь считаться ни с чем. Подумай, в какое положение ты своим поведением ставишь своих детей. Хотя бы в память о нашей матери возьми себя в руки. Пока мы подрастали, мы во всем тебя слушались, как велела перед смертью мама. И сейчас слушаем. Вспомни же и ты ее наказ.

Шеож поднялся, походил по комнате. Тяжело вздохнув, сказал:

— Дети, я вас люблю. Если бы вы попросили меня не спать ради вас, я бы не спал. Если вы скажете, что бы я стоял за вас в воде до самой смерти, пойду и стану. Могу ради вас терпеть холод, зной, голод. Но не пить я уже не могу. Втянулся с головой. Водку я люблю больше вас, она для меня — воздух, хлеб, вода, вся жизнь. Один Инал понимает это, будь он счастлив.

Я собрался уходить, сожалея о том, что пришел. Но тут поднялся Ахмед.

— Слушай же, отец, наше последнее слово. Ради него мы позвали сюда и Киримизе. Ты не желаешь себе добра, плюешь в глаза людям, позоришь своих детей, теряешь облик человека. Но ведь ты это делаешь не потому, что ты плохой. Тебя схватила в свои лапы водка, ты сам об этом говоришь, и уже не можешь отвечать за себя. После смерти матери ты заменил нам ее, а себя начал утешать водкой. И она теперь закрыла тебе весь мир. И зовут тебя в ауле Водкин Перцович Особый, Так?

Шеож молчал.

— Так, — повторил уже утвердительно Ахмед. — Все так. А теперь скажи, отец, что ты бы сделал, если бы такое несчастье случилось с одним из нас, твоих сыновей? Стал бы ты равнодушно ждать, пока сын погибнет, или сделал бы все возможное, чтобы его спасти? Говори!

Шеож побледнел, рванулся было к двери, но не вышел.

— Мы тебя поняли, отец, — сказал Ахмед. — И мы спасем тебя. Завтра договоримся о том, чтобы тебя отравили на принудительное лечение. А до этого времени побудь с нами, не ходи к Иналу. Ведь мы расстанемся надолго.

По-моему, никто из них не заметил, как я вышел. Частенько вспоминая об этом разговоре, я мысленно склонял голову перед мудростью и мужеством молодых Ахматчевых, перед этим подлинно настоящим проявлением сыновней любви и заботы.

Так «Тунгусский метеорит» снова оказался в одиночестве. Как мне говорила, это заметно повлияло на его характер. При виде односельчан он отворачивался и бормотал какие-то ругательства или проклятья. Но позиции не менял. Ни в буквальном, ни в переносном смысле.

Однажды я его спросил:

— Как ты, Инал, можешь так жить?

Он злобно фыркнул и проронил:

— Жду...

— Кого?

— Шеожа жду. Медицина — поль без палочки. Выскочит из автобуса и ко мне побежит: «Инал, займи на глоток, умираю...»

До того дня я вспоминал об Инале без особых эмоций. Чудак, мол, и только. Возомнил, будто все сделал и можно стричь купоны. Теперь понял: Инал много хуже. Инал — очень вредный человек, погань. Таких еще в ауле не было. И, конечно, стал с большим интересом ожидать возвращения Шеожа. Признаться, хотя не очень верилось в целительные чудеса, надеялся, что все будет в порядке. И все же в глубине души тлела тревога: боялся, что в этом сражении верх одержит Инал, — жизнь преподносила немало и таких примеров.

С тех пор прошло почти два года. Как-то Алий, уже восьмиклассник, получал в Майкопе для школы какой-

то сложный прибор. Нужно было помочь парню доставить его в аул, и я попросил у Схатбия, сына тетушки Гюлпевнай и моего старого друга, легковую машину. За городом, на шоссе, какой-то человек «проголосовал». Место было, мы остановились.

— О, Киримизе, какая встреча! — сказал человек. — Вы в аул?

— Я не верил своим глазам, да и Алий — тоже. Перед нами стоял Шеож. Но не тот Шеож, которого мы запомнили — с опухшим синюшным лицом, с раздувшимися прожилками на глазах, с клочковатой, неопределенного цвета растительностью на лице. Худощавый мужчина с грустными черными глазами, чисто выбритый, аккуратно одетый — таким он стоял на шоссе. Один. Без сопровождающих...

По пути в аул он все время расспрашивал Алия о делах в колхозе, о людях. Вопрос за вопросом. По тому, как он выслушивал ответы, я понял: не хочет Шеож, чтобы его самого о чем-либо спрашивали, потому и сыплет вопросами. И когда он вдруг, задумавшись, не замечал, что Алий уже ответил на очередной вопрос, я сам начинал говорить о чем попало.

Мы подвезли его к дому и сразу отъехали.

Утром следующего дня я собрался в колхозную контору. На площади остановился. Что-то необычное задержало меня, а что — сразу понять не мог. И вдруг догадался: на скамье не было Инала.

Вот это да! Уж не чудо ли совершилось? Не прилетели ли за ним пришельцы с других планет? Только это и могло бы, как мне казалось, сдвинуть с места «Тунгусский метеорит». Тем более в такой день, когда должны были исполниться его лучшие надежды.

Но произошло событие меньшего масштаба, и узнал я о нем немедленно, едва войдя в кабинет председателя. У его стола стоял Инал, тоже, кстати, неузнаваемый. Его обычно самодовольная физиономия была сильно перекосена, под глазом красовался синяк, который мы еще с детства привыкли именовать «фонарем», весь он, всегда чистенький, был сильно вывалян в пыли. Вид его вызывал невольную и, с грустью признаюсь, злорадую улыбку.

— Ничем не могу помочь, — услышал я слова председателя. — Ничем! Свидетелей-то нет у тебя, дружок, некому подтвердить твои слова, вот в чем дело.

Сам слышал — все говорят, что ты по собственной инициативе упал и ударился о скамейку. А что, такое иной раз случается. Я сам вчера в этой комнате споткнулся на ровном месте. Иди, дорогой, иди, у меня и без твоих синяков забот хватает.

— Я это так не оставлю, — заорал Тлегоруков. — Я до области дойду! Я выполнил свой долг перед Родиной. Думаете, даром мне такую пенсию платят...

— Иди, дорогой, иди, — повторил председатель. — Мы уже это много раз слышали. Заслужил — получай, никто не покушается на твоё добро. Иди...

Когда дверь за Иналом закрылась, председатель расхохотался. Откинувшись в кресле, прикрыв глаза, он смеялся с каким-то особым удовольствием. Успокоившись, рассказал о том, что произошло. Накануне вечером Шеож направился в колхозную контору. Инал, давно ждавший этого часа, окликнул бывшего друга. Шеож подошел к нему. Словно из-под земли стали собираться люди: всем было интересно — чем же это кончится?

— А ты все такой же? — спросил, поздоровавшись, Шеож. — Не меняешься?

— Как есть! — гордо ответил Инал.

Достав загодя припасенную бутылку, он протянул ее Шеожу.

— За твой приезд, — провозгласил он. — За свободу наших индивидуальностей, за дружбу! Спасибо, что не забыл обо мне. Друзья всегда найдут общий язык. Ну, давай.

— За свободу! — повторил Шеож. — Это хорошо. И за дружбу — здорово! Ну, пей. Давай, пей за свободу. Первым!

— Это я тебе, друг, приготовил. За встречу! — Инал протягивал бутылку Шеожу, но тот ее не брал. — Пей же, друг, мне не жалко для хорошего человека ничего.

— Сперва пей ты, — сказал Шеож, поднимаясь со скамьи. — Ну, давай. Чего же ты не пьешь? Пить, так уж вместе.

— Не хочу, для тебя ведь старался... — вырвалось у Инала.

— Старался, значит, для меня... Я тебя, друг, еще тогда понял. Спивайся, Шеож, а я смеяться над тобой буду. А весь аул пусть хоть вверх дном перевернется.

И дети Шеожа пусть зальются горячими слезами... Так, что ли?

— Ты что это, сдурел там, в больнице?

Шеож насутился.

— Мне приготовил? Ладно, выпьешь сам. Понял? Все, до капли...

Шеож выхватил бутылку из рук Инала, ухватил его за загривок, с силой воткнул горлышко ему в рот. Громко забулькала водка. Инал покраснел, потом начал синеть. Рванувшись изо всех сил, упал и ударился лицом о скамью. А Шеож, швырнув бутылку, отправился в контору. За назначением. Утром, не почистившись, так сказать, в том виде, в каком грохнулся наземь, Инал явился к председателю «за справедливостью».

История эта меня обрадовала. Возвратившись домой, я забрался в беседку. Задумавшись, не услышал шагов Алиа.

— Что, Киримизе, — услышал я знакомый голос. — О чем ты все думаешь?

— Да все о нем, о «Тунгусском метеорите».

Неожиданно Алий расхохотался. Не выдержал и я. Смеялись мы оба от всей души: ведь хорошо, когда грустные истории заканчиваются смешно.

Секреты долголетия

Сижу, пописываю, а годы идут. Бегут, как вода в Афинсе. И все вокруг обновляется, и все стремится к обновлению.

С тех пор как Алий перешел в девятый класс, к нему не подступиться. А после того как его избрали бригадиром школьной производственной бригады, стал и вовсе недосягаем. Однажды брожу по саду, ишу, с чем зарифмовать слово «тхаматэ», что означает председатель, как вдруг слышу голос Алиа:

— Что ты там переживаешь, Киримизе?

— Да вот, — рассеянно отвечаю, — рифму ишу...

— Мне бы твои заботы, — вздохнул Алий. — Вот ты скажи мне, что бы ты сделал, если бы двое ребят из твоей бригады решили из-за девчонки подражаться?

— Над этим надо поразмыслить, — уклонился я от

прямого ответа. — Педагогическая теория в принципе вообще-то исключает такие ситуации, но, конечно, жизнь преподносит свои сюрпризы. А ты бы как поступишь? — решил я незаметно дать задний ход.

— Я обоим накомылял по шее, — вздохнул Алий. — Всыпал, чтоб помнили, что они мужчины.

— И что?

— Помогло.

— Что ж ты вздыхаешь?

— Да жалко их. Парни такие хорошие, а девчонка — ну, смотреть не на что. Кривляка какая-то, под Орлову подстраивается.

В это время из-за штакетника раздался женский голос:

— Здесь есть кто-нибудь?

Мы с Алием подошли к заборчику. На тротуаре стояла незнакомая женщина. В одной руке у нее была закрытая кожаная, довольно объемистая сумка, другой она держала раскрытый зонтик. На носу у нее были диковинные очки с зеленоватыми стеклами, каждое размером с блюдце.

— Здравствуйте, — сказал я. — Здесь — мы.

— Товарищи колхозники! — обратилась к нам незнакомка. — Помогите мне найти очень старого человека.

— У вас тут родственник? — вежливо спросил Алий.

— Какие родственники, — хмыкнула женщина. — Я сама из Томска, неподалеку, в Горячем Ключе, отдыхаю. Мне сказали, что в вашем ауле люди очень долго живут. Вот я и приехала, чтобы узнать у них секрет долголетия. Скажите, пожалуйста, в каком доме можно найти древнего старика?

Мы с Алием проявили к ее заботам живейшее внимание. Алий — не знаю почему, а я потому, что до сих пор полагал, будто подобные ситуации возможны лишь в старых, давно вышедших в тираж анекдотах.

— Покажем? — спросил я у Алиа.

— Надо помочь человеку, — ответил он, не спуская глаз с ее диковинных очков.

Мы вышли на улицу.

— Очень старый человек живет почти рядом, — сказал я.

Миновали всего лишь один квартал и оказались у плетня Бирама Беданоква. Бирам сидел под ореховым

деревом за столиком; без очков читал газету и делал какие-то пометки в тетради.

— К тебе гости, отец, — сообщил я. — Интересуются кое-чем. Уделишь приезжей женщине внимание?

Бирам пригласил женщину в сад, усадил ее на скамью, сказал, что слушает. Узнав, в чем дело, задумался.

— Конечно, вам надо помочь. Но это очень долгий разговор, а я сейчас как раз готовлюсь к беседе в нашем садоводческом звене. Видите, постановление о соцсоревновании вышло, вот и попросил меня, как опытного агитатора, поговорить об этом с народом.

— А когда у вас беседа? — огорчилась женщина. — Может, после нее поговорим?

— Оттуда я пойду на колхозный стадион.

— Вы — спортсмен? — ужаснулась приезжая. — В вашем возрасте?

— Да нет, — успокоил ее Бирам. — Я уже ничем, кроме стрельбы, не занимаюсь. А вот мой отец вдруг решил сегодня попробовать на скачках. Мое отсутствие он обязательно заметит, очень самолюбивый старик.

— Тогда, может быть, вечером?

— Прямо со скачек все двинемся на новоселье к моему старшему брату. Жил почти пятьдесят лет в одном доме, и вдруг пришла блажь в голову, — вьуки, видите ли, очень шумят. Двухэтажный построил. На втором этаже, говорит, поспокойнее будет.

Приезжая поднялась со скамьи.

— Я тут недалеко отдыхаю, — сказала она, — могу и в другой день приехать.

— Лучше всего, — обрадовался Бирам. — Только вот когда? Пятница — занята. В этот день иду с моим двадцатилетним делом на строительство моста через реку. Мой дед — старейший житель аула — куда он, туда и мы.

— Вот беда! Ну, а в субботу?

— В субботу старики решили деревья сажать, не могу отбавиться от них.

— Но, может быть, ваш дед сегодня свободен? — осенило вдруг приезжую. — Сто двадцать! Это же надо...

— Очень может быть. Я попрошу этих молодых людей отвести вас к нему. Дед будет очень рад и на все вопросы даст ясные и четкие ответы.

Повели мы курортницу к деду Бирама Исаку. Его

мы нашли прямо на улице — он поливал деревья из шланга. Пояснили, в чем дело. Исхак передал шланг какому-то мальчишке, а нас повел в садовую беседку.

— Дорогой отец, я приехала издалека, и мне очень хочется узнать секрет долголетия, — обратилась к нему женщина.

— Когда человек обращается по делу, то его просьбу надо удовлетворить, такой уж закон у нас в горах, — заметил Исхак. — Спрашивайте, я постараюсь сообщить вам все, что знаю.

— Сколько вам лет, отец?

— Мне минуло сто двадцать, второй век копчу небо. Слава аллаху, я хочу прожить еще немало лет, чтобы вместе с молодыми увидеть коммунизм.

— Вы никогда не болели?

— Я не знаю, что такое болезнь. Мой организм к болезням не расположен, и я никогда не думаю о них.

— Что вам помогает поддерживать здоровье?

— У меня есть верный друг и товарищ, который всегда и во всем поддерживает. Он делает меня бодрым и жизнерадостным. Этот друг всегда со мной. Такой друг имеется у каждого, но не все хотят с ним дружить. Кто он? Труд. Где труд, там нет старости.

— А что вам еще помогает, отец, скажите, пожалуйста?

— Я всегда хожу пешком. В день несколько раз поднимаюсь вон на ту возвышенность. Встаю вместе с солнцем, а ложусь в полночь. Летом ночью во дворе. В реке купаюсь до глубокой осени, а зимой обливаюсь холодной водой. Хорошо вместе с ребятишками босиком ходить по дождевой воде, это тоже закаляет организм.

Женщина долго молчала, видимо взвешивая, сумеет ли следовать всем этим советам. Потом спросила:

— А как вы себя ведете?

— Никогда не повышаю голоса, стараюсь не нервничать. За всю свою жизнь ни разу не поругался с женой. Она тоже с меня берет пример, живем ладно и мирно.

— Когда мы к вам подходили, вы, кажется, что-то напевали. Песня имеет какое-нибудь отношение к здоровью?

— Очень большое. Песня — моя неразлучная спутница, она поднимает настроение. Я часто пою. Когда около меня люди, я пою про себя.

— Я поняла вас, — совсем тихо проговорила жен-

щина. — То же самое, только другими словами, не так прямо, сказал и ваш внук. Спасибо, я пойду.

— Тогда послушайте последний совет, — вдруг улыбнулся Исхак. — Не бойтесь любви, любите на здоровье. Любящий человек молодеет душой. До свидания.

Мы молча проводили незнакомку к автобусу. На обратном пути я заметил, что Алий как-то неестественно тяжело вздыхает. Я не выдержал, спросил:

— Ну, что там еще?

Алий еще раз вздохнул.

— Да вот думаю, Киримизе, не зря ли я надавал этим пацанам по шее? Девчонка-то, в общем, ничего, не хуже других. А под Орлову она здорово работает, настоящая Стрелка.

— Будем надеяться, — серьезно проговорил я, — что они еще свое возьмут. Да, Алий, все трое.

Лахо рассчитывал по-другому

Среди моих односельчан очень много людей заслуженных, завоевавших себе доброе имя в труде и в бою. Большим уважением у нас пользуется и Лахо Апшамаров. Достаточно сказать, что он в годы коллективизации первым, как тогда говорили, «пересел с коня на трактор», и все станет яснее ясного. Но не только механизаторские таланты украшали Лахо. Поначалу он проявил себя как педагог: собрал группку молодежи и стал обучать своему искусству. Вот почему первую в нашей ауле тракторную бригаду в шутку называли «ансамблем Апшамарова».

А во время какого-то праздника выяснилось, что Лахо еще и отлично играет на шичепшине — это наш музыкальный инструмент, похожий на скрипку. Лахо исполнял песни, которых не знал ни один музыкант — он в раннем детстве услышал их от своего прадеда. Слух о песнях Лахо дошел до Майкопа, к нему прибыла целая бригада фольклористов. И тут выяснилось, что запомнил он не только песни, но и старинные предания, сказки, легенды и мастерски их рассказывал. Лучше артиста. Мне не раз доводилось записывать рассказы Лахо для передачи по радио. Они пользовались большим успехом. Ко всему этому Лахо прекрасно танцевал. Ра-

зоясь, он импровизировал и выкидывал такие колена, что дух захватывало. Не раз его пытались «свертнуть в профессионалы» товарищи из областного ансамбля, но Лахо эти предложения не привлекали.

— Человек должен зарабатывать себе на хлеб трудом, — возражал он. — А разве танцы — труд? Поработал, и танцуй в свое удовольствие хоть до рассвета. А потом опять на работу. С моим ансамблем мне куда веселее.

Артистов подобное непонимание, разумеется, обижало, и они в конце концов отстали.

Шли годы, росла квалификация Лахо, рос и его, как он сам выражался, «второй ансамбль». Что ни год — сын или дочь. А точнее, все шло в безукоризненном порядке: сын, дочь, сын, дочь, сын, дочь... Три пары, шестеро черноглазых, рослых в отца, непоседливых, любознательных и, чего греха таить, голосистых в отца наследников и наследниц. Вместе с тем и шесть ртов, которые следовало прокормить.

По-разному относятся люди к своим отцовским обязанностям. Иные бегут от них, другие равнодушны и копошашейся у их ног «мелочи», — мол, вырастут — сами о себе позаботятся. Лахо был, как однажды заметил на родительском собрании директор школы Шумаф, образцово-показательным отцом. Он передавал им то, что знал и умел, делал все, чтобы детство их было безоблачным. Лахо работал не только отлично, он работал много. Значительно больше многих других. Постепенно забыт был шичепшин, все реже и реже появлялся он на гуляньях и свадьбах, а если приходил, то больше сидел в сторонке. Когда его просили потанцевать, он неловко усмехался и, показывая на ноги, оправдывался:

— Перестают слушаться, от хозяина отказываются...

И люди отставали — все знали, как работает Лахо.

Друзья спрашивали:

— Лахо, когда же ты отдохнешь? Дети вылетают из гнезда, становятся на ноги, могут уже без тебя обойтись, а ты все тащишь их на своей спине.

А старый Амин, с которым они в былые годы нередко отплясывали вместе, однажды предупредил Лахо:

— Боюсь, что ты чего-то не учел...

Лахо попросил высказаться точнее. Амин не стал упорствовать.

— В каждом деле нужна разумная мера, — заметил он. — Вот ты навинчиваешь ключом гайку. Лашний рыбок — резьба срезана, и гайку можно выбрасывать.

Казалось бы, все ясно. Но Лахо не удовлетворила и эта прозрачная аллегория.

— Не понимаю, друг, к чему ты клонишь, — упрямо буркнул он. — Говори начистоту, так лучше будет.

Амин вздохнул и выложил все, что его тревожило. Он сказал, что, по его скромному мнению, Лахо перестарался в своей заботе о детях. Он слишком много им давал и ничего не требовал взамен. Дети Лахо, и это видно всему аулу, даже и не думают заботиться о своих родителях, они выросли эгоистами. Говорят: долг платежом красен. Но по всему видать, что твой сыновья и дочери считают тебя своим вечным должником, а на счет платы и не задумываются.

— А впрочем, — закончил Амин, — тебе виднее, как поступать.

— Спасибо тебе, Амин, за добрые слова, — ответил Лахо после некоторого размышления. — Есть у меня одна тайна, но с тобой я поделюсь ею. Ты прав, дети мои уже стали на ноги. И работать, как раньше, мне уже тяжело. И вот я задумал такую штуку: приглашу своих детей и объявлю, что ухожу на пенсию. И скажу, что теперь все сыновья должны понемногу помогать отцу с матерью. Пусть присылают сколько могут, у каждого хорошая профессия, квартира, а в ней — все, что требуется. И тогда я отдохну. И возьмусь снова за шичепшин; пусть молодежь танцует под мою музыку.

— Аллах тебе судья, — заметил на это Амин. — Рассчитал ты вроде бы здорово, а там жизнь покажет...

Проводы Лахо на пенсию всем хорошо запомнились — с таким почетом на заслуженный отдых у нас еще никого не провожали. Лахо сидел в президиуме в выходном черном костюме, на груди сверкали ордена и медали. Председатель колхоза вручил ему грамоту и телевизор последней модели — с огромным экраном. Механизаторы колхоза преподнесли ветерану золотые часы с трогательной надписью: «Лахо Апшамфозу — руководителю механизаторского ансамбля, герою труда». Сельский Совет, депутатом которого Лахо был много лет, преподнес ему магнитофон, а коллектив школы механизаторов — небольшой транзисторный приемник.

Были и другие подарки, были памятные письма, были дружеские приветствия. Был торжественный ужин.

И вот наконец за столом только свон — Лахо с женой и его дети. Старший сын, инженер одного из областных управлений, проговорил со слезами на глазах:

— Тат¹, мы всегда знали, какой ты добрый и хороший, а сегодня увидели, как тебя все любят. Можешь больше ни о чем не заботиться, с этого дня мы все принимаем на себя. Отдыхай и живи вместе с мамой много лет нам на радость.

Из левого глаза Лахо скатилась неуместная слезинка. «Был бы тут Амин, — подумал он, — вот уж когда бы понял, как ошибался. Долг платежом красен на деле».

Утром все разъехались. Лахо отправился в сад — давно уже ему хотелось обновить его, вместо старых, отживающих свой век яблонь, насадить новые низкорослые сорта: плоды вкуснее, сохраняются круглый год, а ухода требуют меньше. Не откладывая дело в долгий ящик, Лахо наметил первую жертву — яблоню сорта «белый налив». Она разрослась, словно дуб, а плодоносила раз в три года. Прежде, чем срубить дерево, Лахо решил срезать часть ветвей с его кроны. Он принес ножовку и, взобравшись на дерево, принялся за дело.

Жена Лахо, наблюдавшая за приготовлениями старика, радостно заулыбалась: наконец-то и он легко вздохнет. Уж кому-кому, а Сарнет было хорошо известно, с каким трудом ее муж в последнее время справлялся с нелегкими обязанностями механизатора. Да, всему свой час. Для ее Лахо наступил час собирать плоды.

Когда крона яблони основательно поредела, Лахо спустился вниз. Посидел, покурил, потом стал стаскивать спиленные ветви к навесу, под которым у него всегда стояли дрова. Распилив ветки на короткие, тонкие полена, он оставил их подсыхать, а сам отправился домой. Думал послушать радио, лежа на кушетке, но незаметно задремал, а проснулся, когда жена позвала на обед.

В последние месяцы у Лахо был неважный аппетит — сказывалось переутомление. Но в этот свой первый «пенсионерский» день он поел с удовольствием и

¹ Тат — отец.

отправился проведать Амина. Вдвоем направились к желтевшему вдали лесу — просто так, побродить.

Ранняя осень — есть ли пора милее? Листья кленов еще не желты, но уже потеряли свой прежний изумрудный цвет. В прозелени дубовых крон просвечивает свищовый налет. Дерн шуршит под чувяками, пружинит, и это делает походку юношески легкой.

Перебрасываясь ничего не значащими фразами, друзья обошли опушку и приблизились к дороге, ведущей в город. По ней сновали машины самых различных марок и колеров. Было время, когда Лахо мечтал приобрести легковушку, — заработка механизатора вполне позволяли это. Но дети росли, каждому надо было помогать. Лишь в последнее время, в основном благодаря экономии, с которой вела дом Сарнет, им удалось положить на книжку несколько тысяч рублей. «А что? — пронеслось в мозгу Лахо. — Может, еще не поздно?»

Он поделился этой мыслью с Амином.

— Куплю «Жигули»: будем со старухой от сыночек к дочерям ездить. А пенсия пусть накапливается, на подарки внукам пойдет.

Не успел он договорить, как возле них со скрежетом и звоном пригормозила серая «Волга».

— Тат, — донесся из-за приоткрытой дверцы голос старшей дочери. — Здравствуй! Здравствуйте, дядя Амин. Я к тебе, папа, с хорошим предложением. Смотрела я вчера на телевизор, который тебе подарили, и думала: зачем таким глубоким старикам такой большой телевизор? В самом деле? И знаешь, что придумала? Решила подарить тебе свой маленький, аккуратненький, совсем недавно из ремонта. А твою громоздкую бандуру увезу. Не возражаешь?

Видавшего вида Лахо сбить с толку было не просто. Предложение дочери он выслушал с каменным лицом, даже глазом не моргнул.

— Ты права, дочка, — грустно подтвердил он. — Дейлай, как придумала. Скажи маме, что я согласен, а я еще здесь погуляю.

Когда машина скрылась, Лахо проговорил:

— Действительно, зачем старикам такой телевизор?

Но Амин не откликнулся. Молча ходили они, молча подошли к дому Лахо. «Волга» уже не было — много ли требуется времени, чтобы вывести из машины

один и втащить другой телевизор! Кивнув на прощанье товарищу, Амин ушел.

В тот день Лахо больше в сад не наведывался. Устроившись в комнате с шичепшином, он проиграл несколько старых мелодий. Поужинав, улегся в постель.

Хороший сон увес остатки плохого настроения. «Аллах с ним, с этим треклятым телевизором, — думал он, завтракая. — Стоит ли из-за этого расстраиваться?»

Взяв топор и пилу, он отправился в сад. Не прошло и часу, как яблоня рухнула. После перекура, Лахо притащил козлы и стал распиливать ствол на короткие чурбаки.

— Отдохни, не убежит твоя работа, — позвала его жена, — выпей вот лучше кислого молока.

В это время как раз и скрипнула калитка. Подняв глаза, Лахо увидел младшего сына.

— Апельсины в городе появились, — сообщил он, поздоровавшись, — решил вам забросить немного.

— Что это ты вздумал нас баловать, — сердито проговорила мать, а глаза ее лучились радостью. — Да не стой на пороге, заходи. Лучше бы детям своим дал эти апельсины.

— Хватит и им, — самодовольно ответил сын, входя в гостиную. Но вдруг взгляд его омрачился. — Что-то не вижу я большого телевизора? — строго спросил он. — Уж не продали ли вы его?

— Мы, сынок, — улыбнулась мать, — телевизорами еще не торгуем. — Вчера Нафсет попросила нас обменяться, вот мы и взяли ее маленький. Обойдемся, — добавила она после паузы, — много ли нам, старикам, надо...

Младшенький ходил по комнате, задумавшись. Присев возле матери, все еще державшей в руках кулек с апельсинами, он проговорил:

— Ты знаешь, тат, какая идея сейчас мне явилась? Давай поменяемся часами. Я тебе эти, что на руке, они очень хорошо ходят, только из ремонта вышли, гарантия на шесть месяцев. А ты мне, взамен моих, те, золотые.

Кулек с апельсинами выпал из рук старушки, крупные, желтые плоды покатались по блестящему, зеркальному чистому полу. Собирая их, она не смела взглянуть на мужа.

Лахо долго молчал. Потом поднялся, достал из комода футляр с часами и протянул его сыну.

— Ты и свой оставь себе, сынок, — спокойно сказал он. — А мне еще послужат мои старые, я к ним привык. Только... — он замаялся, — только как быть с надписью, сынок, там ведь мое имя?

— Это мы, отец, переживем, были бы красивые часы, — заулыбался молодой человек. — Большое спасибо. Ну, я поехал, дела зовут...

Прибывший через несколько дней старший сын, как я упоминал выше, инженер одного из областных управлений, возмутился, узнав, что случилось с телевизором и часами.

— Такие дорогие вещи, отец, — сказал он с упреком, — полагается дарить старшему.

— Извини, не подумал, — смущенно ответил Лахо. — Придется тебе ограничиться чем-нибудь другим. Рад буду доставить тебе удовольствие.

— Если так, отец, то мы быстро поладим. Нан говорила, что вы собрали некоторую сумму на старость. А мне как раз не хватает таких денег на новую кооперативную квартиру. Так что если...

Лахо невольно оглянулся, — нет ли поблизости Амина? К счастью, его не было.

— Пошли в сберкассу, сынок, а то там будет перерыв на обед, а это задержит тебя на целый час.

— Верно, отец, время — деньги.

Миновала неделя. Оправившийся от неожиданных ударов Лахо сидел в саду с шичепшином. Казалось, он разговаривал со своим инструментом: друг другу изливали они все, что было на душе. А еще точнее, шичепшин, словно эхо в лесу, повторял то, что нашептывал ему Лахо. Притихли даже птицы, вслушиваясь в этот задушевный разговор.

Скрипнула калитка. Вздрогнувший было Лахо заулыбался: к нему шел почтальон.

«Средний сын, — подумал он, — весточку прислал. Наверное, деньги. Аслан — не чета другим».

Но это был не перевод, пришло письмо. Вместе с женой они распечатали его. Шурясь, с трудом разбирая корявый почерк среднего, Лахо по складам читал вслух:

«Давно не видел я вас, мои нан и тат, но сейчас никак не могу приехать, дел невпроворот. Желаю вам крепкого здоровья, долгих лет жизни. Тат, если ты не считаешь меня нахалом, кочу обратиться к тебе с од-

ной просьбой. Я давно хотел купить машину, а тут как раз подвернулся удобный случай. Не хватает мне трех тысяч рублей. Нан говорила, что у тебя на книжке есть такая сумма. Вышли ее мне, а то я останусь без машины...»

Лахо взглянул в полные слез глаза жены и стал одеваться.

— Куда же ты? — всполошилась она. — Сохрани тебя аллах, неужели ты забыл, что отдал свои сбережения старшему?

— Я не в сберкассе, — успокоил жену Лахо.

На улице ему повстречался Амин.

— Далеко? — осведомился он. — Я в лес направляюсь. Пойдем?

— Хочу в контору заглянуть, к председателю, — ответил Лахо. — Знаешь, Амин, надоело дома без дела сидеть, тянет к прежнему. Попрошусь в слесари, их всегда нехватка...

«А рассчитывал ты, Лахо, по-другому», — подумал Амин.

Вслух он, разумеется, этого не сказал — какой же адыг станет бить лежачего.

Слава

Разная бывает слава, по-разному она приходит к людям. Иной и не думает о ней, и вдруг в один прекрасный день она сама его находит: здравствуй, дорогой, не ждал?

Был у нас овощевод-любитель Махмуд. Как-то весной заметил он, что в теплице один куст помидоров стал удивительно быстро тянуться вверх. И плоды на нем зрели какие-то особенные — крупные, похожие на дыни-дубовки.

«Что за несчастье, — расстроился бедняга. — Выродки какие-то».

Он боялся, что и другие кусты «испортятся», и как-то попросил заглянуть к нему колхозного агронома-овощевода.

Агроном, едва взглянув на куст, пристал к Махмуду: что вносил в почву, как поливал, в какой температуре хранил эту диковинку?

Махмуд отродясь термометра или градусника в руках не держал. Он и себе никогда температуру не мерил, не то что овощам. Ничего в почву не вносил, а поливала помидоры его жена. В общем, ни о каком особом режиме и речи быть не могло. Тем более что все кусты происходили от одних семян. Правда, один рос с причудой, но Махмуд к этому не имел никакого отношения. Все это он популярно объяснил агроному и распрощался с ним.

Агроном ушел. Но его не покидала мысль о том, что Махмуд что-то скрывает. Куст-то особенный и, кажется, очень перспективный. Не может быть, думал он, чтобы хозяин ничего не знал о своем огороде. На следующий день он нагрянул к нему вместе с председателем колхоза. Гости устроили хозяину допрос с пристрастием и, в конце концов, обвинили его в нежелании помочь колхозу освоить новый высокоурожайный сорт.

Несчастный Махмуд клялся аллахом и всеми его ближними и дальними родственниками, что не имеет совершенно никакого представления о случившемся. Но ему не верили.

Агроном резонно спрашивал:

— А почему у меня такое не выросло? Я ведь тоже ничего не делаю.

Но и этот неотразимый довод не сломил стойкости Махмуда, он продолжал отрицать свою причастность к томатному феномену.

Агроном написал о необыкновенном кусте в областную газету, сообщил эту новость в редакцию радиовещания. И вскоре у ворот Махмуда остановилась легковая машина научно-исследовательского института. Ученых было трое: двое пожилых мужчин и одна молоденькая дамочка с зеленоватой челкой. Поглядев на куст, все трое пришли в неописуемый восторг.

— Уникум! — выпалил один из мужчин.

— Феномен! — подхватил другой.

— Чудо! — прорыдала женщина.

Порядок работы они наметили такой. После обеда, которым их, разумеется, угостил гостеприимный Махмуд, они устроили допрос хозяину и хозяйке. Ничего не выяснив, приняли мужественное решение: оставаться на месте и наблюдать за кустом «до конца вегетации».

Когда наступил «конец вегетации», Махмуд, разумеется, тоже не имел никакого представления, но подозревал, что дело это может здорово затянуться. Он прикинул, на какое время хватит его скромных запасов, и предложил другой вариант: перенести этот злополучный куст туда, к ним, в институт овощеводства. Если нельзя просто так, то вместе со всей теплицей — он готов пожертвовать ею ради науки.

— Что вы! — возмутился гость. — Мы не можем присваивать чужие достижения. Вот если бы вы вспомнили, что подсыпали или что подливали в этот уголок теплицы, это бы сильно облегчило дело.

И тогда Махмуд, краснея и заикаясь, «вспомнил», что жена приготовила ему стакан эвкалиптового настоя в смеси с марганцовкой для полоскания горла, а он, не очень веря в это средство и более полагаясь на свои природные данные, плюхнул содержимое в теплицу. Видимо, все это и попало под злополучный куст.

Пожилые ученые переглянулись с молодой и начали жать Махмуду руку.

— Мы поедем, — сказали они, — а через недельку снова наведаемся. О рецепте этом вы никому пока ни слова, мы заложем серию опытов.

Махмуд не стал терять времени. Как только ученые отъехали, он вырвал с корнем злополучный куст из парника и со всеми его помидоро-дынями преподнес своей изрядно соскучившейся по витаминам буренке. Через несколько минут с этим делом было полностью покончено.

Погладив корову по голове, Махмуд облегченно вздохнул: испытание — позади. Но... едва он вышел из клева, как услышал незнакомый голос:

— Эй, где здесь проживает Махмуд Байрамкулов?

Он подошел к плетню: возле его дома стояла легковушка. Из нее выскочили двое мужчин.

— Ты Байрамкулов? — осведомился старший. — Мы, друг, тоже дома теплицы держим. Ну, двести различными, согласен?

— За что?

— Да за секрет, за что же еще! Имей в виду, секрет-то все равно долго не продержится...

Вот так, друзья, пришла к Махмуду настоящая слава. Она росла с каждым днем, как селевой поток. Заметку из областной газеты перепечатала сельскохозяй-

ственная, а из нее — массовый журнал. Махмуд стал получать до сотни писем в день — овощеводы просили хоть десяток семян и советы по агротехнике. Не скупилась на обещания. А любители, проживавшие поближе, не полагаясь на почту, приезжали за волшебными семенами лично, пользуясь развитой системой транспортных сообщений. И если с письмами вконец затравленный Махмуд еще знал, как поступить, то перед нашествием любителей полностью пасовал. В конце концов он попросился на отгонные пастбища Лагонаки и возвратился лишь глубокой осенью. Но, конечно, это был уже не прежний беспечный Махмуд: неожиданная слава основательно подточила его здоровье.

Эту историю я припомнил так, между прочим. Рассказать же мне хочется совсем о другом, — о славе Нанаго. Если бы рассказ мой предназначался только для аульчан, я бы и пояснять не стал, кто такая Нанаго, — у нас ее знает каждый. Но поскольку в нашем ауле, к сожалению, еще не выходит ни одна газета и ни один журнал, скажу: Нанаго — мечта каждой девушки. Яснее? Ну, говоря по-современному: Нанаго — эталон свекрови.

Слава Нанаго начала распространяться после женитьбы ее сыновей. И разносили ее по миру невестки — самые суровые и, что греха таить, далеко не всегда справедливые и объективные судьи свекрух. Со стороны никто никогда не слышал, чтобы Нанаго грубо разговаривала с невестками. И их стали спрашивать: как вы ладите со свекровью?

— Она дает хорошие советы, — сказала одна, — но не настаивает на них. Когда я пришла в ее дом, она сказала: «До сих пор ты жила у своей матери, которая тебя растила. А теперь ты моя дочь. Дом, куда ты вошла, — твой дом, все, что в доме, — твое. Будь хорошей хозяйкой. Не скупись на добро и ласку».

Другой невестке посоветовала:

— Вы молодые, все у вас впереди. От вас самих зависит, как сложится ваша жизнь. Иногда из-за необдуманного упрямства происходит много бед. Уступайте друг другу, не упорствуйте в мелочных ссорах. Никогда не забывайте, — добавила она, — что все старые люди когда-то были молоды, а все молодое — постареет. Относитесь к старикам уважительно, от этого сами станете душевно богаче. Кто о вас скажет плохое — и

обо мне говорит плохое, кто вас обидит — и меня обидит. Будем заботиться друг о друге, и это укрепит семью. А семья крепка, значит, крепок аул, а что такое аул? Это наша страна, ведь она состоит из многих таких аулов. Вы, мои невестушки дорогие, должны знать, что земля держится корнем, а корень семьи — невестка. Да, да — вы и есть корень. Не свекрухи, а невестки. Если вы все это поймете, я буду очень довольна, мне тогда больше ничего не нужно.

Нанаго поступает так, чтобы молодая невестка с первого дня замужества почувствовала доброе к себе отношение, полюбила новую семью. Она никогда не сидит без дела, помогает молодым, чем может. Учит, как надо стирать белье, кроить, шить, как правильно разделить курицу. Учит не словами, а руками, чтобы невестки не обиделись, чтобы им не стало стыдно. Делает сама, как надо, а те смотрят и перенимают. При этом Нанаго шутит:

— Ваши учителя — ваши глаза. Ведь и мы тоже в молодости все узнавали от других. Лучшее от человека к человеку идет.

Однажды старшая невестка нечаянно уронила большую пиалу с красивыми узорами, из которой свекровь любила пить калмыцкий чай. Пиала разбилась вдребезги. Невестка побледнела от страха.

— Что с тобой, моя невестушка? — спросила Нанаго, заметив, что та сама не своя.

Невестка нехотя развернула тряпку, в которую впопыхах спрятала осколки разбитой пиалы. Свекровь расстроилась: чашку эту подарил ей покойный муж, она очень дорожила ею. Но, сдержав себя, засмеялась:

— Подумаешь, пиала... Стоит ли огорчаться из-за этого! Ты руку, случаем, при этом не поранила? Чего-чего, а посуды у нас в доме хватает.

Слова свекрови ободрили невестку, она улыбнулась и свободно вздохнула. При первой же поездке в город купила ей в подарок очень красивую чашку с блюдцем.

А сколько мы знаем старух, которые из-за разбитой чашки или тарелки заваривают склоку на добрую неделю.

Особенно невесткам нравится то, что Нанаго относится к ним как родная мать. Она все замечает: выпас-

лись ли они, поели ли вовремя, не нуждаются ли в чем...

Нанаго не ставит себя в семье в особое положение, не требует к себе, как это делает большинство свекровей, особого почтения и уважения. Она живет вместе с семьей, не отделяя себя, не возвышаясь над остальными, и если порой и возникает между ней и невестками спор, то лишь из-за того, что они настаивают, чтобы она не делала трудную работу.

— Мы постараемся сами, нана, — говорят невестки. — И уберем все. Отдыхайте, пожалуйста. Лучше расскажите нам что-нибудь.

Когда сыновья дают ей деньги на хозяйственные расходы, она всегда выкраивает немного на подарки невесткам: одвой отрез на платье купит, другой — туфли...

Некоторые старухи любят позвякивать ключами от сундука: прячут что-либо от невесток. У Нанаго все на виду: в доме — каждый живущий — хозяин, все решают сообща, прятать не от кого.

Нанаго никогда не забывает, что невестки должны видиться со своими родителями.

— Никого нет дороже матери родной, — говорит она им. — Не забывайте мать, воспитавшую вас.

Нанаго уже стара, случается, и голова у нее побаливает. Но она никогда не жалуется, даже не любит, когда ее начинают расспрашивать: «Что болит?»

— Ничего страшного нет, немного голова болела и то уже перестает, — отвечает она.

Нанаго, разумеется, даже не подозревала, что слава о ней гремит по аулу, что ее ставят в пример во многих семьях.

Но вот однажды к Нанаго приехала в гости старуха из другого аула, ее дальняя родственница. Долго сидели старушки за чаем, было им что вспомнить, о чем поговорить. Но больше говорила гостья: все время ругала свою невестку. Нанаго слушала ее. Наконец гостья не выдержала:

— Послушай, Нанаго, у тебя, говорят, хорошие невестки. Как ты их воспитываешь, как добиваешься от них почтения и уважения? Передай мне свои секреты. Мне тоже хотелось бы пожить в мире со своими невестками. Сперва я думала, что люди врут, но вот теперь побывала у тебя и вижу: любят они тебя, как родную

мать. А у меня пока единственная невестка, и с той живем как кошка с собакой.

Нанаго улыбулась и, глядя на гостью, сказала:

— Не поздновато ли ты спохватилась? Ведь ты должна была знать по собственному опыту: если невестку не встретишь с первых дней ласково, не жди от нее послушания. Если с первых дней ты начнешь выскидывать у нее одни только недостатки и попрекать ими, то между вами уже никогда не будет ни близости, ни взаимопонимания, ни тем более любви.

— А если видишь недостатки? — вспыхнула гостья. — Что же, молчать?

— Э, дорогая. Мало ли какие недостатки можно найти у нас у всех. Говорят, даже пророк Магомет здорово промахнулся, когда, отправившись в поход, плохо просолил свинину. Ошибаться могут все, и недостатки есть у всех. Одна неважно готовит, другая не так гладит, как ты привыкла, третья высказывает из дому без платка. Мало ли чего не бывает. И учить, конечно, надо. Но так, чтобы невестке не было обидно. Не оскорбляй ни ее, ни ее мать. Вспомни, какой ты сама была в молодости? А теперь, когда ты прожила долгую жизнь, многое повидала, многому научилась у людей, стала лучше хозяйничать, будь снисходительна к молодым. И не воображай, будто ты самая важная особа в доме, будто каждое твое слово — заповедь шариата и вокруг тебя все должно вращаться. Не будь надоедливой, не лезь постоянно с правоучениями, живи своей жизнью и не мешай молодым.

— Выходит, я уже и не хозяйка в своем доме? — разволновалась гостья.

— Почему же? Но своей властью можно пользоваться по-разному. Помни, что сын привел в дом любимую женщину, с которой собирается пройти долгий путь, постарайся ее полюбить. Помни, что теперь главное — их счастье. А они могут его понимать совсем не так, как ты. Главное, чтоб они любили друг друга и жили честно. Радуйся их счастью и не ревнуй сыновей.

— Да, — вздохнула гостья. — Видно, быть хорошей невесткой нелегко, а хорошей свекровью еще труднее. Но, может быть, еще не поздно и мне ею стать?

— Думаю, что нет, — расцвела Нанаго. — Только не останавливайся на половине пути. Ведь тебе придет-

ся убраться с дороги не мало камней, брошенных под горячую руку.

Конец одной традиции

Наверное, нет у нас в Адыгее аула, в котором бы мне по тому или иному поводу, а то и без повода, не довелось побывать. К какому бы аулу ни подъезжали, как бы красивы ни были окрестности, прежде всего вспоминалась, как теперь говорят, экономика. Видимо, она въелась в наше сознание, в тело, как угольная пыль въедается в человека, который долгие годы проработал в шахте. Вокруг клены, акации, речушка змейкой вьется, а ты вспоминаешь: сколько тонн навоза здесь вывезли на гектар пашни?

Но когда подъезжаешь к родному аулу, экономика отступает на дальний план. Все больше думается о детстве, о судьбах близких и знакомых людей, и менее всего все это связывается с уровнем хозяйствования. В чужом ауле встретишь человека, возвращающегося с поля с мешком кукурузы или корзиной винограда, и возмутишься: «Общественную собственность расхищают!» А в своем тот же факт в мозгу будет закодирован куда мягче: «Аскер сегодня принес мешок кукурузы». Или: «Беч сегодня работал на винограднике».

Правда, имелись приметы, по которым я мог почти безошибочно судить о состоянии своего колхоза без каких-либо экономических анализов и даже не заезжая домой. Для этого было достаточно припомнить, что закладывали тебе в те или иные годы твои родные и знакомые.

«Киримизе, — писали мне в далекие послевоенные годы. — Теперь у вас хлеб без карточек, когда будешь ехать, привези несколько буханок».

И я вез хлеб, и это стало входить в привычку. А однажды, когда я извлек из чемодана несколько буханок, мне сказали чуть-чуть смущаясь:

— Киримизе, мы с удовольствием едим хлеб, который ты привозишь из города. Поэтому не откажись взять с собой в город хлеб, который печет наша колхозная пекарня. Уверены, что он понравится твоим городским друзьям.

Так деликатно мне дали понять, что хлебная проблема в ауле решена полностью. Но зато в одном из писем содержалась просьба насчет брынзы. И я стал возить брынзу. Возил до тех пор, пока мне перед отъездом не вручили «для угощения знакомых» здоровенную банку с почти созревшей брынзой местного производства, той самой брынзой, лучше которой нет даже в предгорных аулах. Было ясно: пошло в гору местное овцеводство.

Заказы менялись, и все они как-то связывались в моем воображении со сменой председателей колхоза. У одного выправлялась кукуруза, зато приходил в упадок подсолнечник, у другого роскошествовали овцы, но запустение царило на фермах крупного рогатого скота, третий создавал обилие зеленых кормов, но оставался без ячменя и силоса.

И пенять не на кого было — ведь все председатели свои, доморощенные. Выберут нового, а старого — «в бригаду». Почти в каждой бригаде имелся свой экспредседатель. А то и два. Перед очередной сменой все они собирались вместе и высказывали свои предположения: чем кончит очередной выдвиженец.

Помню, мне позвонили, чтобы я привез бидон подсолнечного масла — наши плантации сожрал проволочник или какой-то другой поганец, который появляется, когда подсолнечник несколько раз подряд высевают на одном и том же месте. Приехал я как раз после очередной смены председателей. На этот раз избрали не местного, а приезжего — Асланука Чоха. Впрочем, Чох был наш, но долго не жил в ауле. Отец его погиб на фронте, и мальчишку отдали в ремесленное. Долго о нем никто ничего не знал. Правда, мать говорила, что он не забывает ее и даже сестренкам помогает, чем может, но жил он очень далеко, аж под Москвой, и ни разу не приезжал. И вдруг посетил родные края.

Бывшие его одноклассники сообщили: Асланук приехал за матерью и сестрами. Окончил, оказывается, Тимирязевскую академию и получил назначение в Адыгею. В новом доме ему выделили большую квартиру. Женится, сына имеет.

Но мать отказалась ехать в Майкоп.

— Я там не смогу жить, — сказала она сыну. — Как я могу уехать из аула?

И сколько ее ни уговаривали, не соглашалась оста-

вить родной дѣм. Что ж, матери не укажешь. И Асланук через некоторое время привез в аул жену и ребенка — Таню и Моса. Таня была ветеринарным врачом, а Мос — штатным членом младшей группы детского сада. Когда мать Асланука заговорила с Таней по-русски, она ответила ей по-адыгейски. Теперь Асланук уговаривал мать уже вместе с сестрами и женой, но опять ничего не добился. Погостив, забрал семью и уехал в Майкоп.

А через два года после этого события, как раз когда я появился в ауле с бидоном подсолнечного масла, услышал новость: у нас опять новый председатель — Чох Асланук.

Вечером, прогуливаясь возле клуба, я узнал, что думают о новом председателе скептически настроенные аульчани, главным образом, экспредседатели. Один сказал:

— Еще неизвестно, умеет ли он гарцевать на скакуне...

Это означало: посмотрим, как он себя проявит.

Другой заметил:

— Правда, он родился по соседству с нами, но сумеет ли поладить с народом — вот в чем я сомневаюсь.

Эта фраза также нуждается в уточнении. «Поладить с народом» в его понимании означало подладиться под установившиеся порядки, обойтись без ломки.

Нашелся товарищ, который изрек следующее:

— Отставать от других — для нашего хозяйства стало традицией. Так было, так будет.

И такие, оказывается, бывают традиции.

А вот мнение, высказанное напрямик, без дипломатии:

— Мужчина он крупный, видный, речистый, только станет ли его слушать такой большой аул, как наш — это вопрос.

На следующее утро по аулу пошел слух: Чох пригласил к себе всех колхозников-ветеранов. Особо подчеркивалось: и женщин!

Член правления, заглянувший в наш дом, сказал, что Асланук очень просит прийти и меня. Так мы познакомились.

Разговор со стариками мне понравился. Чох только спрашивал и внимательно слушал ответы, кое-что заню-

ся в блокнот. Старики рассказывали, что, где и когда сеяли, какой собирали урожай, где пасли коров, а где — овец. Асланук, конечно, помнил все, что было при нем, очень хорошо знал, что здесь делалось в его отсутствие, но информация, полученная от стариков, очень многое проясняла, наталкивала на новые решения.

Когда все старики высказались, Чох поблагодарил их.

— Скажи и ты, — попросил его Бирам Бат. — Что ты думаешь о наших делах? Ведь до сих пор у нас еще не было ученого председателя.

— Я еще не знаю, — ответил Чох, — что делается в бригадах, на фермах. Надо хорошо со всем ознакомиться, а уж потом станет ясно, что делать. Только хочу напомнить о том, что мне пришлось услышать в детстве здесь, в ауле. Помните, у нас было два скорняка — Ахмед и Адышес. Ахмеда работой заваливали, а Адышес всегда гулял свободный. Все знали: даже из неважной овчины Ахмед хорошую шубу сошьет. А Адышес самую лучшую овчину испортит. Не походит ли наша замечательная земля на ту хорошую овчину, которую понесли Адышесу?

Все разошлись под впечатлением этой реплики. Сразу стало ясно, что за плечами Асланука именно сельскохозяйственный, а не дипломатический вуз. Ожидали от Чоха крутых мер, но он никаких «оргмероприятий» не осуществлял. Как раз тяжело заболел заведующий молочной фермой Аледжук, и на освободившееся место правление утвердило Таню — жену председателя. Вот и все перемены. И еще одно: в ту осень высшую партийную школу окончил наш односельчанин Гарун, перед тем работавший в райкоме партии. Поговорив с Чохом, Гарун вернулся в родной аул — его избрали секретарем партийной организации и заместителем председателя.

Вскоре я уехал в город. Время от времени до меня долетали различные весточки. В ноябре в ауле начала работать школа для колхозников, в ней было несколько групп: для кукурузоводов, свекловодов, овощеводов, звеньевых. Отдельно занимались механизаторы. А десятый класс школы почти в полном составе начал изучать импульсную доильную установку.

Одну машину Чох велел оборудовать утепленным кузовом. Всю зиму, почти ежедневно, из колхоза выез-

жали по очереди то кукурузоводы, то овцеводы — знакомились с делами передовых хозяйств.

Обычно зимой все отдыхали. «Село — не завод, — говорили люди. — Что летом заработали, то зимой съедим». Так уж здесь повелось. А Асланук стал всем дело выискивать. Пока механизаторы ремонтировали технику, строительная бригада, усиленная за счет полеводов, делала навесы для машин. Специальная бригада вывозила в поле навоз и складывала его в штабеля на определенных местах. Стариков попросили заняться пчелами, и им это очень понравилось. Иное дело у тех, кто строил навесы и кто возил удобрения. Возникали скандалы. И ни один вопрос не решался на месте. Бригадирь, а эти посты, как правило, занимали экспредседатели, обычно говорили:

— Я не виноват, это приказ председателя. Не нравится — идите к нему.

И люди повалили к Чоху.

Чох обычно приглашал в кабинет всех сразу. И многие, помявшись, потолкавшись, молча уходили. Видимо, у них были такие просьбы, с которыми при всех и обращаться неудобно. Оставшиеся по очереди — как расселись у стены — высказывали свои претензии.

— Мне нужна подвода, — заявляет один.

— Просите у бригадира.

— Нух сказал, что председатель запретил давать подводы для личных нужд.

— Я думаю, все зависит от того, какая «личная нужда». Это пусть решает сам бригадир.

Поднимается второй.

— Дай справку, сын хочет в город ехать.

— Пусть зайдет сам. Он кто, шофер? Курсы окончил? Ладно, его дело, пускай приходит. Мариет! — кричит он. — Приготовь справку сыну Бесиджева, положи на стол для подписи. Пускай вечером заходит, вручу ему лично.

— Спасибо, тхаматэ.

И так один за другим. Одному деньги нужны, другому лес, третьему — шифер или цемент или то и другое.

— Товарищи! Весной получим лес, цемент, шифер. Но не очень много. Будем решать на правлении. Учтите — преимуществом будет пользоваться та семья, кото-

рая лучше работает и не будет пропускать занятий в школе.

Вечером приходит за справкой сын Бесиджева. Вечером — иные порядки: председатель принимает по одному. Сын Бесиджева не сразу откровенность проявляет, все уклоняется от объяснений.

— Вот что, Аслан, — говорит председатель. — Смотри: подписываю справку, ставлю печать. Видишь? Можешь ехать. Но если ты настоящий комсомолец, ты скажешь мне причину, почему удираешь? Ведь я должен знать, что здесь происходит. Если я не буду знать, то не сумею навести порядок, тогда все разбежится.

Взяв справку, Аслан смелеет.

— Завгару надо каждый день пятерку давать. Значит, все вынуждены калымить. Появляются шальные деньги. Ребята начинают выпивать. А я решил ничего не давать завгару. И что? Сижу без запчастей. Вернее, стою. А у меня жена и ребенок.

— Ну, спасибо, Аслан. Большое спасибо. Я тебе верю. А ты мне?

Аслан мнется.

— Не веришь? Но ведь я этого не знал.

— Ну, верю...

— Тогда подожди еще два дня.

Через два дня гараж принял молодой механик, бывший соученик Аслана. Завгара назначили ездовым на вывозку удобрений, — до окончания официального расследования. Аслан, встретив председателя у гаража, возвратил справку.

Очень важный вопрос был решен как раз во время моего очередного приезда, в разгар подготовки к весеннему севу. Выяснилось, что не хватает людей для обслуживания квадратно-гнездовых сеялок, для подвоза табаководам воды и для других трудоемких работ. Асланук и Гарун вынесли на совместное заседание парткома и правления с виду невинный вопрос: об уточнении обязанностей ряда работников. Вызвали на заседание всех заведующих складами, учетчиков, конторских работников, ровным счетом двадцать три человека. Все ребята рослые, упитанные, довольные собой. Они не возражали против какого-то уточнения. Пусть уточняют, если от этого легче, а мы, мол, свое не упустим.

Я пришел на заседание, так как Гарун по секрету

рассказал, что ими задумано: спектакль предстоял необыкновенный.

— Итак, вопрос об уточнении, — поднялся Асланук. — Начинаем. Складом подсолнечника заведует Нух Гадагатль. Нух, где ты там?

Нух, тридцатипятилетний мужчина с усами и квадратной фигурой штангиста тяжелого веса, поднялся. Было непонятно, как он сумел протиснуться в кабинет через дверной проем. Он весело всех оглядел, твердо уверенный, что склад и он — одно неделимое целое.

— Товарищи! — вдруг слышит Нух. — Смотрите, какой молодец Нух. Ты, дружок, когда-нибудь за селялкой ходил, проволоку растягивал?

— Не приходилось, — онисходительно обронил Нух и разъяснил: — Все с семенами возжусь. Дело, сам знаешь, ответственное, первому встречному не доверишь. Не до сеялок, председатель...

— Ну, дело поправимое, обучим, — неожиданно произносит Асланук. — Значит, так. Есть предложение: Нуха направить в третью бригаду, на квадратно-гнездовую сеялку, а за складом закрепить Цуцу Беданоккову. Она среднюю школу окончила, заочница Краснодарского института культуры. Вот пусть и учится там, пока в клуб не перебросили.

Не успел Нух сообразить, о чем речь, а председатель спрашивает:

— Цуца здесь? Иди принимай дела у Нуха. А ты, Нух, давай завтра с утра в бригаду.

Среди номенклатурных молодцов поднялась паника. Впрочем, она никак не повлияла на ход дела. Меньше чем за час определили судьбу каждого. Женщинам такой подход к делу очень понравился, а мужчинам — далеко не всем. Но ведь вслух не запротестуешь — уж слишком все очевидно. Только один зав объяснил, что сеяльщиком не может работать из-за пуповой грыжи.

— Учтем, — согласился председатель. — Есть предложение: прикрепить его к табачной рассадно-посадочной машине, там ходить не надо, сидеть будет целый день и кататься.

— Как? — вспыхнул зав. — С бабами? Рехнулись вы тут, что ли? Уж лучше кукурузу буду сеять.

— Ну, смотри, — пожал плечами Асланук. — А

то на операцию ложись — зачем тебе теперь эта грыжа?

А перед самой весной были смены двое бригадиров: оба не желали решать на месте вопросы, все к председателю продолжали колхозников посылать.

Летом я снова побывал в ауле. Алий, заглянув ко мне в окно, шепнул:

— Пошли на Чутхабль.

Чутхабль — пруд неподалеку от аула. Воды в нем всегда много было, площадь он занимал большую, а пользы не приносил. Всю рыбу шуки сожрали, полив окружающих участков налажен не был.

Зная, что Алий зря звать не станет, я тут же составил ему компанию. Оказывается, Чутхабль уже очистили от хищников, пустили туда мальков, а на одном из берегов поставили временную птицеферму: уток начали разводить. Два насоса все время гнали воду на огороды.

Плотники заканчивали в центре аула строительство четырехквартирного дома со всеми удобствами. Колхоз запросил двух молодых агрономов и гарантировал им немедленное предоставление жилья.

В этот день неугомонный председатель как раз и «добрался» до стариков. Случилось это так. В полдень Чох возвращался на машине из Майкопа. Машину он, конечно, водил сам. В центре аула, возле клуба, под тенью векового дуба, как обычно (тогда у нас еще не было Дворца культуры) сидела большая группа стариков, колхозников-ветеранов. Они, как водится, толковали о том, что их интересует. В тот момент, когда председатель остановил возле них машину и вышел, они как раз обсуждали письмо, которое получил Бирам Бат. Писал ему друг его детства, с которым Бирам разошелся во взглядах еще в начале гражданской войны. Бирам ушел к красным, а его друг — к Деникину. Недобитый белогвардеец вдруг на старости лет заболел ностальгией и решил посоветоваться с Бирамом, как возвратиться на родину. Бат попросил приятелей высказать свое мнение по этому не очень ясному вопросу. Поздоровавшись кивком головы, чтобы не прерывать говорившего, председатель стал слушать. Говорил как раз Садымчерий, друг отца Асланука, вместе с ним воевавший. Он считал, что хотя тот человек, возможно,

случайно оказался в чужом лагере, — в тот момент малограмотному адыгу нетрудно было и заблудиться; — но все же у него после имелось достаточно времени на размышления. Поэтому пусть остается там. Предательство — это на всю жизнь, с этим не шутят.

Старики задумались.

Воспользовавшись паузой, Чох сказал:

— Мне, отцы, что-то хочется вам сказать, и если вы это не посчитаете глупостью и нахальством, я скажу.

— Говори, наш сын, — ответил Бат, — мы слушаем.

— Мне кажется, что я виноват перед вами, отцы. Когда меня выбирали, то Садымчерий, сидящий здесь, от вашего имени дал мне совет: кто бы ни пришел к тебе за помощью, встречай его по-человечески. Никогда не ошибешься, если поставишь мысленно себя на его место. Обдумывай свои слова и поступки. И вот недавно один человек сказал мне, что вы, отцы, на меня обижаетесь: всем, мол, дал работу, а о вас забыл. Если этот человек не соврал, окажите, и я глубоко извинюсь перед вами.

— Какую же ты можешь дать нам работу? — раздался вопрос.

— Вполне посильную, но очень важную и благодарную. Посмотрите на наш аул, как он выглядит? Как будто вчера было наводнение. А ведь наводнения; отцы, не было ни вчера, ни позавчера. Его вообще никогда не было, Афиц — очень миролюбивая речушка. Мы вот заключили договор на социалистическое соревнование с соседями, и скоро будет взаимопроверка. Так вот соседи не только хозяйственные дела улучшают, но и аул свой в порядок приводят. Очищают дворы, вывозят мусор, если он есть, ремонтируют плетни и ставят штакетные заборчики; красят их, на некоторых домах появился адыгейский орнамент. Среди вас много плотников и других мастеров, разве трудно вам будет навести красоту? Кому и это трудно, может обсаживать саженцами кладбище, ведь и там запустение.

— Прежде всего, — заметил Бат, — надо начать с медпункта и клуба. Посмотрите на ступеньки клуба. На них ногу сломать можно.

— Доски, гравий, цемент, все что нужно, а также подводы, — все получите по первому требованию, — добавил Чох.

После этого он сел в машину и дал старикам возможность дообсудить претензию бывшего денкинца. Но о ней позабыли уже — речь зашла о предложении председателя.

Потом мне сообщили, что старики, втянувшись в дело, сами развивали программу благоустройства. К осени они прорыли траншею для водопровода — председатель пообещал подвести воду к каждому дому.

В общем, перемены для аульчан стали происходить заметные, и все этому радовались и способствовали, даже бывшие экспредседатели. Они лишь уверяли, что все, что делается теперь, было ими запланировано тоже и что если бы им дали похозяйничать еще год-другой, они сделали бы то же самое.

Лишь одному мне эти новшества вышли, как говорят, боком. Если раньше меня просили привезти хлеба или брынзы или подсолнечного масла, то теперь о продуктах и разговора нет. Напротив, каждый гость из аула привозит то индюка, то гуся, а один приволок даже живого барана. Уж намаялись мы тогда. Просят же привезти нечто более весомое — запасные части к мотоциклам и автомашинам, электросоковыжималки и разное подобное. Весомое в прямом смысле. И теперь, собираясь в аул, я нагружаюсь, как битюг: в правой руке — задний мост «Москвича», в левой — радиатор для «Волги», на спине — скат для мотоцикла. Иду и утешаю себя тем, что вся эта история — тоже неплохой материал для рассказа об одной нарушенной традиции: традиции отставания.

А мы
чем хуже?

Хабрак и Патрак — мои ближайшие соседи. Их усадьбы граничат, и разделяет их невысокий, во многих местах полностью разрушенный плетень.

Жили они всегда почти как одна семья — делились радостью и горем, новостями и вкусными блюдами, а в трудные годы — и куском хлеба. Мужчины были механизаторами и работали в одной бригаде, а их женщины выращивали телят. И хотя внешне Махмуд Хабрак и Тембот Патрак были очень разными: первый — худощавый невысокий крепыш, а второй — крупный, сма-

живающий на борца-тяжеловеса — их многие считали близкими родственниками.

Однажды Хабраки и Патраки пришли к выводу, что старые, доставшиеся еще в наследство от отцов, домишки уже не соответствуют их положению в колхозе. Дома решили ставить себе одинаковые — четырехкомнатные кирпичные громады под шифером, с обширными, словно теннисные корты, верандами. Строились не спеша, все хотелось сделать получше, тем более что старые, отцовские, крыши не протекали; особо торопиться было не к чему. Перед новосельем женщины — Зуля Хабрак и Зейнаб Патрак — долго совещались насчет цвета обоев и раза три-четыре ездили в Майкоп и Краснодар.

Мне посчастливилось побывать на этом необычном новоселье — Хабраки и Патраки справляли его одновременно, и гости были общими — как обычно в наших краях водится, они гуртом пригласили сразу весь аул, и люди бродили из дома в дом, приминая к земле еще уцелевшие к тому времени остатки плетня.

Вот почему я не сразу поверил слухам о том, что у Хабраков и Патраков что-то не ладится. Очевидцы уверяли, будто все началось с диковинной кровати, которую привез из Майкопа Патрак, побывавший на областном совещании механизаторов. Изготовлена она была из красного дерева, и спать на ней можно было и вдоль, и поперек. Жена Патрака Зейнаб от этой покупки пришла в восторг, подходила к новой кровати то справа, то слева, останавливалась у изголовья, била кулаком по матрасу, и счастливая улыбка не сходила с ее лица.

Такой и застала ее подружка Зуля, жена Хабрака. Поприветствовав соседку, Зейнаб попросила ее посмотреть матрас — достаточно ли он прочно сделан. Зуля стукнула кулаком по матрасу, что-то буркнула, попрощалась и ушла.

В тот же вечер Зуля объявила мужу, что он — не мужчина, не хозяин, что у него на плечах не голова, а канистра, в которой нет ни капли самолюбия. И когда так называемая канистра начала трещать от боли, Махмуд Хабрак спросил:

— Что же теперь делать? Стреляться?

— Покупать! — возидательно пророкотала Зуля. —

Купить такую вещь, чтобы эти зазнавшиеся Патраки лопнули от зависти.

Ночная кукушка свое дело сделала, и в ближайшую субботу Хабрак, не очень любезно отклонив приглашение соседа сыграть в шашки, завел мотоцикл и умчался в город. Он держал курс на «толкучку» — в те годы там можно было приобрести не мало диковинных вещей. На одну из них Махмуд почти сразу же наткнулся: это была вешалка из рогов оленя. Панты были так искусно отделаны и разукрашены, что Хабрак не мог отвести от них глаз. И хотя хозяин вешалки запросил за нее несусветную цену, он торговаться не стал. Уложив свое приобретение в коляску мотоцикла, Махмуд понесся домой.

Увидев вешалку, Зуля онемела от радости: уж такие штуки с конвейера, как кровати, не сходят. Она сразу смекнула, что панты в передней не будут смотреться, и нашла им место в самой большой комнате, неподалеку от телевизора.

Весть о рогах, которые привез Махмуд, облетела аул с быстротой ветра. Прислонившись к окошку, Зейнаб Патрак с завистью поглядывала на соседское крыльцо. По лицам спускавшихся с него женщин она догадывалась, что ее рекордная кровать осталась далеко за флагом. В этот день она так и не решилась заглянуть к соседям. Ночью спала плохо, а рано утром прибежала к Зуле вроде бы за солью. Зуля, конечно, повела соседку в комнату, где красовались рога.

Из груди Зейнаб вырвался такой стон, будто в нее вонзилась отравленная стрела.

Женщина разглядывала отделанные чеканным серебром панты. В лучах утреннего солнца они сияли, будто полумесяц минарета. А тут еще Зуля, сорвав с себя цветастый платок, набросила его на одну из ветвей: словно дыханием весны повеяло на гостью.

На работе Зейнаб уже и не глядела на своих доверчивых и ласковых питомцев — перед глазами стояла злополучная вешалка. Вечером она сказала мужу нечто такое, от чего у него надолго пропал аппетит. Тембот Патрак узнал, что в их ауле имеется только один настоящий мужчина и этот мужчина — их сосед Махмуд. Поводя могучими плечами, Тембот бросал грозные взгляды в сторону дома, который совсем недавно

был почти что родным, и едва сдерживал желание на-
давать этому «настоящему мужчине» по затылку.

— А мы чем хуже? — между тем трагически заломив руки, вопрошала Зейнаб. — Если ты в ближайшую субботу не найдешь еще лучшую вешалку, то я не знаю, смогу ли жить на этом свете.

Наступила суббота. Теперь предложенные сыграть в шашки не очень любезно отклонил Патрак. Он вывел мотоцикл за калитку и погнал его в город. Но, конечно, ни на «толкучке», ни в комиссионном магазине не только лучшей, но и подобной вешалки не было. Возвратившись вечером ни с чем, он, измученный и униженный безрезультатными поисками и причитаниями жены о том, что в доме «нет и намека на мужчину», бросился было на диван. Но его остановил раздраженный голос жены:

— Чего на диване разлежся? Иди на свою распрекрасную кровать.

Но тут, скорее всего с отчаяния, Тембота словно осенило.

— Замолчи, женщина, — громыхнул он своим басом и поднялся, едва не доставая макушкой потолок. — Что рога? Рога есть и у коровы. А мы давай купим пианино!

Зейнаб замерла на месте. Пианино? Это же надо! Ну, конечно, куда этой Зуле со своими жалкими рогами. Пусть наденет их на голову своему Махмуду. Тоже мне, молодец, из ее Тембота можно трех таких слепить...

Пианино было куплено темно-коричневое, гдээрвовское, к нему придан был круглый вертящийся металлический табурет. Показывая односельчанам покупку, Зейнаб так вертелась на нем, что едва не упала.

— А что вы будете делать на этой штуке? — спросила одна из соседок.

— Вазу поставлю на пианино, — нашлась Зейнаб. — С цветами. Как по телевизору показывают. У всех культурных людей в зале пианино стоит, а на ней — ваза с ромашками.

Соседское пианино довело несчастную Зулю до слез.

— А мы чем хуже? — услышал Хабрак за ужином. Он благоразумно промолчал. Но жену его молчание еще больше распалило.

— Мы обязаны переплюнуть Патраков, понял? Не бывать им впереди нас!

Хабрак, которому в душе было чихать и на рога, и на копыта, и на пианино, кивнул головой — стоит ли ссориться с женой из-за таких пустяков. Все же он не удержался от шпильки.

— Может, купим оркестр? — предложил он. — С медными трубами и барабаном? Вот сверкать будет! Зейнаб ослепнет.

Зуля искоса взглянула на супруга — не издевается ли? — и бросила короткое: «Додумался, голова». Mobilizовав все свои резервные извилины, она долго сидела, задумавшись.

И наконец объявила:

— Хабрак, нашла!

Махмуд не на шутку испугался — как-то они, будучи на экскурсии в Латвии, видели в соборе орган. Уж не его ли решила перетащить в аул Зуля? К счастью, ее фантазия так далеко не шагнула.

— Рояль! Вези рояль, и Зейнаб скончается у своего жалкого пианино.

Рояль так рояль, только бы в доме тихо было, рассудил Махмуд. Сняв со сберкнижки все свои деньги, он выпросил у председателя отпуск, договорился со знакомым водителем самосвала и уехал. Возвратился не скоро. Зейнаб уже сильно тревожиться начала, — не случилась ли беда, — как вдруг у их ворот остановился самосвал, на котором блистал черным лаком рояль.

Сгружали его всем аулом — уж о такой штуковине здесь и не помышляли. Когда рояль оказался на земле, Махмуд расплатился с шофером и стал прикидывать, как бы получше присоединить его к заскучавшим в одиночестве рогам. Но не тут-то было — двери его дома не были рассчитаны на такой негабаритный груз. Любителей помочь Махмуду все прибывало, но как ни ворочали этот рояль, с какого конца ни пытались втолкнуть его в дом, ничего не получалось.

— Выход один, — заметил кто-то из добровольных помощников, — надо вдвое расширить двери. Давай тор...

Махмуд подошел к сараю. Распахнул обе створки дверей, вдруг заулыбался.

— Эй, молодцы, — заорал он, — давай бери его, тащи сюда, без топора пока обойдемся.

Зуля попыталась было протестовать, но муж невинно осведомился:

— Какая тебе разница, где людям показывать эту штуковину. Тут даже лучше, не будут носить грязь в дом.

Среди людей, затаскивавших рояль в сарай, он заметил и своего соседа Патрака. Когда инструмент был прижат к стене и помощники стали расходиться, Махмуд сказал Темботу:

— А не пора ли нам взяться за шашки, сосед?

— Давно пора, — просиял Тембот. — Все вокруг в шашки играют, а мы чем хуже?

Когда, усевшись под орехом, они стали расставлять на доске шашки, до них донеслись голоса жен.

— Зуля, — говорила Зейнаб, — пошли ко мне, рассудишь, получилось ли у меня твое любимое мясное блюдо — лишипс.

— С удовольствием, — откликнулась Зуля. — А потом попробуешь мое кислое молоко. А этим, — она кивнула в сторону ореха, — разве угодишь?

— Попробуй угодить, — заключила Зейнаб, — если у них в голове одни кровати да рога.

Два

ПЛОТНИКА

Случайные знакомства в пути обычно бывают недолговечны. Разговорились люди в автобусе или в поезде, выпили, быть может, по этому случаю и расстались. И тут же эта мимолетная встреча, как говорится, вылетает из головы. Вот почему я поначалу не придавал значения вопросу, с которым обратился ко мне незнакомец, сошедший с краснодарского автобуса.

— Извините, — как-то уж слишком робко проговорил он, — вы местный?

Мужчина ничем особым не выделялся. Седые усы, грустные глаза. Пуговицу поношенного пиджака терблили крупные, огрубевшие в труде пальцы. Сутол. Правда, присмотревшись, понял: в молодости этот человек, очевидно, был сначком — о том свидетельствовали упругие плечи, крутая грудь; подтверждала эту мысль и одежда незнакомца — пиджак был ему нем-

ного великоват. Вместе с тем чувствовалось, что в последнее время с ним что-то происходило — очевидно, тяжело болел.

— Вы угадали, — ответил я. — Рад буду оказать вам любую помощь. Пожалуйста, не стесняйтесь. Если нужен ночлег, наш дом к вашим услугам.

Приезжий поблагодарил, и лицо его озарилось добродушно-застенчивой улыбкой, взгляд синих глаз освободился от налета грусти.

— Большое спасибо, — повторил он. — Мой друг говорил мне, что в его родном ауле все люди приветливы и гостеприимны. Как это приятно. Меня зовут Василием. Василий Орлов. — С этими словами он протянул руку. Пожимая ее, я назвалса и напомнил, что он гость и любая его просьба — для нас закон.

— Просьба у меня простая, — сказал Василий. — До войны в этом ауле жил Якуб Каншаов. Воевали мы с ним вместе. Понимаете, Якуб — плотник, и я плотник, встретились в саперном батальоне и долго отступали. Очень сдружились. А под Берлином нас война разлучила: угодили в госпитали. Только я был потяжелее ранен, и меня отправили в глубокий тыл наш. А потом, сами понимаете, плотникам работы хватало — не до путешествий было. А теперь вот надумал пуститься в далекий путь. Не знаете ли вы моего друга? Можете посоветовать?

Пока он все это рассказывал, я думал о том, как лучше поступить в создавшейся ситуации. Сразу оголошать друга Каншаова, конечно, нельзя было — такое и сказать-то нелегко.

— Каншаов — наш, вы не ошиблись адресом, — заметил я. — Но лучше бы было, если бы вы перед поездкой написали... Дело в том, что этого человека сейчас нет в ауле. Я живу совсем рядом, пройдемте — отдохнете с дороги, перекусите, а потом и решите, как поступить дальше.

Василий приободрился, повеселел. Направляясь ко мне, он с интересом разглядывал дома наших колхозников, а когда мы оказались на центральной площади, замедлил шаг.

— Не ошибусь, — заметил он, — если скажу: кое-что здесь, на этой площади, строил мой друг.

— Почти все, — обрадовался я возможности перевести беседу в сравнительно спокойное русло. — Ведь

он возглавлял до... до перехода на пенсию нашу строительную бригаду. Вот двухэтажное здание правления, Верхнюю часть здания сам выкладывал. И Дом культуры. Якуб пропадал здесь день и ночь. А на той стороне — детский комбинат. Отделку помещений для ребятшек Якуб производил сам. Видите во дворе детский городок?

— Неоконченный, в глубине?

— Вот-вот. Это Якуб строил по своей инициативе, когда уже на пенсию вышел. А вот и мой дом.

Василий умылся, но от чая отказался — заверил, что совсем недавно пообедал. Человек выдержанный, он не лез с расспросами, но во взгляде его ясно читалось: а где же мой друг? Чтобы оттянуть решающий момент объяснений, я стал расспрашивать гостя о войне.

— Что много говорить, — заметил Василий. — Ведь саперы, говоря честно, не воюют, а работают. Строят или разрушают. Мост или блиндаж или там переправу какую. А то и дорогу. Как в мирной жизни. Одна только и разница, что строить или взрывать порой приходится под огнем. Так ведь и остальным не сладко на войне. Вы кем были? Танкистом? Мы всегда танкистам завидовали. Наведем переправу, пройдут мимо нас наши танки... А мы опять за свое.

— А ранило вас последний раз с Якубом где?

— Да уже, считай, в самом Берлине. Канал попался, будь он неладен, и надо было срочно перебросить на другой берег танки и самоходки. А фрицы пристрелялись, бьют осколочными, бризантными. От батальона считай, ничего не осталось. В сумерках мы с Якубом и повели ребят. Только навели переправу — немцы засекли. Танковый десант почти целиком выбили. Мы на подмогу — строить-то уже, считай, нечего — напротив имперская канцелярия. Оглядываюсь — нет Якуба. «Ранен», — говорят хлопцы, санитары подхватили. А потом, уже на другой улице, и меня шарахнуло... Лечили в Москве — все клеили, сшивали. Спасибо, хорошо управились...

— А сами вы из каких краев? — снова задал я вопрос Василию, мучительно раздумывая, как выйти из этого тяжелого положения.

— Из-под Калуги я, тоже деревенский. Живем вдвоем с женой, детей нет. Сколько раз собирался вместе

с ней приехать к Якубу, да все в последний момент срывалось. В прошлом году уже совсем было выехали. Уложились даже. Так нет же — в соседней деревне перед самой уборкой ураганом крытый ток снесло. Пришлось помогать. Зимой собрались — и вдруг жена заболела, да и сам я слег. Теперь доехал. Якуб мне, считай, жизнь спас.

Я попросил Василия рассказать, как наш земляк спас ему жизнь.

— Зимой было дело, отступали мы. Угораздило меня из миномета в обе ноги. Вся рота ушла, а Якуб заметил, что меня нет. Бросился назад, нашел. «Беги, — говорю ему, — все равно мне не спастись, немцы рядом...» Ничего он не ответил, а взвалил меня на спину и отошел к траншее. Там тащил по земле, потом забинтовал раны. Спрятал меня в кустарнике, откуда-то воды добыл. Я не все помню, а он сам только сердится, когда расспрашиваешь. Такой это человек. Очнулся уже в медсанбате. Через день он проведal меня. А когда узнал, что меня хотят в тыл отравить, притащил в батальон. С тех пор мы и не разлучались до самого Берлина. Комбат наш бывало шутил: «Вы, Каншаов и Орлов, уж постарайтесь теперь до победы продержаться, вас тогда в музей показывать будут — вот эти два сапера рядом прошагали до самого Берлина». Да вот не вышло у нас...

В дверь постучались, в комнату вошел секретарь сельсовета Мишаост. Ответив на приветствие, я представил ему гостя.

— Приехал проведать фронтового друга, — коротко пояснил я.

Любопытство Мишаоста оказалось сильнее традиционной сдержанности.

— Кто же ваш друг, уж не Киримизе ли?

— Киримизе сейчас стал моим другом, — улыбаясь, сказал гость. — А воевал я вместе с Якубом Каншаовым.

— М-да... — протянул Мишаост. — Надо же... Эх, беда. Приехал бы месяцем раньше и застал бы в живых.

Василий опустил глаза, покачал головой.

— Ты еще не знал об этом? — Мишаост смутился. — Извини, дорогой, что я вот так... И не подумал...

— Что уж... — откликнулся наконец Василий. — До-

гадывался я. — Эх, ребята, знали ли вы, какой человек жил рядом с вами? Редкостный человек.

— Таким он и у нас оставался, — живо откликнулся Мишаост. — Я, говорит, не могу брать деньги за детский городок, разве я не заслужил того, чтобы мне разрешили подарить детишкам свою работу? Там и умер...

Василий спросил, как найти могилу друга. Мы не стали навязываться в провожатые, — порой нет ничего благодатней одиночества. Пригласив Василия на ужин, я надолго задумался. Конечно, ни одного, ни другого не упрекнешь в том, что обстоятельства у них взяли верх над фронтовой дружбой. Обстоятельства-то не простые. Как не мог отлучиться с фронта солдат, чтобы помочь своей жене и ребятишкам, так и не решился оставить хоть на день трудовое поле. «Завтра... Завтра...»

Возвратившись с кладбища, Василий попросил познать его с вдовой друга.

— Кто у него еще есть? — спросил по дороге.

Сказал, что дочь с мужем живет в другом ауле, а внучка учится в городе. Она-то и навещает старушку.

Я повел его к монументу, поставленному в ауле в честь Победы.

— Этот памятник построен по инициативе Якуба, — сказал я. — Куда ни глянешь тут — везде его пометки. У нас, горцев, говорят, что если о человеке напоминают его добрые дела, он не умер, он живет с нами. Это полностью относится к Якубу.

Утром я показал гостю наш музей. Там, на видном месте, висели две фотографии Каншаова — фронтовая, с орденами и медалями, и сделанная совсем недавно для доски Почета — в рабочей одежде.

После завтрака Василий попросил бумаги и чернил. Потом, протянув исписанный листок, с тревогой спросил:

— Как думаешь, пойдут навстречу? Уважат?

— Уверен, что уважат, — ответил я, пробежав глазами по тексту.

На листке было написано:

«Председателю сельсовета.

Прошу мне, фронтовому товарищу плотника Якуба Каншаова, разрешить достроить детский городок, который не успел закончить мой друг.

Плотник Василий Орлов»,

Случайные знакомства обычно бывают недолговечными. Но эта встреча не позабудется никогда. Потому что всякий раз, когда приходится проходить мимо детского комбината, невольно задерживаешься у неброской надписи на одном из павильонов детского городка: «Этот городок начал строить наш земляк фронтовик Якуб Каншаов. Здесь его настигла смерть от разрыва сердца. Закончил строительство фронтовой друг Каншаова Герой Советского Союза Василий Орлов».

Как аукнется...

Народная мудрость, если хорошо присмотреться к ней, напоминает, говоря языком географов, систему рек, озер и морей земного шара.

Взгляните на карту. Где-то, возле местечка Пено Калининской области, из-под камня выбивается родничок. Он бежит по полям, перелескам, легко пробивается сквозь холмы Валдая, а по пути в него вливаются десятки других ручейков. И вот уже возмужавшая речушка превращается в реку и получает имя: Волга!

Так же, только под другим небом, рождаются Обь и Енисей, Миссисипи и Конго, Нил и Ганг. Реки всех континентов, пройдя через моря, в конце концов встречаются в океанах. Конечно, в несколько измененном виде.

Но не вся вода уходит в океаны. Остаются озера, и они, если только человек их не тронет, будут существовать вечно в своем первозданном виде, ни с чем не сливаясь, лишь пополняясь и обогащаясь за счет окрестных родничков и речушек.

А теперь бросьте такой же пристальный взгляд на карту народной мудрости — сборники пословиц и поговорок. Очень многие из них встретишь почти у всех народов мира. Бывало, переведешь дословно адыгейскую пословицу, а переводчик сразу предлагает русский вариант — нечто очень похожее.

Но случалось и так: объясняешь смысл адыгейского изречения, подбираешь десятки близких словосочетаний, но главная соль оригинала все же ускользает, остается нераскрытой. Это даже не идиома, а как определили лингвисты, «непереводимая игра слов». Непере-

водимая. То, что существует в одном экземпляре, как и сам человек. Это и есть те самые озера в языковой системе народной мудрости, которые никуда не уходят, составляют национальную ткань родного языка, его неразменный, неповторимый основной капитал.

Все эти рассуждения я записал после долгих попыток объяснить переводчику своей прозы смысл одной адыгейской пословицы. Беда в том, что подстрочный перевод попросту извращал ее содержание. И переводчику трудно было уловить ее суть. Отдаленно она приближалась к русской: как аукнется, так и откликнется. Но лишь отдаленно. Слово из озера зачерпнули ведро воды. Вкус ее можно кое-как определить, по удовольствию от купания или сидения на берегу или рыбной ловли, глядя на это ведро, не ощутишь.

А дело было так. Неподалеку от нас, дома через четыре, смыкаются усадьбы Шеотлука и Шеуая. Совсем недавно мы с вездесущим Алием стали нечаянными свидетелями перебранки этих стариков. Шеотлук и Шеуай — это известно всему аулу — дружили с молодости. Эти люди всегда старались сделать друг другу что-либо приятное. Если один купит хорошие папиросы, то тотчас спешит угостить друга. Второй, возвращаясь с рыбалки, прежде всего занесет десяток-другой окуньков и лещей соседу. Делятся хорошими новостями, могут беседовать вдвоем до глубокой ночи... Никто никогда не слышал, чтобы они не то что бранились, а хотя бы голос друг на друга повысили.

И вдруг — перебранка, да еще на виду у людей.

И — самое главное: обругал соседа Шеотлук — человек славящийся своей выдержкой и вежливостью далеко за пределами родного аула. Он прилюдно обозвал Шеуая дураком и добавил ту самую пословицу, которую мы никак не могли перевести и которая приближается к русской «Как аукнется, так и откликнется».

Несмотря на все наше желание, мы с Алием не сумели сохранить на лицах положенного по старым традициям равнодушия. Физиономия парня скривилась, словно от боли: так он сдерживал расправивший его смех. Я тоже выглядел не лучше.

Едва завернув за угол, мы оба расхохотались. Конечно, это как раз то, чего нам не следовало делать. Первым это понял я.

— Ну, братец, — выдал я из себя, — не ожидал...

— Извини, — ответил Алий, — но я смеялся не над стариками. Если бы ты увидел свое лицо...

Инцидент, казалось, был исчерпан. Чтобы окончательно замять его, я объяснил Алию, что в литературной теории подобное положение называется «комизм ситуации». При такой ситуации на человека нападает дурной смех. Он не в силах сдержать его, даже если в тот момент находится в мечети или на профсоюзном собрании.

— Это тебя так подковали на высших литературных курсах? — заинтересовался Алий, ранее донимавший меня вопросами, чему на этих курсах учат.

Незаметно мы дошли до реки. Я направился было к нашему излюбленному местечку, как вдруг Алий предложил:

— Пойдем сегодня на другое место, а?

И в голосе его, и в выражении лица я уловил что-то подозрительное: предложение явно имело какой-то скрытый смысл.

— Тут ведь у каждого места свой хозяин, — напомнил я Алию.

Алий тут же сказал:

— Сядем и будем ждать.

— Чего ждать?

— Шеотлука — кого же еще, — огорошил меня сорванец. — Ведь ты сейчас больше всего на свете хочешь узнать, почему поссорились наши уважаемые старики. Но не знаешь, как это сделать. А я знаю. Надо сесть там, где всегда рыбачит Шеотлук, забросить удочки и ждать.

— А он нас не прогонит под горячую руку?

— Шеотлук? — Алий подарил мне не очень учтливую улыбку. — Папиросы ты захватил?

Я не курил, но папиросы на всякий случай носил в кармане. Есть люди, с которыми разговориться, лишь предложив закурить. Вместе покурить, говорят, будто выпить из одного колодца...

Расположившись как раз там, где любил сидеть Шеотлук, мы закинули удочки и стали ждать, — не клева, а хозяина этого места. Не более чем через полчаса в прибрежном кустарнике показалась золотистая папаха, с которой Шеотлук не расставался ни в какое время

года. Сколько помню себя, эта папаха всегда украшала голову его. Сама голова претерпевала, как теперь говорят, многократные необратимые перемены и наконец стала походить на колено, а папаха оставалась все такой же ослепительно красивой и юной: таково свойство золотистой каракульчи.

Когда старик подошел совсем близко, мы вскочили, поздоровались и начали демонстративно, с громкими извинениями в буквальном смысле сматывать удочки.

Старик оглядел нас и сделал величавый жест рукой. Он означал, что мы можем оставаться на своих местах. Видя, что мы все же собираемся уходить, Шеотлук коротко бросил:

— Вы мне не мешаете.

— Мы будем молчать, — пообещал я, снова забросив удочку.

— Можете говорить, — буркнул Шеотлук. — Все равно в такое время на крючок пойдет только ненормальная рыба. Кстати, я уже давно хотел спросить тебя, Киримизе, — проговорил он после небольшой паузы. — Что это адыгейские писатели так мало книг пишут? Каждую неделю захожу в книжный магазин, спрашиваю, нет ли чего новенького, а мне все время одни и те же книги предлагают.

Я стал не очень уверенно доказывать, что писателей у нас мало, что хорошо писать — дело трудное, что, наконец, не всегда для этого имеется подходящее настроение.

Шеотлук, выслушав все это, заметил не без ехидцы:

— Ты, Киримизе, наверное, думаешь, что, когда моя Нахдах идет прорывать табак, она ждет соответствующего настроения? Мы бы уже давно опухли от голода, если бы от настроения зависела работа комбайнера Меджида или наших доярок. Разбаловали вас, вот что я тебе скажу, Киримизе. Понял? У настоящего творца всегда должно быть настроение.

Эта неожиданная тирада меня обрадовала. Она означала, что Шеотлука что-то тревожит. Докапывается до какой-то философской истины. А раз он начал говорить, то, надо думать, доберется и до самого заветного.

Так оно и случилось. Шеотлук разнес в пух и прах работников кооперации за отсутствие настроения. От-

дал должное ремонтникам из «Райсельхозтехники» и, наконец, от критики, как и следовало ожидать, перешел к самокритике.

— Да и сами-то мы хороши, — со вздохом признался он, разделившись с портными из Дома быта. — Как мы живем? Как разговариваем друг с другом? Как со злейшими врагами.

Желание ускорить события толкнуло меня на рискованный шаг — я решил подать реплику:

— Ну, уж кого-кого, а тебя, Шеотлук, в этом не обвинишь.

Старик покосился на меня, насадил на крючок свежего червячка и, плюнув на него, забросил леску в воду.

— Со всеми бывает, — уклончиво заметил он. — Бывает и со мной. Но, конечно, не себя я имел в виду. Недавно мой сосед, Шеуай, вдруг сообщил мне, что уже давно завидует мне. С чего бы это? — спросил я. Вот его ответ: «Хорошая у тебя, говорит, жена Нахдах: вежливая такая, услужливая, всегда гостям рада. А моя Ляшын — как ведьма. Ей слово — она два, ей замечание сделаешь, она ругаться начнет. И так втянулась в это поганое дело, что порой и при гостях обложит. Хоть сквозь землю провались. Да ведь ты сам слышал. Помнишь, я попросил ее принести мне спички, а она что в ответ? «Хочешь курить, иди сам за спичками, в нашем доме служанки, слава аллаху, нет». И когда я научу мою старуху вести себя, как Нахдах?»

Закурив, старик продолжал:

— Я сказал Шеуаю, что хорошо запомнил ответ его жены. Действительно, не очень красиво получилось. И тут же спросил его: запомнил ли он сам, как именно обратился к жене за спичками? «Нет, говорит, не помню. Попросил, как мог. А что?» А я говорю, что запомнил его слова. Ты, говорю, сказал ей так: «Эй, старуха, где ты там шатаешься? Принеси-ка мне, старая бездельница, спички, я курить хочу». Как ты думаешь, приятно ей выслушивать такие слова? Что же ответил на это Шеуай? Ты не поверишь. Он говорит: «Подумаешь, не так выразился. Да ведь я ее кормлю, дою, я хозяин дома, я...» Тут я его и спросил: разве Ляшын не ходит на работу? Или не управляется по дому? Почему так говоришь, что кормишь ее? Она, может быть, делает больше, чем ты. И даже, наверня-

ка — теперь у доярок самые высокие заработки в колхозе.

Разве, Киримизе, я не прав? А Шеухай что мне ответил? Он говорит, что и моя Нахдах ходит на кукурузу и виноград, что и она ведет хозяйство, а с мужем и с его гостями обращается как положено воспитанной жене. Я решил, что он меня не понимает, и начал издали. Помнишь, говорю, то счастливое время, когда мы выбирали себе невест? Ведь Нахдах и Ляшын были подругами. Что ты говорил о Ляшын? Да и не говорил ты, а пел. При мысли о ней ашугом становился. Так ведь?

Он, конечно, согласился, от правды-то не уйдешь.

Тогда я вспомнил, какой была Ляшын в первые годы их женитьбы: приветливая, ласковая. Если при ней произносили грубое слово — краснела.

И это Шеуай подтвердил.

Шеотлук, забыв, что у него в руках удилище, начал хлестать им по голенищу сапога. Спихватившись, улыбнулся — как-то тепло и вместе с тем горестно, и продолжал:

— Вижу, и этого намек не понял мой друг. И тогда решил выложить ему все начистоту. Как есть. Пусть делает выводы. Раз уж он начал этот разговор, то обязан выслушать все до конца. Я сказал ему, что он не единственный, кто жалуется на жену. Оно и понятно: иметь плохую жену — то же самое, что всю жизнь носить тесную обувь. Даже хуже. Каждую минуту чувствуешь это. Но ведь твоя жена не была такой в первые годы, почему она так переменялась? Не знаешь? Ну-ка вспомни, что ты сказал ей, когда она, подавая нам угощение, нечаянно разбила тарелку? Ты сказал, — и это при гостях, — что она растяпа, левша, безрукая и еще много обидных слов. А мог бы сказать совсем другое. Мог бы сказать: «Ляшын, не расстраивайся, а радуйся — разбить тарелку — это к добру». Ты, сосед, забыл, что женщине нужны ласковые слова, и разговаривал с ней день ото дня все грубее. Помнишь, что ты сказал ей, когда мы однажды вечером сидели у тебя? Ты несколько раз позвал жену, а ее все не было. Тогда ты начал ругаться. А когда она появилась, набросился на нее с упреками: «Где ты моталась, идиотка, мы есть хотим...» Она ничего не ответила, а пошла готовить. От волнения и пересолила. Можно было бы и

не заметить, а ты раскричался так, что соседи напротив выскочили из дому.

«А что же я должен был сделать?» — спросил Шеуай.

«Да хоть бы спросить, где она была. И ты б узнал, что твоя жена ухаживала за больной соседкой, Мариет тогда было очень плохо, умирала женщина».

Он спросил меня, Киримизе, что я говорю своей жене, если она что-нибудь испортит или не так делает. Все оборачиваю в шутку, — ответил я. — Шучу даже тогда, когда она начинает меня поругивать. Все любят хорошую шутку, а женщина отойдет, услышав ее. А ведь мы, мужчины, каждый свой поступок считаем правильным, а женам и детям делаем по каждому пустяку замечания. Это вызывает вполне законное раздражение. Обстановка накаляется, наконец люди забывают о том, что когда-то жили в мире и согласии. Только и ждут, чтобы сказать друг другу какую-нибудь колкость.

Ты, Киримизе, уже, наверное, устал слушать меня и думаешь: «Вот разболтался старик, всю рыбу перепугал». Но я должен сообщить тебе, чем все это кончилось.

Шеуай выслушал меня, подумал и сказал: «Ладно, друг, попробую по-другому. Может, ты прав».

Очень я обрадовался. Ведь Нахдах и Ляцын — подруги, и мне порой бывало стыдно за своего дружка. Давно уже мне хотелось повернуть его лицом к правде, но все как-то откладывал, не хватало духу. А раз он сам запросился, я ему все и выложил. Теперь, думаю, у них пойдет иначе.

А сегодня утром копаюсь в огороде, вдруг слышу, как Шеуай на всю улицу орет: «Эй, растяпа, где ты там болтаешься, в огород куры залезли...» И слышу ответ Ляцын: «Сам ты растяпа, это ты забыл калитку в огород запереть, безрукий осел». Тут уж не выдержал я. Крикнул Шеуаю, что он дурак, и подтвердил это нашей пословицей.

И Шеотлук назвал пословицу, которую мы никак не могли перевести, которая, как озеро, никак не хотела уходить с насиженного места. Она примерно означает то, что провозглашает русская — «Как аукнется, так и откликнется».

И которая, как это ни прискорбно, доходит далеко не до каждого.

Зависть

Я — давний противник тех заседаний и совещаний, которые послужили нашему великому поэту Маяковскому темой для его стихотворения «Прозаседавшиеся». Бывают и в наше время такие «мероприятия»... Но вот собрания и митинги, привлекающие всех людей, — это совсем другое дело. Их посещаю с преогромным интересом. И почти никогда не сожалею об этом.

Однажды мне пришлось стать свидетелем необычного собрания во время сенокоса. Небо хмурилось, дождя оставались считанные минуты. Люди, спасая семя, трудились до седьмого пота. Ко времени, когда упали первые капли дождя, вся скошенная трава была аккуратно уложена в стожки.

Ливень загнал всех под старый навес. Здесь собрались старики и молодежь, мужчины и женщины, участники районной самодеятельности, прибывшие с концертом, а также я и мой гость из Москвы. После того как люди отряхнулись и обменялись репликами, наступила странная тишина. Странная потому, что необычна она была для такой массы людей. Каждый словно чего-то ждал.

Шумел лишь дождь.

— Товарищи! — раздалось вдруг под навесом.

Все повернулись на голос, заулыбались. Это слово произнес Ахмед Хатанов, человек, который вообще никогда с речами не выступал. Старик славился не красноречием, а трудолюбием. Выступать же он отказывался даже тогда, когда его очень просили.

— Товарищи! — повторил он. — Как хорошо, что мы все вместе делаем одно большое дело. Спасибо вам, дорогие, что вы так здорово умеете работать. Глядя на вашу работу, и я, человек уже немолодой, ощутил прилив сил. — Он прижал руки к груди и умолк.

Гость из Москвы стал теревить меня за рукав.

— Что он сказал? Переведи.

А я молчал. Вообще-то сентиментальностью я не отличаюсь, но тут что-то запершило в горле. Разволновались и все остальные.

И вдруг люди разговорились. Старики произносили короткие речи, выступали и колхозники средних лет. Несколько сердечных слов, и вся речь. А в целом это

был, не боюсь громкого слова, гимн труду коллективному, гимн колхозу.

А какие речи можно услышать иной раз на колхозном собрании! Да что речи. Бывает, иная реплика стоит целого выступления. Но случай, о котором я хочу рассказать, относится не к речам и даже не к репликам. Разговор пойдет о молчании. Молчании одного человека, которое оказалось красноречивее всяких слов.

Как-то довелось мне быть в своем родном ауле на собрании по поводу завершения уборки урожая. Я немного припоздал, причем сделал это умышленно: в присутствии постороннего люди порой ведут себя не так просто, не так непосредственно, как в своем кругу. А я хоть и свой, но вместе с тем и не свой. Вот почему я попросил моего юного друга Алия приберечь мне местечко в сторонке и дать сигнал, когда собрание начнется. В соответствующий момент Алий ввел меня в слабо освещенный зал и усадил на последней скамье.

Пока председатель колхоза читал постановление правления о награждении передовиков уборки, я приглядывался к президиуму. Среди колхозников, удостоенных этой чести, сразу узнал известного механизатора Мишаоста. Это был человек, рожденный для техники. Мишаост, одетый в синий костюм, сидел прямо, взор его был устремлен в люстру — чувствовалось, что он здорово омущен. Сколько лет выбирают его в президиумы собраний, а он все никак не привыкнет к этому.

Рассмотрев всех членов президиума, я стал потихоньку озираться вокруг. Вот уж чудеса! — рядом со мной оказался Шеокар. Заподозрить в чем-либо Алию я не мог — ведь мальчишка и знать не знал о том, что произошло лет десять назад.

Я стал потихоньку наблюдать за Шеокаром. Впрочем, скрывать это почти и не приходилось, так как Шеокар — бывший помощник Мишаоста — целиком был поглощен тем, что происходило на сцене и не обращал никакого внимания на соседей. Чуть вытянув шею, он слушал имена передовиков и всякий раз моргал, когда называлась сумма премии. Казалось, будто именно в этот момент кто-то щелкал его по носу.

Как же ты изменился, Шеокар! Располнел, лицо обрюзгло, под глазами — темноватые мешки. Но не это главное. Изменилась и твоя одежда. Как ты гордился

раньше новенькими костюмами, белоснежными рубашками. Разве забудешь, как ты сказал Мишаосту:

— Не могу больше копать в этой грязи. Земля, мазут, керосин... Будь оно все неладно! И не оденешься как человек, и не поешь как следует, и не выспишься.

И это — после трех лет работы. После того как Мишаост объявил тебе, своему помощнику, что будет рекомендовать тебя в комбайнеры. И ведь тогда машину как раз получили. Ты, Шеокар, отлично знал, что новый комбайн хотели передать Мишаосту, но он запротестовал, сказал, что еще на старом поработает. А молодому механизатору, Шеокару, пусть новую технику дадут, быстрее освоится на самостоятельном по-сту.

Все мы замечали, что ты в тот сезон стал отлынивать от работы. Думали, что надоело в помощниках комбайнера ходить, хотелось испытать свой характер, проверить свою трудовую хватку. Ничего плохого в этом не видели. И как ошиблись. Как удивился Мишаост, услышав те твои слова. Он не мог проникнуть в их смысл, сколько ни старался. Он даже не обиделся тогда на тебя.

— Мазут... — повторил он. — А мне нравится запах мазута, нравится наше поле. Мазут — поле — хлеб, разве это не одно целое? Нравится хлеб, значит, и мазут должен нравиться.

Ты только скорчил брезгливую мину...

Так вы тогда и расстались. Мишаост продолжал покорять технику, а ты стал, по твоему собственному выражению, «делать деньги».

Черт тебя знает, как ты их делал, но это у тебя получалось. Вскоре на твоём дворе зафыркал «Москвич». Как-то молниеносно возвел ты себе новый дом. Одевался, как дипломат.

Что и говорить, многие парни в ауле тогда призадумались: кому подражать — Мишаосту или Шеокару? И ведь были такие, что за тобой, Шеокар, потянулись. Это-то, только это и настраивало против тебя твоих прежних друзей и соседей — Мишаоста и меня. Но мы виду не подавали. Помнишь, даже на новоселье я дри-шли. И ты, как нам казалось, искренне поздравил Мишаоста с его первым орденом, а меня — с новой книгой стихов.

Разлад начался не по нашей вине. Собственно, осо-

бого разлада и не было, сразу произошел полный разрыв. В тот день ты взамен «Москвича» пригнал «Волгу», а вечером как раз чествовали Мишаоста — он возвратился из Майкопа с Золотой Звездой Героя. Встречал первого в аule Героя Социалистического Труда весь народ: клуб оказался тесен для митинга, собрались на площади. После митинга мы шли домой втроем. Я спросил тебя, не жалеешь ли, что не принял комбайн, ушел с механизаторской работы, вообще оторвался от колхозных дел. Ты ухмыльнулся в ответ.

— Разве я не понимаю, почему ты спрашиваешь об этом? Все мне завидуют. И попрекают от зависти. Разве кто-нибудь в состоянии завести себе такую мебель, какая есть у меня? Или ездить на курорты и тратить там денег столько, сколько я? Вот хотя бы Мишаост. Вкальвает день и ночь, а сколько у него костюмов? Сколько у тебя костюмов, Мишаост, скажи правду?

Мишаост и на этот раз не рассердился на своего бывшего помощника.

— Выходной — один, — добродушно произнес он.

— А у меня — шесть! — выкрикнул Шеокар. — Скажи, можешь ли ты купить шесть костюмов, Мишаост?

— Могу, — ответил комбайнер, — у меня много лишних денег...

— Почему же у тебя только один костюм?

— Потому, что у меня только одна спина... И я не жадный.

— Это ты все от зависти, Мишаост, говоришь, — перебил его Шеокар. — Все мне завидуют, все!

А на следующее утро мы узнали, что Шеокар не только жаден, но и жесток. В ту ночь тяжело заболел наш сосед, старик Каламет. Послали за врачом.

— Острый приступ аппендицита, — определил доктор. — Достаньте машину, надо немедленно везти его в районную больницу. Пока будет ехать, я созвонюсь, там все приготовят для операции.

Бросились, разумеется, к Шеокару. А он сказал, что его машина неисправна.

Выход, конечно, нашли, операция была сделана своевременно. А утречком все увидели, что Шеокар куда-то отправился на своей машине. Только после этого мы перестали считать Шеокара своим приятелем, откровенно избегали его.

Вскоре он перешел на работу в райцентр и дома появлялся изредка. Разумеется, и на собраниях колхозных не бывал. Что же его привело сюда сегодня?

Увидев, что я заинтересовался Шеокаром, Алий шепнул мне:

— Его выгнали с работы в райцентре...

После председателя выступил секретарь колхозного парткома. Он поздравил земляков с успехом, говорил и о Мишаосте. В эти минуты лицо Шеокара пятнами пошло. Он слушал, сжав кулаки.

По общему требованию на трибуну поднялся сам Мишаост.

— Не мастер я речи произносить, вы это знаете, — проговорил он и улыбулся своей немного застенчивой улыбкой. Все зааплодировали. — Поэтому скажу коротко. Наш труд приносит нам радость. Вот тут хвалили меня. А что я без вас всех, без своего молодого помощника Мурата. Золотые руки у парня. Спасибо тебе, сынок. Спасибо твоим родителям за тебя. Спасибо всем, мои земляки.

На некоторое время я позабыл о Шеокаре. Бросив же теперь на него взгляд, поразился. Ни злости, ни самодовольства не было на его лице. Во взгляде — нескрываемая зависть! Самая настоящая черная зависть. Может, вспомнилось ему в эти мгновения, как работал вместе с Мишаостом? А может, припомнился час, когда он высокомерно отверг предложение принять новый комбайн? Или промелькнула перед мысленным взором вся его никчемная, отданная наживе жизнь. Кто знает...

Вот почему, будучи солидарен с поэтом, я все же стою за митинги и собрания, которые пробуждают в людях высокие помыслы и в то же время заставляют обнажить самые неприглядные тайники души тех, кто свернул с прямой дороги.

Потому и хочется мне рассказать вам еще и об Айтече.

Золотые часы

У механизатора в горячие дни полевых работ, как у руководителя — ненормированный рабочий день. Ушел из дому затемно, возвратился в сумерках. Жена Айте-

ча это отлично понимала. Не успеет муж с мотоцикла сойти, Сура подводит его к тазу с горячей водой. Наготове полотенце, чистая одежда, аромат пищи приятно щекочет ноздри. Айтеч надевает все свежее и слышит:

— Товарищ звеньевой, кушать подано!

Но вот пора самых нестложных дел как будто миновала, большинство механизаторов стали возвращаться вовремя, а Айтеч со своим звеном все задерживался. Терпела это Сура, терпела, но однажды не выдержала.

— Все ж таки мало ты думаешь о семье, — упрекнула она мужа. — Мы ведь совсем молодые, мне хочется и в клуб пойти, новый фильм посмотреть, в майкопском театре побывать, а ты крутые сутки на работе.

— Значит, надо, — попробовал было отмахнуться от критики Айтеч. Но Сура уже «завелась», и эта отговорка только подлила масла на сковородку.

— Хотя бы в передовых ваше звено было, — возразила она, — а то сидите в поле больше других, урожай средненький собираете.

— Ладно, Сура, — выдохнул, сраженный этим доводом Айтеч. — Открою тебе секрет нашего звена. Ты хорошо знаешь места у реки?

— Спаленку? — догадалась Сура. — Кто же не знает эту Спаленку?

Действительно, заброшенный участок у реки, поросший терновником и дикой грушей, знали все. Большой популярностью он пользовался у любителей выпить на свежем воздухе. Ветерок шумит в листве, река бурлит на перекатах, ни тебе бригадира, ни народного контролера. Выпил, закусил и дрыхни, сколько душе хочется. Потому, возможно, и назвали эти кустарники Спаленкой.

— Вот-вот, — подтвердил Айтеч, — о Спаленке и идет речь. Мы, наше звено, решили ввести участок этот в севооборот. Дали нам в правлении «добро», выделили бульдозер, плантажный плуг. Мы втроем в поле за четверых работаем, а по очереди расчищаем Спаленку. Скоро закончим и засеем озимой пшеницей. Десять гектаров — кусок не малый.

— Сюрприз приятный, — сменила Сура гнев на милость. — Мог бы мне сразу сказать — хорошее дело

скрывать незачем. Ладно, потерплю с клубом, раз ты такой старательный.

А однажды Айтеч приехал в полдень. Сура, не ждавшая мужа так рано, обрадовалась было, но по его хмуromy виду мгновенно догадалась, что произошло нечто не весьма приятное.

— Вот и старайся, — проговорил Айтеч, усаживаясь за стол. — Вместо славы один смех...

Он сообщил, что председатель колхоза дал указание засеять отвоеванный у кустарников участок озимой рожью на зеленый корм.

— Очень хорошо, сделал, — вмешалась Сура. — Весной наша ферма всегда страдает от того, что коровы получают один силос. А теперь получим десять гектаров зеленого корма, да еще на таком участке.

— Вам-то хорошо, — еще больше рассердился Айтеч, — а нам каково? Если бы со Спаленки в будущем году собрали пшеницу или кукурузу, нас бы как следует отметили. А так — один пшник получится. Подумаешь, корма...

— Никогда бы не подумала, что ты рвешься к славе, — с удивлением заметила Сура. — Вам за расчистку заплатили много денег, заплатят и за корма, что тебе еще нужно?

— Золотые часы, — выкрикнул Айтеч. — Бирамкуду за высокий урожай золотые часы дали, а нам за расчистку — по сотняге. И портрет его в газете напечатали.

— А ты сможешь со Спаленки второй урожай получить, — посоветовала Сура. — Кукуруза там такая вымахает, что не только золотые часы, мотоцикл преподнесут.

— За десять гектаров? — с иронией переспросил Айтеч.

И вдруг умолк. Неожиданная мысль поразила его воображение. Он не поделился ею с женой, но заметно повеселел.

Весной Айтеч настоял на том, чтобы Спаленку начали скашивать на зеленый корм с конца апреля — благо рожь так и тянуло вверх. К середине мая участок был перепахан, удобрен, прокультивирован и засеян кукурузой. Всю эту работу Айтеч проделал один, остальные члены его звена обрабатывали кукурузу на основном массиве.

Однажды, когда Айтеч ублажал кукурузу на Спаленке культиватором-растениепитателем, который одновременно и рыхлил почву, и уничтожал сорняки, и подкармливал всходы удобрениями, он заметил в стороне от дороги улы. Вскоре показался и пасечник — старик Хаджтеч.

«Встретить такого человека, — подумалось Айтечу, — хорошая примета. Хаджтеч воевал вместе с моим отцом, вынес его с поля боя, но ранение оказалось слишком тяжелым... От него узнал я о том, каким героем был мой отец».

Он угостил старика сигаретами.

— Молодец, — похвалил Айтеча пасечник. — Второй урожай с этого заброшенного участка снимаешь. Как я погляжу, тут гектар не менее сотни центнеров даст.

— Это еще как сказать, — вдруг нахмурился Айтеч. — Мало ли что может быть. Осень покажет...

— Да, конечно, — согласился Хаджтеч, — не говори «гоп», пока не перепрыгнешь... Твой отец тоже не любил хвастовства.

Вскоре пасечник перенес свое хозяйство поближе к лугам, и Айтеч позабыл об этом разговоре. Но старик, относившийся к нему, как к родному сыну, изредка навещался на Спаленку. И всякий раз убеждался в том, что его предсказание сбывается. На каждом стебле зрело по два-три полновесных початка. А стеблей было очень много — Айтеч так обрабатывал плантацию, что все побеги принимались.

Наступила пора урожая. Айтеч и члены его звена на двух комбайнах работали на основном участке, — здесь кукуруза поспела раньше. Урожай получился высокий, но звено Бирамкула, как показывали сводки, снова выходило на первое место. На вечерней планерке председатель спросил Айтеча, почему не выполняется обязательство, принятое весной.

— Выполним, — заверил его Айтеч. — Мы пока взялись за самые слабые участки. Завтра-послезавтра перейдем на главные. Может статься, и Бирамкула догоним.

— Желаю удачи, — улыбнулся Бирамкул, доставая из кармана большие золотые часы. — Однако уже поздно, — добавил он, щелкнув крышкой. — Разрешите мне идти?

Председатель отпустил звеньевых. Бирамкул и Айтеч одновременно вышли, одновременно вскочили в свои мотоциклы, одновременно завели их, одновременно развернулись — один влево от конторы, другой — вправо. И тотчас закружилась, заклокотала пыль на дороге, словно бы по ней в обе стороны пронеслись ракеты.

«Пора!» — решил Айтеч.

Отпустив членов звена, он погнал комбайн на Спаленку. Взойшла луна, и Айтеч, сделав прокосы, начал убирать кукурузу. Початки со Спаленки он свозил на основной участок и сваливал их на убранных уже площадях.

На следующий день по колхозу пронесся слух: звено Айтеча начинает обгонять звено Бирамкула. Вечером на участок Айтеча пришел Хаджтеч — старик хотел поздравить своего любимца. Не найдя его здесь, двинулся к Спаленке. Но не успел пройти и ста метров, как увидел Айтеча — он сваливал с тележки початки, привезенные со стороны Спаленки. Занятый своим делом, Айтеч не заметил пасечника.

Прошло две недели. Бирамкул и Айтеч в один и тот же день доложили правлению об окончании уборки. Всем стало известно: Айтеч обошел Бирамкула. Его звено с основного участка собрало по 86 центнеров кукурузы, а звено Бирамкула — по 82 центнера. Кроме того, звено Айтеча получило со Спаленки некоторое количество початков — повторный посев, как говорили, там не удался. Но это никого не волновало — Спаленка ни в каких сводках еще не числилась, а дала два урожая. С будущего года ее введут в севооборот.

Торжественное собрание должно было начаться в семь часов вечера. Когда Айтеч в новом коричневом костюме, цветной рубашке, с огромным галстуком под подбородком шагал в сопровождении Суры в клуб, он увидел Хаджтеча. Старик выглядел неважно — осунулся, как-то почернел. Подозвав Айтеча, отвел его в сторонку.

— Что с тобой, тат? — встревоженно спросил Айтеч. — Ты очень изменился за эти дни.

— Хорошо, что ты это заметил, — тихо ответил старик. — На это я и надеялся. Я хочу тебе напомнить, что твой отец считался в ауле честнейшим человеком.

— Спасибо, тат, — улыбнулся Айтеч. — Но я это знал. А сейчас, извини, я спешу в клуб.

— Стоит ли так спешить? — возразил Хаджтеч. — Подумай, что бы сказал твой отец, если бы узнал, что кто-то в ауле поступает нечестно?

— Подумаю, отец, — хмуро бросил Айтеч и двинулся к клубу, забыв о жене. Впрочем, сидеть рядом им не довелось — Айтеч был избран в президиум. Он помахал ей оттуда рукой, когда ему вручали большие золотые часы — точно такие же, какими козырял Бирамкул.

Усевшись на свое место, он то и дело щелкал крышкой часов, любовался циферблатом, вертел часы так и сяк. На лице его сияла счастливая улыбка. И вдруг взгляд его встретился со взглядом Хаджтеча. Будто черная тень надвинулась на него. Тревожно забилося сердце, он сунул часы в карман и уставился в пол. Через несколько минут он снова глянул в первый ряд, но пасечника уже не было — старик покинул зал. Айтеч достал часы, бросил на них недоуменный взгляд и спрятал.

«Ладно, обойдется», — подумал он.

А на следующий день, подходя к магазину, столкнулся с пасечником нос к носу.

— А, сын славного Бирама! — проговорил старик. — Ты же заглянешь ко мне на минутку?

Айтечу очень хотелось отказать от этого приглашения, но сделать это он не отважился.

«Скажу ему, — думал по дороге Айтеч, — что зря он волнуется, ведь я, лично, я сам выращивал ту проклятую кукурузу».

Но старик и не думал говорить о кукурузе. Усадив гостя под яблоней, он сказал:

— Посиди, дорогой, сейчас принесу угощение. Яблоня, видишь, замечательная.

Вскоре он возвратился, неся большую тарелку с красными, крупными яблоками. Усевшись, долго выбирал яблоко. Наконец нашел самое крупное, отливающее золотом, подал его гостю.

— Спасибо, отец, — смущенно пробормотал Айтеч. — Стою ли я твоего внимания?

Он хотел услышать от старика что-либо приятное. Но ожидание его было напрасным.

— Стоишь или не стоишь — это мы скоро узнаем, — произнес Хаджтеч сурово. — Бери нож, разрежь яблоко. Снаружи-то оно красивое, а как внутри?

Айтеч осторожно рассек плод ножом. И поразился: в сердцевине его, на обеих половинках, копошился червяк, перерезанный лезвием надвое. Одна его часть пыталась свернуться клубочком, другая, на другой части яблока, норовила уползти к краю.

— Смотри ты, — донесся до него словно издали глуховатый голос пасечника, — какое дело. Кто бы мог подумать, что такая замечательная яблоня породит червивый плод?

Теперь глаза старика уставились на гостя. Хаджтеч глядел в глаза Айтеча не мигая, словно гипнотизируя.

Айтеч не отводил взгляда. Лицо его покрылось красными пятнами, на лбу появилась испарина, правая рука, сжимаясь в кулак, сжала пораженный червяком плод. Наконец он поднялся.

— Ты во всем прав, отец, — сказал он, — спасибо тебе. Только в одном ты не прав. Яблоня породила хорошее яблоко, яблоня здесь ни при чем. Кто знает, как заполз туда червяк. Но ведь я его разрубил твоим ножом, его уже нет. А часы сейчас отнесу председателю. И все расскажу. Что решит, то и приму.

Хаджтеч тоже поднялся.

— Иди, сынок, — прошептал он. — Иначе нельзя.

Габидет и Антонина

— Порой задумываешься: почему один населенный пункт называли селом, другой — станицей, третий — аулом? Не проще ли все называть-именовать одинаково?

Нет, не выйдет это. Разнятся эти населенные пункты не только своими названиями, каждое понятие несет на себе значительно большую нагрузку. Я мог бы составить длинный список этих различий, разбив их на пункты и параграфы: самые важные, менее важные и мелкие, но тем не менее тоже весьма существенные. Но оставляю это этнографам. Мне же сейчас хочется отметить не то, что, так сказать, разъединяет их, а то, что присуще любому населенному пункту — селу и аулу, деревне и станице, кишлаку и аулу: здесь ничего не сохранишь в секрете.

Хорошо это или плохо? Я думаю, хорошо. Человек совестливый вынужден, считаясь с общественным мнением, держать себя в рамках. Конечно, это не всегда удается, но все же сказывается. Мелкие семейные конфликты, как правило, рассасываются, как случайные ссадины — без участия врача. А крупные плывут по аулу (соответственно станице, селу, кишлаку и т. д.) словно грозвые тучи, извергая время от времени то дождь, то град, обязательно с громом.

В каждом населенном пункте имеется несколько домов, обитатели которых, не считаясь ни с условностями, ни с обычными нормами так называемого приличия, ни даже с действующими, говоря официальным языком, общеобязательными постановлениями и распоряжениями местных властей, ведут себя так, как им вздумается.

В нашем ауле неуважением к общественному мнению славился дом Бороковых. Впрочем, не всегда. Пока жива была первая жена Масхуда Борокова, Аминет, дом этот не отличался от всех прочих. Аульчане знали, что Масхуд — человек несдержанный, грубый, но проявлялось это крайне редко. После смерти Аминет в дом Бороковых пришла новая хозяйка — Зулифа. Говорят, познакомился с ней Масхуд в Майкопе на рынке. То есть не то чтобы увидел ее впервые, ведь они — земляки, живут на одной улице. Только раньше Масхуд даже взглядом ее не удостоивал — очень уж разителен был контраст между его Аминет и Зулифой. Эта крикливая толстуха словно рождена была для базара. Она не говорила, а верещала; при этом ее лицо краснело и принимало выражение, о котором сложилось единодушное мнение: «Взбесилась баба». Ее лексике могла бы позавидовать профессиональная спекулянтка. Впрочем, вскоре она и стала ею. Разумеется, Бороков, один из лучших овощеводов колхоза, женатый на Аминет, дочери первого колхозного механизатора, известной в районе доярке, не мог, не унизив себя, снизойти до разговора с такой особой, как Зулифа. Так и получилось, что хотя и жили они на одной улице, но вроде как бы и знакомы не были.

После смерти Аминет Масхуду пришлось нелегко. Правда, дочери Сура и Габидет уже были в том возрасте, когда родительские расходы на содержание сильно увеличиваются: своих дочерей он хотел одевать «не ху-

же других». Вот и пришлось Масхуду отправиться на майкопский рынок с равными овощами. С непривычки он сильно смутился и уступал перед натиском покупателей. Тепличные огурцы, которые он привез, шли по самой низкой цене. У весов Масхуда образовалась очередь. Это вызвало возмущение других торговцев овощами — обычно они стояли стеной, ни один не сбивал цену, — ведь это приносило каждому из них прямой убыток.

Первой отреагировала на это неслыханное нарушение рыночной этики (есть и такая! — а почему бы и не быть, ведь есть же «воровская этика»), конечно, вездесущая Зулифа. Постояв с минуту за спиной Масхуда, она не только все поняла, но и выработала четкую программу действий. И тут же взялась за ее осуществление. Но, к великому удивлению хорошо знавших ее торговцев, не в своей обычной манере. Масхуд вдруг услышал за своей спиной вкрадчивый голосок:

— Постой-ка, Масхуд, прекрати на минутку торговлю. Есть к тебе дело.

Очередь, правда, зашумела, но Масхуд, которому уже опротивело это занятие, отошел с Зулифой в сторону.

— Дорогой мой, — проворковала Зулифа. — Разве это дело, сосед, для тебя? Подумай, такой видный мужчина, передовик лучшего в Адыгее колхоза лично продает овощи. Да к лицу ли это тебе, дорогой? Хорошо еще, что наши тебя не видят.

— А что же мне остается делать? — выдавил из себя Масхуд. — Деньги нужны, а торговать в семье некому.

— Дорогой мой, — еще вкрадчивей зашептала Зулифа. — Плохо ты знаешь женщин Шапсуга. Они не дадут своих мужчин в обиду. Один аллах знает, на что мы готовы ради них.

При этом она даже не улыбнулась.

— Что же ты предлагаешь? — спросил Масхуд. Перспектива передать заботы о сбыте парниковой продукции соседке ему пришлась по душе, он готов был при этом даже понести некоторые потери.

— Дорогой мой, — еле слышно выговорила Зулифа. — Ведь я все равно торгую и не уйду, пока не распродам свой товар. Перетащи свои огурцы к моим весам, скажи, сколько их, а можешь и не говорить, твои

деньги буду держать отдельно, а сам иди туда, где положено быть такому джигиту, как ты, — в пивной бар. Когда торговля закончится, я найду тебя там. Кстати, ты почему берешь за килограмм?

— Э... — замялся Масхуд, — как-то неудобно торговаться.

— Дорогой мой, — беззвучно засмеялась Зулифа. — Этак ты много не соберешь. Ладно, тащи все ко мне, мы твою ошибку исправим.

Очередь двинулась за Масхудом, который поволок мешки с огурцами на новое место. Но узнав о том, что цена на огурцы здорово подскочила, люди стали расходиться. Обрадованный неожиданным освобождением, Масхуд не стал задерживаться на рынке.

Примерно в полдень Зулифа нашла Масхуда в пивном баре. По его покрасневшему, довольному лицу можно было легко уяснить, что сидеть здесь ему нравилось больше, чем стоять за прилавком.

— У тебя оставалось сорок два килограмма огурцов, — доложила Зулифа. — Получай восемьдесят четыре рубля.

Она выложила деньги на стол.

Масхуд опешил.

— А тебе сколько? — осведомился он. — За работу?

— Дорогой мой, — нахмурилась Зулифа. — Плохо ты знаешь наших женщин. Даже обидно. Если мужчина женат, мы его обходим стороной, аллах с ним. Но человеку, оставшемуся с детьми, не поможет только последняя дрянь. Уверена, что в ауле Шапсуг таких нет.

И Зулифа улыбнулась.

Масхуд, опорожнивший несколько бутылок «жигулевского» пива, ощутил необходимость выразить свою благодарность соседке действием. Схватив ее за руку, он начал ее тискать.

Глаза Зулифы сверкнули.

— Масхуд, — шепнула она. — Женщины нашего аула готовы на все. Но разве пивной бар — место для нежностей? И вообще у тебя есть дело поважнее...

— Какое же? — нехотя отпуская руку Зулифы, спросил Масхуд.

— Купить подарки дочерям.

Глаза Масхуда увлажнились.

— А ведь я, — вдруг признался он, — считал, что ты обыкновенная спекулянтка. Честное слово. Накажи меня аллах.

— Так многие думают, — вздохнула Зулифа. — Если бы они знали, что у меня внутри. — Во избежание кривотолков она приложила руку к высокой груди, обтянутой прозрачной кофточкой.

Подарки дочерям Масхуда отбирались долго и придирчиво. В конце концов выяснилось, что наличных денег Масхуда на все отобранное не хватает.

— Пустяки, — объявила руководившая делом Зулифа. — Добавлю. Давно уже мне хочется порадовать твоих девчушек, да обычай не позволяют. Но раз аллах предоставил мне такую возможность, не отнимай ее у меня, дорогой мой. И никогда не напоминай об этом пустяке: женщины Шапсуга никогда не были мелочными.

Они возвратились в аул затемно. Прощаясь, Масхуд долго не выпускал ее руку.

— Мне бы хотелось отблагодарить тебя, — сказал он. — Да не знаю, как это сделать, чтобы ты не обиделась.

— У меня есть одна мысль, — шепнула Зулифа.

— Говори...

— Не время сейчас, ты спешишь к дочерям, я — и своей старушке матери. Знаешь что? Приходи, когда дочки заснут, поговорим.

Вскоре после этого в доме Бороковых появилась новая хозяйка. Ее отзывчивость на майкопском рынке оказалась той наживкой, которую насаживает рыбак, чтобы поймать крупную рыбу. Осетр клюнул. И постепенно Масхуд начал меняться. У него появилось желание «сделать» побольше денег. Он расширил парники на приусадебном участке, Зулифа стала разводить кур, индюшек, закупала яйца у соседок, не успевавших ездить на рынок.

И все же не тогда дом Бороковых приобрел худую славу. Произошло это несколько позже, когда мачеха взяла с собой на базар старшую дочь Масхуда Суру. Одного дня торговли для этой девчонки, которая по общему утверждению была «вылитая мать», оказалось недостаточным, чтобы взбунтоваться.

— Больше торговать не буду... — сказала она отцу. — Стыдно драть шкуру с людей.

Вот тогда и произошел первый шумный скандал. Масхуд стал на сторону Зулифы.

— Лакированные туфли носить хочешь, — орал он во все горло, — а денешки на них зарабатывать охоты нет? Думаешь, мы с Зулифой век тебя на шею держать будем? Не хочешь ездить на базар, то и не рассчитывай ни на что. А завтра, в воскресенье, поедешь с матерью, все уже подготовлено.

Сура, конечно, поехала. А через несколько дней собрала свои вещички и объявила, что переезжает в соседний колхоз — будет там работать на птицеферме.

В тот день в доме Бороковых разразился второй скандал: Масхуд пытался удержать дочь дома, но своей грубостью лишь окончательно испортил отношения с ней. Так они остались втроем. Младшая, Габидет, еще училась в пятом классе. Она-то и стала опорой Зулифы в ее торговых делах.

— Зачем тебе, глупая, решать эти дурацкие задачи, — говорила ей Зулифа. — Со мной на базаре скорее считать научишься. Вот завесила ты кило триста двадцать граммов помидоров, сколько надо получить?

Габидет прикидывает, называет цифру.

— Глупая, — смеется мачеха. — Там учителя нет, отметку ставить не будут. Всегда добавляй пятнадцать — двадцать копеек, ведь никто не пересчитывает.

— А если пересчитают?

— Скажи, что обсчиталась, извинись.

Но обсчитывать Габидет не научилась. И к торговле не пристрастилась. И даже наоборот — тихо возненавидела эту самую торговлю как своего злейшего врага. И хотя бунтовать не рискнула, но, окончив восемь классов, поехала в город — попыталась попасть в медицинское училище. Экзамен, разумеется, не выдержала и возвратилась в аул. Было это летом, я как раз гостил у родных и стал невольным свидетелем очередного скандала в доме Бороковых. Громче всех звучал голос мачехи:

— Подумать только, такую работу нашли, а она привередничает. Да знаешь ли ты, что значит попасть в контору? Отец у председателя в ногах валялся, чтобы устроить ее, а она фыркает.

— Не буду конторской крысой, — столь же воин-

ственно выкрикнула Габидет. — И на базар больше не буду ездить. Денег полный сундук, а все им мало...

— Что ты за человек! — заорал Масхуд. — Ей хоть кол на голове теши, не докажешь. Вся молодежь теперь такая, родителей ни в грош не ставит. Сколько ты на ферме заработаешь? Вставать на рассвете придется, возвращаться будешь черт знает когда... А дома за теплицами кто будет ухаживать? Завтра же пойдешь и главбуху и скажешь, что ты согласна работать в конторе. Поняла?

— Надо мной и так все уже смеются. Не пойду в контору!

Тут воздух прорезало ядро, пущенное Зулифой.

— Так ты уважаешь родного отца? — крикнула она, и по тембру голоса можно было с уверенностью предположить, что она, произнося это, сделала рукой, а то и всем корпусом выпад в сторону ненавистной падчерицы. — Денег полный сундук! А для кого же мы стараемся, если не для тебя.

И снова грянул гром.

— Слушай же меня, Габидет, — пророкотал Масхуд. — Слушай. Завтра отправишься на работу в контору. Не сделаешь этого, убирайся на все четыре стороны.

— Отец, подумай, что ты говоришь? — воскликнула Габидет. — Ты ведь не был таким, деньги испортили тебя. Зачем тебе столько денег?

— В контору или куда угодно! — раздалось в ответ.

Габидет вылетела на улицу и остановилась. За ней вышел Масхуд. Он еще не остыл от перепалки, лицо у него было пятнистым, губы дергались.

— Счастливый ты, Киримизе, — сказал он, заметив меня. — У тебя сыновья.

— Я бы не возражал и против дочерей, — пошутил я. — Смотри, какая у тебя красавица Габидет.

— Не в красоте счастье, — буркнул Масхуд. — Еле еле восемь классов окончила... Ветер в голове, вот что у нее там.

Что-что, а оскорбление при постороннем Габидет снести не могла.

— А почему плохо училась твоя дочь, скажи и это, отец? Скажи, что она вместо школы на базаре торчала, когда другие делали уроки, она работала в твоём парнике. Так и отстала, а потом не смогла догнать...

На глазах у девушки появились слезы, она убежала.

— Вот видишь, — торжествуя воскликнул Масхуда! — Ты ей слово, она тебе десять. Ну да ладно, завтра пойдет в контору, там, слава аллаху, есть с кого брать пример. Может, заглянешь? Пропустим по станичку, а?

Я отказался. Попрощавшись, пошел своей дорогой.

— Как ты думаешь, — услышался у меня за спиной голос Масхуда, — пойдет она завтра в контору?

Я не обернулся. Зачем? Я ведь точно знал: Габидет в контору не пойдет.

Утром я уезжал из аула. Солнце уже лежало на капустных грядках. Дорога была ослепительно чистой и тихой: — в такой час ездить на машине — одно удовольствие: ни машин, ни людей. Рядом со мной сидел Алий — он решил проводить меня до первой развилки. Именно там мы и заметили тоненькую фигурку Габидет с чемоданом.

Мы, конечно, прихватили ее.

— К Суре на несколько деньков решила отправить сядь, — соврала девушка. Бедняжка даже в этом положении щадила самолюбие отца. Впрочем, какого-либо раскаяния или хотя бы сожаления о том, что произошло, ни в тоне ее голоса, ни в настроении обнаружить нельзя было.

Через некоторое время на областное радио, где я тогда работал, пришла заметка под названием, которое привлекло мое внимание. «Сестры-птичницы». Речь шла о Суре и Габидет. На душе стало легче — нашла девушка свой путь!

В тот день мне казалось, что история с Габидет окончена. Как это нередко бывает у литераторов, размышления о семье Бороковых перешли в план творческий — порой я прикидывал, куда бы мне пристроить этот сюжет. Отдельный рассказ о Габидет и ее сестре писать не было смысла, подобные «бунты» в аулах — не новость. Первый из них произошел, как утверждают старики, еще в тысяча девятьсот двадцатом или двадцать первом году. Несколько девушек бежало из аула Адабий в Краснодар, на учительские курсы. Возвратившись, они стали учить ребят в своей же аульской школе. На этом фоне Габидет, как говорят литераторы, «не играла».

И вот однажды...

Знаю, читатель, что эта фраза вызовет на твоем лице вполне обоснованную ироническую улыбку. «Однажды»... Понимаю тебя, более того, искренне сочувствую. «Однажды»... Конечно я мог бы написать «вдруг» или «как-то» или «прошло три года». Но не сделаю этого. Почему? Каверзный вопрос. Именно каверзный. Если я начну на него отвечать, я настолько отвлекусь от первоначальной темы, что могу забыть ее. Если же оставлю вопрос без ответа, это вызовет законное раздражение любопытствующего и может навлечь на меня нарекания моего начальства. Ибо на каждый вопрос надо давать четкий и недвусмысленный ответ. И никаких отклонений от этого быть не должно. Как-то наша редакция получила следующий вопрос: «Прошу срочно сообщить, какая сапожная мастерская ближе всего к моему дому. Проживаю...» Далее шли адрес и фамилия. Письмо это вызвало в редакции переполох — не ходить же в самом деле с рулеткой по маршруту: квартира спрашивающего — ремонтная мастерская. Но и не ответить нельзя, — письмо трудящегося! Начнет жаловаться, что не ответили, придет комиссия. Хорошо, если одна. Начнут копаться в ответах... И тут один сотрудник сказал: «Дайте мне письмо, я сделаю все, чтобы он был полностью удовлетворен». Дали. Он составил примерно такой ответ: «Уважаемый товарищ Н! По поводу вашего письма просим вас зайти в отдел внутренней информации в удобное для вас время. Расчет простой: до любой мастерской ему ближе, чем до редакции. Вот почему я решил на время уклониться от ответа на вопрос «почему» и продолжать свое повествование.

Так вот однажды, когда я готовил очередную радиопередачу, раздался телефонный звонок. В трубке звучал голос Алия.

— Киримизе, — кричал что есть силы мой юный друг, — ты знаешь, откуда я говорю?

— Алий, — взмолился я, — пожалуйста, не кричи так сильно, я еще не полностью оглох. Ты говоришь из автомата, который установлен между парком культуры и театром.

— Точно, — разочарованно протянул Алий. — Знает, сюрприза не вышло. К тебе можно?

— Давай.

- Но я не один.
— Приходи со всей бригадой.
— Сейчас будем.

До сюрпризов ли в наше время, когда каналы информации, можно сказать, протыкают насквозь всю нашу действительность. Еще десять дней назад я знал, что состоится областной слет руководителей школьных производственных бригад, что вызван на него и Алий, бригада которого вышла на второе место в области. Знал даже то, о чем до поры не должен был догадываться и сам герой — что его наградят ценным подарком.

Но сюрприз все же состоялся — Алий и на этот раз сумел просто-напросто прикинуться простачком. Стук в дверь, и на пороге моего кабинета Алий. А за ним...

— Габидет! — воскликнул я. — Заходи, заходи.

— Здравствуйте, дядя Киримизе, — заулыбалась Габидет. — Я не одна, с подружкой.

— И подругу давай сюда.

Она ввела в комнату такую же стройную девушку, как и сама, но только светловолосую, голубоглазую.

— Антонина, — представилась подружка Габидет и густо покраснела.

— Вы работаете вместе? — спросил я, чтобы разрядить обстановку, сделать ее более непринужденной.

— Ага, — подтвердила Габидет.

— Ну, как там ваши цыплята?

Габидет хихикнула, а Антонина покраснела еще гуще.

— Это я виноват, — хмыкнув, произнес Алий. — Габидет уже более двух лет на другой работе. Антонина и Габидет приглашены на наш слет — они должны рассказать о своей ферме. По этому случаю у них досрочно приняли последний экзамен.

— Где же вы учитесь, землячки? — заинтересовался я. Короткая реплика Алия содержала много намеков и дала мне ясно понять, что я отстал от некоторых событий.

— Мы вместе окончили вечернюю школу, — тихо доложила Антонина. — Хотим вместе поступить на вечернее отделение сельхозинститута.

— Поздравляю! Молодцы! А как дела на ферме?

— План первого полугодия, — это опять заговорила Антонина, — выполнен на сто сорок один процент, от

каждой свиноматки уже получено по четырнадцать поросят. С откорма снимаем животных средним весом в сто двадцать килограммов.

Я растерянно взглянул на Алия, но он предусмотрительно отвернулся к окну: выпутывайся, мол, сам как тебя вздумается. Но попробуй выпутаться. В начале этого рассказа я отказался от описания различий между аулом, селом или станцией. Теперь приходится частично нарушить собственную установку. Дело в том, что адыги — мусульмане. Религиозные правила предусматривают для «правоверных» различные запреты — среди них на первом месте вино и свинина. Свинья, согласно мусульманской догме, животное нечистое, мусульманин не имеет права не только есть свинину, но и заниматься свиноводством. Верующих в аулах осталось очень мало, но отвращение к свинине как таковой, да и к свинье, привитое веками, преодолеть не просто. Вот почему эта прибыльная отрасль животноводства в аулах прививается крайне медленно. Специализация, осуществляемая в последние годы, направила внимание адыгов на развитие овцеводства и молочно-мясного животноводства. И это, в общем, верно — зачем навязывать дело, к которому не лежит душа. Но все же каждая весточка о создании свинофермы в ауле воспринимается как победа нового. Я лично был знаком со знатым адыгейским свиноводом Цыргоем. По его рассказам знал, что большинство его земляков относится к свиноферме довольно равнодушно, но, в угоду некоторым старикам, высказывается против нее. Случалось, что религиозные фанатики грозили Цыргою. Как-то на его ферме возник пожар. Следственные органы установили, что имел место поджог.

Так обстояло дело со свиноводством. Как же могло случиться, что я проморгал создание свинофермы в одном из аулов? Это было невероятно. Такого промаха я бы себе не простил. Но тут вспомнил, что сам когда-то привез Габидет в аул, в котором была свиноферма. Теперь все становилось на свои места, кроме одного — как могла оказаться среди свинок адыгейка? Такого случая в области еще не знали. Я попросил Габидет кое-что припомнить.

— Начала я работать вместе с сестрой, — рассказывала она, — на птичнике. Осенью пошла в вечернюю школу. Там оказалась за одной партией со свиноводкой

Тоней. Я приотстала, Тоня помогла мне, постепенно мы сдружились. Она ходила к нам в гости, я — к ней. Приходилось и на свиноферму заходить. А когда подруга работает, неудобно стоять без дела. Увидела я, что поросята очень забавные, а свиньи хорошо усваивают распорядок дня. Научилась ухаживать за ними. Конечно, об этом никто из наших не знал. Впрочем, я говорю неправду, один человек знал, шофер Шумаф. Он привозил корма. Заметив меня там, как-то странно поглядел, но ничего не сказал. Потом всегда приветливо здоровался.

— А у меня произошло несчастье, — вмешалась Антонина. — Получила телеграмму, что заболел братишка. Надо было съездить в родное село, да ферму не на кого оставить. Обратиться к Габидет не рискнула — понимала, чем это может обернуться для нее. Сижу, плачу. Братишка только из армии возвратился, не видаю его около трех лет. Вот так. А Габидет говорит: «Если ты, Тоня, на несколько дней, то я смогу... Сестра одна на птичнике побудет, а я здесь. Никто и не узнает...» И я уехала. Думала, обернусь за трое суток, только вдруг сама прихворнула. А тут на ферму какая-то комиссия нагрянула.

Она умолкла. Продолжать эту занятую историю должна была Габидет, но она смущенно молчала. Пришлось вмешаться Алию.

— Скандальчик разразился будь здоров, — уточнил он. — Габидет онемела от страха. К счастью, на месте оказался Шумаф. Он сказал, что Антонина уехала на несколько часов. Но все равно по аулу пошел слух, что адыгейка возится со свиньями.

— А я сказала: мне чихать на всякие предрассудки! — вдруг выкрикнула Габидет. — Я комсомолка, понятно? Я неверующая! Свиноводство — очень прибыльная отрасль, но одной Тоне здесь трудно. Если дать ей помощников, то колхоз большую прибыль получит. А мы все муллу слушаем. Пошла к секретарю парткома и сказала, что готова пойти к Тоне в помощницы. Вот и все!

— Если бы все, — снова заговорила Антонина. — Слух о наших делах дошел до Шапсуга. Отец Габидет примчался на своих «Жигулях». Примчался и начал требовать, чтобы Габидет бросила работу. «Ты опозорила весь наш славный род, — кричал он. — Теперь

люди со мной здороваться не желают». А Габидет только плакала. Наконец он спросил, чего она плачет. Она говорит: «Плачу я, отец, оттого, что ты ничего не понимаешь». — «Что же это я не понимаю, а ты понимаешь?» — спросил он. Габидет ответила: «Ты не понимаешь, почему с тобой не здороваются люди, отец. Ты стал плохо работать в бригаде, погряз в приусадебном участке, спекулируешь овощами. Люди поэтому перестали уважать тебя. Мачеха научила тебя жадности. При матери ты был совсем другим человеком. Одумайся, отец, еще не поздно».

Такой у них шел неприятный разговор. И тогда отец выкрикнул ей самое оскорбительное. Он сказал, что ее ни один адыг не возьмет замуж, кому, мол, нужна жена, пропахшая свиньями. Тут как раз и подошел к нему Шумаф.

Девушки переглянулись и враз расхохотались. Что сказал Масхуду Борокову по поводу замужества Габидет красавец Шумаф — остается лишь догадываться. Впрочем, думаю, что это не столь уж сложно, тем более что при последних словах Антонины Алий нахмурился и снова отвернулся к окну: в таком возрасте подростки очень ревнивы.

— А почему вас пригласили на слет школьных бригад? — спросил я.

— Ты и этого не знаешь? — обрадовался Алий. — Чем вы тут занимаетесь? — Он картинно пожал плечами. — Над этой свинофермой вот уже почти год шефствует восьмой класс средней адыгейской школы. Эти сосунки решили посвятить себя свиноводству.

— А что же их родители?

— Э, — пренебрежительно протянул Алий. — Что родители... Покричали, кто сколько хотел, и успокоились. Все родители и все дети, Киримизе, одинаковы, неужели ты этого еще не усвоил?

Девушки поднялись. Пришлось оставить насиженное местечко у окна и Алию.

— Значит, можно вас ждать? — робко спросила Габидет.

— Где? — не понял я.

Подружки снова расхохотались.

— Главного-то мы и не сказали, — проговорила Антонина. — Хотим вас на свадьбу пригласить. В ближайшее воскресенье. Приедете?

— А кто женится?

— Женятся, — откликнулась на этот раз Габидет, — двое: Шумаф и его лучший друг Тембот, наш зоотехник.

— Они поручили нам передать, что мы все очень обидимся, если вы не приедете.

— Не в моих правилах обижать молодежь, — скавал я. — Конечно, буду.

Когда они вышли, я попытался как-то сосредоточиться, успокоиться.

«Ну, с чего это ты так разволновался, — говорила тебе, — все правильно. Адамийские девушки воевали с шариадом и вековыми предрассудками, наши, современные, продолжают эти традиции на новом уровне».

И сделал вывод: надо поскорее писать о том, что еще отличает аулы от сел. Ибо с каждым днем этих различий становится все меньше.

Месть Тлехузана

Год назад или около того мне, как величайшую новость, сообщили, что Тлехузан оставил пасеку.

Пасека без Тлехузана. Мыслимо ли это? Он ее создал, сделал одной из лучших в Адыгее, вдвоем с помощником Махмудом приносил больше дохода, чем целая овцеферма.

В первый момент я подумал, что старику здорово надоели представители, приезжавшие за опытом чуть ли не каждый день. На профессиональных пасечников Тлехузан не пенял, кстати, и приезжали они крайне редко, — с ними бы он нашел общий язык. Чаще всего прибывали представители, прямого отношения к пчеловодству не имевшие. Бросив беглый взгляд на улья и записав в блокнот что-то о количестве пчелосемей, они охотно принимали обязательное, предусмотренное адыгейским этикетом предложение перекусить и в этом деле проявляли глубокую осведомленность. Что же касается роения или зимовки маленьких тружениц, то по этим вопросам они бросали, не краснея, реплики невпопад. Перед отъездом их водители недвусмысленно намекали на то, что неплохо бы вручить начальству для более

углубленной дегустации с десяток килограммов меда в двух разных посудинах.

После каждого приезда этих липовых пчеловодов Тлехузан заявлял председателю, что бросит пасеку. Понимавший юмор Асланук успокаивал Тлехузана тем, что обещал выделить специальные фонды меда и других припасов «на представительство».

Причина ухода Тлехузана с пасеки оказалась куда серьезней. Как выяснилось, старик оглох.

Первое время он пытался скрывать этот недостаток. Да ведь шила в мешке не утаишь. Поначалу его выручал помощник. Если кто-либо из начальства появлялся на пасеке, Махмуд говорил, что «сам» прихворнул и отвечал на все вопросы. Но как-то в колхоз прибыл важный представитель из области, он серьезно изучал постановку пчеловодства в колхозах. Ответы помощника его не удовлетворяли, он настаивал на встрече с Тлехузаном.

— Мне совсем не обязательно ходить с ним по пасеке, — заметил представитель. — Я много хорошего слышал о вашем старике и хочу с ним встретиться, просто поговорить откровенно. У таких людей можно почерпнуть кое-что полезное. Извинитесь перед ним за мою настойчивость, надеюсь, он, как истинный пчеловод, поймет нашу общую заинтересованность.

И председатель, видевший Тлехузана в полном здравии лишь нынешним утром, не замышляя ничего худого, повел гостя к нему домой. О недоразумениях, которые затем произошли, он рассказывал мне с добродушной, немного виноватой улыбкой. Разумеется, передать все, как было, он не мог — слишком уж неожиданным было несоответствие между вопросами представителя и ответами Тлехузана. Такое нарочно не придумаешь.

Тлехузан принял гостей в кунацкой. Чтобы как-то оправдать свое отсутствие на работе, он повязал голову полотенцем, это придавало ему унылый больничный вид.

Когда старушка Гошевнай внесла поднос с традиционными угощениями, гость сказал:

— Стоило ли беспокоиться, метр? Могли бы и так поговорить... Я столько слышал о тебе и твоём мастерстве, что не мог уехать, не повидавшись с тобой.

Он цапнул это слово, «метр», в какой-то французской книжонке и награждал им всех, кто был старше его по должности или возрасту. В городе с этим свыклись; а в аулах порой случались недоразумения. Тут, впрочем, на «метра» никто не обратил внимания — председатель, присматривавшийся к хозяину, пропустил мимо ушей, старушка Гошевной вообразила, будто речь идет о лесе для ульев, а сам Тлехузан вообще ничего не разобрал. Для того чтобы он что-нибудь услышал; надо было очень громко кричать ему в самое ухо. Но так как гость обратился непосредственно к нему, вконец растерявшийся Тлехузан заулыбался и неопределенно кивнул головой.

До конца обеда за столом царил мир и согласие: гость похвалил кулинарное искусство хозяйки и говорил комплименты Тлехузану — видимо, он не зря вступил на этот путь.

После обеда Тлехузан повел всех в сад. Вообразив, что главное испытание позади, он даже сдернул с головы полотенце. Швырнув его на диван, крикнул что есть силы:

— Не к лицу человеку болеть, когда в доме такие почетные гости.

В беседе разговор начал представитель. Он сообщил хозяину, что готовит не только соответствующее постановление по пчеловодству, но и очень рассчитывает на помощь такого опытейшего практика, как Тлехузан. Улыбнувшись, гость добавил: не исключено, что потом он напишет на эту тему диссертацию и укажет роль, которую сыграл в обогащении пчеловодческой науки Тлехузан.

Сказав это, гость устался на хозяина. Но тот молчал. Глухой со стажем, быть может, и догадался бы, о чем идет речь, по движению губ. Но на этот счет у Тлехузана никакой практики еще не было. Он силился разгадать, чего от него хотят, но даже приблизительно не представлял этого. И потому молчал.

Зная манеру стариков не открывать рот без крайней нужды, гость принял молчание за знак продолжать. Он стал объяснять, какие именно наблюдения и находки старика могли бы сейчас особенно пригодиться.

Так как дальше молчать уже было неудобно, старик приветливо улыбнулся и выкрикнул:

— Интересно...

И тогда гость, достав толстый блокнот и четырехцветную шариковую ручку, спросил:

— В каких условиях происходит наиболее интенсивное роение? Без науки, без книжек, метр, только из ваших наблюдений.

Напряженно вслушивавшийся в речь гостя, Тлехузан не понял ровно ничего. Конечно, у него имелись свои наблюдения по интересовавшему гостя вопросу, он бы сообщил ему много интересного, если бы представлял, о чем его спрашивают. Но темы разговора старик не уловил. Более того, он решил, что ему задают традиционный вопрос о доходности пасеки. Поэтому, пододвинувшись к гостю, гаркнул:

— В прошлом году чистая прибыль от пчеловодства составила пятьдесят одну тысячу рублей.

Лицо гостя вытянулось, глаза выражали недоумение. Тлехузан решил, что ему не верят.

— Аллах свидетель, — крикнул он, — что я говорю правду. Если не веришь, спроси у председателя, у него в голове вся наша бухгалтерия помещается. Что же ты молчишь. Асланук, скажи товарищу, что я уже вышел из того возраста, когда люди врут.

— При чем тут доходы, — возразил ничего не подозревавший Асланук. — Это известно всем. Расскажи гостю хотя бы то, что ты рассказывал в прошлом году хлопцам из Кошехабля. Они просто глаза таращили.

— Вот-вот, — обрадовался этой поддержке гость. — Я в своем труде обязательно укажу поддержке гостя. Я в своем труде обязательно укажу источник — в сноске будет значиться ваша фамилия, это очень почетно.

Тлехузан решил, что вопрос о прибылях улажен. Обычно его затем спрашивали о способах хранения меда: как сделать так, чтобы он не засахаривался и не терял свой специфический запах? И он заговорил об этом.

— Для хранения меда мы своими силами изготовили специальные емкости. Если ты был на пасеке, то видел их. Хитрая штука: вроде все просто, а мед может стоять хоть сто лет.

Гость старался сохранить самообладание, но это оказалось ему не под силу. Он бросил на председателя негодующий взгляд и нервно пророкотал:

— Не об этом сейчас речь, метр, меня интересует роение. Роение, понял, метр, вот что меня привело к вам. Если вы поделитесь своими находками, я буду

очень признателен. От этого выиграют наука и практика. Жду.

Тлехузан наконец-то смекнул, что сморозил что-то не то. Но как поправить дело? Допустить, чтобы гость ушел обиженным из его дома? И он решил признаться в своей глухоте.

— Пусть дорогой гость, — сказал Тлехузан, поднимаясь, — меня извинит, если я что-нибудь не то сказал — я ведь в последнее время очень плохо слышу. Глухим стал, вот что...

Гость тоже поднялся.

— Понятно, — пропел он. — Все ясно, метр. Как дело до роения — метр становится глухим. Спасибо за гостеприимство. Да, вот что, — обратился он к Аслану-ку. — Мне кажется, что у вас застаиваются кадры. Пора уже выдвигать молодежь. Махмуд давно вырос, подыщите ему помощника.

Так Тлехузан стал пенсионером. Разумеется, он каждое утро отправлялся на пасеку и продолжал работать, но уже, так сказать, на общественных началах.

Но не это беспокоило старика. Обидно было, что он не слышит голосов своих старых друзей, не разбирает даже того, что бормочет его Гошевной. Впрочем, она еще как-то ухитрялась втолковывать ему свои наставления. А вот что говорят друзья, Тлехузан не знал. Чтобы проверить свои возможности, он однажды включил репродуктор на полную мощность и приблизил его вплотную к уху. Кое-что разобрал. Но тут в комнату, совсем не кстати, ввалилась жена.

— Ты что, старик, в репродуктор влезть решил? — засмеялась она и сделала такой жест рукой, что у Тлехузана отпала охота экспериментировать.

Как-то на рыбалке мы с Алием оказались рядом с Тлехузаном. Он подошел ко мне, что-то собрался было сказать, но махнул рукой.

— Хотел что-то спросить, — вздохнул старик, — да какой в этом толк — ответа все равно не услышу.

— Давайте я буду вашим переводчиком, — вдруг предложил мой юный друг. — Я на полном серьезе. Пускай он спрашивает, а твои ответы я в сокращенном виде буду записывать и передавать ему: читать-то он малость умеет.

Тлехузану этот способ переговоров ужасно понравился — старик необыкновенно оживился. Алий сбегал

за тетрадь, и беседа началась. Тут уж не до рыбы — клевала она или нет, этого никто из нас так и не узнал. Зато наговорились вдоволь. Под конец Тлехузан достал из кошелька металлический рубль и протянул Алию.

— Дорогой мой, купи, пожалуйста, на все деньги тетрадей и в свободное время приходи помогать мне разговаривать. Аллах тебя не забудет.

Алий же и вычитал где-то необыкновенную новость об очках, которые возвращают слух. С журналом, в котором было напечатано это сообщение, он явился к Тлехузану. Старик прочитал заметку раз, потом еще раз, потом хлопнул Алию по коленке и расхохотался.

— Врут же... Очки на ухо, что ли, надевать надо? «Это серьезно», — написал Алий.

Вскоре старик съездил в Майкоп. Жене и друзьям сказал, что видеть стал хуже, попробует заказать очки. Но в областном центре тогда не было специалистов по изготовлению «очков, которые бы помогали слышать». Впрочем, врач написал что-то и, пользуясь специальной трубкой, пояснил Тлехузану, что по этой бумажке ему могут сделать чудо-очки в Москве. Если есть там знакомые, пусть пошлет им эту бумагу.

— Знакомые! — ахнул Тлехузан. — У меня внук в Московском университете. Родной внук. Казбек. Разве ты не знаешь Казбека?

С помощью Алия было составлено письмо студенту. Заклучалось оно строгим предупреждением: хранить операцию «очки» в строжайшей тайне — на тот случай, если они все же не помогут.

Становиться еще большим посмешищем в глазах родни и друзей Тлехузану очень не хотелось.

Прибывший на зимние каникулы студент подал деда знак, означавший, что все в порядке. Вскоре они уединились, и Казбек, надев на деда очки, заложил какую-то проволочку в ухо. В тот же миг Тлехузан услышал его голос: «Ну, как?»

— Не верил... все не верил... Теперь верю, — сказал старик и прослезился.

— Во что же ты не верил? — заинтересовался Казбек.

— Сказать тебе всю правду? Скажу, ты это заслужил. Ни во что я не верил. Не верил даже в спутники, — признался Тлехузан. — Только ты никому не говори, я уже верю. Я слышу, дорогой, слышу, значит,

все, возможно. Пойдем, послушаю, что там плетет обо мне твоя бабушка. Небошь пользуется моей беспомощностью, как ты думаешь?

— В твои семейные дела, дедушка, вмешиваться не могу, их ты решаешь самостоятельно. Только учти — побольше выдержи. А я пойду в клуб.

Гошевной сразу же заметила, что ее муж вошел в комнату в новых очках.

— Мой глухарь совсем выжил из ума, — обратилась она к соседке, сидевшей в комнате. — То одни очки покупает, то другие. Смотри, подошел к зеркалу, как та обезьяна, и разглядывает себя. Ну и ну.

Тлехузан подошел к зеркалу, чтобы женщины не видели его лица и не догадались, что он все слышит. На жену он не сердился — знал, что говорит все это не от злости, а по бабьей слабости на язык. «Это еще ничего, — думал он, — это можно стерпеть. Бывает и хуже...»

— Отчего он оглох? — спросила соседка. — Мой тоже порой ничего не слышит, но мне кажется, будто он прикидывается, чтобы я побольше молчала. А с кем же мне разговаривать, если не с ним?

Забывшись, Тлехузан неосторожно включил радио. Как раз исполнился зафак Хагауджа, — его любимая мелодия. Старик просиял. Сколько раз мечтал он еще хоть раз услышать этот зафак и вот — слушает.

— Смотри, — заволновалась вдруг Гошевной, не спускавшая глаз с мужа. — Что это с ним? Ведь он слушает...

— Слушаю, старуха, — гаркнул Тлехузан. — Не мешай, потом наболтаешься... Или ты оглохла?

Гошевной, наоборот, показалось, будто она слышит то, чего нет на самом деле.

— Ты... ты... все слышал?

Удивленно ее не было предела.

Много в ауле было разговоров о необыкновенных очках Тлехузана, они и сейчас еще идут. А вот о главном событии, связанном с ними, мало кто знает. А ведь оно произошло, можно сказать, на моих глазах.

Однажды старик появился в Майкопе.

— Киримизе, — сказал он. — Я очень зол на одного человека. Год назад к нам приезжал главный областной пчеловод, Аскер. Он просил меня рассказать кое-что

нужное ему, а я по глухоте ему всякую чепуху болтал. Он обиделся и велел снять меня с работы. Теперь хочу ему отомстить.

Старик не слыл у нас злопамятным, и меня заинтересовало — как же он отомстит Аскеру.

Пройдя полтора квартала, мы оказались в нужном здании. Постучались, вошли. Аскер, беседовавший с одним из своих работников, поднялся, пожал Тлехузану руку, усадил его, предложил стул мне и сказал:

— Мы, Киримизе, сейчас закончим, и я к вашим услугам.

Затем обратился к сослуживцу:

— Продолжай, это писатель, при нем можно. А старик глух как пень, при нем хоть из пушек бей, глазом не моргнет. Я однажды напоролся. Сперва подумал, что он меня разыгрывает, теперь даже стыдно в глаза ему смотреть.

Если бы Аскер взглянул при этих словах на Тлехузана, он бы заметил, что старик не только заморгал ресницами, но и дернулся, будто его укололи. Быть может, это мимолетное признание сильно повлияло на его замыслы.

Когда мы остались одни, Аскер спросил:

— Что случилось, дорогой? Кому я понадобился тебе или этому ветерану?

Я многозначительно моргнул Аскеру, но он не понял намека.

— Оставь эту дурацкую щепетильность, дорогой, я ведь глубоко уважаю этого старца. Клад, а не старик, другого такого во всей Адыгее не сыщешь. Но что поделаешь, если метр потерял слух. Конечно, не надо было снимать его с пасеки, погорячился я, да ведь и молодежи пора дорогу уступать. Что же, он до сих пор обижается?

— Уже не обижаюсь, — ответил сам Тлехузан.

Аскер заерзал на стуле, Я засмеялся и сказал:

— Надо понимать намеки, ведь я моргал тебе.

— Уже не обижаюсь, — повторил Тлехузан. — И все же хочу тебе отомстить за твой неправильный поступок. Асланук сказал мне, будто ты спрашивал меня насчет роев. Беру ручку, дорогой, пиши. Спрашивай и пиши, все скажу. И указывать в книге меня не надо, мне это ни к чему.

— Ну, уж это — обязательно, — вздохнув спокойней,

заметил Аскер. — Какой же это научный труд, если в нем нет ссылок и сносок?

— Ладно, — согласился Глегузан. — Если это обязательно, напиши: сведения сообщал глухой тетерев...

Пузырь, переполненный медом...

Должен признаться, что пузырь, о котором идет речь в поговорке, мне так и не довелось увидеть. Когда-то, давным-давно, адыги хранили мед не в гончарной посуде, а в пузырях, которые, в отличие от бурдюков, не отличались особой прочностью. Услышал я эту поговорку от одного из своих соседей, славного старика Бахчерия. Это был человек, честность которого могла бы войти в хрестоматию. По этой причине он много лет назад получил должность заведующего продуктовым складом. Бахчерию сдавали на хранение все, что могло возбудить чью-либо алчность. Мед, брынзу, масло, сыр, баранину, шерсть, яйца, фрукты, соленья и много другого лакомого добра он хранил так, что ни об усушке, ни об утруске, ни о каких-либо случайных «разбило», «вытекло», «крысы испортили» и прочее в правлении и не слыхивали. Крысы в его хранилищах не водились, а друзья молодости, надеявшиеся извлечь некую выгоду из служебного положения Бахчерия, довольно быстро поняли, что надеждам этим осуществиться не суждено.

Но имелось у моего честнейшего соседа уязвимое место — он старался не впутываться в дела начальства. Наряд оформлен по всем правилам — получай, что написано. Иной раз отпускает продукты для пропитания делегации, которой не было в тот день и не ожидалось в ближайшем будущем, и хмуро брякнет получателю:

— Имей в виду, переполненный медом пузырь лопнет...

В наши дни это именуется просто-напросто беспринципностью, но тогда редко кто вмешивался в общее-то законные распоряжения начальства. Вот почему даже смутный намек Бахчерия в виде поговорки воспринимался как бунт. И — как напоминание. Напоминание о том, что председатели, запускавшие руку в общест-

венные кладовые, довольно быстро уступали свое место другим.

Услышать эту знаменитую и, я бы сказал, вещую поговорку из уст самого Бахчерия мне посчастливилось через несколько лет после войны. Встретившись неподалеку от его и в то трудное время довольно обильных закромов, мы мирно беседовали, как вдруг его окликнули.

— Эй, купец, не прогуливай, отпуская товар, — раздался чей-то голос.

У склада стоял заместитель председателя колхоза.

— Вот, дорогой, накладная, быстренько все приготовь. Сейчас подъедет на машине представитель геолого-разведочной партии, распишется и заберет продукты.

Выписано было не мало всякой снеди. Взвешивая то одно, то другое, Бахчерий недовольно поглядывал на двери.

— Так и знал, — гневно воскликнул он, увидев у входа машину заместителя председателя райисполкома. — Сегодня он георазведчик, вчера был строителем дорог, а завтра научным работником или писателем делается.

— Ты, старик, поменьше бы болтал, — отозвался шофер начальника. — Наше дело телячье, понял?

— Молчал бы ты, наглец, — взорвался Бахчерий. — Сосете колхоз, сосете, и никакой совести. Но передай своему начальнику: пузырь, переполненный медом, лопается...

— Дождешься, батя, переведут тебя на вывозку навоза, — угрожающе заметил шофер.

Но Бахчерий остался на месте, с работы же было снято начальство, перепутавшее свой карман с колхозным. У меня всегда было такое чувство, будто к смене вороватых руководителей как-то причастен и кладовщик, что его беспринципность — лишь маска. Но доказательства на этот счет никаких не имелось.

Потом с приходом последнего и ныне здравствующего председателя Бахчерий позабыл свою мрачную поговорку. Люди получали то, что положено по решению общего собрания, никто не совершал никаких попыток взять лишнее. Особенно шепетилен в этом отношении был сам председатель. Помню, как-то Асланук ехал в областной центр и попутно прихватил меня. На зад-

нем сиденье тарактели бидоны, в каких обычно домохозяйки держат растительное масло. Колхоз уже несколько лет сдавал подсолнечник сверх плана и в кладовой Бахчерия масла имелось в недостатке, его выписывали каждому колхознику без ограничения по установленной правлением цене. Непонятно, зачем вез он в город пустые бидоны. Об этом я и спросил Асланука.

— Биба просила купить масла. У нас, понимаешь, почти ежедневно гости бывают, все любят жареное, положенной на год порции не хватает.

— Позволь, Асланук, но ведь на складе этого добра сколько угодно. Бахчерий даже высказал опасение, что до нового урожая люди не раскупят его.

— Может, и не раскупят, вполне вероятно. — согласился председатель. — Ну, а если раскупят? Если кому-либо не достанется в последний момент двух литров масла, что тогда? Вот, скажут, председателю так хватает, а нам, рядовым, так шиш. Ведь скажут же, Киримизе. Ну, честно?

— Очень немногие, — возразил я. — Один из пятидесяти, не больше.

— И с этим согласен, — грустно вздохнул Асланук. — И можешь не сомневаться, что как только будет продан последний литр, этот самый «один из пятидесяти» явится в правление и потребует масла. И поднимет скандал: почему начальству раздают последнее, почему рядовых не предупреждают... А потом начнет рассылать анонимки. Уж лучше заплачу за масло или колбасу по городской цене. Дело, конечно, не только в анонимках и проверках, связанных с ними, дело и в сути. Крошки не возьму сверх положенного. Баранину из города привожу.

— Но ведь люди этого не знают.

— Киримизе, — уж совсем грустно проговорил он, — неужели ты мог подумать, что я это делаю для людей? Или для того склочника, «одного из пятидесяти»? Это ты зря...

Тогда я рассказал я Аслануку о поговорке Бахчерия, добавив, что уже давно никто от него ее не слышал.

— Вот кого нам особенно будет жаль отпускать на пенсию, — заметил Асланук. — Уже сейчас присматриваюсь к школьникам. Подходящих много, но кто же в наши дни согласится стать кладовщиком?

А совсем недавно повстречал я Бахчерия. Поздоровавшись, стал расспрашивать о здоровье, о жене, о работе. Почувствовав по краткости и неопределенности ответов, что у него не все ладно, извинился и стал прощаться, как вдруг услышал:

— Что говорить, Киримизе, давно известно, что переполненный медом пузырь лопается. Вот он и лопнул... Пойдем ко мне, хоть душу отведу.

У меня, правду говоря, сердце дрогнуло: неужели Асланук? Нет, этого быть не может, за Асланука ручаюсь своей головой. Кто же? Не мог споткнуться я Гарун. А если с председателем и секретарем парткома все в порядке, никто не посмеет нарушать установленный порядок. Где же прорвало этот проклятый пузырь с медом?

Оказалось, что беда подстерегла Бахчерия там, откуда он ее ждать не мог. Есть у него единственный сын, Челемет. Лично я с ним мало встречался — разница в возрасте сказала. Когда возвратился с войны, он совсем мал был, потом я уехал в город. Знаю, что Челемет окончил что-то механизаторское, руководил тракторной бригадой, был выдвинут на должность заместителя председателя, а потом и председателя сельсовета. Здесь не плохо проявил себя и был взят в районный центр. Там женился, получил хорошую квартиру, пользовался уважением. Все это я, разумеется, слышал от земляков. Не раз гостил он у родителей. Мать Челемета гордилась дорогими подарками, которые привозил сын, и когда отец бурчал, что мальчишка слишком много денег тратит на пустяки, видимо, отрывает от себя последнее, успокаивала его:

— Живут хорошо, мы с тобой никогда так не жили.

Она несколько раз бывала в гостях у сына. Возвратившись, передавала большой привет мужу и добавляла:

— Очень обижается сынок, что ты у него еще не побывал.

И вдруг аул облетело известие: в праздник в районном центре состоится скачки. Почти все старики загорелись: «Поедем!» Захватило дыхание и у Бахчерия. В молодости он и сам, бывало, брал призы. Думал, что сын отличится на этом же поприще, но Челемета вынес в гору совсем другой скакун. Особенно обрадовалась его намерению жена.

— У нашего Челемета будет двойной праздник, — сказала она. — Веди к нему всех своих друзей.

— Поймай индейку, — велел жене Бахчерий, — я зарежу ее. А может, баранчика прихватить? Такую уй-му народу угостить не так просто.

Но жена стала просить Бахчерия отказаться от этого — сын предупреждал, чтобы ему ничего не возили, всего у него в избытке.

— Индейка еще никому не казалась лишней, — ответил мудрый кладовщик, — уж поверь моему опыту. Насмотрелся я на всякое до прихода Асланука. Со мной ведь человек пять-шесть явятся.

Челемет встретил стариков на автобусной остановке, сообщил, что до начала праздника еще много времени и повел всех домой. Угощение выставил отличное. В хорошем настроении все вместе отправились на скачки. Тут они получили полное удовлетворение — главный приз оказался у паренька из их аула. Затем Челемет снова повел их к себе. К этому времени стол был снова накрыт. Кроме известных адыгам блюд, здесь красовались ананасы, лимоны, какие-то пестрые заморские рыбки, икра. Поговорили, закусили и стали собираться в путь. Тут Челемет и говорит:

— Дорогие гости и ты, мой отец, зачем вы так торопитесь? Оставайтесь еще на несколько дней, мы с женой будем очень рады.

Старики поблагодарили за приглашение и угощение, и один из них сказал:

— Мы уедем со светлой памятью о хозяевах, а что касается Бахчерия, то думаем, что он должен принять приглашение сына.

— А как же кладовая? — заволновался старик.

— Завтра тоже праздник, а мы передадим твоей старухе и председателю, что ты задержишься на несколько дней. Если уж что-то приключится особо срочное, Асланук пришлет за тобой машину.

Так его уговорили погостить у сына. И он остался. Человек, скромный в своих потребностях, всегда точно соизмерявший их с фактическими возможностями, он никогда не гонялся за «нужными людьми», за теми, кто любил пустить пыль в глаза. И когда сын угощал своих гостей, Бахчерий думал: «Зря послушал я старуху, сын, наверное, на эту встречу ухлопал всю месячную зарплату. На что завтра жить будет?»

На следующий день, проснувшись по привычке с солищем, он внимательно оглядел комнату, в которой ему постелили. Здесь же вчера принимали гостей. Только теперь понял он, что в таких богато обставленных квартирах ему еще не приходилось бывать. В их ауле самые расторопные не могли позволить себе такой роскоши. На полу и стенах — ковры тонкой выделки, цены им нет. В серванте — горы разной посуды, много хрустала. Сам сервант, как и остальная мебель — из дорогого красивого гарнитура. Закурив свою трубку, Бахчерий занялся арифметикой. И она его сильно огорчила. По его подсчетам получалось, что зарплаты, которую вы платили его сыну со дня переезда в райцентр и по сей день, не хватило бы даже на половину обстановки только одной этой комнаты.

Мрачные мысли роились и не давали покоя. Думалось, что, не желая отстать от товарищей, сын залез в долги. Надо, думал старик, осторожно его расспросить и, в случае чего, помочь: у него имелись сбережения.

Но вдруг Бахчерия осенило: приданое! Как он сразу не сообразил, старый дурень, выругал он себя. Ну, конечно, отец жены его сына был не простым смертным, вот мать ее и решила создать им уютное гнездышко. Переборщила, правда, сильно, но ведь любовь слепа. Каждому хочется, чтобы дети жили хорошо, ни в чем не знали нужды. Но, видно, и в этом следует знать меру — добытое своим трудом дороже ценится.

На завтрак было подано так же много всякой снеди, как и вчера, при гостях. После завтрака, когда отец с сыном расположились на тахте для разговора, невестка стала убирать со стола. Недоеденные куски мяса и хлеба она свалила в помойное ведро. Туда же пошел и салат, к которому никто и не притрагивался. Бахчерия покорило: не сон ли это? Оказывается, помощь матери невестки привела к тому, что молодые стали беситься с жиру. Кто же выбрасывает такую пищу... А хлеб... Они со старухой каждый оставшийся кусочек сушили и пускали в пищу или давали птице. Ведь это же ХЛЕБ!

При всем раздражении старик сумел сдержать себя, — гость есть гость, — и лишь когда невестка вышла с ведром, спросил, что они делают с этими остатками.

— Скоро подъедет специальная подвода для сбора мусора, — ответил сын. — Вынесем, чтобы дома не вошло. Это у нас налажено.

Около девяти утра со двора стали доноситься сигналы автомашины.

— Этот осел опять будоражит всю улицу, — недовольно поморщился Челемет. — Никак его к порядку не приучу — приехал и жди, стой, не на сковородке сидишь.

— Тебе на работу, — забеспокоился отец. — Не задерживайся из-за меня, нехорошо опаздывать. Лучше уж прийти пораньше.

Челемет снисходительно засмеялся.

— Пораньше, отец, пусть приходят подчиненные. А начальству зачем спешить? Так можно и авторитет свой подорвать.

В это время в дверях комнаты появился пожилой человек.

— Челемет Бахчериевич, — сказал он, поздоровавшись, — машина подана.

— Слышу, что подана... Сигналишь как ненормальный. Иди в машину и жди. Подожди, заверни на кухню, возьми ведро с мусором, сейчас возчик появится...

Шофер ушел.

«Да, разговор с сыном предстоит серьезный, — подумал Бахчерий, — и затевать его теперь не следует. Поговорю вечером, когда придет с работы».

Вскоре он остался дома один — невестка ушла по своим делам. Вдруг раздался стук в дверь.

— Открыто, заходи пожалуйста, — крикнул старик и направился в переднюю.

Какой-то мужчина внес два ящика, вышел и возвратился с мешком. Поставив его, направился к выходу.

— Что это, для кого? — поразился старик.

— Челемет тут живет? — спросил мужчина. — Это для него.

С этими словами носильщик исчез.

Бахчерий перенес ящики и мешок в кухню и стал разглядывать их содержимое. В ящиках были напитки, лимоны, яблоки, в мешке оказалась целая баранья туша. Под ней лежали две крупные индейки.

Через час или полтора пришел сын.

— Там тебе что-то принесли, посмотри на кухне, — сообщил Бахчерий.

— Неплохо, — отозвался Челемет. — Пригодится в хозяйстве.

— Кто тебе это прислал, сын? — спросил старик. — Неужели все это тебе дает мать твоей жены?

— Мать жены? — удивился Челемет. — Теща? Что ты, отец, это бедная вдова, она живет на свою пенсию, мы ей помогаем, чем можем.

— Тогда... — Бахчерий совсем растерялся. — Тогда откуда у тебя все это? — Он указал на мебель. — Откуда все это? И эти ящики?

— Все это, отец, присылают настоящие мужчины. Люди, которые уважают и любят меня и так выражают свою признательность.

Кладовщик, насмотревшийся за долгую жизнь на всякое, наконец-то понял, как разбогател его сын.

— Чем же ты расплачиваешься? — спросил он. — Ведь даром никто ничего не даст.

— Зачем же даром, отец. И в моих силах оказать услугу товарищу. Одному поможешь приобрести автомашину, другому стройматериалы из особого фонда выпишешь, третий попросит, чтобы его познакомили с нужными людьми. Да мало ли что. Никаких нарушений, отец, все в рамках законов и правил: мелкие взаимные дружеские услуги. Надо уметь жить.

И тут Бахчерий прорвало. Сдерживаясь, чтобы не перейти на крик, он стал доказывать сыну, что все эти даровые подношения — самые настоящие взятки. А как он обращается с подчиненными? Шофер, пожилой человек, у него на побегушках...

Сын, надо отдать ему должное, слушал длинную и гневную речь отца молча, как и положено хорошему сыну. Но когда старик высказался до конца, вздохнув, заметил:

— Замечательные слова услышал я от тебя, отец. Нужно поступать именно так, как ты говоришь. Но тогда я не получу никакой пользы от высокой должности, на которую мне посчастливилось попасть. Буду жить, как живете вы с матерью — почти бедно. А мы с женой так жить не хотим. К нам приходят в гости ответственные работники, мы должны их как следует принимать, как они принимают нас. И обстановка у нас не должна быть хуже, и одежда. Будь уверен, отец, я никогда не переступлю ту черту, за которой начинается нарушение закона. Живи у меня спокойно хоть ме-

сяц, хоть всегда. Давай сейчас пошлем машину за мамой, вам вдвоем будет веселее и нам с женой радостно.

Но старик от этого приглашения отказался. Сказав свое знаменитое «Не забывай, что переполненный медом пузырь лопается», он попрощался и отправился на автобусную остановку.

Поделившись своим горем, Бахчерий помолчал, потом с загадочной усмешкой добавил:

— К счастью, пузырь лопнул раньше, чем Челемет успел натворить бед посерьезней. На днях его сняли с работы и перевели в соседний аул. Теперь у меня есть возможность контролировать его поведение.

И снова, как когда-то давно, у меня возникло смутное чувство, что «пузырь лопнул раньше, чем Челемет успел натворить бед» совсем не случайно, что к этому каким-то образом причастен старый мудрец. Но сколько ни вглядывался я в его окруженные морщинами глаза, ясные и честные глаза уверенного в своей правоте человека, ничего нового прочитать в них не мог. А сам старик, выдержав, не моргнув, мой пытливый взгляд, вдруг заключил:

— Бывают, оказывается, такие дети, которых надо воспитывать всю жизнь...

Железное сердце Батмиза

Встречи с земляками — явление в Майкопе довольно частое. Освободившись от прихотей попутного транспорта, жители Шапсуга сто километров расстоянием не считают. Главное — заранее взять билет на автобус. А там уж пусть шофер думает. Хочешь не хочешь, а в расписание уложись. И все же, когда я увидел в Майкопе Батмиза Гонежука, удивлению моему не было предела.

Дело в том, что Батмиз — принципиальный противник путешествий. Один-единственный раз удалось уговорить его съездить в районный центр на слет передовиков-кукурузоводов. Сам он потом уверял всех, что согласился поехать только потому, что надеялся найти себе подходящие сапоги в районном универмаге. Но когда они приехали, универмаг еще был закрыт, а

когда уезжали, он уже был закрыт, так что пришлось ограничиться коробкой конфет из буфета Дома культуры. Такие же конфеты имелись, разумеется, и в магазине аула, но какой же адыг станет на виду у всех покупать своей старухе сладости. Другое дело — райцентр. Всегда можно сказать: «Покупал папиросы, не хватило мелочи, сунули эту дрянь...»

На работу Батмиз всегда ходил пешком. И когда бы члены его звена ни прибывали на машине, хоть на рассвете, он встречал их хмурой улыбкой: «Ну и горазды вы дрыхнуть, люди. А когда же работать будем?»

— У Батмиза железное сердце, — говорили земляки. — Его ничем не проймешь.

Увидев Батмиза, я сразу стал оглядываться: где остальные? Батмиз уверен, что старик мог бы прибыть в Майкоп только в составе очень представительной делегации, под большим нажимом. Но вокруг никого не оказалось.

— Как хорошо, что я тебя встретил, Киримизе, — искренне обрадовался он. — Никогда не думал, что Майкоп — такой большой город. Я, видишь ли, прибыл по делу. Вот эту мелочишку отдать надо. — Он указал на стоявшую рядом с ним на тротуаре огромную корзину, доверху наполненную чем-то.

— Это нетрудно, дядя Батмиз, — подбодрил его я. По старой привычке я называл дядями всех своих старших соседей. — Адрес тебе известен?

— Адрес я забыл спросить, — признался старик. — Я думал, что здесь, как у нас: спросишь больницу, и тебе скажут: «Вон то белое здание, иди прямо, не ошибешься».

— Здесь насчет больницы все точно, как у нас в ауле, — успокоил я его. — Пошли. Видишь, впереди большое белое здание? Кто тебе там нужен?

— Да она же, старуха. Черт ее угораздил пуститься на этой свадьбе плясать.

Вот оно что, значит, тетушка Кизу в больнице. Последний раз я их обоих видел на свадьбе их внука Хазрета. С этой свадьбой были связаны по меньшей мере три запомнившихся события. Первое и, пожалуй, самое главное — что на ней присутствовал жених. Пусть не удивляется русский читатель этому сообщению — мусульманские свадьбы обходятся без женихов. Так велит шариат. Все веселятся, а жених в это время прячется,

где ему вздумается. Но это была комсомольская свадьба. Хазрет, получивший диплом врача, не пожелал глядеть на свою свадьбу со стороны. Он сидел, как это принято у русских, рядом с невестой... Второе исключение — невеста. Она была не учительницей, не библиотечкарем, даже не продавцом и не секретарем сельсовета. Нарушая ставший почти законом принцип «отбора по равенству», врач влюбился в телятницу. Третье же событие было связано с тетушкой Кизу и с тамадой. Эту роль выполнял помощник гармониста, удалой и легкий на слово парень. Приглашая кого-либо в круг на танец, он обращался к нему с витиеватой и не лишней самобытности речью.

— О, прекраснейший из прекрасных, пусть пропадут все твои болезни, сто лет тебе жить в радости, ибо всем видно: ты как раз тот человек, который не прячется за спиной другого, кто любим и уважаем всеми присутствующими и многими из тех, кто не попал на это замечательное торжество, кто, как и любой настоящий мужчина, прежде всего думает о смелости и нести, поэтому разреши посмотреть подошвы твоих чуважков, а ты, гармонист, ты, о, чудотворец, умеющий извлекать прекрасные звуки даже из заднего моста автомобиля, сыграй для него самый свой лучший танец.

Кто усидит на месте после такого приглашения. Разве что безногий. Поэтому танцевали все присутствующие. Немного потанцевала и тетушка Кизу. Окончилось, как сообщил мне Батмиз по пути в больницу, это весьма печально — у нее «схватило» сердце. Чтобы не нарушать ритма такой славной свадьбы, Кизу ничего никому не сказала.

— Когда я увидел, что она вышла в круг, — стараясь придерживаться принятого в отношении женщин-иронического тона, вел свой рассказ Батмиз, — то схватился за голову. О, аллах, доктор запретил ей волноваться, а она что делает?! Подошел к ней, когда она добралась до стула, и что же? Еле дышит моя старуха. «Дотанцевалась, — говорю, — глупая? Пошли домой». В общем, слегла. Послушал ее Хазрет и выписал направление в больницу. Две недели уже она у вас, вот и решил привезти кое-чего. Собрал, что на виду было, и отправился — автобусом, ведь недолго.

— Это хорошо, — согласился я. — Повидайтесь, поговорите...

— А что мне смотреть на нее, не видел, что ли, — сердито буркнул Батмиз. — Да и говорить нам не о чем; в молодые годы все больше помалкивали, а теперь то и вовсе молчим. Разве что выругает она меня раза два в день, только что это за разговор. Конечно, увидит меня, начнет болтать всякую чепуху, ну я и напомню ей ее место.

Так мы дошли до больницы. Часы были не приемные, но старику, прибывшему из аула, сделали скидку. Я решил подождать его в вестибюле, но вдруг Батмиз заулыбался.

— Что я один пойду туда: даже нехорошо... Давай вдвоем, прошу тебя, Киримизе. Аллах знает, что обо мне могут подумать, если я явлюсь один. Не по-мужски получатся...

Увидев нас, тетушка Кизу заволновалась и попыталась приподняться. Но сестра быстро навела порядок. Она строго объяснила, кому что можно, и ушла. Кизу можно было лежать и есть из ложечки. Старику разрешилось покормить ее и рассказать что-нибудь забавное. Мне надлежало следить за порядком и пресекать нарушения.

— А ты похудел, — с тревогой констатировала Кизу, оглядывая мужа. — Как малое дитя, оставить нельзя ни на день. Подумай сам: на что ты без меня годишься?

Я было насторожился, намереваясь сдержать вспыхивающего старика, но мое вмешательство оказалось излишним.

— Я тут прихватил тебе разной ерунды, — сообщил Батмиз, словно старушка спрашивала, что там у него в корзине. — Вот тут в казанке... Ладно уж, раз сама не можешь, покормлю.

Батмиз развернул ватную телогрейку и извлек из нее небольшой чугунок. Когда он снял крышку, из чугунка разнесся привлекательный аромат «четщипса», который вместе с паром мигом заполнил палату.

— Смотри, не остыло, — хмыкнул он, извлекая из кармана ложку.

Кизу попробовала дары аула и закрыла глаза от удовольствия. Вдруг беспокойство мелькнуло на ее лице, и она отстранила ложку.

1 Четщипс — курица в соусе.

— Это кто готовил? — запальчиво спросила она. — Гошнаг или Биба?

Гошнаг и Биба — соседки справа и слева.

— Стану я обращаться к этим болтливым бабам... — гордо вскинулся Батмиз. — Слава аллаху, до такого позора еще не дошел. Собрался ехать и решил что-нибудь горяченькое привезти. Автобус-то в шесть, а мне все равно не спится, вот и сделал.

— Что ты все говоришь, — улыбнулась одними глазами Кизу, — остынет...

— Если тебе не нравится, — заметил Батмиз, — можно вылить, я ведь не баба, чтобы всякие там штуки готовить.

— Корми, дуралей, остынет, — начала сердиться Кизу.

Вот так они и разговаривали.

Когда кормление закончилось, Батмиз спросил:

— Как мне найти самого главного?

— Зачем тебе главный? — перепугалась Кизу. — Меня здесь хорошо лечат, скоро разрешат подниматься.

— Мужчина сам знает, что ему делать, — отрезал Батмиз и вышел.

— Никогда в жизни не видела, чтобы он что-либо готовил, — проговорила тихо Кизу и вдруг заплакала.

Батмиз возвратился довольно быстро.

— Говорил с доктором, — сообщил он. — Доктор говорит, что ты здорово скучаешь. Ты это оставь, скучать надо было в молодости, поняла?

— Поняла, — тихо ответила Кизу.

— Доктор разрешил мне задержаться в городе на несколько дней и приходить к тебе в любое время. Думал, сапоги себе купить, да уж раз так случилось, посижу с тобой немного...

Когда мы вышли из больницы, старик долго молчал. Потом спросил:

— Где ты, Киримизе, покупаешь сладости?

— Здесь есть хороший магазин, дядя Батмиз. Пойдем, покажу.

— Неудобно мне чепухой заниматься, — фыркнул старик. — Что люди подумают... Ты вот что... Возьми деньги, купи побольше, попроси, чтобы хорошо завернули, чтоб не видно было, а я вечером занесу ей. Баба она и есть баба — без сладкого не обойдется.

— Э, — возразил я. — Пойдем в магазин вдвоем, кто тут тебя знает. Городские старики не только сами покупают своим внукам сладости, но даже, я это говорю с полной ответственностью, едят их!

— Зря ты, Киримизе, толкаешь меня на такой путь. Ну, заболело у старухи это самое место, как его, сердце, ну, надо проведать. Пусть так. Но не стану же я из-за такого случая терять свое мужское достоинство. Иди, а я подожду. Только вот что, не забудь купить тянучки, она их очень любит.

Эта вздорная
старуха...

В каждом селении, думается, есть человек, появлению которого в публичном месте вызывает оживление присутствующих. То ли это какой-нибудь неудачник, ухитряющийся споткнуться и расквасить себе нос на ровном месте, то ли местный дед Шукарь или родной брат Василия Теркина. У нас такой фигурой, сколько помню себя, является старик Трам. Сразу оговорюсь: ни на одного из названных выше героев Трам даже отдаленно не походит, нельзя причислить его и к неудачникам. Чаще всего Трам попадал в смешные положения, как судачат в ауле, благодаря своей жене Гошнаг.

Началось это много лет назад, когда Гошнаг еще ходила в невестах. Надо сказать, что это была очень переборчивая невеста. Одни выбирают себе жениха по любви, другие прельщаются красотой, третьи исходят из соображений экономического порядка. Но каждая хоть приблизительно знает, чего хочет. Гошнаг слыла красавицей, ее дом всегда навещали молодые джигиты. Но ни одному она не отдавала предпочтения, на всех смотрела как-то свысока и старалась задавать такие вопросы, чтобы парень выказал свое невежество и понял, что надеяться ему не на что. Взволновалась она, когда на пороге появился Трам, и это тоже всех удивило. Трам ни богатством, ни ростом, ни красотой не выделялся, не брал призов на скачках и вообще был очень средненьким, как казалось его сверстникам, парнем. Ему ли тягаться с орлами, которые каждый вечер захаживали к Гошнаг. Но поскольку двери девичьей

ле, обычно открыты для всех, появление его не могло кого-либо удивить. Удивило, повторяю, что сама хозяйка восприняла его приход столь необычно.

А через несколько дней в ее доме разыгралась такая сцена. Один из гостей, видимо по уговору с другими, спросил Гошнаг, за какого человека она хотела бы выйти замуж.

— За того, — тут же ответила девушка, — который даст самый остроумный ответ на мой вопрос.

В комнате стало тихо — все поняли, что предстоит нечто чрезвычайное.

— Какой же это вопрос? — заинтересовалось сразу несколько парней.

— Вопрос простой, слушайте его: кого вы больше всего боитесь? Отвечайте по очереди.

Гости с нескрываемым злорадством уставились на красавца Махмуда, предпочитавшего любому разговору молчание. Он сидел поближе к Гошнаг и должен был отвечать первым. Махмуд покрякал, посопел и выпалил:

— Я никого не боюсь, даже аллаха.

На лице хозяйки появилась ироническая улыбка.

— Начало, скажем прямо, мало радует, — заметила она. — Следующий!

— Тигра... — брякнул очередной.

И посыпалось:

— Волка...

— Куйжия...

— Шайтана...

И в таком же духе.

Дошла очередь до Трам. Он поднялся, поклонился хозяйке и сказал:

— Тебя, Гошнаг, и больше никого.

Красавица вспыхнула.

— Я верна своему слову; Трам, — тихо выговорила она.

Так Трам женился. Он был счастлив, но стоило ему где-либо появиться, как начиналось хихиканье: вот он, Трам, который больше всего боится бабы.

Быть может, об этом и позабыли бы, если б сами супруги не давали к тому все новых поводов. Рассказывают, что сразу после коллективизации Трам возил на подводе дрова и воду поварихам в поле — тогда держали пять походных кухонь. В подводу, как водится,

были запряжены волы. Однажды утречком выезжающего в поле Трам остановил бригадир:

— Трам, — попросил он, — как можно быстрее передай поварихе, чтобы она явилась на полевой стан, привезли крупу.

Трам остановил подводу, отвел волов в сторону и бросился бежать.

— Что с тобой, — всполошился бригадир, — куда ты?

— Ты ведь просил передать поварихе как можно быстрее, — пояснил Трам. — А если я буду добираться до нее на волах, я сообщу ей твою просьбу не раньше чем в обед.

Как-то среди колхозниц, собравшихся в воскресенье на базар, оказался и Трам. Из корзины, которую он нес, выглядывала петушиная голова. Женщины сразу же узнали известного в ауле драчуна и заулыбались: красив и дороден был петух, но его разбойничьи повадки то и дело навлекали неприятности на хозяйку.

— Что, Трам, решил освободить аул от ига этого зверя? — заговорили женщины. — Это хорошо. Но почему не везет его на базар сама Гошнаг? Разве это мужское дело — торговать птицей?

— Вполне мужское, — ответил Трам. — Ведь дело идет о петухе. Вот если бы нам нужно было продать курицу, тогда бы этим занялась жена.

— Как же ты его будешь продавать, ты хоть знаешь, что говорить?

— А вот посмотрите, получу за него двойную цену. Сами скажете, почему на базаре петухи, а я и запрошу вдвое. И продам.

На базаре Трам уселся в сторонке. Наконец сгорающие от любопытства женщины сообщили: петухи идут по пятерке.

Вытащив своего красавца из корзинки, Трам заорал: — Эй, все! Все, кому срочно необходим племенной петух! Все, кто хочет, чтобы его куры и куры всех его соседок несли золотые яйца!

Вокруг Трам тут же собралась толпа. — Сколько же он стоит, твой племенной? — осведомилась одна старуха.

— Десять рублей, мамаша, почти даром.

— Да ты в своем ли уме? — возмутилась «мамаша».

— В своем, мамаша, в своем, — заверил Трам. —

Вы только посмотрите на эту птицу. Скажите честно, приходилось видеть такого петуха? Он чуть-чуть меньше барана, ему ничего не стоит за несколько часов оплодотворить целый птичник. От его тяжести у меня уже рука посинела.

Тут подошла какая-то женщина. Оглядев петуха, заулыбалась.

— Вот это настоящий покупатель, — забалагурил Трам. — Вот кто понимает толк в племени. Смотрите, дорогая, любуйтесь, это у нас бесплатно. Такого красавца больше не встретите. Но предупреждаю: покупать его можно, если у вас хороший забор.

— Почему забор должен быть хорошим? — заинтересовалась женщина.

— Куры со всей округи на него заглядываются будут. И совратят. Да и он не терпит конкуренции — чужому петуху смерть.

— Похоже, что вы говорите правду, — сказала женщина, протягивая Траму десять рублей.

И так из года в год — или он что-нибудь отмочит, или она. Ни в зрелом, ни в пожилом возрасте, ни в старости не угомонились.

И вдруг прошел слух, что жена Трама тяжело заболела. Старик отвез ее в городскую больницу. После длительного исследования врачи заключили: больной нужен полный покой. Болезнь затяжная, поэтому хорошо бы ее оставить в больнице, здесь за ней будет надлежащий уход. Но Гошнаг лежать в городской больнице отказалась.

— Отвези меня домой, — велела она Траму. — Мне станет легче, когда я буду слышать, как курлыкают мои индюшки, как лает наш пес. — И совсем тихо добавила: — Если я не увижу тебя хоть день, я умру.

Солоно пришлось Траму. Он готовил пищу под руководством жены, но, конечно, что-то недоделывал, и получалось не так вкусно. Да и то — какой с него спрос, если он в жизни своей никогда ничего не стоговил. Стирать Трам кое-как научился, а с пищей была беда — Гошнаг не могла есть его подозрительное вариво. И, конечно, здорово из-за этого нервничала. Не нравилась и стряпня родственников, навещавших ее.

И вот однажды Трам появился среди стариков — исхудавший, вконец замученный, сам не свой.

— Не знаю, что делать, — произнес он. — Гошнаг такое заказала, что и не помыслишь.

— Что именно? — спросили его приятели.

— Позвала меня и говорит, что чувствует приближение смерти. Совсем мало, говорит, жить осталось. Я ее перебил, говорю, что все это глупости, что одна женщина с такой же болезнью поднялась, а она и слушать не хочет. Попросила меня помолчать и сказала следующее: «Наберись, старик, мужества и выслушай меня. Уже все родственники устали ухаживать за мной, а ты и совсем на человека не похож. Мне больно смотреть на тебя. Ты и до моей смерти не дотянешь, если все останется по-прежнему. И вот что я решила, а ты, уважая мою последнюю волю, выполнишь. Ты должен взять в дом другую женщину, жениться еще раз. Меня уже можно не считать, я требую, чтобы ты немедленно женился». Я подумал, что она заговаривается уже, но Гошнаг угадала мои мысли. «Не думай, что я спятила или не понимаю, что говорю, я пока в полном рассудке. Требую, чтобы ты немедленно женился. Пока я жива, я скажу ей, что ты особенно любишь, научу ее готовить твои любимые блюда, сделаю все, чтобы ты хорошо прожил остаток жизни».

Кое-кто по старой привычке заулыбался, но друзья Трама поняли, что тут уж не до смеха.

— Где это видано, чтобы женились при живой жене? — сказал один.

— Станешь всеобщим посмешищем, если приведешь в дом вторую жену, — добавил другой.

Трам отправился к своему другу. Узнав, в чем дело, старик рассмеялся:

— За такое могут потянуть в суд — у нас двоеженство не разрешено. — Потом серьезно произнес: — А если войти в положение Гошнаг, то ее можно понять. Говорили, что такой же случай был в Кабарде. И ничего страшного не произошло — женщина добросовестно ухаживала за больной, скрасила ей последние дни. И Гошнаг тоже нужен хороший уход. При всем старании ты с этим не управляешься. Вот она и приняла такое необычное решение. Выходит, тебе нужно жениться еще раз.

— Нет, дорогой, сделать этого я не смогу. Как буду ей в глаза смотреть? Много я в жизни чудил, не боюсь того, что скажут люди и даже власти, не в этом

дело. Кого же могу я поставить рядом со своей Гошнаг?

Друг вадолго задумался.

— Выход есть, — наконец заговорил он. — В городе живет моя родственница, вдова, по профессии медсестра, отличная стряпуха, умеет ухаживать за больными. Собирается переехать в аул, да все никак не решится. Думаю, она согласится исполнить в твоём доме роль хозяйки и сиделки. Объясним ей прихоть больной, пусть не пугается. А когда твоя жена выздоровеет, Даримэт перейдет к нам.

Вскоре в доме Трама, к великому удовольствию каших остряков, появилась «вторая жена». Гошнаг встретила ее настороженно, но уже через день-другой признала, что Даримэт не нуждается ни в каких подсказках. Указания врачей выполняет умело, готовит так, что аппетит появляется при одном виде пищи, все содержит в чистоте и порядке. Трам частенько выезжал в город за лекарствами или продуктами, которых в ауле нельзя было купить, и женщины оставались вдвоем. Даримэт умело влияла на настроение больной, незаметно внушая ей мысль о том, что люди в таком положении почти всегда становятся на ноги.

В ауле, конечно, много говорили о «двоеженстве» Трама, ведь все были уверены, что он всерьез выполнил просьбу Гошнаг. Когда знакомые подшучивали над ним, Трам подливал масла в огонь.

— А что, друзья, — говорил он с улыбкой, — при двух женах очень удобно. Одна болеет, другая на ногах. Советую последовать моему примеру, не пожалеете.

Улыбался он потому, что Гошнаг с каждым днем становилось все лучше. Наконец наступил день, когда она поднялась с постели.

— Теперь, когда ты почти здорова, — сказала ей Даримэт, — я должна открыть тебе секрет. Пришла в твой дом не как жена Трама, а как твоя подруга, сиделка, помощница. Рада, что справилась со всеми твоими обязанностями. Сейчас я перееду к своему родственнику Гумзагу, а тебя буду постоянно навещать.

— Я это знала, — ответила Гошнаг. — Я когда-то тебя видела с твоим родственником в городе. Я любила тебя, как родную сестру. Если тебе эта вздорная старуха не очень надоела, не переходи куда, живи с нами всегда.

— Я тоже очень привязалась к тебе, — призналась Даримэт. — Но что скажут люди? Они и впрямь решат, что Трам завел себе вторую жену.

— Надо жить своим умом, — возразила Гошнаг. — Если бы я слушала, что говорят люди, я бы и Трама не видела, и с тобой бы никогда не встретилась.

— Выходит, ты вполне серьезно настаивала на том, чтобы он при твоей жизни женился вторично? — поразилась Даримэт.

— Вполне, — подтвердила Гошнаг. — Мне его было очень жаль, совсем он извелся.

Появление Трама в клубе или магазине встречается теперь не просто оживлением, а ехидными ухмылками. Но это нисколько не сказывается на его настроении. Вот почему я с самого начала заявил, что ни на Шукаря, ни на Теркина наш Трам не походит. Ну, а о том, что это никакой не неудачник, читатель, думается, догадался и сам.

Жертва моды

По адыгейским обычаям баловать сыновей не рекомендуется — суровое воспитание лучше готовит мужчину к нелегкой самостоятельной жизни. Относится ли это к дочерям, сказать твердо не берусь — о воспитании женщин наши предки заботились меньше: о детях и по кухонной части они, мол, справятся и без выучки. Так и выходило, что почти вся отцовская, значительная часть материнской и подавляющая часть дедовской нежности доставалась дочерям, внучкам и правнучкам.

А поскольку у Нажевых было семеро сыновей и всего одна дочь, на ее долю досталось опекунов и родителей значительно больше, чем это фактически требовалось. Но особенно баловал Нафису дед Маргаб. Знатный колхозный чабан, он в последние годы частенько ездил на различные совещания, слеты, съезды не только в Майкоп, но и в Краснодар, а раза три побывал в самой Москве. И всякий раз он привозил Нафисе что-нибудь «самое модное». Когда же сверстники чабана укоряли его в том, что он слишком балует внучку, Маргаб умело отшучивался.

— Почему бы девочке не пощеголять в кримпленях,

если имеются лишние деньги. Или считаете, что лучше пустить их по ветру, как это однажды сделал Кадырбек Мазанок?

Многие, быть может, после таких слов и задумывались, не залусть ли руку в заветный чулок, свято хранимый «на всякий случай».

Так или иначе, но Маргаб доставлял себе удовольствие тем, что делал щедрые и современные, как он сам выражался, подарки внучке. Как же он радовался, когда Нафиса выдержала вступительные экзамены в институт.

— Если баловство сочетается со строгостью, — говорил он тем, кто неосмотрительно укорял его когда-то, — то ничего плохого не получится. Не подумайте, будто я хвастаюсь, — тут же добавлял он. — И в мыслях сейчас нет этого, просто говорю, что пора наших детей одевать по моде.

Теперь, приезжая домой на каникулы, Нафиса уже сама привозила подарки деду. На стипендию. Дед, разумеется, не оставался в долгу. Накануне отъезда внучки он незаметно вручал ей пакетик с деньгами.

— Купи себе что-нибудь модное, — улыбался он.

И вот однажды Маргаб отправился на автостанцию встречать Нафису — ее направили в родной аул на практику. Автобус пришел. Дед подошел к нему и стал ожидать появления внучки. Но ее не было. Вот уже вышел последний пассажир, а Нафиса так и не появилась.

Маргаб собрался было обратиться к водителю за справкой, как вдруг к нему подбежала молоденькая улыбающаяся блондинка, обняла его и стала целовать. Маргаб вытаращил на нее глаза.

— Ты не узнал меня, дедушка, — болтала Нафиса. — Я так и думала. Это я на твои деньги купила самый модный парик. Спасибо, дедушка, в институте я в этом парике фурор произвела.

С одной стороны, он был рад, что внучка не пропала в пути, как ему уже начало казаться. А с другой — уж слишком не укладывалось в голове, что Нафиса — блондинка. Все же несколько месяцев назад, когда он провожал ее в краевой центр, она была черноволосой. Такой, какой и родилась.

— Дедушка, — щебетала между тем Нафиса. — А вот мои подруги, они тоже приехали на практику,

Маргабу улыбнулись три блондинки, очень похожие одна на другую.

— Чего же ты стоишь, дедушка? — вдруг вспомнила Нафиса. — Пошли домой, мы здорово проголодались.

Поскольку Маргаб еще не решил, может ли он без явного ущерба для своей незапятнанной репутации шагать рядом с этими блондинками, он уклонился от предложения внучки.

— Мне нужно заглянуть в правление колхоза, — придумал он. — Идите сами, наш дом на том же месте, мы его не перекрашивали, найдешь.

Походив с часок по аулу, Маргаб сменил гнев на милость.

«Аллаху виднее, как им там одеваться и что напяливать на голову, — рассудил он, когда прошел его гнев. — Интересно, в городе все этак выкомаривают, что за сердце хватается, или самые передовые?»

Решив выяснить это обстоятельство немедленно, он оглянулся по сторонам и увидел меня.

Поговорив на отвлеченные темы, как и полагается по этикету, Маргаб задал мне мучивший его вопрос насчет париков. Пока я раздумывал над ответом, он добавил:

— Что же мы тут стоим посреди улицы, дорогой Киримизе, как приезжие. Загляни к нам, кетати и помотришь на этих блондинок. Если отгадаешь, кто из них кто, сто рублей дам, — пошутил он.

Дед не знал, что за тот час, пока он разгуливал по аулу, в его доме произошли некоторые перемены. Нафиса, сбросив парик и умывшись с дороги, перекусила и прилегла отдохнуть. Бабушка, — разумеется, ее бабушка, а его жена, — собиравшаяся потолковать с внучкой, не стала ее будить. Ее взгляд упал на валявшийся на диване парик. Большая затейница, она решила примерить внучкину обнову. Взглянув в зеркало, увидела совсем чужую женщину — парик изменил весь облик ее, старушка, что называется, преобразилась и помолодела. Она даже стала интересной женщиной.

Повертевшись у зеркала, старая Мариет услышала, что возвратился Маргаб. И только мы уселись, только стал я рассуждать на тему о париках и их распространении в Краснодаре и Майкопе, в комнату вошла незнакомая блондинка.

— Не скажете, где Мариет? — спросила она у Маргаба.

— Где-то здесь вертится, — буркнул Маргаб, недовольный тем, что прервали такую интересную беседу. — А ты кто такая будешь? — спросил он, подозрительно оглядев незнакомку.

— Я гостья ваших соседей, приехала из города.

— А ты говоришь, — заметил мне Маргаб, — что парики носят только молоденькие дурочки. Подожди, дорогая, сейчас позову свою старуху.

Маргаб вышел.

— Если ты меня узнал, Киримизе, — вдруг услышал я голос Мариет, — то не подавай вида. Интересно послушать, что мой старик наплетет, пока не разглядит, что это я.

Маргаб возвратился довольно быстро.

— Ума не приложу, куда могла исчезнуть эта ведьма, — раздраженно буркнул он. — Мне казалось, что она была на кухне, но там ее нет.

— Ладно, подожду, не к спеху, — проговорила «гостья». — Только не могу понять, зачем ты ее так обзываешь?

— Знала б ее столько лет, сколько я, не спрашивала бы, — пояснил Маргаб. — Кроме меня, ни один человек не сумел бы прожить рядом с такой ведьмой столько лет.

— А я слышала, что она — ласковая, хорошо за тобой ухаживает, — возразила Мариет.

— Это так кажется со стороны, — ответил Маргаб. — Для меня самый счастливый момент, когда я укрожу к своим баранам. Уж лучше слушать их бляние, чем ее сварливый голос. Из-за ее языка я преждевременно постарел.

— А вид у тебя, слава аллаху, ничего, ухоженный. Все же она, наверное, хорошо готовит... Старается, чтобы ты дома вкусно ел и в поле с собой достаточно брал пищи.

— Старается, — хмыкнул Маргаб. — Она всегда готовит то, что сама любит...

Если бы Маргаб, разговаривая с женщиной, глядел на нее, он бы при всей своей близорукости заметил, что при этих словах его собеседница стала очень похожей на Мариет. Но он смотрел на меня — ему интересно было, какое впечатление производит его реплика

на писателя: Маргаб всегда страдал некоторым излишним честолюбием. Кроме того, он считал, что унизит свое достоинство, если бросит лишний взгляд на постороннюю и, судя по парике, довольно легкомысленную дамочку.

— А что ты больше всего любишь, дорогой человек? — спросила после некоторой паузы «гостья».

— Вареники.

— Как раз вчера она приносила своим соседям вареники, — воскликнула «гостья» раздраженно. — И я их пробовала. Выходит, что ты зря ее бранишь.

В тоне ее голоса Маргаб (наконец-то!) учуял что-то знакомое. Повернувшись к «гостье», он пристально поглядел на нее. Смутная догадка заставила его вскочить с дивана.

— Ты еще не узнал меня, несчастный обиженный старик? — расхохоталась Мариет, срывая с себя парик. — Значит, я ведьма, я морю тебя голодом... Никто не знает, какая я языкатая... И ты решил сообщить это первой встречной бабе, а заодно и нашему другу Киримизе... Ну, говори, что же ты замолчал?

В это время в комнату вошла черноголовая, такая знакомая Нафиса.

— Парик мой пропал, — сообщила она. — Ищу — нигде нет.

— Я сам пропал, внучка, — рассмеялся Маргаб. — Но пенять не на кого — ведь парик куплен на мои деньги.

Я поднялся.

— Э, нет, не пуцу, — сказала Мариет. — Сиди, Киримизе, сейчас подам тебе вареники, которые готовила этому забитому, обиженному старику. А он пусть отправляется в «Кавказские зори».

Как называли улицу

Новая жизнь врывается в наш аул как и всюду — без стука, без церемоний и реверансов. Приходит и располагается со всеми удобствами, словно наследница, возвратившаяся после долгих странствий в отчий дом.

Раньше глаз отмечал новинки с удивлением, потом по привычке и стал это делать с методичностью и надежностью счетчика.

Идешь по улице, и взгляд фиксирует: новый дом. Чей? Кто нашел в себе силы строиться вскоре после войны? Тхагапсовы? Аллах да поможет им, их дом сожгли гитлеровские каратели в сорок втором. Потом ежегодно стало появляться в ауле по два-три дома, потом — по восемь — десять, и уже странно было спрашивать, чей дом возводится в том или ином конце аула — строиться стали все.

Прокладка водопровода вызвала новый интерес потому, что стали исчезать колодцы.

Массовая «мотоциклизация» способствовала улучшению дорог на кривых аульных улочках.

Но подлинный переворот внесло появление частных автомашин. Владельцы «Москвичей», «Жигулей» и «Волг» жаждали подъезжать на своих стальных красавцах к самому дому. Они требовали спрямления переулков, причудливая линия которых создавалась веками. Но как выровняешь улочку, если она вьется подобно спирали?

Потом оказалось, что проекты новых домов уже не вписываются в рамки старых приусадебных участков, не соответствуют генеральному плану развития аула, утвержденному райисполкомом. Согласно этому плану, в ауле должны были появиться свои Черемушки. Для них отвели место на окраине.

В Черемушках строиться поначалу не хотел никто. Председатель сельсовета доказывал, что новая улица будет первой газифицирована и телефонизирована, что ее прорежет серая лента асфальта, что там со временем будут высажены липы, появится «Универсам», но все эти доводы успеха не имели. Люди предпочитали тесниться на старых усадьбах, лишь бы не уходить с насиженных мест. Долгое время наши Черемушки значились лишь на бумаге.

Но однажды, выглянув из окна автобуса, я заметил, что лед тронулся: в Черемушках появилось первое здание.

— Кто же оказался самым храбрым? — спросил я у одного из пассажиров.

— Фигумуковы, — охотно ответил он, — Построили дом старшему,

Ответ этот не показался мне странным или неожиданным. То, что именно Фигумуковы начали заселять новый микрорайон, новую улицу, представлялось мне вполне закономерным. Глава этой большой семьи, Халид Фигумуков, освобожденный от службы в армии по многодетству, был застрелен немцами при попытке поджечь склад горючего, расположенный где-то за аулом. Выросшие после войны сыновья не спешили выделиться — при матери им жилось хорошо и уютно. Но — тесно. И вот началось. Старший, Бат, открывал Черемушки. Стройка шла не то чтобы быстро, — это слово не определяло взятый темп. Она велась стремительно. В ней принимали участие не только все шесть братьев, из которых четверо были механизаторами, но и их друзья.

Месяца через три-четыре рядом с первым появился второй дом — в нем поселился Меджид Фигумуков. Прямо против Меджида затем поставили дом третьему брату — Тэтэру.

Короче говоря, ровно через год после первого новоселья наши Черемушки стали солидной улицей, засаженной молоденькими липами, улицей, украшенной тротуарами, отводы от которых тянулись к уютным одноэтажным и двухэтажным коттеджам механизаторов, учителей, животноводов. Теперь уже не просто было получить участок в наших Черемушках. Правление колхоза решило возвести здесь несколько многоэтажных домов для специалистов, молодоженов и одиноких стариков и старух. Сюда отселялись разросшиеся семьи.

Вот так и возник вопрос: как назвать новую улицу?

Поначалу он казался ясным и простым. Председатель и секретарь сельского Совета, обойдя Черемушки со всех сторон, удовлетворенно улыбались. И вдруг на встречу почтальон, небезызвестный Юнус — любитель «пускать шпильки» на сходах и собраниях.

— Улыбаетесь? — пророкотал он. Юнус славился мощным голосом.

— Улыбаемся, — согласился председатель. При этом улыбка мгновенно сошла с его лица: он напряженно ждал, какой такой «вопросик» ему подкинет Юнус. Ждать пришлось недолго.

— Вы тут улыбаетесь, — сердито пояснил Юнус, — а я горькие слезы проливаю.

— Отчего же ты проливаешь слезы, Юнус? — недовольно спросил секретарь сельсовета. — Зарплату тебе выплачивают своевременно, корма для коровы выделили, овцы твои разгуливают, где им вздумается...

— Не в овцах дело, — перебил секретаря Юнус. — Дело во мне.

Он извлек пачку писем.

— Смотрите... Аул Шапсуг, Шовгенову А. Куда нести это письмо?

— Неси Шовгенову А., — нашелся секретарь.

— А сколько у нас Шовгеновых А.? — вопрос Юнуса звучал угрожающе. — Шовгенов Аскер, учитель — в одном конце аула, Шовгенов Ахмед, ветеринар — в другом, Шовгенов Абдул здесь, в Черемушках...

Секретарь хотел было парировать этот выпад, но в их перепалку вмешался председатель.

— Юнус прав, — заявил он. — Нужно дать нашим улицам имена. На ближайшем заседании исполкома сельсовета сделаем это, Юнус. Приходи, помоги.

— А не лучше ли такой вопрос решить на сходе? Ведь это касается всех, — возразил Юнус. — Подготовьте предложения, а мы обсудим.

Сход проходил неожиданно бурно. Секретарская фантазия сработала плохо, и предложенные названия — Старая, Пролетарская, Кузнечная и другие — сразу же вызвали возражения. Черемушки по этому проекту становились улицей Новой.

— Аллах тебя обидел по части названий, — заметил первый выступающий, — Старая, Новая... Что это — рубашка? Вместо Старой предлагаю Солнечная.

Собравшиеся разразились аплодисментами. Посыпались самые различные предложения. Кузнечная была названа Партизанской — там в период временной оккупации жило двое связных партизанского отряда. Пролетарская стала улицей Механизаторов. А насчет Новой разгорелся спор.

— Первомайская, — кричали одни.

— Майкопская, — перекрикивали их другие.

Вносились и многие другие предложения.

Но вдруг на трибуну поднялась старая учительница Фатимет Салеховна. Она подняла руку, и толпа притихла.

— У меня есть предложение назвать наши Черемушки улицей...

Тут она смолкла и, будто в классе, оглядела собравшихся.

— Прежде, чем я внесу предложение, хочу спросить: кто поставил в Черемушках первый дом?

— Фигумуковы, — зашумели люди.

— А второй, третий, четвертый?

— Фигумуковы...

— А тротуары кто прокладывал? Водопровод?

— Фигумуковы...

— А кто больше всех в этом году пшеницы намолотил?

— Фигумуков Тэтэр...

— К этому хочу добавить то, о чем знают старики, но не знает молодежь. Отец Фигумуковых, партизанский связной Халид, был застрелен как раз на том месте, где мы строим Черемушки, ведь именно здесь у немцев был склад горючего. Теперь закончу свою мысль: предлагаю Черемушки назвать улицей Фигумуковых.

Сход заплодировал. Но тут поднял руку Бат Фигумуков.

— Товарищи, — сказал он. — Отец наш действительно погиб в тех местах. Если уж вы хотите увековечить его память, назовите Черемушки улицей Халида Фигумукова. А для нас, его сыновей, это будет самой высокой честью.

Собравшиеся притихли, призадумались. Но тут раздался голос Юнуса:

— Слава тебе, Бат, за скромность, — сказал Юнус. — Вот таких скромных тружеников и должны мы почитать наряду с героями войны. Пусть будет у нас улица Фигумуковых. Я сказал все.

Чи
сферы?

Несколько дней назад встретил меня у сельсовета наш участковый — Амирзан. Человек с принципами, он сказал:

— Послушай, Киримизе, не считаешь ли ты, что писателям давно пора вмешаться в это дело?

— Видимо, пора, — согласился я и стал осторожно прощупывать — о каком именно деле так тревожится милиция. — Я бы вмешался, но в последнее время, говорят, с мелкими хищениями покончено, — пустил я первый пробный шар. Но, кажется, неудачно.

— М-м-да... — не совсем уверенно подтвердил Амирзан. — Вернее даже будет сформулировать так: «В основном покончено». Но, конечно, это уже не проблема, рост благосостояния подорвал ее под корень.

— Различные нарушения правопорядка также пошли на убыль, — продолжал я пускать стрелы в загадку, выпущенную Амирзаном. Но и этот заряд пошел мимо цели.

— Разумеется, если брать в процентном отношении. Но тут процентный подсчет может сбить с толку, дорогой Киримизе. В таком ауле, как наш, их не должно быть совсем. Но и с этим мы справимся без непосредственного вмешательства литературы. Я имею в виду другое. Есть такие... — тут Амирзан притормозил, подбирая подходящее словцо. — Есть такие...

Поскольку пауза излишне затянулась, я деликатно подсказал:

— Вопросы...

— Вопросы!.. — вскинулся участковый. — Не ожидал, дорогой, не ожидал. Совсем не то, что вертится в голове. Есть такое словечко, вот оно, ну, подскажи, писатель, давай...

— Соображения?

— Ты, Киримизе — мой старый друг, поэтому я на тебя не обижаюсь. Но мне казалось, что в молодости ты был догадливей. Ну, вот оно, это словцо, на языке... Вот-вот... Подскажи же!

— Положения...

— Есть, поймал... Сферы! Есть, дорогой, такие сферы, в которые милиция вмешиваться не имеет права, если не допущено нарушение закона. Вот в эти сферы и должны забираться писатели. Фельетончик, басню или другое шило в бок — пусть знают, что за них взяли, пусть задумываются и делают выводы. Теперь ты понял, Киримизе, о чем речь?

— Не понял, — признался я.

— Ничего, в школе ты тоже не все усваивал сразу. Но толк из тебя все же вышел. Поэтому надеюсь, что мы и тут договоримся. Я имею в виду сферу воспи-

тания. И не воспитания вообще, хотя можно было бы и шире вопрос поставить. Но сейчас я хочу направить твое внимание на сферу более узкую. Как, Киримизе, раньше мать воспитывала свою дочь? Как?

— Смотря какая мать, — снова уклонился я от прямого ответа.

— Мать с большой буквы, как теперь принято говорить. Мать воспитывала свою дочь в труде. Мать учила ее всему тому, что знала сама и вдобавок заставляла лучшее перенимать у соседок. В двенадцать лет любая соплячка могла приготовить обед не хуже опытной хозяйки. Так же воспитывает моих дочерей и моя жена. Случись ей отлучиться — не беда, девочки держат дом на самом высоком уровне. Недавно старшенькая, Чебохан, замуж вышла. Свекруха молится на нее, как на муэдзина, говорит, что такой мастерицы на все руки нет во всей округе до самого Ростова-на-Дону. А историю с Нафисет ты слышал?

Вот такой он, Амирзан. Чтобы добраться до сути, он будет петлять вокруг да около минут сорок. Но все же потом что-нибудь выдаст.

— О какой это Нафисет ты так тревожишься? — спросил я.

— О той самой, которая вышла за Бата Еныхова. Бат — славный парень, другой бы на его месте здорово обозлился. Впрочем, Нафисет-то не так виновата, как ее мать. Курица, и та цыплят учит зерно клевать, а эта недалекая женщина только одно и делала, что огораживала дочь от всяких забот. Соседи мы, ты ведь знаешь, секретов нет. Бывало, попытается девочка сделать что-нибудь, как ее мать крик поднимает: «Не трогай, я сама». Берется Нафисет за пустые ведра, мать кричит: «Тебе вредно поднимать тяжести». Придет на кухню, чтобы что-либо приготовить или помочь бабушке, а мать тут как тут: «Не место такой девушке на кухне, от огня ее лицо станет темным и руки огрубеют». Один человек в доме возмущался таким воспитанием — отец, но женщины заявили, что дочь — не сын, они и без него ее вырастят. «Мы в детстве и юности горя хлебнули, пускай же наша девочка не знает забот и бережет свою красоту».

Вот так они рассуждали. Так и вышло, что всем взяла Нафисет, а делать в доме не умела ровно ничего,

А тут как раз прибыл после службы в армии Бат. Ты его знаешь, парень под стать Нафисет. Красивый и скромный, отличный механизатор, помощником бригадира назначили. Увидел Бат Нафисет и пропал. Что говорить, разве не ясно, чем это все окончилось? Мать Бата, Кураш, приходили поздравлять с невесткой даже из соседних аулов.

А тут как раз у Кураш распухла левая рука. Ревматизм, говорят, ее прихватил не вовремя. «Аллах знает, — сказала она соседкам, — что делает. Моя болезнь уже не скажется на семье, с такой невесткой будем сыты и довольны. Она велела сыну зарезать перед уходом на работу курицу, а Нафисет попросила ее приготовить. Бат, напомнила она, очень любит четщипс. С этими напутствиями она поехала в районный центр к врачу.

Вот тут-то и завертелась Нафисет. Признаться мужу или свекрухе в том, что она и разделать-то курицу, не то что приготовить, и то не умеет, у нее не хватило духу. Сидит во дворе и плачет. Молодая соседка, Софийа, заметила это и, выяснив причину слез, утешила ее.

— Действительно, положение... Ладно, выручу тебя, Нафисет. Где курица?

Четщипс и мягкое аппетитное пасте ожидали возвратившуюся к обеду Кураш. Она ела и не находила слов для похвалы. Пообедав, отправилась к соседям рассказывать, как здорово готовит четщипс их красавица-невестка.

— Честное слово, — призналась она, — я и сама бы так не приготовила это блюдо. Вот уж повезло Бату, так повезло.

Несколько дней Кураш готовила сама, а в субботу сказала невестке:

— Приготовь-ка сегодня нам на радость такой же четщипс, какой ты сделала тогда. Могут прийти гости, хочу похвастаться своей невестушкой.

— Здорово придумано, — согласился Бат и пошел за курицей.

Рассказ Амирзана мне нравился, но все же я считал, что в нем слишком велика доля так называемой литературной правды, то есть, мягко выражаясь, вымысла, а в переводе на общедоступный язык брехни.

— Послушай, Амирзан, — перебил я его, — неуже-

ли в функции милиции входит наблюдать за молодежниками?

— К сожалению, входит, — сокрушенно признался Амирзан. — Конечно, не за такими, как Бат и Нафисет, таких бы нам побольше. Сейчас сам увидишь, что я не морочу тебе голову. Пошла Нафисет на кухню сама не своя. Очень уж в неловком положении оказывалась она все время по вине матери и бабушки, которые допекали ее до того, что она в собственном доме могла быть только гостьей. Ничего лучше не придумала, как завязать руку первой попавшейся тряпкой. От обиды на себя и на мать горько расплакалась. Тут как раз и появился Бат с курицей.

— Что с тобой, Нафисет? — всполошился он. — Да ты порезалась... О, аллах, и завязала руку грязной тряпкой! Будь он неладен, этот четщипс вместе с курицей. погоди, сейчас принесу чистый бинт.

— Не надо, — прорыдала Нафисет. — Не надо... Участиливые слова мужа еще больше расстроили ее. «Такой хороший, а я его обманываю».

Сильнее заплакав, она тут же во всем призналась мужу.

В другое время Бат долго бы смеялся—очень уж забавно все выглядело. Но иной раз и смех может звучать как нехорошее слово, и Бат, ласково посмотрев на жену, лишь сказал:

— Стоит ли из-за этого плакать? Я сейчас все же принесу чистый бинт, мы тебе аккуратно забинтуем руку и попросим маму приготовить обед. А завтра к нам придет моя старшая сестра, большая мастерица по части четщипса. Она пробудет у нас целый месяц — ее мужа взяли на военную подготовку. Посвятим ее в нашу тайну. За этот месяц научишься у нее всем премудростям.

— Интересно, — согласился я. — Теперь ты должен добавить, что все это тебе рассказал сам Бат. Не так ли?

— Нет, не так, дорогой. Если бы это мне рассказал сам Бат, то, во-первых, я перестал бы считать его мужчиной. Во-вторых, я не стал бы пересказывать тебе все это. А в-третьих, сам подумай, при чем тут сферы?

Сферы, в самом деле, оказывались ни при чем.

— Рассказала мне все это сама Нафисет, когда я вез ее в больницу,

— Какую больницу? Она заболела?

— К Бату ее вез, после того как его порезали. Я ей, правда, наугад сказал, что раны не представляют опасности для жизни, и она на радостях разоткровенничалась. К счастью, я угадал, парень скоро поправится.

— Постой, а кто же порезал Бата?

— В этом-то вся соль, Киримизе. Вот тут как раз и начинаются сферы. Порезали троих. Суслики. Окончили школу, в институт не попали, в колхозе не работали — маменьки не пускали, готовили к новым экзаменам и снабжали деньгами, чтобы их отпрыски, не приведя аллах, не вздумали заработать себе на сто грамм своим трудом. Парни дебоширили в клубе, куражились, как князья. Тут Бат и вытолкал их на свежий воздух. А после концерта они подстерегли его и ударили финкой.

— М-да, сферы неприятные, — согласился я.

— Понял, в чем дело? Сусликов будем судить в ауле, выездная сессия тут состоится. Суслики свое получат. А я все думаю: как бы вытянуть на этот суд мамаш и папаш, которые довели своих чад до преступления? Неосвоенность закона в этом деле просматривается невооруженным глазом. Есть же общественные обвинители? Почему бы не ввести обвиняемых обществом? Посадить на скамью позора этих современных мешан и предъявить им счет за искаленную жизнь парней. Не только Бата имею в виду, а и их собственных сыновей и дочерей. Но в эти сферы милиция не имеет права вмешиваться. Так вот, Киримизе, вернемся к вопросу, с которого я начал разговор: не считаешь ли ты, что писателям давно пора вмешаться в это дело?

Пришлось признать, что Амирзан прав. Да, это действительно наши, писательские, сферы.

Трудное поручение

Некоторые мои земляки считают, что дать человеку поручение — значит проявить к нему свое особое расположение, а то даже и осчастливить его. Этот вывод я сделал на собственном опыте. Стоит мне появиться возле клуба или нового универмага, как сразу услышишь:

— Вот здорово, Киримизе, что ты не забываешь о своих односельчанах. Знаешь, какой теперь народ пошел? Чуть-чуть выдвинется, займет какое-нибудь маломальски заметное положение в городе, как он тут же отворачивается от своих старых друзей.

— Ну, не все, — пытаюсь смягчить картину, приблизить ее к истине.

— Знаю, к тебе это не относится, ты всегда пойдешь навстречу земляку. Вот как раз у меня есть небольшое поручение. У вас где-то на окраине города живет старик, хорошие сорта комнатных лимонов разводит. Разыщи его, пожалуйста, и попроси несколько саженцев. Старик, говорят, жадный, но тебе даст, с писателями-то все считаются. А я их у нас разводить стану. Чем наш Шапсуг хуже Майкопа, а?

Я покорно доставал записную книжку, записывал просьбу Махмуда или Сагида, вспоминая, с каких это пор Махмуд или Сагид стал интересоваться лимонководством. Но иногда случалось, что рядом с нами оказывался Гумзаг, и тогда обращаться к записной книжке мне не приходилось.

— Не слушай его, Киримизе, как и других бездельников. Каждый из них способен завалить поручениями хоть тысячу человек. Занимайся, дорогой, своими делами. Зачем ему эти лимоны, знаешь? Чтобы потом сказать: зря ты, Киримизе, старался, у меня даже кислицы вкуснее. Что, не так? — наступал Гумзаг на Махмуда или Сагида.

Раздраженно бормоча что-то о непоседливых стариках, они уходили.

Уж не знаю, какими принципами руководствуются адыгейские матери, придумывая детям имена, но почти всегда они попадают точно в цель. То ли мать каким-то образом предугадывает характер сына, то ли ребенок старается соответствовать своему имени, но ошибки случаются крайне редко. А мать Гумзага, подбирая ему имя, будто в зеркало его души глядела. Гумзаг — значит «беспокойный», «непоседа». Таким он и оказался: везде первым поспевал, до всего ему было дело. Одним из первых пошел в колхоз. Когда началась война, первым явился в военкомат. Первый в ауле боевой орденом — у него; первым он и трудовой награды после войны удостоился. Правда, на пенсию последним из сверстников пошел, но и после того не угомонился: все

какое-то дело находит. Сидит дома только в сильный дождь и тогда проводит «домашнюю ревизию» — выясняет, как дела у его многочисленных сыновей, дочерей и взрослых внуков. В ауле шутят: «Нет такой специальности, которую бы не освоили в семье Гумзага». И эта шутка очень близка к истине. Есть среди потомков Гумзага механизаторы и учителя, животноводы и агрономы, врачи и повара, механики и военные. Даже один милиционер есть, правда, среди зятьев. «Взяли для комплекта», — ухмылялся Гумзаг.

Много полезных затей на счету у Гумзага, и, как я уже упомянул, не раз спасал он меня от поручений некоторых бесперспективных земляков.

И вдруг с просьбой ко мне обратился сам Гумзаг. Да еще с какой!

— Послушай, Киримизе, — сказал он, заглянув в беседку, увитую виноградными лозами, где я работал. — Есть у меня к тебе большая просьба.

Я понял, что случилось нечто чрезвычайное, иначе слово «просьба» не сорвалось бы с уст Гумзага, и пригласил его присесть.

Старик постучал палкой о пол, словно слепой, прокладывающий дорогу в толпе, тяжело вздохнул и произнес:

— Просьба у меня необычная, поэтому я хочу, чтобы ты понял, в чем ее суть. Слушай же. Случайно подметил одну вещь. Как-то сижу утром за столом. Все собрались на работу, а старший мой Черим галстук завязывает.

— Куда ты собрался, бездельник? — спрашиваю.

— В клуб, отец, иду, на совещание передовых комбайнеров.

— С утра?

— Ну да. Будем делиться опытом с отстающими. Ремонт они запустили, вот что, отец.

— Так зачем идти в клуб? Идите в мастерскую и помогите окончить ремонт тем, кто приотстал, ведь через три дня начнется уборка ячменя.

— Извини, отец, — ответил он, — но правлению виднее, что нам и когда делать.

И пошел.

На следующий день галстук стал цеплять Рашид. Ты знаешь, он ведь чабан, ему раньше всех на работе быть положено, а он перед зеркалом вертится, как на-

родный артист. Оказывается, и его на совещание вызвали, но уже в райцентр — там всех животноводов района собирали. Конечно, передовых. Чтобы друг с другом беседовали.

— А кто же за отарой присмотрит? — спросил я его.

— Подменные, отец, у нас с этим порядок теперь.

На третий день в город собрался Камбулет.

— Ты куда? — удивился я. — Уборку-то без агронома не начинают...

— Начнут, — засмеялся Камбулет, — незаменимых нет. А меня вызвали на областное совещание по борьбе с сорняками.

— Зачем совещание? — очень удивился я. — Разве уже найдены такие слова, от которых погибают сорняки?

— Отстал ты от жизни, отец, — ответил Камбулет. — Разве можно спорить с начальством. Сверху виднее, а наше дело выполнять команду.

Потом уехал в район на совещание Муртаз.

Потом, бросив звено, пошла на заседание правления Мариет...

Гумзаг замолчал.

— Знаешь, Киримизе, — заметил он после продолжительной паузы, — захотелось мне подсчитать, сколько же дней мои дети и внуки работают, а сколько совещаются. В конце месяца подбил итог. Вот он: специалисты семь раз ездили в райцентр, двенадцать раз заседали в колхозе, восемь раз проводили совещания в бригадах и на фермах. И все в будни, в рабочее, в самое горячее время. Ну, пусть бы зимой, а то ведь лето, уборка. Мне, Киримизе, страшно стало. В газетах пишут и по радио передают о том, что надо беречь каждую рабочую минуту, а на заседаниях убивают враз целые годы. А ведь время, как и молодость, не вернуть. Но, может, эти совещания необходимы, — подумалось мне. И решил проверить.

Как раз с утра люди стали собираться на общеаульское собрание. Пошел и я. Поднялся на трибуну докладчик из райцентра. Он стал уверять, что корма — дело важное. Целый час втолковывал нам это. Затем взял слово заведующий МТФ. «Без кормов, братцы, — стал доказывать он, — ой как плохо! Ни мяса не будет без кормов, ни молока». Главный зоотехник, как и

докладчик, свою речь читал по бумажке — все о том же. «Для животноводства корма — все! — уныло бубнил он, не отрывая глаз от написанного, ни разу не взглянув на нас. — Будут корма — будет молоко, будет сметана и простокваша, и буренки будут довольны, и люта». Вот так и сказал. И тогда я сам, без вызова, поднялся на трибуну и спросил собравшихся:

— Земляки, не кажется ли вам, что вы вопрос о кормах вывернули наизнанку? Если нам так нужны корма, то зачем мы в пору сенокоса занимаемся болтовней? Подумать только, вы тут доказываете, что коровы любят суданку и люцерну! Земляки, даже прадеды наших прадедов знали, что без кормов животные дохнут, выводы из известной истории с цыганом и лошастью они сделали правильные. Зачем же тратить время на переливание из пустого в порожнее, не лучше ли отправиться на сенокос? Кто с косами, кто с вилами, а мне грабли дайте. Управлюсь, хоть и не молод. Чем здесь лясы точить, выйдем сено косить.

Я едва скрыл улыбку, — от волнения Гумзаг заговорил под рифму, что с ним, кстати, случалось нередко.

— Думаешь, Киримизе, послушали? Черга с два... Даже моя научная ссылка на историю о цыгане и лошади не подействовала.

«Ты, Гумзаг, идешь не в ногу со временем, — сказал мне председатель сельсовета, который вел собрание. — Мы уже давно пересели с коня на трактор. Порядка не знаешь? Чтобы решить какой-нибудь вопрос, надо собраться в области, потом в районе, потом в колхозе, потом в бригадах, в звеньях, все как следует обсудить, наметить и принять планы; потом пересмотреть их и принять повышенные обязательства. Таков порядок, дорогой. А ты куда нас толкаешь?»

И тут до меня дошло: так люди заразились этим проклятым зудом слова, что ни шагу без собраний и заседаний сделать уже не могут. Недавно прихожу на птицеферму, внучка у меня там, посмотреть решил, как работает. И, конечно, попал на собрание. В девять утра. Как раз выступал заведующий фермой, такой солидный мужчина в летах и с усами. Он клеймил птичницу, у которой накануне пропало одно яйцо — не до разбила она его, не то крысы утащили. Разгорячив-

шись, заведующий стал так сильно размахивать руками, что в азарте толкнул локтем ящик с яйцами, приготовленный к отправке. Ящик грохнул на пол, из него потянулась желтая струя... Но это не остановило речь заведующего. Надо было кормить птицу, пустить воду в поилки, заняться чисткой помещения, а они все заседали.

— Задумался я, — продолжал Гумзаг, — нельзя ли как-то все это проворачивать по-другому? И вот узнал, что сельсовет наметил собрание по благоустройству аула. Собирали всех на девять утра. Пошел к председателю.

— Уважаемый тхаматэ, — говорю, — завтрашнее собрание оторвет от дела человек триста. Пока все соберутся, пока президиум изберут, пока все речи прочтаете, уйдет половина дня. А нельзя ли обо всем этом сообщить людям по нашему аульскому радио? В каждом доме есть радиоточка, все узнают, что надо, за ужином. А утром сразу на субботник отправятся. Со свежими силами.

— На скользкий путь толкаешь, Гумзаг. Как можно без собрания? — удивился председатель. — Что же это получится? Скажут, что я сорвал мероприятие.

— Да ведь мероприятие — благоустройство, а не собрание.

Председатель подумал. И — согласился. Передал план работ о благоустройстве по радио. И все узнали, что кому и где надо делать на субботнике. И без лишних слов люди утром вышли на свои участки и все сделали, а к обеду разошлись по домам.

Теперь, Киримизе, руководство аула стало меньше собирать людей, а больше использует радио. И все довольны — ведь радио можно слушать, занимаясь и другим делом, как говорят, по совместительству. Только вот чего-то в район и область стали еще больше народа вызывать на разные заседания. И в соседних аулах каждый день сходки. И решил я попросить тебя. Ты там среди начальства вертишься, подскажи насчет совещаний какому-нибудь руководителю области. Пусть пересмотрят этот порядок. Скажи, что не один Гумзаг так думает, всем давно надоело тратить лучшее время на выслушивание в душных помещениях известных истин.

— Подскажу, — не подумав как следует, пообещал

я.— Не сомневайся, Гумзаг, твое поручение мне понравилось.

Возвратившись в город, я решил передать просьбу Гумзага товарищу, который, как мне казалось, мог бы оказать влияние на решение этого вопроса. Выбрав послеобеденное время, зашел к нему.

— Заведующий на совещании, — сообщила его секретарша. — С утра...

— Тогда передайте ему, пожалуйста, что я зайду завтра. Или позвоню.

Девушка заглянула в настольный календарь.

— Завтра он проводит симпозиум по кормам, дело может, как показывает практика, затянуться до полуночи.

— Тогда послезавтра...

— Совет ветеранов труда!

— Тогда...

— Дорогой Киримизе, неужели вы не знаете, что все дни до конца месяца размечены заранее? Коллоквиум по воспитанию, пленум общества «Знание», сессия ученого совета, совещание постоянной комиссии по борьбе с правонарушениями, планерка на стройке, информация по обмену опытом, актив общества по охране природы, съезд добровольных пожарных дружин, разное прочее.

— А когда же? — попытался было спросить я, но секретарша не позволила сбить себя с курса.

— Чем задавать, дорогой товарищ, ехидные вопросы, шли бы лучше на заседание творческого актива. Неужели забыли? Оно начинается через пять минут, вы там должны выступать.

Я бросился к зданию театра. На ходу проверил, не забыл ли дома текст выступления, и влился в могучий поток спешивших туда же писателей, журналистов, художников, артистов, работников кинофикации и книжной торговли...

Пришел домой поздно и сразу направился к домашней аптечке. Тройчатки не оказалось.

— Таблетки от головной боли проглотила я, — простонала жена. — Только что вернулась с учительской пятиминутки.

Я лег и кое-как заснул. Но спал недолго. Будто что-то толкнуло меня в бок. Тихо прошел в кабинет, сел за стол. Сперва подумал было сообщить Гумзагу, что

поручение его оказалось невыполнимым. А потом решил написать этот рассказ. Может, прочитав его, тот самый солидный начальник, который проводит основное время на симпозиумах, активах и коллоквиумах, все же выкроит часок, чтобы выслушать просьбу моего земляка Гумзага.

Педагогика деда Махамета

Один из соседей, Абдул Меретуков, порадовал меня доброй вестью.

— Сегодня возвращается из санатория глава нашей семьи. Загляни вечером, пожалуйста, он будет рад повидеться с тобой.

Начиналась уборка зерновых, и Махамета Меретукова ожидали в колхозе с нетерпением — он отлично разбирался во всей уборочной технике и ухитрялся восстанавливать или заменять даже такие детали, которые во всех справочниках считаются незаменимыми в местных условиях. В прошлом мне самому не раз приходилось видеть, какие чудеса он творил с деталями для тракторов и комбайнов. Уже все ремонтники отступились, инженер направил за вышедшей из строя деталью в областной центр самого расторопного парня, снабженного указанием «на магарыч не скупиться», а Махамет все еще колдует в мастерской. Потом раздастся его спокойный голос:

— Конечно, нам далеко до тех мастеров, которые там на заводе штампуют и обрабатывают эти штуки, но и слепой свинье иногда попадается желудь. Может, попробуем эту никчемную самоделку?

И всем ясно, что Меретуков добился невозможного. Ставят «никчемную самоделку» на место, и машина снова в работе. А ведь на уборке, — это не дежурная фраза, а сама жизнь, — решает каждый час. Сколько цотерь порой несут колхозы, не учитывающие этого. Запоздали на час-два, и хлынул ливень, полетел шквальный ветер, прижал хлеб к земле, перепугал колосья. Жатка его не берет, начинается переоборудование уборочной техники. А время идет...

Если ты, читатель, заметишь, что я в своих историях слишком уж часто отвлекаюсь от прямого разговора, отвечу: «Наблюдение меткое, глаз у тебя ост-

рый». Но, дорогой, не думай, будто я отвлекался случайно и напоминаю того незадачливого прохожего, который, заглядевшись на агитационный троллейбус, попал под серенький грузовичок. Заглядываясь на троллейбус, я и грузовик держу в поле зрения. Иными словами, делая отступление, не забываю, о чем собирался вести разговор. Конечно, другой на моем месте, возможно, прямо начал бы с того, что он увидел на празднике, посвященном возвращению главы семьи Меретуковых с курорта, но меня такой подход к материалу не устраивает. Мне кажется так: уж если ты собрался рассказать о человеке, то скажи о нем все самое существенное. Поэтому я продолжу свое отступление.

Мне частенько приходилось беседовать с Махаметом о жизни, слушать его высказывания на самые различные темы. Немало интересного он дарил собеседникам. Но более всего поражала меня его откровенность. Уж как-то так получилось, что оба сына и обе дочери Махамета стали учителями. Когда трое старших собирались в педагогический институт, он провожал их одобрительным молчанием. Но когда за старшим сыном и его сестрами решил последовать и младший, Асланчери, Махамет вдруг заявил ему:

— Подумай еще раз, сын мой, следует ли тебе становиться учителем. Мне кажется, тебя тянет к технике, ты ведь многому уже научился у наших механизаторов. Иди туда, где учат на инженера, или оставайся в бригаде, тут есть очень редкостные мастера. Подняться тебе до их плеча нелегко будет.

Асланчери успокоил отца, сказав, что еще подумает. И все же пошел в педагогический. Работал он в школе вроде неплохо, но Махамет не раз уже, как всем казалось в шутку, предлагал младшему перейти в тракторную бригаду. Асланчери отшучивался. Старший сын Махамета, мой ровесник Аслан, был назначен на пост директора нашей школы. Говорят, он много помогал брату, но все же был не очень им доволен.

А теперь пора возвратиться к тому самому вечеру, с которого я, помнится, собирался начать рассказ. Гостей было довольно много. Махамет рассказывал о мажестинских ваннах с почтительным юмором, умело вызывая на разговор гостей. Вкусная еда и радушие хозяйки настраивали всех на веселый лад. В присутствии

деда притих и младший внук Махамета — Абу — первоклассник, вернее, закончивший первый класс весной и переведенный во второй. Абу стрелял большими черными глазами то в гостей, то в деда, слушал, что говорят старшие, но потом, впрочем не так скоро, все это ему наскучило.

Тут я вынужден сделать еще одно отступление. Мальчишки вроде Абу меня живо интересовали уже много лет. Если мне удавалось понаблюдать за мальчишкой или девчонкой или за группой ребятшек так, чтобы они об этом не подозревали, я иной раз обогащался забавными и поучительными наблюдениями. Одиноким среди взрослых гостей Абу, сам того не ведая, стал объектом моего внимания. Делая вид, будто я внимательно слежу за беседой, я фиксировал каждое движение Абу и безошибочно определил тот критический момент, когда он уже не мог заставить себя сидеть со взрослыми за столом, «как положено». Я рассуждал примерно так: если он нормально развитый мальчик, то должен выкинуть какое-нибудь забавное коленце. Разумеется, он еще мог бы просто встать и отправиться в свою комнату, но я бы не считал его после этого вполне нормальным. «Слишком тихий», — решил бы я.

Абу на несколько минут как бы погрузился в раздумье. Видимо, он решил мучительно проблему: чем бы заняться? Абу громко вздохнул, пытаясь обратить на себя внимание любимого деда. Но тот был занят гостями. Впрочем, каким-то краешком глаза он все же поглядывал на него, но Абу этого не замечал.

Короткие минуты затишья окончились — Абу заерзал на стуле и внимательно оглядел стол. Ничего интересного. Он потянулся за горчицей, извлек из баночки маленькую ложечку, намазал горчицей хлеб, попробовал. На лице появилась выразительная гримаса, означавшая что-то похожее на «ну и дрянь». Он стал ножом счищать с хлеба горчицу. С кожа он снял ее пальцем, понюхали вытер палец скатертью. Оставался хлеб. Отщипнув кусочек мякоти, он скатал ее в шарик, положил на палец большого пальца. Огляделся по сторонам, хитровато улыбнулся и сделал щелчок в сторону тетки-учительницы. Попал! Тетка вздрогнула и тотчас повернулась к Абу. Он, разумеется, опустил глаза и потупился. Но так долго усидеть не смог. Поднял го-

лову, встретился взглядом с тетей. Она, укоризненно взглянув на него, незаметно погрозила пальцем. Так неожиданно завязалась игра. Когда тетка отвернулась, он пустил в нее еще один снаряд. Но в цель не попал — недолет. Шарик оказался в тарелке, — о, ужас! — деда Махамета! Странно, наблюдательный Махамет его как будто и не заметил.

После небольшой паузы на ноготь лег третий снаряд, тот самый роковой снаряд, который и стал причиной последующих событий. То ли что-то отвлекло мальчишку, то ли он понервничал, но получился перелет — шарик шлепнулся возле тарелки его отца. Асланчэрий взял его в руки, повертел, взглянул на сына и крикнул.

— Как ты, паршивец, обращаешься с хлебом? Марш из-за стола, я с тобой потом поговорю!

Абу словно ветром сдуло. А за столом воцарилось неловкое молчание. У адыгов так поступать не принято. Для расчетов с детьми у тебя хватит времени и после того, как разойдутся гости. Но если тебе нетерпится, гости могут покинуть твой дом немедленно. Они этого не сделали из глубочайшего уважения к Махамету. Все встали из-за стола в свое время, словно бы ничего и не произошло.

— Абу! — раздался голос Асланчэрия, когда дом опустел.

— Спит Абу, — заметила его мать, кстати, тоже учительница. — Не трогай его, завтра все растолкуешь.

— Завтра он ничего не поймет, — упорствовал Асланчэрий. — Наказание не должно запаздывать. Абу, сюда!

Заспанный мальчик подошел к матери.

— Сперва выслушай, — крикнул Асланчэрий, — а уж потом, если тебе позволит совесть, дрыхни сколько тебе будет угодно. Ты как обращаешься с хлебом? Говори...

Абу молчал.

— Что такое хлеб? — спросил Асланчэрий, пустив в ход самую высокую ноту, отчего последнее слово в этой фразе, а именно «хлеб» прозвучало как-то неестественно, с надрывом, как писк.

Абу хмыкнул.

— Не понимаю, что у тебя вызывает смех, — тут же взорвался Асланчэрий. — Что же такое хлеб? Мол-

чишь? Хлеб — это святая святых, понял? Это результат самоотверженного труда наших уважаемых земляков, твоего деда, всех тружеников нашей необъятной страны. Понял? Что же ты молчишь? Хлеб — это наше золото! Вот если бы у тебя в руках был не хлебный катышек, а золотой, ты метнул бы его в тетю Бибу или в меня? Ну, говори.

— Нет, — пробормотал Абу.

— Добираемся до сути, — немного оживился Асланчэрий. — А почему?

— Золотой — тяжелый, — пояснил Абу. — Он может больно ударить, я же так, понарошке... Я не хотел, чтоб тете было больно.

— Выходит, ты все-таки ничего не понял? — возмутился Асланчэрий. — Тупица! Ладно, ступай спать, я тебе завтра все лучше объясню.

Махамет, пригласивший меня к себе в комнату, молча слушал этот разговор. Потом сказал:

— Знаешь, дорогой товарищ, как будет при коммунизме?

Озадаченный неожиданным вопросом, я молчал.

— При коммунизме каждый человек будет на своем месте. Каждый будет там, где от него больше толку. Я думаю, изобретут такую машину, которая точно определит, кто на что годен. И если ты по призванию сапожник, тебе вручат шило — старайся вовсю. А если у тебя имеются задатки к писательству, пожалуйста, получай бумагу и строчи сколько вздумается. А то сейчас сапожники садятся сочинять книги, а детей учат все, кому не хочется выполнять «грязную» работу.

На этом мы и расстались.

На следующий день меня разбудили на рассвете — начиналась жатва. Тут, мне думается, самое бы время сделать еще одно отступление насчет того, как в колхозе приступают к уборке хлебов, как чувствуют первый снох и как, словно по сигналу, трогаются жатки. Но мне сейчас недосуг отвлекаться от темы — дело в том, что именно на рассвете встретил я в поле Махамета. Возле него стоял Абу.

— Решил взять с собой паренька, — заметил Махамет. — Пусть поглотает пыли на току. Пора уже, вырос.

При этих словах мальчишка подтянулся, посерьезнел.

В тот день наши пути пересекались не раз. Видел я Абу и возле жатки, и на комбайне, и на самосвале, который перевозил зерно на ток. На току мальчик изастрял, а его дед пошел по своим делам. Система машин для очистки зерна приковала Абу. Вот грузовик подошел к бункеру, кузов его поднялся, и зерно посыпалось в яму. Там оно попадало на вертикальный трап-спортер, который доносил пшеницу до очистительной установки. Хоть и пыльно было вокруг, но Абу не отходил от нее. И, наконец добрался до конечного пункта тока — транспортера, который подавал зерно на автомобиль. Теперь, чистое и сверкающее, словно золото, оно шло на элеватор.

Потолкавшись на выездных весах, взвешивавших самосвалы с зерном, Абу сел на скамью рядом с весовщиком и, переполненный впечатлениями, незаметно уснул. Тут его и обнаружил Махамет.

— А теперь домой, — сказал он, перебрасывая мальчика в кузов машины. — А то мама твоя там уже, наверное, ругает нас. Да и отец ждет не дождется, чтобы закончить вчерашний разговор.

Я сел рядом с Махаметом и своими ушами слышал то, что сказал деду Абу. Случилось это, когда мы уже приближались к аулу. Он притянул деда к себе и прошептал:

— Махамет, передай папе, пожалуйста, что я больше никогда не буду бросаться хлебом.

— Вот и хорошо, — серьезно ответил Махамет. — Это я ему сообщу. Будем считать вчерашнюю историю забытой.

Что-то в тоне деда показалось мальчишке подозрительным.

— Честное слово, Махамет, не буду, — поклялся он.

— А зачем еще честное слово? — возразил Махамет. — Мы тебе и так верим. У нас ведь никто друга никогда не обманывал.

— Никогда! — подтвердил Абу.

Радио помогло

Хоть и не очень много в ауле жителей, разумеется, по сравнению с городом, но и здесь не со всеми удается наладить дружеские контакты. С одним в детстве

что-то не поделили, он и помнит до сей поры, все еще при встречах отворачивается. Другого пришлось покритиковать на собрании. Тут комментарии излишни — большинство аульчан питают к критике такую же пылкую любовь, как и население индустриальных центров. С третьим вроде бы ничего и не сталкивало, а как-то так получилось, что ничего и не сближало.

Среди этих «третьих» был и Амзан, наш незаменимый плотник. Увидимся на улице — кивнем друг другу, вот и все общение. Так обычно и бывает между людьми, которых разделяет разница лет в восемь—десять. Когда один начинает брить усы, другой мечтает попасть в первый класс. Когда первоклассник переходит в десятый, у старшего товарища заводятся детишки, теща, мотоцикл. Амзан был старше меня лет на десять, и человеком он стал меня считать уже после войны. Году этак в сорок пятом или сорок шестом, встретив меня на улице, он легонько кивнул в ответ на мое горячее приветствие. Так и шло дело многие годы. Знал я, что у него один сын, знал, что его жена Таус, отличная доярка, ушла с фермы, когда там смонтировали импульсную доильную установку — новый механизм ей «не дался», как пояснила она сама, знал и его невестку. Амзан, как мне казалось, очень гордился выбором сына, но в адыгейском этикете тема о невестках — запретная, об этом не разговаривался. Вот, видимо, и все, что я знал об Амзана и его семье.

Как же удивился я, когда заметно подросший Алий, увидев меня во дворе, осведомился:

— Амзан знает, что ты приехал?

Если бы в ауле Амзанов было столько, сколько Махмудов или Саферов, вопрос Алия заставил бы задуматься — которому это Махмуду или Саферу я понадобился? Но Амзан у нас имелся в одном экземпляре, и нужен я был ему не более чем Большая Медведица. Поэтому ответ мой носил весьма определенный характер.

— Среди тех, кому я сообщил о своем выезде, — сказал я, — как мне помнится, Амзана не было.

— А зря, — возразил Алий. — Он несколько раз тебя спрашивал.

— Может быть, он сказал, какое у него ко мне дело?

— Ничего он не сказал, он вел себя так, словно курица, которая никак не может решить, где ей снести яйцо.

— С сыном его ничего не случилось? — на всякий случай спросил я, хотя знал, что, если бы с кем-либо что-либо случилось, мои домашние осведомили бы меня своевременно.

— Вот именно, с сыном и случилось, — ухмыльнулся Алий. — У сына появился сын, Амзан-второй. Наверное, Амзан-первый попросит тебя сообщить об этом событии по радио.

В то время я работал на радио, и реплика Алия показалась мне весьма остроумной. Подобное, кстати, в принципе исключено не было. Простодушные односельчане были уверены, что события их личной жизни не менее интересны и важны, чем, скажем, сбор огурцов в зеве угрюмого Хаарета. Не раз на площади, у магазина, мне приходилось участвовать в импровизированных читательских конференциях.

— Аскер из Кошехабля получил от ста овцематок сто пять ягнят, — подражая нашему диктору, провозглашал при моем появлении Аскер из Шапсуга, и все дружно смеялись. — Уж лучше сообщил бы, Киримизе, что жена нашего счетовода родила двойню.

Я мог бы привести два-три десятка ехидных реплик, показывающих, что далеко не все мои земляки столь же горячо интересуются делами соседей, как я сам. Но с воспоминаниями пришлось повременить — в калитке стоял Амзан. Разумеется, тот, который был старше меня на десять, а не младше на пятьдесят. Глаза его блестели, выглядел он как бы помолодевшим. Будто на курорте побывал. Видно было, что его действительно раширало от желанья чем-то поделиться. Вспомнив сравнение Алия насчет курицы, я подумал, что яйцо сейчас будет снесено. Что же обнаружится под его скорлупой?

Но Амзан не торопился. Как положено, он подробно расспросил меня о здоровье, о работе, о погоде в Майкопе, области, в крае, а также на Черноморском побережье. Как человек повоевавший, Амзан неплохо знал географию, особенно Европы. Мне подумалось, что, если гость переключится на вопросы о погоде только лишь в тех странах, в которых ему пришлось громить фашистов, разговор наш растянется на весьма неопределен-

ное время и еще неизвестно, не помешает ли нам что-либо добраться до сути. Чтобы ускорить события, я думался на хитрость — попросил Алия позвонить секретарю парткома, что я немного задержусь по уважительной причине, пусть подождет.

— Нет, — заволновался Амзан, — сейчас я тебя отпущу. У меня всего несколько слов. Ты, Алий, погуляй на улице, — повернулся он к мальчишке, — у нас с Киримизе мужской разговор пойдет.

Алий исчез. Проводив его глазами, Амзан совсем тихо проговорил:

— Должен перед тобой извиниться, дорогой. Извиниться и сказать спасибо. Огромное спасибо. Ты сам должен понять — в моем возрасте без внука — это одна смехота. Позор какой-то, а не жизнь. Разве последние годы я жил? Мне казалось, что весь район на меня пальцами показывает. А теперь я могу спокойно на улице показаться. Спасибо тебе, дорогой, и извини за то, что было.

— Что же такое было, Амзан, за что я тебя должен извинить? Мне раньше казалось, что ничего такого между нами не было.

— Верно, Киримизе, — согласился Амзан. — Это между тобой и мной ничего не было. А между мной и тобой было.

По выражению моего лица Амзан догадался, что и это объяснение нуждается в пояснении.

— Конечно, ты ничего не знал... Понимаешь, я всегда считал, что ты занимаешься пустым делом. Что это, — думал я, — за работа — тараторить по радио. Не дело для мужчины, думал я. И мне было удивительно — как это такой уважаемый человек, вожака, не понимает, что его закинуло на обочину. Понимаешь, дорогой, я именно так и думал до последнего времени. И только после того, как невестка моя понесла, я понял, что и радио — дело вполне мужское.

Вот когда я оценил деликатность Амзана, отправившего погулять Алия. Конечно, счастье, что он или кто-либо другой не оказался свидетелем нашего разговора. Но что Амзан все же имел в виду?

— Амзан, — взмолился я, — дорогой мой, извини за назойливость, но в последнее время у меня что-то с памятью стало. Пожалуйста, подробнее, что ты имеешь в виду?

— То, что было, дорогой товарищ. Спасибо, что не оставил наше письмо без ответа, спасибо, что посвятил целую передачу этому щекотливому вопросу. Теперь сам видишь, чем дело закончилось — у меня внук!

И тогда меня осенило.

— Послушай, Амзан, — осторожно осведомился я, — а как складывались дела до того, как ты додумался письмо написать? Пожалуйста, подробней, это необходимо для совершенствования радио.

— Не я додумался письмо написать, извини, но я считал, что все это — одна болтовня. Старуха моя так решила. Ты ведь знаешь, что ни в одном доме нет такой замечательной невестки, как у меня, видел ее не раз. Всем взяла девушка — и красотой, и умом, и вежливостью, радуясь, да и только. Но... вбила себе в голову, что с детьми надо повременить — где-то вычитала, будто после родов молодая женщина становится не такой красивой. Сам понимаешь, мне на такие темы ни с ней, ни с сыном заговорить невозможно. Старуха кое-как выведала у нее причину нашего горя и сообщила мне. По мнению невестки, лучше всего рожать в тридцать лет. О, аллах, ей-то двадцать один. Девять лет ждать! Уж лучше в могилу сойти.

Амзан, говоря о могиле, весело улыбался — ведь все было в прошлом. Сейчас он готов драться за каждый день своей жизни — кто, кроме него, сумеет по-настоящему воспитать внука? Все это было написано на его лице.

— Вот тогда-то старуха и брякнула: «Вижу, что без нашего земляка — работника радио — ничего у нас с внуком не получится». И она попросила сына написать тебе на радио письмо. Конечно, без подписи. Помнишь это письмо? В нем говорилось, что теперь в аулах молодые женщины боятся рожать, так как думают, что после родов они станут некрасивыми, а им не хочется в молодости быть безобразными. Если они ошибаются, пусть радио ответит. А чтобы мы знали, будет ли такая передача, попросили сообщить об этом по радио. Остальное ты знаешь лучше меня, дорогой...

Я чуть не хлопнул себя по лбу. Ну и история! Живо вспомнилось озабоченное лицо радиожурналистки, явившейся с этим письмом. Сквозь его строки так и читалось ненаписанное: «Помогите, хотим иметь детей!» План ее был прост: пригласить в студию врача-специа-

листа и актрису адыгейского драматического театра, мать четырех детей. Разговор должен вестись на полном серьезе, без иронии, без издевки, доказательно. Чтобы выстрел попал в цель, мы несколько раз сообщили, что такого-то числа будут переданы ответы врача по теме: «Материнство и красота женщины».

— Моя старуха все здорово устроила, — вспоминал Амзан. — Невестка — не особая любительница слушать ваши сообщения, скажу откровенно, но Таус так все подстроила, что она оказалась у репродуктора перед началом вашей передачи. Выслушав все, задумалась. Актрису эту она несколько раз видела в театре, исключительной красоты женщина... Прошло какое-то время, и старуха передала мне просьбу невестки. Ты догадываешься какую: сделать детскую коляску. Уж я постарался, такой коляски и раньше не было и в будущем не будет.

— И тебе спасибо, Амзан, за этот рассказ. Я рад, что все улажено, что радио сослужило вам такую службу.

— Не совсем, — улыбнулся Амзан. — Ты ведь знаешь, что говорили наши прадеды. Они говорили: «Двоих иметь — это значит иметь почти что одного, а если иметь только одного — это почти что ничего не иметь». Правда, они же и добавляли, что воспитывать ребенка — это все равно, что грызть камень. Но ничего, у сына зубы — как из железа, да и я еще не успел познакомиться с зубными врачами.

— Желаю в этом деле полного исполнения желаний, — сказал я на прощанье. — Если что, смело обращайся на радио, сделаем все, что возможно.

— Спасибо, родной, — заулыбался старик. — Но думаю, что на этот раз сынок сам управится.

Неожиданный стимул

Сейчас много говорят о различных формах стимулирования. Само слово «стимул», как утверждает «Словарь иностранных слов», — латинское и означает «стрелка», «подгонялку». Думается, что это слишком приимитивное, буквальное толкование. Ближе к истине, мне кажется, трактовка более широкого плана — побужде-

ние к действию, поощрение. И если судить с этих позиций, то слово стимул вполне подойдет к тому, что произошло с дедом Сафером — человеком в высшей степени упрямым и непокладистым.

— Тут необходима существенная оговорка — Сафер статен и чернобров, крепок и черноволос, лишь на висках пробивается седина. Дедом же я назвал его только потому, что он дед по своему семейному положению. Женился, вопреки принятому у нас правилу, очень рано, как уверяют его приятели, из упрямства. Заметив как-то красавицу Мариет, он раза два побывал у нее в гостях, вот и все ухаживание. Мариет, воспитанная в духе национальных традиций и обычаев, на него и внимания почти что и не обратила: молодые ходят от скуки, а более степенные выбирают невест. То есть нельзя сказать, чтобы она совсем не заметила рослого, плечистого парня в аккуратной черкеске, на которой поблескивал отцовский серебряный кинжал, девичье око мимо таких фактов не проходит. Просто молодость парня выводила его за рамки брачных помыслов.

Но сам Сафер, как рассказывают его друзья, рассудил иначе. Он сообщил самым близким товарищам, что намерен жениться на Мариет и сделает это немедленно. Его, конечно, стали отговаривать. «Ей же почти столько лет, сколько тебе, — говорили они. — Подожди уж, покуда у нее подрастет дочка, тогда и женись».

— А если у нее будут одни сыновья? — заметил Сафер. — Выходит, я должен буду дожидаться ее внучки? Нет, джигиты, мне требуется именно эта Мариет, и она будет моей женой.

Как в воду смотрел Сафер — пошли у него, как по заказу, одни сыновья, хотя ему самому, опять же вопреки обычаю, хотелось иметь и дочь.

— Все, точка, — сказал, говорят, Сафер, когда родился пятый сын. — Помоги, аллах, поставить на ноги эту банду.

Жене признался: хотелось иметь дочь, чтобы на старости перед глазами молодые годы вставали, чтоб вторилась в ней их молодость.

Сыновья в отца вышли. Все рослые, бровастые, молчаливые и упрямые. Не успеют школу окончить, семью заводят. Не успеют жениться — внуки прут. И тоже — все мальчики. Мариет волнуется, переживает, требу-

ет, чтобы муж «вмешался», образумил, хоть младшего парня, заставил учиться, а Сафер только ухмыляется:

— Легче лбом в стену окно сделать, чем перепорить нашу породу. А от ученья толку не много, были бы шарики в голове, без хлеба не останутся.

И в работе в отца выдались. Тот, окончив курсы трактористов, дальше заниматься не пожелал, и эти. Хотели Сафера на курсы бригадиров послать, ноотрез отказался. Застряли на месте и сыновья.

— Пусть другие сохнут за партами, — без обвиняков заявил он, — а я и трактористом на хлеб зарабатую.

Был момент, когда правление решило послать Сафера на курсы агрономов, — создали такие специально для заслуженных практиков, — но и тут он уперся. Эту историю я хорошо помню, — как раз сидел в правлении, когда подбиралась кандидатура на курсы. Представитель райцентра, перебрав несколько фамилий, вдруг вспомнил:

— А что же вы Сафера Кунижева не называете? Он по своему уровню любого агронома за пояс заткнет. Обзаведется знаниями, цены человеку не будет. Зовите Сафера.

Понимая, что из этого ничего не выйдет, председатель все же возражать не стал — чего зря спорить с начальством, ведь кандидатура действительно очень подходящая. По глазам председателя догадался: очень ему хотелось послушать, как они будут разговаривать — представитель с Сафером.

И вот тракторист, поздоровавшись со всеми за руку, уселся у стены кабинета, сплошь заставленной стульями.

— Идея одна есть, Сафер, — сказал председатель. — Ты только сразу не брыкайся, как необъезженный жеребчик, не спеши. Человек ты достойный во всех отношениях, награжденный орденом, а вот в вопросе о повышении уровня не совсем сознательный. А теперь послушай представителя.

— Говори, спасибо, Сафер, — заулыбался представитель, — и собирай чемодан. На год отправим в город. Год проучишься, пролетит, как один день, и вернешься в колхоз младшим агрономом. Давай, Сафер, беги домой, завтра выедем вместе.

Хитро зашел представитель, вроде бы и отступать Саферу некуда. Другой бы из такой ловушки не выбрался. Только упрямство Сафера оказалось сильнее всякой дипломатии.

— Опять курсы, — ухмыльнулся он. — Бросьте вы уже мучить меня этими дурацкими разговорами. Посмотрите сами, старший внук в школу собирается, а я за парту сяду. Я знаю, зачем вам это, — выкрикнул он поднимаясь. — Знаю! Хотите, чтобы надо мной во всем районе смеялись. Вот чучело, вот выскочка, разогнал молодых и, вместо того чтобы честно работать, сачковать уехал.

Теперь в тупике оказался представитель. Так он из него и не выбрался. Учиться в спешке послали какого-то недотепу.

Прошло несколько лет. Однажды, зайдя в Майкопе в книжный магазин, занимающий почти весь первый этаж огромного нового здания, я не поверил своим глазам: в отделе учебников перед продавцом стоял Сафер. Все еще молодцеватый, но с седыми висками. «Многовнучный дед» — как шутя называли его сверстники.

— Есть кое-что интересное и по механике, — услышал я голос продавщицы. — Подобрать?

— Давай, хороший человек, все давай, что может пригодиться, не жалею денег, только спасибо скажу.

Заметив меня, Сафер обрадовался.

— Посмотри, пожалуйста, дорогой Киримизе, что еще можно взять для самообразования.

— Для какого возраста? — не без задней мысли осведомился я — любопытство разбирало меня весьма основательно: для кого это так старается наш упрямец, не желающий учиться. Ответ его показался мне шуткой.

— Для меня, — вздохнул Сафер. — Видно, от судьбы не уйдешь, — добавил он после продолжительной паузы.

«От судьбы не уйдешь!» — это звучало не только загадочно, но и в какой-то степени зловеще. Что подстроила этому человеку судьба-злодейка? Неужели он на старости лет согласился стать бригадиром? И теперь догоняет ветер?

Приставать с вопросами у нас не принято. Порывшись среди книг, уже отобранных продавщицей, я ог-

казался от первого предположения и решил, что кто-то из друзей Сафера повышает свое образование во всех сферах знаний. Занимательная астрономия и задачи по физике, популярные книги по естествознанию и биологии и многое другое уже было сложено. Девушка добавила к ним литературу по механике, математике. Уплатив деньги, Сафер направился к выходу. Мое приглашение отдохнуть и попить чаю он вежливо отклонил, сказав, что торопится в ночную смену.

— Мы теперь со старшим сыном, — пояснил он, — на одном тяжелом тракторе работаем. Я стараюсь больше в ночь выходить.

«Значит, для сына», — решил я, расставшись с земляком. И успокоился: ничего не только зловещего, но и таинственного.

Но оказалось, что я ошибся. Произошло нечто более интересное, даже невероятное: учиться действительно начал сам Сафер. В магазине он сказал правду, а я истолковал его слова иносказательно. Узнал об этом от одного из наших учителей, навестивших меня в Майкопе. Первый его внук, как уверял Сафер, поразительно походил на бабушку, дед здорово привязался к нему. И Юнус почему-то признавал одного лишь деда. Слово Сафера было для него законом.

— Бабушка, почему из кастрюли валит пар? — спрашивает Юнус.

Бабушка отмахивается.

— Придет дед, он тебе расскажет.

— Верно, — соглашается кроха, — Сафер все знает.

Однажды сын заспорил о чем-то с отцом в присутствии Юнуса.

— Папа, — потянул мальчик отца. — Не спорь с Сафером, он все знает. Вот пойду в школу, Сафер мне будет помогать.

— Как же, будет, — хмыкнуло среднее поколение: старший сын явно ревновал Юнуса к деду. — Лгунишка ты маленький... Что дед знает, кроме машин?

Юнуса эти слова расстроили, он стал горячо доказывать, что дед знает все. В заключение спросил:

— Правда, дедушка, ты ведь будешь мне помогать, я не лгунишка?

Ответа он ожидал необычно долго: Сафер вдруг приумолк. Он не привык давать пустые обещания. Сказал, значит, будет сделано. Но если признаться

внуку, что в школьных делах он не силен и может оплошать, выйдет все же, что Юнус — лгунишка. И лишь потому, что зря так уверовал в деда. Подорвать свой авторитет в глазах самого любимого внука, внука, похожего на Мариет, Сафер не мог. Оставалось одно: подтвердить, что внук прав, и доказать это.

— Я тебе буду помогать, дружок, — четко и твердо ответил дед. — Я никогда не допущу, чтобы кто-то мог назвать тебя лгунишкой. Но это не значит, что кто-то будет стараться за тебя. Буду разъяснять тебе лишь самое сложное.

Так Сафер взялся за пополнение своих знаний — из, так сказать, престижных соображений. Стимулом для этого послужило желание остаться на уровне в глазах Юнуса. Как он сам потом объяснил мне, в тот момент он полностью не представлял себе, какое хлопотное и почти непосильное дело взвалил на свои плечи. И добавлял: к счастью! Если бы открылась тогда перед ним вершина горы, на которую решил взобраться, то определенно дал бы задний ход. Но он видел лишь ее подножие, что-то вроде предгорья, сама же вершина скрывалась в неясной дымке.

Программу первого класса Сафер повторил в несколько дней, потом начал штудировать методическую литературу, которой его снабжал дальний родственник, учитель. Он же посоветовал Саферу записаться разными занимательными книжками, в которых можно найти ответ на множество неожиданных вопросов.

Начальную школу проскочили без труда. Юнус лучше всех своих сверстников, да и большинства взрослых, знал названия деревьев, каждую травинку, каждый злак называл по имени, знал повадки животных и зверей, особенности растений. Всему этому Сафер в свое время обучался у своего деда. «Занимательная астрономия» помогала ему давать консультации и по части воздушного океана.

С пятого класса Саферу стало труднее. Теперь пришлось заниматься уже не часок-другой в неделю, а более систематично. Наблюдавшая за этим соревнованием Мариет не могла представить, что предпримет ее упрямый муж, когда программа еще более усложнится.

А он сделал то, чего никак не ожидали, стал заниматься открыто, отдавал книгам все свободное

от работы и внуков время. Пишу «внуков», так как за Юнусом следовала целая череда мальчишек, и все они жаждали отделиться перед делом и завоевать его любовь. К чести Сафера, он прилагал все силы, чтобы не делать различия между внуками, чтобы никто не заподозрил его в предвзятом отношении к старшему. Но спрятать его слабость было так же трудно, как скрыть в боковом кармане арбуз. Впрочем, знаний, припасенных для Юнуса, с лихвой хватало всем остальным — ведь они были младше.

Приезжая в аул, я не раз шутя спрашивал Сафера, в каком он сейчас классе. Молодцеватый бригадир тракторной бригады — его все же уговорили занять эту должность, — подкручивая буденновские усы, лихо рапортовал:

— Так что, Киримизе, переходим в девятый.

— А что, — поинтересовался я, — Юнус без твоей помощи не одолел бы эту премудрость?

Сафер как-то огорченно цокнул языком, глаза его затуманились. Это означало, что я задал вопрос, которого задавать не следовало ни в коем случае. Взгляд, которым сопровождалось цоканье, должен был подсказать мне, что цокающий возлагал на мою догадливость куда большие надежды.

— Лошадей, Киримизе, — сухо произнес Сафер, — у меня нет со времен коллективизации, но плетка осталась. Плетка лежит всегда на одном месте. И как я, Киримизе, ни люблю внука, я бы исполосовал ему спину, если бы он без моей помощи не осваивал то, что нужно. Я ему даю то, что не может дать ни одна школа: Понял?

И он пошел своей дорогой.

Пошел и я. Точнее, не пошел, а побрел. Что, собственно, имел в виду этот упрямец? Что успехи Юнуса не имеют к нему никакого отношения? Тогда на кой черт он тратит остатки своей жизни на учебники и не очень популярную литературу?

С этим вопросом я и уехал в Майкоп.

А совсем недавно встретил Сафера среди бела дня, да еще в будний день в городском парке. Поздоровались, присели на скамью. Ведя беседу по всем правилам, мы минут через пятнадцать приблизились к делам семейным. И тогда я спросил, что привело его в такой день в город, не могу ли быть полезным?

Сафер отрицательно покачал головой.

— Я думаю, — заметил он, — парень справится и сам. Сегодня у него последний экзамен, на первых трех получил пятерки...

Огромная выдержка понадобилась мне, чтобы не задать висевший на кончике языка вопрос: не думает ли он вместе с Юнусом и институт кончать? Счастье, что сдержался.

Помолчав, Сафер повторил:

— Думаю, что парень справится сам. — И добавил: — Не в нем дело, Киримизе. Горько признаваться в своих ошибках, но без этого не обойтись — дело в том, что я слишком поздно понял, куда завело меня мое идиотское упрямство и невежество. Да, Киримизе, невежественное упрямство.

Я боялся шевельнуться: дожждаться исповеди самого Сафера — не чудо ли это?

— Скажу откровенно, Киримизе, людей, тратящих время на книги, я считал чокнутыми. Вот я, обыкновенный тракторист, думал я, зарабатываю вдвое, а порой и втрое больше учителя. Без вороха книг. И мозги не сушу. И в душе потешался над образованными. Потратить столько лет, чтобы ничего не получить взамен... А потом появился этот неожиданный стимул — желание не ударить в грязь лицом перед внуком. Стал читать.

Сафер достал папиросу, затянулся, спросил:

— Походим? Что-то не сидится...

Мы прошли по главной аллее парка, пустынной в эти дневные часы. Лишь на отдельных скамьях сидели пожилые женщины, наблюдавшие за внучатами. Это зрелище несколько развлекло Сафера.

— Ты должен понять меня, Киримизе, — заговорил снова он, — тебе это понять нетрудно. Образованному. А неуч сочтет меня ненормальным. Читал я, и с каждой страницей узнавал что-то новое и необычайно интересное. Докапывался до самой сути, чтобы все толково передать внуку, чтобы и он увидел, как интересно проникать в тот мир. В неизвестное. И чем больше читал, тем страшнее становилось: сколько лет потереяно!

Сафер усмехнулся.

— Чем больше читал, тем лучше понимал, какую чудовищную глупость совершил, что не учился и не

приохожил к этому сыновей. Сколько мы все потеряли. И я продолжал читать, решать задачи. Но мне все труднее и труднее становилось, и я уже собирался бросить это дело, как вдруг этот сорванец задавал мне какой-нибудь немыслимый вопрос. Тогда снова садился за учебники: слово есть слово. А однажды, когда безнадежно застрял в какой-то теореме, ко мне подсел Юнус.

— Сафер, — сказал он как-то по-взрослому, как доброму приятелю. — Давай вместе. Ты мне достаточно помогал, а теперь проверь, не пропали ли твои усилия, не зря ли я тебя слушал.

Сафер бросил окурок в кусты и рассмеялся, но глаза его оставались грустными.

— Он разгадал меня, понимаешь? Давно, видать, разгадал и тянул за собой своими вопросами. Понял парень, что я страшно жалею, что не учился в молодости или хотя бы в средние года, когда такие возможности открывались, и решил исправить эту ошибку. Так я с ним и одолел десятилетку. И скажу тебе правду: если бы не седьмой десяток и не такая огромная тракторная бригада, я бы и институт протопал за ним. А что? На поводу у такого внука и в академики можно проскочить, — снова улыбнулся он, но теперь уже от всей души — смеялись и его украшенные морщинами глаза.

У выхода из парка, пожимая мне на прощанье руку, вдруг задорно взглянул на меня.

— Что, Киримизе, я, кажется, ответил на вопрос, который ты мне собирался задать? — весело спросил он. — Сбросить бы лет пятнадцать, ну, десять... пусть десять, и я бы бежал вслед за Юнусом и дальше. Отставал бы на полкорпуса, не больше. И институт бы с ним окончил...

Он пошел к институту, а я вдруг вернулся в парк. После такого откровенного разговора всегда хочется побыть одному.

Гостеприимство
Тембора

Сгущались сумерки, когда неподалеку от дома Тембора остановилась легковушка. Шофер начал копаться в моторе, а четверо пассажиров закурили, не выходя

из машины. Потом им надоело сидеть, они вышли и стали прогуливаться неподалеку от скамьи, на которой сидел Тембор.

— Долго ты будешь возиться? — спросил шофера один из пассажиров, очевидно, начальник. — Ехать нам еще далеко.

— Не знаю, — вздохнул шофер. — Причину найти не могу...

Оценив обстановку, Тембор пригласил путников зайти к нему в дом.

— Отдохнете, поужинаете, а утром продолжите путь.

— Спасибо, отец, — поблагодарил старший из пассажиров, человек лет сорока, блеснув очками. — Но нам необходимо сегодня же добраться домой.

Шофер, копавшийся в моторе, выпрямился и, вытирая руки паклей, сказал:

— Хотим мы или не хотим, а предложение принять придется, произошла поломка, я смогу устранить ее только утром.

Все двинулись за хозяином. В комнате, куда он привел гостей, было очень чисто и нарядно. Большой стол, застеленный узорчатой скатертью, на стенах ковры, на полу дорожки. Во дворе послышалось кудахтанье потревоженных кур. Вскоре в другой комнате зазвенели посудой, жена Тембора начала накрывать на стол. Гости удивились щедрости, с которой хозяйка принимала незнакомых, случайных людей. На столе появилась жареная курица, курица отварная в соусе, вот принесли жаркое из баранины с распространяющей аппетитный аромат подливкой, домашний белый хлеб, разные закуски и сладкое.

— Утощайтесь, дорогие гости, не обижайте хозяйку, которая старалась сделать ваше пребывание в этом доме приятным, — проговорил хозяин, приглашая путников к столу.

Шофер первым начал есть, остальные гости что-то не торопились. Затем нехотя принялись за еду. Чувствовалось, что им чего-то не хватает. Когда один из гостей, отведав острой подливки, закашлялся, хозяин крикнул в двери:

— А где же питье?

Дверь приоткрылась, кто-то протянул кувшин. Хозяин принял его и поставил на стол.

— Это грушевая вода, — сказал он.

Затем таким же путем появились кувшины с компотом и родниковой холодной водой — на все вкусы, как полагал Тембор.

Однако и напитки не произвели должного действия. Шофер и один из пассажиров, перебрасываясь веселыми репликами, отдавали дань кулинарному искусству хозяйки, двое же других пассажиров, люди средних лет, все чего-то медлили. Наконец один из них не выдержал:

— При такой закуске грех не выпить, — заметил он.

— Да, пропустить по рюмашке — самое время, — поддержал его второй. — Торопиться некуда, могу сходить в магазин. Если, конечно, хозяин не станет возражать.

Тембор хмуро молчал. Затем поднялся, оглядел гостей грустным взглядом.

— Не принято у кавказцев в чем-либо отказывать своим гостям, — сказал он. — Большого позора нет, чем показаться жадным или скупым, негостеприимным или заносчивым. И вы видите, дорогие гости, все, чем богат наш двор, на этом столе. Уверяю вас, если у горца вдруг чего-то не хватит для встречи гостя, он займет у соседа, но честь свою не уронит. Таков наш обычай. Так делали наши прадеды и деды, так и делаем мы, так будут делать наши дети и внуки. И пошмещищем станет тот, кто от этих славных обычаев отступится.

Тембор в упор поглядел на гостей, заговоривших о выпивке.

— Скажу вам, дорогие гости, было время, когда на моем столе стояли бутылки с горячительными напитками, мне не приходилось делать вид, будто я не понимаю намеков. Более того, я сам наливал гостям, сам говорил, что не пьют только телеграфные столбы, да и то потому, что у них стаканчики перевернуты, так сказать, вверх дном. Был у меня друг. Большой, настоящий друг, с ним мы еще до войны неразлучными были.

Старик указал на стену, там висел большой портрет человека лет пятидесяти, с медалями на груди.

— Его звали Капланом, — вздохнул Тембор. — Да, звали. Нет Каплана, виноват в этом и я. Да вы ешьте,

я ведь завел этот разговор, чтобы объяснить вам причину моей, как вы полагаете, жадности. Ешьте на здоровье и слушайте...

Он задержал взгляд на портрете друга и убежденно проговорил:

— Да, виноват во многом. Что могла поделать сего пагубной страстью жена? Или дети? Капкан и слушать никого не хотел. «Пью на свои», — кричал он. Но пил он не только на свои, а в последние годы и вовсе не на свои, — пропивал заработок жены и сына. Потом сын отделился, и жена оставалась и вовсе беззащитной. А я? Его друг? А вернее человек, называвший себя его другом? Что делал я? Угощал. Придет Капкан ко мне, и сразу на столе бутылка. Таковы, считал я, законы гостеприимства. Он этим пользовался, у меня не хватало решимости восстать против векового обычая. И день за днем ухудшалось здоровье друга, день за днем человек таял.

Был момент, когда я понял, что гублю товарища. Однажды за ужином он стал вглядываться в пространство перед собой, хотя перед ним никто не сидел. «Вот он, — как-то странно усмехнулся Капкан, — давно я за ним гонюсь...» С этими словами он стал махать в воздухе руками, словно ловя кого-то. Потом вполне серьезно пояснил, что ловил шайтанчиков, каких-то джиннов, чертенят. Врач объяснил мне, что у человека началась белая горячка, что, если он не бросит пить, ему конец. Тогда-то я и решил нарушить законы гостеприимства, больше не поить друга водкой. Но... не выдержал. Жалобные просьбы, напоминание о старой дружбе, о горских обычаях, упреки в скарденности, и я махнул рукой...

Старик умолк и, выйдя из-за стола, подошел к портрету.

— А как он умер? — спросил один из гостей, тот, что предлагал «пропустить по рюмашке».

— Нашли утром у реки... Я прибежал одним из первых. Он лежал навзничь, глаза были широко открыты, в них прочитал я упрек. «Пусть я оказался слабовольным, — словно бы говорил его взгляд, — пусть. Но вы, мои друзья, почему же вы решительно не помогли мне удержаться на поверхности? Опомнитесь... Стать человеком. Таким, каким был...»

Тембор возвратился к столу.

— С тех пор, — закончил он, — дал я себе обет — никогда, ни при каких обстоятельствах, кто бы ни сидел за столом, не угощать в своем доме спиртным. Знаю, ничего от этого не изменится, никому я ничего не докажу, быть может, даже дам повод для злословия. Знаю, но слову своему не изменю. Извините за это добавочное блюдо, — грустно пошутил старик, — но вы должны знать, почему вам вместо водки подали компот.

С этими словами Тембор вышел из комнаты. За столом воцарилось взволнованное молчание. Гости сидели, задумавшись.

О чем думал каждый из них?

Почем знать...

Как услышать сказку?

Это не риторический вопрос, дорогой читатель, не прием, с которого автор решил «зайти», чтобы заарканить тебя, привлечь внимание к своему творению. Нет, я уже давно думаю над тем, как услышать сказку, которую мать напевает своему малышу? Услышать и записать.

Я смутно помню свое раннее детство, когда моя мать еще считала меня маленьким и рассказывала сказки. Некоторые запомнил. Признаться, я думал, что все матери в Адыгее рассказывают своим ребятишкам точно такие же сказки. Ну, может быть, с небольшими отклонениями, но в общем такие же самые.

И вот однажды я засиделся у товарища в гостях. Мы тихо беседовали, а в соседней комнате его жена и невестка укладывали детишек спать. Они рассказывали им сказку, которой я никогда не слышал, даже сама форма ее была для меня откровением.

— Подожди, — попросил я друга, — послушаем.

Первой начала невестка.

— У человека два глаза, — ласково пропела она.

— То, что видят глаза — правда, — речитативом произнесла старшая.

— Три ножки у нашего анэ, — пропела невестка.

(Анэ — это такой столик.)

— Раз у анэ три ножки, — повела старшая, — он очень устойчив.

Снова невестка:

— Четыре соска у коровы.

— Если у коровы четыре соска, — продолжала старшая, — и все целы, значит, ты завтра получишь молоко.

— Пять! — неожиданно коротко выдыхает невестка.

— Пять друзей — пять пальцев на руке, — комментирует старшая. — Если все дружно трудятся, это радостно, красиво и надежно.

— Шесть!

— Я увидела шестерых волков, но они не могли разорвать даже маленького комарика, — неожиданно сообщает старшая.

Невестка без паузы выключается в новую тему.

— Какими же они были, эти волки? Наверное, еще меньше блохи? Очень маленькие?

— Маленькие, да не очень. Они были ростом с коня Куйжия.

(Замечу: Куйжий — сказочный народный герой.)

— Да ведь конь Куйжия маленький.

— Маленький не маленький — догадайся сам: стоя у подножия горы, он достает траву с ее вершины.

— Так, верно, и гора эта была чуть поменьше бородавки?

— Меньше или не меньше, сам решай. Только знай, что когда богатырь заглядывается на ее вершину, у него слетает с головы папах.

— Значит, богатырь этот сам не больше кузнечика.

— Больше или не больше, суди сам: немного пригнувшись, он рукой черпает воду из колодца...

Сказка не прерывается ни на секунду. На последнее замечание следует немедленный ответ невестки:

— Но, может быть, колодец тот совсем мелкий — вода подходит к самому верху?

— Мелкий или не мелкий,образи-ка побыстрее: если утром забросить в этот колодец ведро, поднять его успеешь только к вечеру.

— Тогда, наверное, наш день мал, как наперсток.

— Мал или нет, пораскинь мозгами: утром корова уходит на пастбище, а возвращается оттуда к вечеру уже с телятком...

Сказка прервалась, так как ребята заснули. И я об этом очень сожалел.

— Послушай, Гошевной, где ты услышала эту сказку? — спросил я у жены друга.

— Нигде, — пожала плечами Гошевной. — Говорим, что взбредет в голову.

— Позволь, а как же невестка не сбивается?

— А она что, маленькой не была? — удивилась Гошевной. — Да ты что, не знаешь, мы каждый вечер болтаем детишкам все, что придет в голову? Ты меня, Киримизе, удивляешь.

Если б она знала, как удивила меня: в каждом доме свои сказки! И каждый день новые! С ума сойти. Стать невидимкой и бродить из дома в дом — каждый вечер можно записать несколько новых сказок. Этой мыслью я тут же поделился с хозяином и хозяйкой. Гошевной только хихикнула, а хозяин посоветовал:

— Если достанешь костюм невидимки, все же не заглядывай к Бирамовым — он такой ревнивый, что по запаху чужака учует. Надаёт по невидимым местам — сидеть не сможешь.

Эта шутка скрасила немного мое огорчение по поводу того, что шапка-невидимка не уцелела, а другой равноценный костюм еще не скроен.

Впрочем, через несколько дней выяснилось, что в некоторых случаях можно кое-что занести в блокнот и без костюма-невидимки. Заглянул я как-то к старому Салеху — просто так, без особой цели. У него сидели его сверстники. Прислушавшись, понял, что старики пересказывают какие-то притчи.

— Трое охотников, — вел рассказ один из гостей, — пришли однажды к мудрецу: они нашли в лесу дикий мед и никак не могли его поделить. Каждый считал, что ему полагается больше. Попросили это сделать мудреца... Старик спросил жадных друзей: «Как разделить мед, по-человечески или по-божески?» Все трое в один голос закричали: «Конечно, по-божески». Мудрец разделил мед на две неравные части и сказал: «Теперь деритесь. Кто окажется сильнее, получит большую часть, а самому слабому ничего не достанется». Охотники помялись и попросили поделить мед по-человечески. Мудрец разделил мед на три равные части. «М-да, по-человечески лучше», — согласились охотники.

Так закончил свою притчу рассказчик.

— Ладно, друзья, — проговорил Салех. — Хозяйка уже приготовила ужин, пойдемте.

Перед ужином я наскоро записал эту притчу.

Теперь хожу в гости, как говорится, с камнем за пазухой, то есть с блокнотом в кармане. Чуть что услышу — на бумагу. Да вот беда — не очень-то разговорчивы мои земляки, а особенно — землячки. Вот и думаю: как услышать сказку?

Мудрые слова

Недавно у нас в ауле побывал известный лингвист. Он интересовался, как и положено людям его профессии, фольклором и вообще народной мудростью. Особенно же его привлекали пословицы и поговорки.

— Постой, дорогой, не торопись, — может сказать мне внимательный читатель, — подобный сюжет ты уже однажды использовал. Только тогда приезжал не фольклорист, а писатель. И даже, кажется, не один.

Что возразишь? Прав ты, целиком и полностью прав, уважаемый читатель. Но что поделаешь, если в последние годы в наш аул зачастили люди. Из края, из столицы и, честное слово, даже из-за рубежа. А о майкопских ученых и говорить нечего. Не зря же в ауле выстроили двухэтажную гостиницу. Предприятие это действует на хозрасчете и приносит прибыль. Совсем недавно в ауле побывал филолог из Чехословакии, знающий адыгейский язык. Он изучал наши племенные диалекты. Ученые, обрабатывая сведения, полученные от мудрых стариков, обогащают науку. Им присваивают различные звания и повышают в должности. В связи с возрастающим наплывом ученой братии, в сельсовете даже занялись делом совершенно новым и необычным — классификацией стариков. Теперь известно, что одни из них особенно сильны в адыгейском эпосе, другие — знатоки старинных мелодий и танцев; есть, оказывается, среди них и немало этнографов — это специалисты по орнаменту, разной бытовой утвари, по музыкальным инструментам, одежде и другим, еще более узким отраслям.

Вот почему появление лингвиста из Москвы никого не застало врасплох. Во время завтрака он объяснил

мне цель своего приезда, а после завтрака я повел его к Индрису Хатхо. Моим землякам это имя без дополнительных слов разъясняет цель приезда московского гостя. Заметив, что я веду москвича к Индрису, Алий сказал довольно громко:

— Товарищ из центра интересуется пословицами.

Для читателей же, которые не столь близко знакомы с Индрисом Хатхо, замечу, что лучшего знатока по этой части в нашем ауле нет. Особенностью Индриса, впрочем, является не память его, а самобытность. Много раз я беседовал с ним и пришел к выводу, что он сообщает не только те пословицы, которые слышал от старших и запомнил, но и те, которые сам сочинил в момент данной беседы. Они у него, как он однажды признался, «как-то сами с языка срываются».

Представив гостя, я пояснил Индрису цель его приезда.

— Из самой Москвы! — удивился старик. — Стоило ли так далеко тащиться, чтобы услышать наш невразумительный лепет?

Как и положено, он долго доказывал, что равным счетом ничего не знает, что школы не кончал, а писать научился уже после коллективизации, да и то только потому, что его выбрали бригадиром. А то бы и по сей день оставался неграмотным.

— И вообще мне создали дутую славу, — произнес он уже вполне серьезно. — В разговоре с соседями или со своей старухой, бывало, приведешь какую-нибудь ранее услышанную присказку, а они рты открывают: откуда? Известно откуда — от деда. Дед у меня так разговаривал, что никогда слушать не устанешь. Эх, если б вы с ним встретились! Сто тетрадей написали бы, не меньше. Адыги говорят: голова человека стоит столько, сколько видят его глаза, потому я и старался все видеть и запоминать.

Переводя все это гостю, я запнулся на последней фразе. Афоризм насчет головы и глаз я услышал впервые и сразу же занес его в свой блокнот.

— Что ты там себе записываешь? — ревниво уставился на меня гость. — Не дело, коллега, не дело. Переводи все, он ведь для меня сейчас говорит.

— Тут непереводаемая игра слов, — схитрил я, — виднома. Потом разберемся.

— Говори так, как он сказал, над переводом будут работать знающие люди. Пришлось уступить. Воспользовавшись нашей короткой перепалкой, Индрис спросил:

— Почему вы все записываете? Ведь запомнить сказанное легче, чем записать? Пусть лежит в голове, тогда нужным словом можно будет воспользоваться в любое время. А с тетрадями одна возня. Я, конечно, понимаю, что запоминается не все, а только то, что проходит через сердце. Недаром адыги говорят, что сердце и ногти никогда не стареют. Мне кажется, что так мог сказать только человек, который хорошо присмотрелся к людям и знал жизнь со всех сторон.

— Если мы станем надеяться на память, — вздохнул гость, — мы не сохраним и сотой части того, что услышим.

— Может быть, — неуверенно проговорил Индрис. — Может быть. Но все же сохранится самое главное, самое ценное. И это еще лучше. Слова надо провеивать, как просо или пшеницу. Полова уйдет на корм скоту, а людям останется зерно.

Подождав, пока я все это перевел, Индрис заметил:

— Встречались мне не раз люди, которые свое дело во время не сделают, а потом носятся, мечутся, тратят силы, суетятся, причем чаще всего без толку. Таким я в глаза напоминаю адыгейскую поговорку: «То, что не найдешь в хорошую погоду, не сыщешь в дождь». А есть люди, которым ничего не стоит сказать неправду. Смотрит в глаза и врет. Знает же, как было в действительности, но врет, не краснея. Такому человеку надо сказать, глядя прямо в глаза: «Сколько ни будешь валить правду, она все равно поднимется. Сколько ни будешь ставить на ноги ложь, она все равно свалится».

— А что вы скажете о новой жизни? — задал вопрос гость.

— Люди стали жить богато, отлично одеваются, пользуются новой техникой. Мой внук, — Индрис едва заметно усмехнулся, — даже от бритвы отказался, чешет лицо какой-то тарактушкой. Мы в молодости так хорошо не жили. Есть на праздник новые чукьяки, и рад-радехонек. Сейчас молодежь каждый день, в будни и на работе, носит красивую одежду и обувь, часики. Это хорошо. Но все же надо помнить, что самая нарядная

одежда — молодость. Это я стараюсь напоминать своим внукам. Берегите, говорю им, свою молодость, дорожите каждым ее часом, не запяните ее пехороним поступком.

— А что вы скажете насчет электробритвы? Почему она вам не нравится? Удобно ведь.

— Это верно, удобно. Человек, пользующийся электробритвой, никогда не будет не брит. Но, как я заметил, он и никогда не будет чисто выбрит.

Гость машинально провел рукой по подбородку и смутился.

Индрис заметил это.

— Не прими ничего из сказанного на свой счет, — быстро проговорил он. — Я — хозяин, ты — гость. Значит, ты — хозяин, а я слуга. По этому поводу у нас говорят: гость всегда готов, хозяин — не всегда. Но ко мне это не относится, я научился в любой момент достойно встречать гостя, у моей старушки для этого всегда наготове неприкосновенный запас. Только эти слова не для ее ушей, услышит похвалу и испортится: для человека похвала все равно что для молока тепло — скиснет. Но сколько бы у тебя не было припасено для гостей, не забывай, что говорили наши отцы: корми гостя не столом, а лицом. Что это значит? А вот что. Можно богато накрыть стол, наставить всякой снеди, но никто от этого не получит удовольствия, если у хозяина хмурая физиономия. Или хозяйка не в духе. Или кто-то в доме срывает свой гнев на ребенке. Это оставляет неприятный осадок. Если хозяин и хозяйка веселы, угощают улыбкой, шуткой, то и небогатое угощение кажется княжеским.

Москвич аж порозовел от удовольствия. Записав все это, он попросил Индриса порассуждать о дружбе.

— Об этом много метких выражений знают люди, — оживился Индрис. — Кое-что запомнил и я из того, что говорил мой дед. Вместе есть — вкуснее, вместе трудиться — выгоднее. Разве не верно? Или вот: лучше иметь верного друга, чем злого брата. Дружбу не купишь, не унаследуешь, ее надо заслужить. И потому еще говорят: люди все могут. Конечно, и люди разные. Сто друзей, говорят, мало, один враг — много.

Хозяйка прервала наш разговор, подтвердив еще раз, что старик не зря хвалил ее. Пока мы отдавали дань ее жуликарному искусству, Индрис рассказывал:

— Часто бываю в клубе, слушаю приезжих докладчиков. Многие толково говорят, мысль ясна, но излагается сухо. Почти ни один не приведет к месту пословицу или поговорку, не пошутит. А ведь что такое шутка или пословица в докладе? Это все равно что приправа к пище. Мыслим ли шашлык без лука, перца и разного прочего? А ведь мудрые изречения — та же приправа для докладчика, без нее содержание получается пресным, как каша для новорожденного. Вот, например, недавно слушал я доклад о поведении. Много правильных мыслей было высказано, но запомнить их трудно. А сказал бы он, что мужчина должен кушать хорошо, а женщина красиво, и легко бы в память вошло — как в кошелек. Или такое изречение: «Мужеподобным стать легко, а ты стань мужчиной». А это не пригодились бы: «Больше слушай, меньше говори», «Гни лозу, пока молодая, учи сына, пока мал», «Плохой сын отца позорит», «Делая зло, не надейся на добро». И еще о мужчинах: «Трус своей тени боится».

Чем дальше шел разговор, тем больше приводил афоризмов старик. Это было удивительно. И, конечно, многое я переводить не успевал — заносил как попало в блокнот, чтобы потом разобраться. Лишь на другой день вместе с товарищем из Москвы стали мы расшифровывать эту скоропись. Литературный перевод порой сделать было бессмысленно, ибо смысл некоторых изречений был понятен лишь тем, кто знаком с нравами и обычаями адыгов. Их мы оставляли в покое. Но многие были ясны и в беглом, подстрочном переводе.

— Кто в состоянии, угощает весь аул, а иной и родную мать не прокормит.

— Если сердце не видит, то и глаза слепы.

— Нога коровы не поднимется на теленка.

— Легко управлять лодкой с берега.

— Что тревожит, о том и думаешь.

— Не кичись прожитыми годами, кичись сделанным.

— Не потрудишься — горюшка хлебнешь.

— Воспитавшись дома, иди на сходку.

— Не умничай.

— Любишь мед, люби и пчелок.

— Наевшись, гость поглядывает на дверь.

— Кто приглашает, тот не укоряет.

Записав все это, москвич тут же пытался самые поп-

равившиеся ему изречения перевести литературно. И это не получалось, — чтобы перевести иную пословицу, требуется очень много времени и сверх того еще кое-что.

Полистав записи, я продиктовал ему еще несколько мыслей Индриса:

— Не умеющий пить, пьет в десять раз больше и ослабляет разум на дне сосуда.

— В неначатом деле мерещится змея.

— Говори, подумав; садись, оглянувшись.

— Не имеющий быка запрягает теленка.

— Свою шапку сбережет тот, у кого под шапкой имеется голова.

— Чрезмерная хвала и чрезмерная хула — одно и то же.

— И мед хорош лишь на любителя.

Гость был очень доволен результатами поездки.

— Даже не знаю, удобно ли вот так брать чужое и публиковать, — засомневался он. — Правда, мы ведь ссылаемся на источник.

— Наш мудрый старик и это предусмотрел, — ответил я. — Вот среди записей я нечаянно пропустил такую: если я съем то, что предложил мне хозяин, я не обжора; если поведаю то, что услышал — я не сплетник.

— А может быть, мне следует еще раз наведаться к этому чудесному старику? — вдруг осенило москвича. — Под конец разговора его будто прорвало — так и сыпал афоризмами. И вообще меня удивляет поведение местных фольклористов: под боком такой исторический источник, а они пьют хлорированную водопроводную воду.

— Хорошо, если ограничиваются ею, — пошутил я. — Но они знают: если драгоценность не беречь, она быстро потускнеет.

— А может быть, все же заглянем к Индрису еще раз? — начал настаивать он.

— Боюсь, что услышим мы то, что ему останется сказать — для этого случая у старика припасено изречение, так же бьющее не в бровь, а в глаз.

— Думаю, что меня не остановит никакое изречение — ведь даже из-за одного меткого слова можно проехать тысячу километров.

— Но оно уже известно, ради него не стоит тревожить старика.

— Какое же это изречение?

— Если осел недогружен, он не сдвинется с места. Извини, но ты сам настаивал.

Гость засмеялся и занес в тетрадь и эту строку.

— А как ты думаешь, какой подарок можно прислать старику, чтобы он не обиделся, а остался доволен?

— Пришли статью о встрече с ним.

— Да ведь он малограмотный!

— Э, дорогой, не ожидал от тебя такой наивности!

Он это слово тоже по-своему толкует. Индрия считает себя неграмотным по сравнению с теми, чьи книги стоят на его полках.

— И все же через год я снова навешу его.

— Это другое дело — через год он примет тебя так, будто ты пришел к нему впервые.

Бирамкуль

и ласточка

Проходишь по аулу и чувствуешь себя вечным дожником своих земляков. Вот здороваются с тобой молодой агроном. Автоматически киваешь в ответ и вдруг некоторым запозданием вспоминаешь, что ведь это именно он, этот на вид совсем молодой человек научил колхозников современным методам выращивания овощей. Теперь поливные площади дают раз в десять больше дохода. И мне становится стыдно, что я еще не написал об агрономе-новаторе.

А вот шествует с друзьями бригадир механизаторов, имя которого не сходило со страниц областных газет года два или три: он придумал какое-то приспособление для уборки полеглых хлебов — простое в изготовлении и весьма эффективное в работе. Встретаясь с ним, готов провалиться сквозь землю: начатый когда-то о нем рассказ так и остался незаконченным: что-то отвлелось...

— Салам, Киримизе, — улыбается мне секретарь партийной организации Гарун. — Как доехал? Как поживает наша многонациональная литература?

Я бодро сообщаю, что литература день ото дня крепнет, а у самого на сердце камень — уж о ком, а о Га-

руне написать надо бы обязательно. Хотя бы уже потому, что он не следует тенью за председателем, а делает свое собственное, партийное дело. И еще потому, что сумел найти дело каждому коммунисту. Поразительно, но факт: все сто коммунистов колхоза имеют постоянные поручения. Гарун — ходячий рассказ, даже не один, а целый сборник. Но когда все это ляжет на бумагу?

Видимо, нужно не раскаиваться и не проваживаться по улице, кивая направо и налево, а идти в свою беседу, в которую, кстати, специально для этой цели неутомимый Алий совсем недавно провел электричество. Нужно брать в руки перо и, как любил говаривать один наш журналист, «строчить, не ожидая вдохновения». А я все кожу и хожу. И, о, позор мне, думаю не о Гаруне, не о бригадире и даже не о молодом агрономе. И не о десятках других земляков, имена которых следует уже давно увековечить. Я думаю о Бирамкуле.

Да, дорогой читатель, о том самом стороже тракторной бригады Бирамкуле, который не только ни черта не смыслит в выращивании овощей, не только не дает никому никаких поручений, не только не изобрел эксцентриковое мотовило, но даже читать-то как следует не выучился. Выть может, он бы и освоил грамотешку, если бы не его несколько, скажем помягче, своеобразные взгляды на женщин. Войдя в класс ликбеза и увидев там особ противоположного пола, он, как вспоминают со сдержанной улыбкой очевидцы, выпалил: «Я еще совсем спятил, чтобы терять время в бабьем обществе. С меня достаточно одной язвы».

Сколько я его помнил, Бирамкуль не признавал никаких авторитетов. Я уж не говорю о чинопочтении. Обыкновенное проявление вежливости, казалось ему, может наложить на него несмыслимое пятно. У председателя, к примеру, идет заседание, а он входит, не спросившись, перебивает говорящего и, — на это его все же хватало, — извинившись за бесцеремонность, спрашивает: «Что ты сегодня ел на завтрак, тхаматэ?» Председатель, отлично знакомый с повадками Бирамкуля, сразу же нападает на завхоза: «Что случилось в бригаде?» Завхоз вздыхает: «Кухарка заболела, вот что...» Председатель обращается к Бирамкулю: «Спасибо, дорогой, сейчас все уладим. Езжай, мы будем решать». Бирамкуль таращит на него глаза: «Зачем ре-

шать, дорогой, не надо ничего решать. Надо сейчас же выделить кухарку, и я повезу ее с собой».

Я не видел Бирамкуля улыбающимся. Грубоватый, мрачноватый, какой-то угловатый, он казался мне олицетворением практичности и сухости. Признаться, глядя на него, я не раз пытался представить, как он ухаживал за своей будущей женой, но фантазия моя не срабатывала. Хотя, насколько это известно, у него никогда никаких крупных неладов с женой не было, я не относил это на счет его особых качеств — адыгейские женщины порой бывают терпеливы из самолюбия.

И вот все последние дни я думаю о Бирамкуле. Окаывается, можно...

Впрочем, не лучше ли делать выводы тогда, когда это делать положено — в конце рассказа? И вести его по порядку?

Начало этой истории относится к весне. Я встретил Бирамкуля у Гаруна, секретаря парткома.

— Скоро ласточки прилетят, а у нас ремонт не закончен, — шумел Бирамкуль. — Сколько можно тянуть, секретарь? Где твой стыд?

— Даю слово, Бирамкуль, председатель сказал, что сегодня строители будут на полевом стане.

— А кровати когда привезут?

— Да пускай хоть краска подсохнет...

— А что ей сохнуть, за ночь все высохнет, я про топлю.

Уходя, Бирамкуль, повернувшись ко мне, буркнул:

— Говорят, ты много ездил по аулам. Если будет время, загляни на наш полевой стан, сравни с другими.

И вышел.

Загадочное приглашение раззадорило мое любопытство. Решив, что Бирамкуль недоволен ремонтом, я принял приглашение и через несколько дней завернул на полевой стан. Нашел сторожа в красном уголке, он собственноручно расписывал стены. Получалось очень красиво. Долго разглядывал я законченные куски, дивясь вкусу и мастерству старика. Ему это почему-то не понравилось.

— Тут еще нечего смотреть, — сказал он, — работа не закончена. Пойдем в столовую.

Столовая оказалась на свежем воздухе — большой

длинный стол под навесом. Скамья. В стороне — специальное место для курения с урной для окурков.

Потом зашли в спальню, которая в случае непогоды могла заменить и столовую. Кровати с пружинными матрасами разместились у стен, а в середине просторной комнаты стоял самодельный стол — одной стороной он упирался в столб, поддерживавший потолок. Двери и окна были распахнуты настежь, но внутри еще сильно пахло краской.

Мы уже собались выходить, как вдруг в дверь влетела ласточка. Не обращая на нас внимания, она приткнулась к уголку в потолке, образовавшемуся между балкой и столбом, явно намереваясь строить здесь гнездо.

— Погоди, — попросил я. — Посмотрим.

— Что тут смотреть, сдурела птаха, — хмуро произнес Бирамкуль. — Пусто было, вот она и начала гнездо лепить. А теперь уж не знаю — гнать ее или сама уйдет, когда люди здесь поселятся. И как они уживутся?

«Отлично все знаешь, — подумал я. — Сейчас же после моего ухода скovyрнешь все, что она налепила, и история будет исчерпана».

Потом мы осмотрели кухню, душевую и умывальник, кладовую с постельным бельем и телерадиопринадлежностями, шахматами и книгами, а также гирями и гантелями. Затем старик повел меня в огород. Оказываются, трактористы будут обеспечены не только свежими овощами, но и арбузами и дынями.

— Свободного времени много, вот и занимаюсь пустяками... — разъяснил Бирамкуль.

Собственно говоря, это и все «материалы дела». Я уехал и, помнится, в одной из радиопередач, посвященной полевым станам, упомянул о стороже Бирамкуле. Не жалеет, мол, человек времени на создание удобства для тех, кто решает судьбу урожая, проявляет инициативу и находчивость. Что-то вроде этого.

И вот ирония судьбы. Вставившись в передачу какую-нибудь остроту, меткое наблюдение, сногсшибательный факт — никто не заметит. А тут два или три слова о Бирамкуле — и сразу несколько писем. Смысл их был одинаков: с каких это пор областное радио решило прославлять хулиганов? В одном из них даже такая колкость была: «Уж если радио действительно решило

выдавать хулиганов за передовиков; то у нас есть типички получше Бирамкуля».

Поразмыслив, я решил, что все эти письма — элементы какой-то сложной и неудачной попытки разыграть меня. На выходной ехал в аул со спокойной душой. И вдруг, не выходя из автобуса, узнал, что авторы писем вовсе не шутили. На стене клуба бросилось в глаза объявление о том, что вечером Бирамкуля будет судить товарищеский суд.

Дома мне сообщили: старик избил тракториста Хамилуха.

Это уже выходило за рамки наших аульских будней и звучало неправдоподобно. Хамилух, здоровенный детина, которому все ни почем, избит тщедушным стариком!

— Как же было дело? — попытался выяснить я.

— Кто их знает... Суд выяснит.

— Да неужели Хамилух стал в суд жаловаться?

— В том-то и дело, — разъяснили мне, — что в суд подал сам Бирамкуль.

— На себя?

— Вот именно.

В одном ауле — две сенсации. Не многовато ли? И я отправился в клуб.

Заседание товарищеского суда началось при переполненном зале. Выяснилось, что не явился лишь один, пострадавший. За ним откомандировали уважаемого члена суда. И вот Хамилух занял место на передней скамье. Рядом с Бирамкулем.

Председатель суда Махмуд Агержаноков, потерявший на фронте правую руку, левой зазвонил в колокольчик. Наступила тишина. Он предоставил слово Бирамкулю.

— Что долго говорить, — негромко произнес старик. — Погорячился я, и очень здорово. Съездил этого парня палкой по спине, а затем пониже: раз, пять или шесть. А то и все семь или даже восемь. Не помню. Если он скажет, что десять раз — не стану отрицать, все могло в ту ночь случиться. Судите меня за самоуправство. Все!

К великому удивлению публики, Хамилух начисто все отрицал.

— Выдумывает старик, — пожал он плечами. — Сейчас мы еще живем по домам, я не бываю по ночам

на полевом стане. Видимо, он перепутал меня с кем-то другим. Ладно, я пошел, у меня и других дел хватает.

— Постой, — задержал его судья. — Бирамкуль, у тебя есть доказательства, что ты бил именно Хамилуха.

— Есть, — ответил старик. — Вот доказательство. — Он достал из кармана кепку. — Хлопцы из бригады могут подтвердить, что это его кепка. Я ее палкой нечаянно сбил с его головы, а он не стал ее искать. Утробком нашел там, где все это случилось. Но я и так знал, что это он.

— Почему? — спросил судья.

— Он мне не раз говорил, что не потерпит, чтобы в спальне вместе с ним жила ласточка и выводила там птенцов. Один раз он даже стал разрушать гнездо, но наши ребята не допустили этого, он успел только кусочек отбить. Я его потом подклеил. Тогда он мне и сказал: «Запомни, Бирамкуль, все равно тут гнезда не будет!» Я понял, что он выполнит свою угрозу. И стал поджидать его ночью. Несколько ночей дежурил напрасно, даже решил, что он просто болтун. Думаю, подежурию еще одну ночь, а потом брошу. И вот он явился. Часов в двенадцать. С палкой — чтобы сразу достать до гнезда. А меня не заметил. Темно было, а я у входа сидел. Когда он подошел к гнезду и замахнулся, я вырвал у него палку и ею же пошел его отхаживать. Конечно, это не дело, чтобы ласточки жили в комнате механизаторов, отлично понимаю. Но если уж такое случилось и одна поселилась тут и даже начала высиживать птенцов, то надо потерпеть немножко. Все механизаторы ничего против не имели, абсолютное большинство. Один Хамилух против. Пусть скажет, что ему эти ласточки сделали?

— Кхе... — крикнул Махмуд. — Чего же ты, Бирамкуль, хочешь?

— Я хочу извиниться перед Хамилухом. Погорячился. Пусть он даст слово, что больше не тронет гнездо, и я тут же извинюсь. При всех.

— Что скажешь, Хамилух? — с трудом скрывая улыбку, осведомился председатель суда. — По-моему, условия вполне приемлемые. Как говорится, джентльменские. По рукам?

— Не бил он меня, — упрямо повторил Хамилух. —

А насчет гнезда могу сказать — ничего мне не сделали эти ласточки, только когда я сел перекусить, одна «капнула» мне на яичницу. Парни увидели и стали надо мной смеяться.

— А зачем ты сел под гнездом? — взвился старик. — Места мало?

— Кхе... — снова, уже громче крикнул Махмуд. — Так как порешим? Хамилух, за тобой слово.

— Гнездо не трону, — выдохнул Хамилух. — А извиняется пусть перед кем угодно — то был не я.

— Вот и хорошо, — обрадовался Махмуд. — Я тоже не мог поверить, что в нашем ауле найдется человек, который вдруг станет ласточкины гнезда разрушать. Конечно, это был человек из соседнего аула, — в магазине у соседей тоже продавались такие кепки,

На этом заседание суда было закрыто.

Люди начали расходиться по домам, у всех было преотличнейшее настроение. Когда в зале почти никого не осталось, я решил задать Бирамкулю вопрос: с какой же целью он подал в суд?

— Э... — недовольно процедил он. — Махмуд не станет спрашивать об этом, сам понимает. А ты, видимо, плохо знаешь этого Хамилуха. У него слово — железо. И я поэтому не спал все ночи подряд, сторожил гнездо. Сегодня уж выплюсь за всю неделю.

Вот теперь в самый раз делать выводы. Оказывается, можно много лет прожить бок о бок с человеком и совсем не знать его. И поэтому, отлично сознавая свой долг перед очень многими заслуженными земляками, я все же сажусь за рассказ о малограмотном мрачноватом Бирамкуле. О человеке с открытым сердцем, который почему-то очень этого стесняется и потому...

Впрочем, стоит ли комментировать то, что и так ясно?

Наши чудаки

В ауле трудно скрыть что-либо от соседей. И секреты тут долго не держатся. Один подметит неладное и тот же час передаст другому «по секрету». А тот третьему. Так цепочка дотянется до того, кто ее пустил, и круг замкнется. А поскольку выдающихся событий у нас не так уж много, предметом пересудов чаще всего

становятся поступки, выпадающие из общепринятых норм. Ничего плохого человек не сотворил, даже наоборот, хорошо сделал, но здесь раньше не принято было поступать подобным образом, и полетела весточка по беспроволочному телефону — от уха к уху. «А ты знаешь, этот Аюб опять начудил...» — «Слышал... Известный чудака. И в кого он только уродился...» Так многие забавные истории о наших чудаках дошли и до меня. И решил я поделиться некоторыми с читателями.

Тайна Ельмыза

Начинаю с Ельмыза не только потому, что в записной книжке он значится первым. Сейчас весна, за окном щебечут птицы. Кажется, будто чибис выкрикивает: «Ель-мыз-Ель-мыз-Ель-мыз». То же самое на разные лады повторяет вся их пернатая братия. А сам Ельмыз об этом и не догадывается. В такое время ему не до чириканья. Ельмыз — кузнец, а кузнецу в дни сева и других забот хватает. Думается мне, что и по ночам у него в ушах раздается звон молота. Птичий пересвист он может послушать разве что на зорьке, когда принимает душ и отправляется в мастерскую.

История эта началась зимой. Как утверждает старуха Кокой, в ту ночь всюду сыпал снег. Крупные мокрые хлопья падали, как цветки черемухи, и ей, когда она проснулась среди ночи, показалось, будто ветки груши под окном обложены ватой. Ныли кости. Кокой встала и глянула в окно. Снегу всюду навалило столько, что едва различила место, где был их плетень.

— Ты не спишь? — обратилась Кокой к Ельмызу. — Посмотри, что на дворе делается. Это аллах напоминает нам грехи наши.

— Уж тебе-то припоминать нечего, — буркнул Ельмыз. — Один грех за тобой — длинный язык, да и тот — от аллаха. Спи, старуха. Умолкни!

Вот и все, что случилось той ночью в доме кузнеца Ельмыза. И утро не предвещало никаких, говоря современным языком, сенсаций. Ельмыз позавтракал, взял лопату и около часа расчищал снежные барханы во дворе и на улице. Часть снега он даже успел перебро-

силь в огород. Когда Кокой снова выглянула в окно, она не узнала ни двора, ни улицы: будто и не валил всю ночь снег. При этом ей пришла в голову мысль, которой она в тот же день, уже после того, как обна-ружила некоторые отклонения в поведении супруга, и поделилась с соседкой. «Мой старик, оказывается, еще полон сил и задора, — подумала она тогда. — Не удивлюсь, если мне скажут, что он заглядывает к какой-нибудь молоденькой вдовушке».

Эта мысль появилась и мгновенно улетучилась. Потом постучалась снова и погостила чуть подольше. А когда возвратилась в третий раз, то уже накрепко за-села в голове — видимо, в первые разы она просматри-вала себе там подходящее местечко. И оно нашлось, Кокой встревожилась не на шутку. Да и то — прожить сорок лет с человеком и вдруг узнать о коварной из-мене — тут хоть кто покой потеряет.

Пригвоздив таким образом Ельмыза, ее необуздан-ная фантазия метнулась в другую сторону.

«Кто же перешел нам дорогу?» — начала прикиды-вать она. И вдруг вспомнила: при школе построен мно-гоквартирный дом для учителей. В одной из квартир проживает молоденькая преподавательница русского языка. Говорят, она пишет что-то такое, какую-то ата-цию или нотацию, или еще что-то непонятное. По ули-це в очках ходит... Да, да и офицер к ней приезжал. Го-ворили, правда, что жених, да кто там знает. А зовут ее Татьяна Алексеевна.

Припомнив все это, Кокой даже застонала от боли. Ну и дура! Ну и слепая... Разве не ясно, что именно к этой учительнице навевывался ее Ельмыз! Старый гре-ховодник, тихонько застонала она, я тебя выведу на чистую воду. Весь аул узнает, до чего ты дошел. А учительница? И двадцати пяти лет нет ей, а гляди, свя-залась со старой кочерыжкой. Погодите же, миленькие, вы у меня попляшете...

Потом, поостыв немного, Кокой все же сообразила, что прямых доказательств вероломства супруга у нее нет, как нет и подтверждения того, что он связался именно с молоденькой учительницей. Быть может, по-перек ее дороги стоит совсем другая особа. Значит, до-казательства надо добыть. А поскольку каждый, даже не читавший Клаузевица, отлично знает, что один в по-ле не воин, Кокой решила призвать на помощь своих

подружек — скажем прямо — таких же старых сплет-ниц, как и она сама.

В ветреный зимний день, когда все уже давно пере-говорено и все косточки всех земляков перемыты и пе-ретерты до янтарного блеска, получить такое задание! Со дня создания колхозов им такое счастье не привали-вало. Старухи заметались от дома к дому, составляя план слежки за погрязшим в грехах Ельмызом.

Правда, нашлись среди подружек Кокой и такие, которые попытались втолковать ей, что никакой почвы под ее подозрениями нет, но их засмеяли: разве секрет, что нет дыма без огня? И каша заварилась. Об этом мне сообщил по дороге в школу мой юный сосед Алай.

Днем Кокой, не спуская глаз с мужа, заметила, что он занялся какими-то необычными сборами. Пошел в сарай, достал старую охотничью сумку, набил ее хлеб-ными корками, положил туда остатки каши и оделся потеплее. Перед уходом вдруг порылся в сундуке с зер-ном и бросил в сумку несколько пригоршней ячменя и проса. Потом, не сказав ни слова, ушел.

Подружки Кокой, выглядывавшие из окон, без тру-да установили, что этот коварный Ельмыз в школу не заглядывал. Свернув с главной улицы, переулками выб-рался на окраину аула и напрямик, через поле, двинул-ся к лесу.

Через несколько часов кузнец как ни в чем не быва-ло возвратился домой. С пустой сумкой. Бросил ее в угол, пополоסקался под умывальником и, с удивлением оглядев пустой стол, спросил:

— Может быть, ты вообразила, что с сегодняшнего дня я смогу обходиться без ужина?

Кокой быстро накрыла на стол. Пока Ельмыз ел, она наблюдала за ним. Ничего подозрительного не обнару-жив, встревожилась еще больше. «Другой бы хоть чем-нибудь себя выдал, а этот? Сидит как праведник. Ну и гусь...»

Она решила больше не полагаться на самотек, а за всем проследить лично. И случай представился на сле-дующее же утро. Позавтракав, Ельмыз стал снова за-правлять свою сумку. Теперь он не ограничился вчераш-ней дозой — насыпал туда несколько больших кружек проса, ячменя, овса, положил несколько краях перепе-ченного хлеба; правда, они его не ели, но и его Кокой

было жалко, — она собиралась скорметь его курам и индюшкам.

Когда Ельмыз вышел, Кокой не стала мешкать. Набрала на себя полушубок, платок, всунула ноги в валенки и пустилась за ним. Аж взмокла, пока догнала его у околицы. Не задерживаясь, тем же размашистым солдатским шагом Ельмыз пустился через поле, а она, присев на подвернувшийся пенек, стала отдыхать.

Конечно, Кокой, как она потом признавалась подружкам, уже тогда поняла, что дело тут вовсе не в молодой учительнице, ей было стыдно, что она впутала такую славную женщину в эту скверную историю. Но все же докопаться до истины Кокой решила твердо. И храбро двинулась через заснеженное поле, к лесу. Растроптанные валенки зачерпывали снег, он таял на ногах, и скоро они начали мерзнуть. Но Кокой решила все преодолеть, лишь бы разоблачить своего неверного супруга.

Добравшись до леса, она двинулась по следам, которые оставил за собой Ельмыз, и вскоре увидела его. В первый момент решила, что муж рехнулся: стоя по колени в снегу, в полном одиночестве, он пригоршнями разбрасывал зерно. Словно сеял его по снегу...

Кокой стало нехорошо. Она постояла с минуту, прикрыв глаза, а когда открыла их снова, увидела, что на то место, куда Ельмыз бросал зерно, слетались птицы. Они радостно щебетали и, купаясь в снегу, жадно склевывали добычу. Глядя на них, Ельмыз улыбался. В ее сторону он, к счастью, ни разу не повернулся. И она тихонько поплелась домой.

Рассказывая об этом подружкам, Кокой со слезами спрашивала:

— Что это может значить? Никто никогда у нас не носил зерно в лес... Как вы думаете, не следует ли мне повести его к доктору?

И тут одна из подружек надоумила Кокой:

— Что мы в этом деле понимаем, дорогая? По такому делу ты бы лучше всего посоветовалась со своей учительницей.

Сказано это было, разумеется, в шутку, и Кокой поначалу даже обиделась. Но, поразмыслив на досуге, она, чуть-чуть поколебавшись, бросилась к Татьяне Алексеевне. Учительница, склонившаяся над бумагами, поначалу слушала ее невнимательно. Когда же дело до-

шло до событий в лесу, встрепенулась. Вскочив, хлопнула себя по лбу так, что с носа соскочили очки. Впрочем, сообщение насчет очков проверить нам не удалось, и я решил отнести его на счет неуемной фантазии тетушки Кокой. Что же касается остального, то это я имел счастье наблюдать собственными глазами.

На следующее утро из школы к лесу направилось несколько групп мальчишек и девочек: они несли с собой корм птицам. А еще через день в школу пришел бригадир плотницкой бригады Батмыз. Свысока поздоровавшись с Татьяной Алексеевной, он прошел прямо к директору.

— Ельмыз — старый чудака, — сказал он. — Разве это так делается? Надо в разных местах установить кормушки. Пускай твои хлопцы после занятий явятся в мастерскую, я организую их изготовление. А при ельмызовской кустарщине мы только зерно разбазариваем.

Предложение Батмыза, конечно, приняли, в лесу были установлены столики с кормом для птиц. И все же Ельмыз не прекратил свои походы. Более того, я своими глазами видел направлявшихся в лес стариков. При них не было ничего, кроме сумок с кормом. Ответив на приветствие, они смущенно бормотали:

— Этот чудака Ельмыз хоть кого с толку собьет.

Лалух на курорте

А это история о другом нашем чуде — Лалухе. О том самом чабане Лалухе, который недавно был награжден медалью. Это прозвище укрепилось за ним не сразу. Помнится, как-то, когда он пас колхозную отару вдаль от аула, налетела буря. Ураганный ветер с ливнем. Овец он уберег всех до единой, но сам тогда заболел. Об этом эпизоде сообщила областная газета, и в больнице его навещали не только руководители колхоза, друзья и родственники, но и представители райцентра. Они же и надоумили отправить Лалуха после выздоровления на курорт. Для этой цели даже была добыта специальная путевка — в горную грязелечебницу. Но Лалух от нее отказался. То ли решил, что не к лицу потомственному чабану «где-то в грязи валяться», как он выразился среди друзей, то ли по другой причине, но отказался решительно и наотрез.

Поскольку уговорить Лалуха в чем-либо не представлялось возможным, о чем председатель превосходно знал, он отправил на отдых одну из доярок, страдавшую ревматизмом. Она возвратилась повеселевшей и очень благодарила Лалуха.

Все, казалось, завершилось вполне благополучно, все были довольны, а подлечившаяся доярка подарила супруге Лалуха Гошнаг платок из какого-то редкостного пуха. Но вдруг весной в колхоз нагрел тот самый руководитель, который лично ездил в Майкоп добывать для Лалуха путевку. Он, понятное дело, прежде всего спросил у чабана, как ему отдыхалось на грязях. Бесхитростный Лалух, не думая о последствиях, признался, что на курорте не был. По изменившемуся лицу руководителя понял, что сморозил глупость, и добавил, что в те дни у него умер в другом ауле родственник и ему неудобно было покидать несчастных детей друга.

Руководитель сочувственно покачал головой и сказал:

— Дело поправимое, дорогой, хоть и не из легких. Хорошо, что я узнал об этом весной.

Летом председатель колхоза был вызван в райцентр за новой путевкой для Лалуха. На этот раз ему представлялась возможность отправиться в Kisловодск. Во избежание недоразумений, председателю было предложено доставить Лалуха туда на машине.

Разумеется, Лалух и на машине отказался выехать из аула. В спор он себя втянуть не дал, сказал лишь, что никуда не поедет. Председатель оказался в нелегком положении. Что сказать этому сверхзаботливому начальнику? Он решил укрыться от неминуемой грозы под медицинским зонтиком: попросил главного врача местной больницы выписать справку о том, что Лалуха Kisловодск противопоказан. Заручившись ею, отправил на отдых старого механизатора. После этого он доложил начальству, что Лалух снова не выехал по уважительной причине.

Пока эта канитель тянулась, за Лалухом прочно закрепилась слава непревзойденного чудака. Встретившись с ним, его ровесники смеялись:

— Ну и чудака же ты, Лалух. Второй раз на курорт посылают, а он отказывается. Во всей Адыгее другого такого чудака не найдешь.

За глаза над ним подсмеивались и люди помоложе его. И даже женщины.

— Дали бы мне бесплатную путевку, — говорила каждая, — я бы и раздумывать не стала. Полтораста рубликов стоит она, да дорога бесплатная.

На Лалуха все это не действовало. Впрочем, подобная невозмутимость — одна из черт, которая присуща всем чудакам. Ни упреки, ни добродушные реплики, ни злые окрики на них не действуют. Чудаки делают свое дело, идут напролом, а все остальное их вроде бы и не касается вовсе. Вот таким же типичным чудаком оказался и Лалух.

Но зимой дело приняло неожиданный оборот: Лалух был вызван в райцентр. По указанию районного начальника его положили в больницу для широкого обследования. Врачи, не найдя у чабана ровно никаких заболеваний, выдали ему документ о том, что ему не противопоказано лечение в нервно-соматических санаториях на территории Советского Союза, а также в Болгарии, ГДР, Чехословакии и Югославии. Копия справки была отправлена в райисполком.

Теперь над Лалухом подтрунивал весь аул.

— Придется тебе, друг, все же расстаться со своей Гошнаг на целый месяц, — смеялись старики. — Ты смотри, не заблудись в этой Югославии, там, говорят, такие горы...

Лалух готовился к отражению новой атаки, но тут вступили в силу законы, переступить которые он никак не мог. Когда прибыла очередная путевка, председатель колхоза явился с ней на квартиру к Лалуху. Положив на стол путевку в Гагру, он сказал:

— В райисполкоме предложили две: в Венгрию и в Гагру. Я решил, что тебе лучше съездить на первый раз в Гагру.

Лалух раскрыл было рот, чтобы вынести приговор и этой путевке, но председатель не дал себя перебить.

— Подумай, Лалух, над моими словами. Все́му есть предел. Начальник заботится о тебе от всей души. И это действительно очень хороший человек. Если ты не поедешь и на этот раз, он решит, что ты над ним издеваешься. И я вместе с тобой. Да так оно и будет в самом деле, ведь всякому чудачеству имеется предел.

— Ладно, — произнес, подумав, Лалух, — уважим начальство. Готовь, старуха, мне бельишко в дорогу!

Когда «этого чудака Лалуха» на председательской «Волге» отвозили на станцию, на улицу высыпали все нетрудоспособные. Трудоспособные же сожалели о том, что упустили возможность полюбоваться посрамленным чабаном.

Ровно через неделю разнесся слух, будто Гошнаг получила от Лалуха письмо. Это всех удивило. Никто не помнил, чтобы чабан когда-либо брался за перо не у колхозной кассы или раскрывал книгу. Но факт оставался фактом: письмо от Лалуха прибыло, и написал он его собственноручно. Только вот прочитать его Гошнаг не могла — ее слабым глазам оказались недоступны замысловатые каракули супруга. За помощью она обратилась ко мне. Хоть и не сразу, но все же письмена Лалуха удалось расшифровать. Вот что они означали:

«Во-первых, должен признать, что я действительно старый осел и чудака, — здесь лучше, чем в Мекке. Передай мой салам моим приятелям и скажи, что такая жизнь, как у меня, даже присниться не может. Один доктор натирает мне поясницу, другой купает в нарзане, третий зубы лечит, а четвертый каждый раз осматривает меня и пишет мою биографию в специальную тетрадь. На обеденном столе стоит все — масло, мед, курятина, молочное и всякие булочки. Ты, старуха, не поверишь — днем спать заставляют. Я, конечно, делаю вид, будто сплю, — зачем огорчать таких хороших людей. А вчера у нас был вечер, и доктор разрешил мне сплясать зафак. Танцевал я с одной русской девушкой, и поясница не болела. Да, самое главное чуть не забыл. Доктор, который пишет мою биографию, сказал, что мне вредно волноваться, что я не должен ни в коем случае расстраиваться. Так что тебе, старуха, придется оставить свои глупые придирки — меня нельзя выводить из терпения. Когда приеду, подробней расскажу, как ты должна будешь себя теперь вести. Ну, пока. Всего хорошего.

Лалуха.

Когда я окончил чтение, Гошнаг встрепенулась. Глаза ее молодо блеснули, в голосе зазвенел металл.

— Смотри ты, — угрожающе пророкотала она. — По возвращении он намерен мною командовать. «Меня нельзя выводить из терпения»... А меня, выходит, можно? Но ничего, вернется, я найду на него управу...

Каламет Четенуков прослыл чудаком совсем недавно, можно сказать, прямо на глазах. Когда закончилось сооружение аульного водопровода, специальное собрание было посвящено благоустройству. Председатель сельсовета обратил внимание жителей боковых улочек и переулков на необходимость отодвинуть плетни в глубь своих владений: это позволит выровнять улицы, сделать их доступными для автомашин.

— Много места, — между прочим заметил председатель, — у нас занимают колодцы. Когда в каждом доме будет водопровод, необходимость в них отпадет. Но с колодцами следует расстаться лишь после того, как водопровод вступит в строй и все убедятся в его надежности.

После этого собрания все принялись за дело. Мечта обзавестись «Жигулями» все больше волновала воображение многих земляков. А о водопроводной воде и говорить нечего — это была у нас подлинно народная стройка. Каждый делал на сооружении водопровода все, что мог.

Не стану описывать того дня, когда включили воду. Радость была неопишуемой. Правда, поначалу вода все шла ржавая, но инженер предупредил, что так и должно быть — прѣмывались трубы. С каждой минутой она все светлела и наконец стала прозрачной, похожей на полуденное небо.

В водопровод поверили. Уже на следующий день кто-то стал сносить колодцы. Прошла неделя, и в Шапсуге колодцы можно было по пальцам пересчитать. Через месяц колодцев как не бывало.

Мне, признаться, даже как-то обидно стало за них. Сколько поговорок, сказаний, былей связано с колодцами. Глоток колодезной воды! И у меня есть стихи, посвященные ему. Есть и рассказы. И все же я должен признать, что одно дело — идеализация прошлого в поэзии и вообще в литературе, а другое — в быту. Бумага стерпит все. Легко воспевать ветряки, смакуя булку, выпеченную из муки производства мелькомбината № 1, муки, прошедшей через двадцать пар вальцев. Если стихи получатся удачными, их прочитают с удовольствием. Валяй, пиши оды о соломенных стрехах, сидя под бетонной крышей многоэтажного здания, быть

может, их заметят. И о колодцах пиши сколько тебе угодно, только не заставляй людей пользоваться колодезной водой, если они того не хотят, ведь сам-то ты приходишь в ярость, когда кран в твоей квартире хоть на секунду утихает.

Поразмыслив над всем этим, я с большим пониманием отнесся к той поспешности, с которой мои земляки расстались с такими внушительными представителями старого быта, как колодцы.

И вдруг узнаю: расстались, да не все. Каламет Четенуков, колодец которого стоял, как и у большинства жителей аула, почти что на улице, зарыл его, чтобы не тормозить процесс реконструкции. Но на следующий же день начал в глубине двора рыть новый. В тот день его жена Курак не была дома — загостилась у дочери, проживающей в другом ауле. Когда она сошла с автобуса, ее окружили соседки. Что уж они ей наболтали, сказать трудно, но, войдя в дом, она сразу же набросилась на мужа:

— Что тут у тебя случилось?

— Ничего, — пожал плечами старик. — Как там наши? Могла бы Аскера прихватить.

— Счастье, что не привезла внука, а то бы и он услышал то, что говорят о тебе соседи, — вовсе выходя из себя, крикнула Курак. — Стыд и срам. Люди зарыли колодцы, у всех водопровод, а ты новый рыть вздумал.

Каламет еще более удивился.

— Что людям до того, что я делаю на своем собственном дворе? — спокойно ответил он. — Вот уж не думал, что мой колодец обратит на себя чье-то внимание.

«Чье-то внимание...»

Колодец Каламета волновал воображение не только аульных кумушек. Когда работа подходила к концу и Каламет цементировал вокруг нового колодца площадку, к нему пришел в гости его старый друг Ахмед.

— Красавчик, ничего не скажешь, — ухмыльнулся Ахмед, поглаживая седую бороду. — Ты что же, водопровод не признаешь?

Каламет с удовольствием отправил бы своего чересчур любопытного друга куда-нибудь подальше, но этикет не позволял ничего подобного. Поэтому он, стараясь казаться равнодушным, ответил:

— Признаю водопровод и с удовольствием умываюсь ледяной водой. Старуха моя не нарадуется — стирать или мыть посуду — одно удовольствие. Очень хорошая штука.

— Зачем же тебе колодец? — в лоб спросил Ахмед.

— Мне хочется иметь для питья колодезную воду, я очень привык к ней. И место у нас тут какое-то особое — исключительно вкусная вода.

— Ну и чудак же ты, — резюмировал Ахмед. — Что у тебя там, в колодце, мед?

Каламет молча отправился в дом и вынес оттуда графин с водопроводной водой. Опустив ведро в колодец, он зачерпнул кружку воды оттуда.

— Попробуй, что вкуснее, — предложил Каламет, все еще уповавший на здравый смысл.

— Дорогой мой, — расхохотался Ахмед. — Я всю жизнь пил гнилую колодезную воду и, слава аллаху, со вкусом ее знаком. Ладно, пойду. С такими несговорчивыми говорить — только время тратить.

В этот момент из-за плетня высунулась детская головка.

— Дядя Каламет, — прошептала девочка, — дядя Каламет, здравствуй. Бабушка узнала, что у тебя есть колодец и прислала меня за водой — никак не может привыкнуть к водопроводной. Можно набрать?

Она протянула старинный медный кувшин — кумган.

Каламет просиял.

— Заходи, пожалуйста, красавица, заходи, давай свой кумган, угостим твою бабуся свеженькой, — приговаривал он, наполняя кувшин. — Пусть льет вволю, а когда всю выпьет, наполним снова. Приходи, когда тебе вздумается, и бери сама воду. Собак мы не держим. Приходи в любое время.

Поблагодарив, девочка умчалась, а Каламет, догнав своего гостя, сказал ему:

— Да, наша жизнь с каждым днем меняется. Меняется все, не только вода. Меняется одежда, пища, мебель, меняется само отношение человека к человеку. Вот я на днях видел, Ахмед, как по улице прогуливалась твоя внучка Аминет. Сколько ей? Шестнадцать? У нее под глазами, о аллах, страшные синяки. А ведь ее никто не бил, это она следует моде. Мне такая мода не нравится, вот я и не трачу на такое дело синьку.

хожу, как меня мать родила. А ей нравится. Что же, ругать ее за это?

— Это уже совсем другое дело, — неуверенно ответил Ахмед. — Стоит ли совать нос в женские дела...

— Ты прав, друг, — согласился Каламет. — Не стоит. Но вот дела мужские. Твой внук недавно на каникулы приехал? Зачерий, кажется?

— Мой, — совсем тихо подтвердил Ахмед. — Что тебе до него?

— Ровным счетом ничего, — заверил Каламет. — Даже более того, мне очень понравился его костюм. Голубые штаны с этими железными замками. Они обтягивают ноги, как перчатки. Я даже специально узнал: такие штаны называются джинсы. Джинсы — то есть чертова одежда, это ты и без меня знаешь. И пиджакк этим штанам соответствующий — рукавчики кончаются выше локтя. И баки...

— Мода, дорогой сосед, — потупя глаза, пояснил Ахмед. — Не мы ее придумали, не нам ее отменять.

— Зачем ее отменять, Ахмед? Зачем? Нравится молодым, и хорошо, и благодари аллаха, что можешь одевать внуков по моде. Но, пожалуйста, не заставляй меня одевать джинсы. Все бы ничего, пусть даже тесновато, стерпел бы. Но в нашем возрасте с одной штукой шутить нельзя. Догадываешься? Ну, с ширинкой. Она ведь там не на пуговицах, а на замке, на этакой «молнии». Что, как в самый неподходящий момент заест замочек, а? Тут уж не до моды будет, дорогой.

Ахмед понял, что миссия его провалилась с большим позором, чем можно было предположить. Он двинулся было к выходу, но Каламет снова потянул его за рукав.

— Извини, друг, — миролюбиво улыбнулся он, — это я ведь все ради шутки. Замки на джинсах вполне добротные. А только пройдет несколько лет, прочитают наши дети в книжке слово «колодец» и спросят у старших: что это такое? И начнут старики молоть всякую чушь... А чтобы этого не случилось, они смогут ответить: «Колодец — это такая штука, которую вырыл на своем дворе чужак Каламет. Можете не только поглядеть на него, но и попробовать воду, которой утоляли жажду ваши славные предки».

— Извини ты меня, — проговорил Ахмед. — Затемнение на разум нашло.

Но тем не менее теперь в ауле никто не называет Каламета просто по имени. К нему всегда добавляют: «Это тот чужак, который вырыл себе колодец после того, как в ауле был пущен водопровод».

Гучипс
на пенсии

К пенсионерам в нашем ауле относятся с особым уважением. Причин для этого не мало, и все — весьма существенные. Взять хотя бы такой момент: на пенсию аульские мужчины уходят, как правило, после семидесяти лет. Если учесть, что и после этого они находят себе полезное занятие, то есть не бездельничают, то разговор об уважении можно бы и не продолжать. Но есть еще более существенная причина. Ведь все эти пенсионеры — не просто чужие городские пенсионеры, которых никто раньше не видел и о которых никто не слышал. Старики, восседающие где-либо возле сельсовета или магазина на скамьях или бревнах — наши отцы, дяди, деды, соседи, наставники, их мы уважаем с дня рождения.

Вот почему я здорово удивился, когда узнал, что Гучипса зачислили в чужаки в первый же день его ухода на пенсию.

Для начала скажу, что удивительным был прежде всего сам его уход на пенсию. Гучипсу едва перевалило за семьдесят, был он джигитом во всех отношениях, а уж такого звеньевского — ищи — днем с огнем не найдешь. Два ордена и медаль — за небывалые даже для наших мест урожаи кукурузы. Звено у Гучипса особенное было — из молодежи. Он принимал к себе неопытных юнцов и девушек, которые отлично знают, что такое кримплен, банлон, дедерон, но понятия не имеют о гибридных семенах. Разочарованные неудачами на вступительных экзаменах, эти кадры поначалу с издевкой поглядывали на своего «отставшего от атомного века», как они потихоньку называли Гучипса, наставника. Шли к нему в звено, собственно, чтобы не числиться безработными и нагуливать стаж. «Отсижусь годик, а там снова попытаю счастье в вузе», — рассуждали молодые люди.

С сентября Гучипс начинал с ними «собеседования».

выводил на уборку. Уж что он им говорил, — неизвестно, но как-то так получалось, что участок Гучипса очищался от кукурузы первым. Каждый год звено его пополнялось все новыми людьми. Его подопечные быстро осваивали трактор и комбайн и с каждым годом все более вытесняли ручной труд. В конце концов людей у Гучипса оказалось слишком много, их стали переводить в другие звенья; постепенно молодые механизаторы приняли на себя всю свеклу и подсолнечник.

Следует оговориться, что переходить из звена Гучипса никто не хотел, и добровольно подобный акт не совершался. Людей перебрасывали со скандалом.

Гучипсу прочили звание Героя, как вдруг все узнали, что он подал заявление о переходе на пенсию.

Слово «чудак» уже готово было сорваться со многих уст, но тут Чаба, жена Гучипса, сообщила своей соседке под большим секретом, что ее старик «сдал». Об этом, разумеется, весь аул узнал менее чем через час, и Гучипса оставили в покое: сдал, пусть идет на отдых.

В один день со мной в аул возвратился с курсов новый секретарь колхозного парткома Джантемир. Случилось так, что о заявлении Гучипса мы узнали одновременно.

— Тут что-то не так, — заподозрил Джантемир. — Старик может еще минимум десять лет тянуть. Попытаюсь поговорить с ним по душам. Заходи, Қиримйзе, вечерком, я его приглашу к себе. А еще лучше — дайвай вечером нагрянем к нему!

Так мы и сделали. Когда Чаба отправилась в кухню готовить ужин, Джантемир попросил Гучипса быть с нами пооткровенней, свои ведь. Старик схватился за поясницу.

— Нет сил терпеть, дорогой. Рад бы, да стоит ли позориться. Сами подумайте — сколько лет работал, а тут отстану...

— Кто же примет звено? — заинтересовался Джантемир.

— С этим все ясно, меня заменит Хамид. Человек всю технику освоил, перешел на четвертый курс института, партгруппорг звена. Давно уже вырос, меня за пояс заткнул.

— Может, ему еще есть чему поучиться у тебя? — настаивал Джантемир.

— Дорогой, — грустно заметил Гучипс, — Хамид даже в институте заочно учится, а у меня сможет и по-давно. Пусть идет ко мне в заочники. Одно только мне ясно — без меня он шире расправит плечи.

— Как это? — не понял Джантемир. — Выходит, ты ему мешаешь?

— Не то, — отмахнулся Гучипс. — Есть вещи, перешагнуть через которые никто не в силах. Я у него — как потолок, понимаете? Потолок! Незримый, а ушибиться боязно. Его надо в другую хату переводить. Или снимать потолок. Вот я уйду, и Хамид распрямитса.

— А не получится ли так, что звено после твоего ухода сядет?

— Нет, тут я кое-что придумал.

— Что же?

— Скажу после того, как оформите на пенсию.

Проводы Гучипсу устроили пышные. Под конец он сам пустился в пляс и танцевал так, что у многих закралось подозрение: не оказалась ли его жена Чаба в сговоре с мужем? Было ясно, что она наговорила на него лишнее. А зачем?

Утром Гучипс появился, как всегда, на рассвете на улице. Но пошел не на работу, — дела Хамиду он передал накануне, — а в гости. Заглянул к одному приятелю, поговорил с ним, потом к другому, третьему...

Вечером пенсионер Гучипс постучался в кабинет Джантемира.

— Вот, — он протянул секретарю какой-то список. — Читай.

Секретарь парткома прочитал полтора десятка фамилий стариков-однокашников Гучипса.

— А дальше? — вскинул он глаза на старика.

— Не понял? — удивился Гучипс. — Я думал, тут и ребенку все ясно. Пока я был в звене, молодежь очень старалась. Как будет теперь? Я организую звено из этих стариков, стану звеньевым. И теперь не понял? Вызовем на соревнование молодых. Кажется, дошло? Очень здорово им придется попотеть, чтобы обогнать нас. Это будет хорошее испытание для всех.

— Но у нас нет ставки звеньевому для тебя, — встревожился Джантемир. — Ладно, что-нибудь выкруим.

— Не обижай нас, дорогой, — сказал Гучипс.

Мы будем работать как пенсионеры, на общественных началах. А расчет — в конце года, после уборки.

— Аккордно? — загорелся Джантемир.

— Аккордно!

Теперь, когда аульчанам приходится проходить мимо кукурузной плантации, которую возделывает звено стариков, кое-кто ехидно замечает:

— Участок чудака Гучилса. Это же надо: отдал свое место и ставку молодому, а сам вкалывает на общественных началах. Ушел, называется, на пенсию...

Старушки-соседки вздумали было предъявить счет Чабе за то, что она пустила слух, будто ее муж «сдал». Но Чаба претензий не приняла.

— Я совсем не это имела в виду, — отпарировала она. — Но, правда, теперь и с этим все в порядке.

— С чем? — не унимались старухи. — Объясни наконец.

— Раньше он съедал на обед целую курицу, а перед уходом на пенсию едва с половиной управлялся. Но теперь, слава аллаху, и с этим все в порядке: ему и курицы не хватает. Завтра отправлюсь на птицеферму за инкубаторными цыплятами.

Алий и его дед Темиркан

Иной раз и веселые рассказы писать грустно. Не один год продолжалась наша дружба с Алием. Незаметно летело время, мой юный друг переходил из класса в класс... И вот он снова в Майкопе.

— Киримизе, — говорит Алий, — много я тебе давал разных вопросов. Разреши задать еще один.

— Валяй, — копирую я его самого.

— Я уже вырос из этого, — вздыхает Алий.

Действительно, парень в последний год здорово изменился. Руководство школьной производственной бригадой сделало его взрослым в полном смысле этого слова. Взрослым — значит отвечающим за свои поступки. И на вид это уже не подросток, а, скажем, зрелый юноша.

— Ты хорошо знаком с моим дедом? — спрашивает он. — Темирканом?

— Это и весь вопрос? Темиркан меня когда-то отхлестал крапивой, выходит, мы близкие знакомые.

— Я этого не знал, — оживился Алий. — Как это случилось?

— Застал меня на вашем орехе. Я с перепугу прыгнул вниз и обломил ветку. Он поймал меня, вырвал куст крапивы и огрел пониже спины.

— А что он при этом говорил?

— Получай, — сказал, — за то, что испугался соседа, что считаешь меня живоглотом, который из-за гостри орехов может потерять человеческий облик. И еще за то, что сломал с перепугу ветку. А теперь набери орехов столько, сколько тебе хочется, и приходи в наш сад в любое время, бери в нем все, что тебе вздумается. И не пугайся меня, я не людоед.

— Да, — улыбнулся Алий. — Это он и есть, наш неподражаемый Темиркан. Лучший знаток адыгейского этикета, народных традиций, всяких хороших правил. Сколько я их наслышался на своем веку, трудно сказать. И теперь жалею, что не записал. Но все равно, мои записи — ноль по сравнению с его голосом, а вот насчет этого он — кремень. Никак не уговорю.

Оказывается, Алий в последний год много раз просил деда выступить перед членами школьной бригады со своими правилами поведения, но дед, как и следовало ожидать, наотрез отказался. Более того, он еще и обиделся, когда Алий сказал ему, что уже подготовил соответствующее объявление.

— Так-то ты уважаешь старшего? — раскричался он, что вообще-то позволял себе лишь в крайних случаях. — Как ты посмел подумать, что я когда-нибудь уподоблюсь свистунам, которые говорят о чем попало и когда кому-либо вздумается. Что я знаю? Чем я лучше других, чтобы поучать кого бы то ни было? Учим тебя скромности, учим, а ты все стараешься вперед выскочить. «Отец с орденами... Дед научит вас жить...». Учи сам кого хочешь, а ко мне больше никогда с этим не приставай. Понял?

Прослушав эту речь в исполнении Алиа, я живо представил своего удивительного соседа. Однажды, когда мы с Алием зачастили на рыбалку, Темиркан подозвал меня к себе.

— Киримизе, — сказал старик, немного смущаясь, — я заметил, что этот паршивец не дает тебе покоя.

Я выжидательно молчал — любая реплика могла в данном случае подпортить дело.

— Что ты в нем нашел?

— Да ничего, — развел я руками. — Ровно ничего. Мои парни в городе учатся, на рыбалке тоска заедает, а тут рядом человек.

Темиркан взвешивал мой ответ не менее минуты. Потом изрек:

— Смотри, не балуй его. Пусть делает все, что делаешь ты. Поручай ему самое трудно. Не давай никаких поблажек. Не вздумай угощать сладостями. Разговаривай как со взрослым. Что бы ни сделал, не хвали. В общем, веди себя как аталык, раз уж он бегаёт за тобой.

Аталык — воспитатель у адыгов. Конечно, дед и сам мог бы быть отличным аталыком, но уж слишком он был молчалив. И еще одно — знаток обычаев и правил этикета, он отстал от быстро текущей жизни, не был знаком с литературой и искусством, а современные мальчишки болели будущим и мало интересовались прошлым, Темиркан отлично понимал это, немного ревновал меня к своему любимому внуку, но поделаться ничего не мог. Но я и виду не подал, что догадываюсь о том, что происходит в душе старика. Более того, я сказал, что Темиркан зря беспокоится: о чем с Алием ни заговори, он все время ссылается на слова деда. Дед делает так, дед сказал так, дед считает, что это неправильно...

Лицо Темиркана прояснилось, даже некоторые морщинки разгладились.

— Смотри... — не выдержал он. Но тут же спохватился. — Что он там плетет и приписывает старшим? Не вздумай принимать это за чистую монету, мальчишки любят хитрить. Я-то их насквозь вижу, а ты еще молод, да и вообще... писатель...

Так шутливо закончил Темиркан серьезно начатый разговор. И вот промелькнули школьные годы, Алий принят в институт. Что же ему еще нужно от деда Темиркана?

— Правила мне нужны, Киримизе, вот что. Я хочу, чтобы школьная бригада получила в наследство от него его мудрость. А он не желает публично выступать.

— Ты хочешь, чтобы я уговорил его? Не берусь, это и мне не по зубам.

— Знаю... Я хочу, Киримизе, чтобы ты помог мне разыграть деда.

Тут я вспомнил о своих аталыкских обязанностях.

— Ты это оставь, — строго сказал я. — Что скажет Темиркан? Вот, скажет, доверился этому бумагомаратке, а что из этого вышло? Ты небось в своем розыгрыше и мне определенную роль отвел?

Алий красноречиво молчал.

— Все, забыли об этом, — заключил я. — Не позволю обижать старика.

— Да ведь он не прав.

— Ну и что? Он имеет право быть неправым.

— Значит, пусть пропадают его наставления? Все, что он знает, уйдет с ним навсегда, ничего не останется? Ради коллектива, мне кажется, можно и разыграть старика. Ты сам, кстати, когда-то спорил с моим отцом насчет его непомерной скромности. И убедил. На праздники он теперь надевает китель с орденами и медалями. А розыгрыш будет совсем безобидным, когда дед все узнает, он сам посмеется.

— Что же ты предлагаешь? — не совсем последовательно спросил я.

Алий изложил свой план.

— Ты в какой институт поступил? — осведомился я, выслушав его.

— Ты что, забыл? В сельскохозяйственный!

— Надо было тебе идти по дипломатической части. А агроному лучше обходиться без хитростей.

Алий понял меня правильно.

— Значит, приедешь?

— Если будет время... Надеюсь, что никаких дополнительных подвохов не будет?

— Ни шагу за рамки плана...

В назначенный день я оказался в ауле. Уже через час встретился с отцом Алиа Аледжуком. Поговорили о том, о сем, как положено. Вдруг Аледжук заулыбался:

— Ты, дорогой, не попадайся на глаза деду, он зол на тебя.

— Могу узнать, в чем дело?

— Глупости. Я объяснил ему, что ты не виноват, а он ничего знать не желает. «Нахватался, говорит, этот сорванец у писателя и ведет себя черт знает как».

— Что же он вытворяет?

— Да вроде ничего особенного, но деда коробит от всякой малости. Конечно, и я не привык к городскому тону, но у меня нервы крепче, вот в чем дело, Киримизе.

мизе. Увижу, что сын не так ведет себя, сцеплю зубы и молчу. А дед не выдерживает — уходит. Откуда это у него? За столом стал громко разговаривать, как-то даже деда перебил. Не съев одного куска, потянулся за другим. Стол у нас немного шатается. И что же он устраивает? Берет кусок хлеба, мякоть вытаскивает, а корку запикивает под ножку стола. Приходи вечером, сам полюбуйся. Парня просто не узнать. Я понимаю, что ты ни при чем, но дед все в сторону вашего дома поглядывает. Во время ужина садись на всякий случай подальше от него. Но приходи обязательно.

Это была ценная информация. Она свидетельствовала, что пока все шло по плану, намеченному Алием. Дед уже накалился и готов был на все. Значит, оставался ужин.

Я, как и было условлено, немного припоздал. Заметив меня, Алий заорал во весь голос:

— Э, опоздал! Нехорошо... Штрафную ему, штрафную!

Дед приподнялся, но тут же сел на место. Выдержке его можно было позавидовать. Уж я-то не совладал бы с собой при таких обстоятельствах. Алий вел себя развязно и, кажется, даже немного переборщил. Но зато после ужина дед сказал ему:

— Если у тебя найдется минутка...

— Найдется, дедушка, найдется, — перебил его Алий. — Даже две. Что же дальше?

— Тогда пойдем со мной, я хочу сказать тебе кое-что. Я был бы рад, — повернулся Темиркан ко мне, — если бы и ты пошел с нами, Киримизе.

По дороге во флигель, где обитал дед, Алий заскочил к себе и прихватил магнитофон. Когда мы с Темирканом уселись, он сказал:

— Может, дедушка, сперва послушаем Лили Иванову? — Он включил магнитофон.

— Прошу тебя, успокой эту штуку, — сказал Темиркан. — Выслушай меня. Обычно такие вещи говорят без посторонних, но Киримизе — не чужой. Как твой аталык, он тоже может послушать то, что я скажу. Не возражайте, Киримизе?

Я кивнул головой, а Алий выключил музыку.

— Адыги говорят, что корова теленка не ударит ногой. Я тоже желаю тебе добра. И мне будет больно, если люди из-за твоего неправильного поведения тебя

не будут уважать. До сих пор я считал, что ты набрался ума-разума, а что увидел после твоего возвращения из Краснодара? Видно, ты забыл, что живешь среди людей.

— Что же я такого плохого сделал, дедушка? — удивился Алий.

— Плохо то, что ты поступаешь скверно, а еще хуже, что не замечаешь этого. Потому я позвал вас сюда. Не обижайся, скажу, что думаю. А ты запоминай.

— Говори, дедушка, я все запомню, — очень серьезно пообещал Алий.

— Верю. Человек должен помнить, что живет он среди людей, должен с ними считаться, уважая порядок. Когда стало известно, что тебя приняли в институт, мы пригласили гостей — для нас это большой праздник, ведь в нашем роду еще не было людей с таким высоким образованием. Но это не значит, что ты самый главный. А что ты устроил? Первым занял самое почетное место. А на нем должен был сесть мой ровесник Кадырбеч. Правда, ты исправил ошибку, но не сам — твой отец позвал тебя, а я усадил Кадырбечу как положено. Потом, когда ты сел на другое место, ты сразу же достал из кармана папиросы и нахально закурил. Этого делать нельзя. Лучше за столом вообще не курить, но в крайнем случае следует попросить разрешения старших. А как же иначе? Дальше. За столом начался разговор. Вместо того чтобы слушать, ты, перебивая всех, стал рассказывать об экзаменах. И при этом размахивал руками, хвастался своими знаниями. Воспитанный человек этого бы не сделал. Поступил — и ладно, стоит ли об этом так много толковать!

— Согласен, — проговорил Алий. — А что еще тебе не понравилось?

— А как ты ел? Правда, ты не в гостях, а дома, но разве можно хватать куски? Ешь спокойно, всем всего хватит, не показывай, что ты жаден, ведь ты таким никогда и не был. А с этим хлебом... Как ты мог додуматься до того, чтобы сунуть хлеб под ножку стола? Да ты этим самым дал пощечину своему отцу, который этот хлеб вырастил. Такой поступок — беспредельно обиден, так с хлебом может поступить только тот, у кого черствое сердце. Никогда не принижай хлеб, который дает человеку жизнь.

Дед умолк, достал папиросу и закурил. Бросив выразительный взгляд в мою сторону, он продолжал:

— Уж не знаю, кто тебя так воспитал, но ты и в других случаях поступал неправильно. Помнишь, принесли воду. Что ты сделал? Взял кружку и стал пить. А как надо было поступить? Спросить старших: «Есть ли среди вас желающие попить?» А ты не подумал об этом. Выпил всю воду и сунул пустую кружку пожилому соседу под нос. Есть, между прочим, тоже надо уметь. Не зря же наши старики говорили, что глупого человека живот ославит. Если с тобой за столом сидит старший, не начинай есть первым, жди, пока он выберет то, что ему понравится. Если твой сосед допустил за столом какую-либо оплошность, что-то уронил, заначкал скатерть или еще что-нибудь, не замечай этого, веди себя так, будто ничего не случилось. И не гляди, как едят другие. Из общего блюда бери то, что лежит сверху, не ковыряйся, не пытайся добыть кусок снизу. И не чавкай, это неприятно окружающим.

— Мне кажется, — воспользовавшись паузой, вставил Алий, — что ты, дедушка, приписываешь мне и чужие грехи.

— Я не говорю, что все эти оплошности допускал ты. Но раз ты не знаком с одними правилами, можешь не знать и других, поэтому я выскажу все, что у меня на душе, а ты запомни. Ведь тебе придется сидеть за столом и в гостях. Прежде, чем приняться за еду, посмотри, мой внук, сколько на столе еды и сколько человек сидит за ним. Выяснив это, соответственно и веди себя. «Малая пища плохо идет», — говорили наши деды. И это так. Ведь может случиться, что хозяин не ждал гостей или накануне у него другие гости были. Он ставит на стол все, что имеет, но этого мало. В таком случае следует проявить такт и человечность. Если ты не наелся, не показывай этого, хозяина нельзя обижать. И, конечно, потом не злословь, это у нас считается плохим признаком, вернее признаком плохого человека. Люди избегают таких гостей.

Ты скоро начнешь жить самостоятельно, поэтому заодно уж скажу и о том, как надо вести себя при гостях. Не вставай из-за стола, пока гость не кончил есть, он подумает, что пора уходить. Не говори за столом о ценах на продукты. Если у тебя гость, не груби членам своей семьи, не выказывай свой нор. Гость может

вспомнить поговорку: «Нежеланного гостя обливают холодной водой» или «Иной гость красивее сада».

Незаметно для себя Темиркан перешел и к другим вопросам поведения — как вести себя на улице, с товарищами, как поступать в тех или иных затруднительных случаях, как оказать уважение женщине. Потом вдруг спохватился.

— Ладно, хватит, — оборвал он себя. — Если ты, мой внук, запомнишь хоть половину, и то я буду рад.

— Дедушка, — ответил Алий, — кто же в двадцатом веке надеется на свою жалкую память? Твои дорогие слова я записал на ленту и буду повторять, когда мне вздумается. А если ты позволишь, я прокручу эту ленту, когда буду прощаться со своей бригадой. Ведь я обещал им, что ты выступишь перед ними, а ты отказался. Теперь я буду лжецом только наполовину: тебя они не увидят, но голос твой услышат.

Темиркан усталился на магнитофон, который тут же начал дотошно повторять все то, что он только что сказал внуку. Момент был критический — дед мог и рассердиться. Но у него хватило чувства юмора, чтобы правильно все оценить. Покачивая головой, он сказал:

— Внук есть внук, что с него возьмешь. Свистун. А тебя, Киримизе, я тогда зря пожалел. Надо было хорошенько отделать крапивою, это бы пошло тебе на пользу. Ну, скажи, чем ты отличаешься от этого сорванца? Нет, не говори сразу, бухнешь какую-нибудь чепуху. Подумай хорошенько, потом скажешь.

Вот и думаю сейчас над этим каверзным вопросом. Но ответа не нахожу. Да и важно ли это? Был у меня друг — мальчишка Алий. Теперь его нет. А станет ли другом Алий-студент? Не знаю. Поэтому и веселый рассказ дописываю с грустью.

А впрочем, зачем лукавить? Где-то в глубине души теплится надежда, что не раз еще повстречаемся мы с Алием и остальными моими односельчанами и в ауле, и в городе, и в рассказах. Если, конечно, на то будет воля читателя.

Содержание

Небо над Эльбрусом	3
Чем пахнет земля	10
Татлюстен и воздушные ямы	14
Грива коня	19
Старики дают интервью	26
Точка опоры	32
Квашеная капуста	39
Этот чудаковатый Мишаст	44
Необыкновенный дождь	50
Цацу и Удаца	54
Лаукаи и Лашии	59
Мистер Джексон в Шапсуге	64
Бунтовщица	69
Шрамы на лице	76
Разговор с редактором о разнообразии	81
Тетупика Зазу и шарнат	86
Очки Бирама Бата	92
Зулейка	97
Сальмен высказывается...	106
Поправка на время	112
Тунгусский метеорит	116
Секреты долголетия	127
Лахо рассчитывал по-другому	131
Слава	138
Конец одной традиции	145
А мы чем хуже?	154
Два плотника	159
Как аукнется...	164
Зависть	171
Золотые часы	175

Габидет и Антонина	181
Месть Тлехузана	194
Пузырь, переполненный медом...	202
Железное сердце Батмиза	210
Эта вздорная старуха...	215
Жертва моды	221
Как называли улицу	225
Чьи сферы?	229
Трудное поручение	234
Педагогика деда Махамета	241
Радио помогло	246
Неожиданный стимул	251
Гостеприимство Тембора	259
Как услышать сказку?	263
Мудрые слова	266
Бирамкуль и ласточка	272
Наши чудаки	278
Алий и его дед Темиркан	294

Киримизе Жанэ
(Киримизе Хаджемусович Жанэ)

АУЛ ШАПСУГ УЛЫБАЕТСЯ
Рассказы

Редактор М. Тучина
Художник Н. Стасевич
Художественный редактор В. Покусаяв
Технический редактор Е. Румишцева
Корректор Г. Голубкова

ИБ № 1246

Сдано в набор 07.09.78. Подписано к печати 26.01.79. А10423.
Формат 84X108/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура литер. Печать
высокая. Печ. л. 9,5. Усл. печ. л. 15,98. Уч.-изд. л. 16,94.
Тираж 50 000. Заказ № 4070. Цена Г р. 40 к.

Издательство «Современник» Государственного комитета
РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли
и Союза писателей РСФСР
121351, Москва, Г-351, Ярцевская, 4

Рязанская областная типография
390012, Рязань, Новая, 69/12